



ПРОТОДИАКОН ВАСИЛИЙ МАРУЩАК

СВЯТИТЕЛЬ-ХИРУРГ

ЖИТИЕ АРХИЕПИСКОПА ЛУКИ
(ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО)



Протоиерей Василий Марущак

СВЯТИТЕЛЬ-ХИРУРГ

Житие архиепископа Луки
(Войно-Ясенецкого)

*По благословению
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси Алексия II*

*Книга удостоена
Всероссийской литературной
премии им. Александра Невского
в 2007г.*

М-29 Марущак Василий, протодиакон

СВЯТИТЕЛЬ-ХИРУРГ: Житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). — М.: Даниловский благовестник, 2007 — 416 с., ил.

Имя Святителя Луки, великого подвижника Русской Православной Церкви XX века, известно ныне всему миру. В православной Греции, например, его почитают так же широко, как и на его родине. И это не случайно: его молитвенное предстательство пред Господом за нас, грешных, так же горячо и могуче, как и земные его подвиги в качестве милосердного врача и мужественного епископа Церкви.

Третье издание книги расширено, по сравнению с двумя предыдущими, более чем вдвое. Печатаются тексты донесений крымских уполномоченных «по делам религии», рисующие достоверную атмосферу той жизни, в которой Святителю довелось нести свой Крест. Описываются многочисленные чудеса, совершающиеся по молитвам этого удивительного святого.

ЖИТИЕ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ



Предисловие

Наступила оттепель, закончилась семидесятилетняя апокалиптическая зима воинствующего безбожия, и многое сейчас представляется и видится по-другому. Совсем не так, как в ближайшем прошлом.

Все яснее и отчетливее проступает среди хаоса событий и различных страстей дня сегодняшнего величие и красота Русской Православной Церкви. За годы жесточайших гонений, невиданных за всю историю христианства, она не только не поблекла, но засияла неотмирным светом Божественной любви, явленной нам через неисчислимый сонм мучеников, исповедников и подвижников, сохранивших верность Христу и Его Церкви до конца.

По убеждению древних римлян, именно верность (fides) — то самое качество, которое отличало их от варваров. Пожалуй, то же чувство — верность, но в данном случае Христу, Церкви, православной традиции, отличало многих христиан в жуткие годы, пережитые нашей Родиной, когда слабых и нерешительных пытались прельстить чечевичной похлебкой псевдонаучных теорий, а сильных и мужественных уничтожить и в конечном итоге замолчать, скрыть их подвиг веры и мученичества от мира. Именно в такой верности мы нуждаемся сегодня, и сегодня более, чем когда-либо.

Слава Богу, мы можем пожаловаться на что угодно, но только не на отсутствие примеров и образов спасения. Слава Богу, хотя мы и лишены в настоящее время многого, но только не милости Божией и даров Святого Духа.

Сейчас мы должны пробудиться для таинственной жизни в Церкви, ощутить иное качество Бытия, приобрести уверенность и единство во Христе Иисусе. И что может быть для нас драгоценней подвига мучеников и исповедников?..

Работа протодиакона Василия Марущака является интересным и ценным опытом исследования жизни уникальной личности — архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), выдающегося архиерея и врача. Жизненный опыт человека, погруженного во Христа и в то же время не чуждого подлинно научного мировоззрения, преданного Церкви, но продолжающего жить общественными интересами, трудно переоценить. В наше время многое изменилось, но соблазны, ложь и насилие остались. Они стали другими, но не менее опасными для человеческой души. Жизнь Владыки помогает понять, что бесполезно бороться со следствиями, не зная их тайн и глубинных причин. Соблазнам надлежит прийти в мир, и даже праведники будут искушаемы, как мы знаем из Священного Писания, и оттого мы не должны забывать, что в духовной жизни перемирия с дьяволом не бывает. Идет постоянная и ожесточенная борьба за человеческие души, за вечность и спасение.

Владыка Лука причислен к лику святых. Это есть призывание к новому служению, но уже в качестве небесного заступника, имеющего особое дерзновение молиться пред Престолом Божиим о своей земле и народе. И мы в свою очередь преклоним колени своего сердца перед величием этого Архиерея.

Святость есть самоценность и самоцель, она не подлежит никакому «использованию» ни для каких целей, так как сама является целью. Святость — это «ценность в себе». И наша радость в том, что духовная ценность не может укрыться, так же как град, стоящий на верху горы (Мф. 5,14). Прославляя святого, мы реально участвуем в его славе.

Протоиерей Николай Доненко

Детские и юношеские годы

Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий родился 27 апреля 1877 года в Керчи в семье провизора. Род Войно-Ясенецких, довольно древний, известен с XVI столетия [32, 939]*, и его представители служили при дворе польских и литовских королей. Но постепенно род обеднел, и уже дед Валентина Феликсовича жил в Могилевской губернии в курной избе, ходил в лаптях, правда, имел мельницу. Сын его, Феликс Станиславович, решив выбраться из деревенской глуши, получил образование и стал провизором. Но аптека, владельцем которой Феликс Станиславович был в течение двух лет, больших доходов не приносила. Он перешел на государственную службу и до самой смерти оставался служащим.

В конце восьмидесятых годов Войно-Ясенецкие переехали в Киев и обосновались в центре города, на Крещатике. Семья состояла из семи человек: отец, мать, две дочери и трое сыновей. Религиозная атмосфера в доме была своеобразной. Феликс Станиславович, ревностный католик, был человеком тихим и своих взглядов детям не навязывал. Семейные отношения в доме определяла мать, Мария Дмитриевна (до замужества Кудрина). Она воспитывалась в православных традициях, и вера ее выражалась в добрых делах, которые она творила во славу Божию. Мария Дмитриевна регулярно передавала домашнюю сдобу для арестованных в тюрьму, устраивала возможность заработать арестантам, посылая им, к примеру, для перетяжки матрацы. Когда началась Первая мировая война, в доме постоянно кипятилось молоко, которое отправлялось раненым воинам. Но живое

* Здесь и далее в квадратных скобках дана отсылка на источники. Первая цифра указывает на номер источника по библиографии, вторая — на номер страницы.

религиозное чувство Марии Дмитриевны было жестоко травмировано одним неприятным случаем. Справляя поминки по умершей дочери, она принесла в храм блюдо с кутьей и после панихиды случайно оказалась свидетельницей дележа ее приношения. После этого она более никогда не переступала порога церкви.

«Религиозного воспитания я не получил, и если можно говорить о наследственной религиозности, то, вероятно, я унаследовал ее главным образом от очень благочестивого отца», — писал в мемуарах, уже на склоне лет, архиепископ Лука. На формирование его веры повлияла, несомненно, близость такого уникального центра Православия, как Киево-Печерская Лавра. Церковная жизнь, бывшая здесь ключом, обилие богомольцев, вереницей шедших на поклонение киевским святыням, — все это давало богатую пищу для размышлений юноши. О том, что его духовный мир строился, как на прочном камне, на святом Православии, говорит такой факт. Некоторое время Войно-Ясенецкий увлекался идеями толстовства. Он даже написал 30 октября 1897 года письмо Л.Н. Толстому с просьбой повлиять на свою суровую мать, которая противилась его стремлению стать толстовцем. Валентин просил разрешения у графа приехать в Ясную Поляну и жить под его присмотром [27, 47]. Но на счастье, в руки юноши попала книжка Л. Толстого «В чем моя вера?» Он внимательно изучил ее и понял, что толстовство есть не что иное, как издевательство над Православием, а Толстой — еретик, безмерно далекий от истины.

Истинное понятие о христианской вере Валентин Войно-Ясенецкий получил, усердно прочитав Новый Завет, подаренный ему директором гимназии при получении аттестата зрелости. Многие места этой святой книги произвели неизгладимое впечатление на юношу [2, 13].

С детских лет у Валентина обнаружились способности к рисованию. Параллельно с гимназией он заканчивает Киевское художественное училище. О сложных раздумьях

ях, метаниях в выборе жизненного пути писал сам святитель Лука: «Влечение к живописи было у меня настолько сильным, что по окончании гимназии я решил поступить в Петербургскую Академию художеств. Но во вре-



мя вступительного экзамена тяжело задумался о том, правильный ли жизненный путь избираю. Недолгие колебания кончились тем, что я признал себя не вправе заниматься тем, чем мне нравится, и обязан заняться тем, что полезно для страдающих людей. Из Академии я послал матери телеграмму о желании поступить на медицинский факультет, но все вакансии были уже заняты, и мне предложили поступить на естественный факультет с тем, чтобы позже перейти на медицинский. От этого я отказался, так как у меня была большая нелюбовь к естественным наукам и ярко выраженный интерес к наукам гуманитарным, в особенности к богословию, философии, истории. Поэтому я предпочел поступить на юридический факультет и в течение года с интересом изучал

историю и философию права, политическую экономию и римское право» [2, 10].

Любовь к живописи привела его в частную школу профессора Книрра в Мюнхене. Проучившись там



короткое время, он вернулся в Киев. «Можно было поступить на медицинский факультет, — пишет Владыка в мемуарах, — но опять меня взяло раздумье народнического порядка, и по юношеской горячности я решил, что нужно как можно скорее приняться за практически полезную для простого народа работу. Бродили мысли о том, чтобы стать фельдшером или сельским учителем, и в этом настроении я отправился к директору народных училищ Киевского учебного округа с просьбой устроить меня в одну из школ. Директор оказался умным и проницательным человеком; он высоко оценил мои народнические стремления, но очень энергично отговаривал от того, что я затевал, и убедил поступить на медицинский факультет. Это соответствовало моему стремлению быть полезным для крестьян, так плохо обеспеченных меди-

цинской помощью, но поперек дороги стояло мое почти отвращение к естественным наукам. Я все-таки преодолел это отвращение и поступил на медицинский факультет Киевского университета» [2, 13-14].

Университет. Начало деятельности

Итак, в 1898 году Валентин Войно-Ясенецкий стал студентом Киевского университета имени святого князя Владимира. Скоро его избрали старостой курса, что было выражением особого доверия со стороны однокашников. Однажды в группе произошел инцидент — в пылу ссоры один студент ударил другого по щеке. Войно-Ясенецкий вступился за оскорбленного сокурсника. Всегда чуткий к чужому страданию и боли, он вставал на сторону слабого, протестуя против насилия и несправедливости.

Учился юноша в университете хорошо и неожиданно для самого себя увлекся анатомией. То, что многих от медицины отпугивало, привлекло его более всего. «Умение весьма тонко рисовать и моя любовь к форме перешли в любовь к анатомии... Из неудавшегося художника я стал художником в анатомии и хирургии» [2, 14]. Оканчивая университет осенью 1903 года, он заявил о том, что хочет быть всю жизнь участковым земским врачом. «Я изучал медицину с исключительной целью: быть всю жизнь деревенским, мужицким врачом, помогать бедным людям», — писал он потом в своих мемуарах.

Но грянула русско-японская война. В составе медицинского отряда Красного Креста Войно-Ясенецкий выехал 30 марта 1904 года на Дальний Восток. Отряд расположился в Чите. Здесь-то и началась практика хирурга-врача. Главный врач поручил молодому выпускнику заведовать хирургическим отделением и не ошибся:

операции, проводимые Валентином Феликсовичем, были сложными и проходили безупречно, неудач не было. Он сразу же стал оперировать на костях, суставах и черепе. Сказывался его пристальный интерес к топо-



графической анатомии. Здесь же, в Чите, произошло еще одно важное событие в жизни Войно-Ясенецкого: его женитьба на Анне Васильевне Ланской, дочери управляющего помещьем на Украине. Анна приехала в Читу с тем же отрядом Красного Креста, будучи сестрой милосердия. В госпитале ее называли «святой сестрой». Два врача просили ее руки, но она отказала, потому что дала обет безбрачия. Решив выйти замуж за Войно-Ясенецкого, она нарушила этот обет. «В ночь перед венчанием в церкви, построенной декабристами, она молилась перед иконой Спасителя. Вдруг ей показалось, что Христос отвернул Свой лик и образ Его исчез из киота. Это было, по-видимому, напоминанием о ее обете, и за нарушение его Господь тяжело наказал ее невыносимой, патологической ревностью» [2, 16-17].

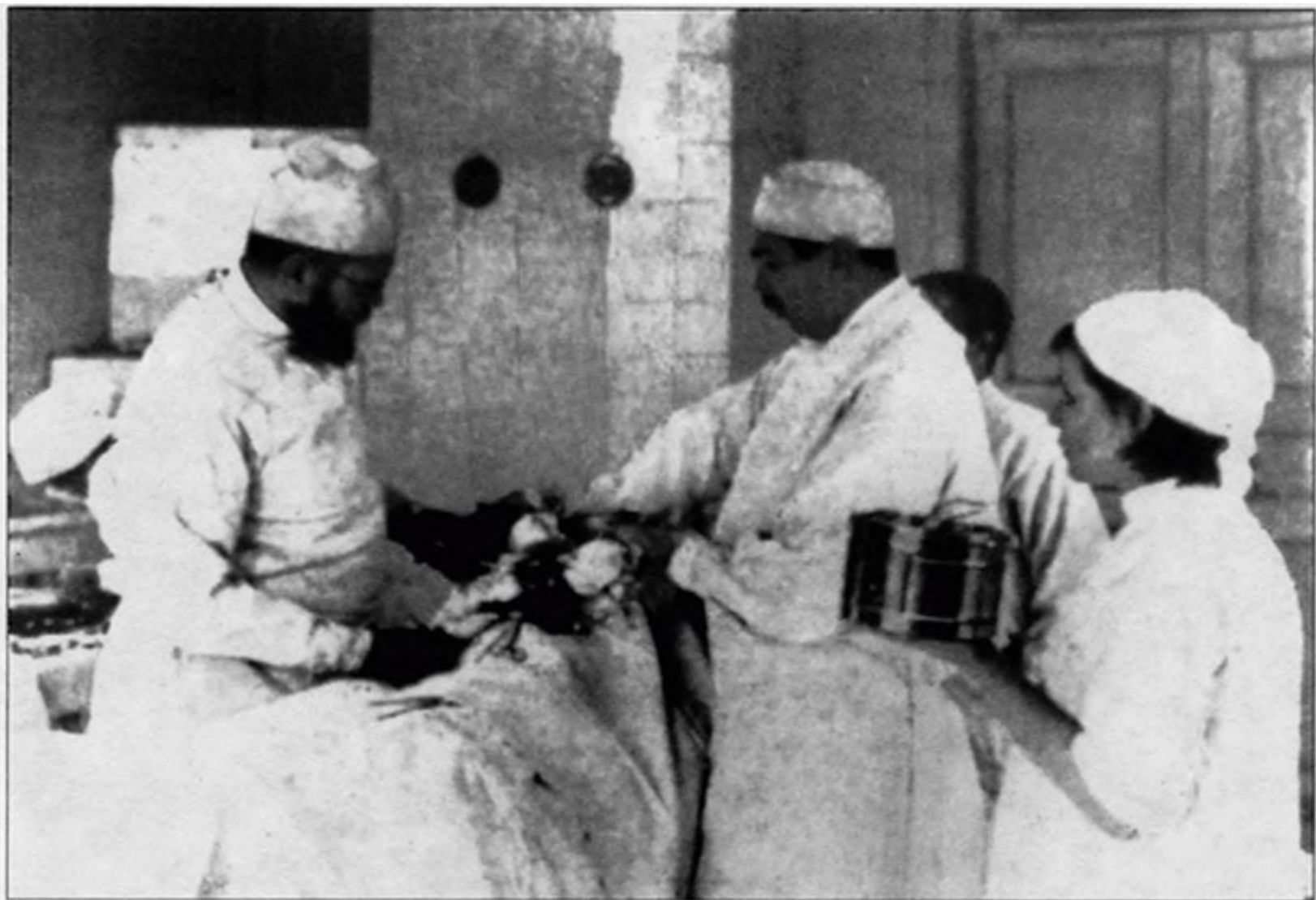
Вскоре после свадьбы молодые переехали в небольшой уездный городок Ардатов Симбирской губернии, где Валентину Феликсовичу поручили заведовать больницей. Работы было много, и молодой хирург почувст-



вовал, что выбивается из сил; семья перебралась в село Верхний Любаж Фатежского уезда Курской губернии. Но слава о замечательном хирурге уже распространилась так далеко, что у порога небольшой сельской больницы выстраивались посетители не только из близлежащих мест, но даже из соседней губернии. Особенно запомнился ему трогательный случай с одним молодым нищим, слепым, которому доктор вернул зрение в результате замечательно проведенной операции. Прозревший собрал слепцов со всей округи, и они длинной вереницей выстроились перед больницей в ожидании врачебной помощи.

Городская управа перевела Войно-Ясенецкого в уездный городок Фатеж, но и оттуда вскоре пришлось уехать, так как Валентин Феликсович однажды отказался прекратить прием больных, находящихся у дверей его кабинета,

чтобы срочно явиться на вызов исправника. Конечно же, председатель управы добился увольнения независимого доктора. Но тем не менее на протяжении всей жизни для него все пациенты были равны, и самое высокое поло-



жение в обществе не давало каких-либо преимуществ в лечении. Он одинаково доброжелательно и внимательно осматривал и лечил и простого мужика из глухой сибирской деревни, и видного чиновника. Неизменно строго относился доктор лишь к воинствующим безбожникам, болезни которых он считал карой Божьей за их грехи противления.

Из Фатежа Войно-Ясенецкий направился в Москву для работы над диссертацией. В земских больницах хирургу приходилось сталкиваться с проблемами обезболивания при операциях. Бывали случаи тяжелых осложнений после применения общего наркоза, и молодой врач стал искать новые пути в анестезии. Книга немецкого хирурга Генриха Брауна «Местная анестезия, ее научное обоснование и практические применения»

стала для него источником вдохновения и толчком к собственным разработкам. «Я с жадностью прочел ее, и из нее впервые узнал о регионарной анестезии, немногие методы которой весьма недавно были опубликованы... У меня возник живой интерес к регионарной анестезии, я поставил себе задачей заняться разработкой новых методов ее» [2, 18].

Итак, явившись в Москве к Петру Ивановичу Дьяконову, крупному ученому основателю журнала «Хирургия», Войно-Ясенецкий выразил желание работать в его клинике для сбора материала по теме «Регионарная анестезия». Получив разрешение, Валентин Феликсович напряженно и плодотворно трудился — несколько месяцев он препарировал трупы в Институте топографической анатомии, оттачивая методы и технику регионарной анестезии. Для изучения вариантов обезболивания тройничного нерва пришлось исследовать триста черепов. Вот что он пишет в письме домой: «Из Москвы не хочу уезжать, прежде чем не возьму от нее того, что нужно мне: знаний и умения научно работать. Я по обыкновению не знаю меры в работе и уже сильно переутомился. А работа предстоит большая: для диссертации надо изучить французский язык и прочитывать около пятисот работ на французском и немецком языках. Кроме того, много работать придется над докторскими экзаменами» [26, 62].

В 1915 году в Петрограде вышла книга Войно-Ясенецкого «Регионарная анестезия», блестяще иллюстрированная самим автором, в которой он обобщил и результаты исследований, и свой богатейший хирургический опыт. «Я не ошибусь, если назову регионарную анестезию совершенным методом местной анестезии. На смену прежним неуклюжим и примитивным способам послойного пропитывания анестезирующим раствором всего, что надо резать, пришла новая, изящная и привлекательная методика местной анестезии, в основу которой легла глубоко рациональная идея прервать проводимость тех

нервов, по которым передается болевая чувствительность из области, подлежащей операции» [26, 36]. За эту работу Варшавский университет присудил Валентину Феликсовичу Войно-Ясенецкому премию имени Хойнац-



кого. Эту награду получали авторы лучших сочинений, прокладывающих новые пути в медицине. К сожалению, денег (900 рублей золотом) автор не получил, потому что не смог представить в Варшаву определенное количество экземпляров книги: маленький тираж был раскуплен мгновенно.

В 1916 году В.Ф. Войно-Ясенецкий защитил свою монографию «Регионарная анестезия» как диссертацию и получил степень доктора медицины. Профессор Мартынов так охарактеризовал эту работу: «Мы привыкли к тому, что докторские диссертации пишутся обычно на заданную тему; с целью получения высших назначений по службе, и научная ценность их невелика. Но когда я читал Вашу книгу, то получил впечатление пения птицы, которая не может не петь, и высоко оценил ее» [2, 21-22].

Научная работа в Москве настолько сильно захватила Валентина Феликсовича, что он не заметил, как постепенно оказался в тисках безденежья. Чтобы содержать семью, он вернулся к практической хирургии и трудился сначала в селе Романовка Саратовской губернии, а потом в Переславле-Залесском. Здесь он одним из первых в России делал сложнейшие операции не только на желчных путях, почках, желудке, кишечнике, но даже на сердце и мозге. Прекрасно владея техникой глазных операций, он многим слепым возвращал зрение. И хотя у земского врача воскресные и праздничные дни особенно загружены, он все чаще стал посещать местную церковь, где у него было даже свое место. Здесь же, в Переславле, В.Ф. Войно-Ясенецкий задумал изложить свой опыт работы в книге, которую он решил озаглавить «Очерки гнойной хирургии». Был составлен план, написано предисловие, и вдруг ему явилась «крайне странная, неотвязная мысль: когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа» [2, 24].

1917 год. Первые испытания

1917 год был переломным не только для страны, но и лично для Валентина Феликсовича. «В начале 1917 года, — вспоминал святитель в мемуарах, — к нам приехала старшая сестра моей жены, только что похоронившая в Крыму свою молоденькую дочь, умершую от скоротечной чахотки. На великую беду, она привезла с собой ватное одеяло, под которым лежала ее больная дочь. Я говорил своей жене Ане, что в одеяле привезена к нам смерть. Так и случилось: сестра Ани прожила у нас всего недели две, и вскоре после ее отъезда я обнаружил у Ани явные признаки туберкулеза легких» [2, 24]. В марте 1917 года семья переехала в Ташкент, где Валентину Феликсовичу



предложили должность главного врача городской больницы. Обосновавшись с семьей в просторном доме, специально построенном для главврача, он целиком погрузился в работу. В больнице им было организовано хирургическое отделение. Недостатка в больных не было. Шла гражданская война. В больницу доставляли тяжело больных, раненых, и главврача неоднократно ночью поднимали с постели на операцию. И никогда, по свидетельствам коллег, он не возмущался, никогда не отказывал в помощи. Но дома у доктора поселилась беда. Медленно угасала жена. Тяжелый недуг отбирал последние силы. Окончательно сокрушила ее весть об аресте мужа. По клеветническому доносу некоего Андрея, работника морга, В.Ф. Войно-Ясенецкого арестовали. Подоплека этого дела была такова: Валентин Феликсович неоднократно предупреждал своего нерадивого подчиненного, что выгонит его с работы за воровство, пьянство и безделье. Но тут в городе начались аресты противников нового режима, и Андрей решил свести счеты со своим начальником, пустив в ход явную клевету.

Войно-Ясенецкого и его коллегу, молодого хирурга, привели в железнодорожные мастерские, где скорый суд вершила «чрезвычайная тройка». На разбор каждого дела «судьи» тратили не больше трех минут, приговор обычно был один — расстрел. Осужденных выводили через другую дверь и сразу же расстреливали. Два врача просидели перед дверью этого судилища более полусуток. Можно представить себе ужас молодого хирурга Ротенберга, постоянно спрашивавшего учителя: «Почему нас не вызывают? Что это может означать?» На что Валентин Феликсович невозмутимо отвечал: «Вызовут, когда придет время, сидите спокойно». Поздно вечером в этом «зале смерти» появился видный партиец, который знал главного врача в лицо. Он удивился, увидев здесь знаменитого хирурга, расспросил, что произошло, и вскоре вручил двум врачам пропуска на выход, дав в сопровождение охрану. Вернувшись в отделение, доктор распорядился подготовить больных к операциям, кото-

рые были запланированы и чуть было не сорвались из-за неожиданного ареста. Хирург стал к операционному столу и начал операцию, как будто ничего не произошло.

Милостью Божией доктор избежал неминуемой смерти, но этот случай подкосил Анну Васильевну, и до самой смерти она уже не вставала с постели. «Она горела в лихорадке, совсем потеряла сон и очень мучилась, — пишет об этих днях святитель Лука. — Последние тринадцать ночей я сидел у ее смертного одра, а днем работал в больнице... Настала последняя страшная ночь. Чтобы облегчить страдания умирающей, я впрыснул ей шприц морфия, и она заметно успокоилась. Минут через двадцать слышу: «Впрысни еще». Через полчаса это повторилось опять, и в течение двух-трех часов я впрыснул ей много шприцев морфия, далеко превысив допустимую дозу. Но отравляющего действия не видел. Вдруг Аня быстро приподнялась и села и довольно громко сказала: «Позови детей». Пришли дети, и всех она перекрестила, но не целовала, вероятно, боялась заразить. Простившись с детьми, она опять легла, спокойно лежала с закрытыми глазами, и дыхание ее становилось все реже и реже... Настал и последний вздох... Аня умерла тридцати восьми лет. Две ночи я сам читал над гробом Псалтырь, стоя у ног покойной в полном одиночестве. Часа в три второй ночи я читал 112-й псалом, начало которого поется при встрече архиерея в храме... И последние слова псалма поразили и потрясли меня, ибо я с совершенной ясностью и несомненностью воспринял их как слова Самого Бога, обращенные ко мне: *И неплодную вселяет в дом матерью, радующеюся о детях.* Господу Богу было ведомо, какой тяжелый и тернистый путь ждет меня, и тотчас после смерти матери моих детей Он Сам позаботился о них и мое тяжелое положение облегчил. Почему-то без малейшего сомнения я принял потрясшие меня слова как указание Божие на мою операционную сестру Софию Сергеевну Белецкую, о которой я знал только то, что она недавно похоронила мужа

была неплодной, то есть бездетной, и все мое знакомство с ней ограничивалось только деловыми разговорами, относящимися к операции. И однако слова: *неплодную вселяет в дом матерью, радующеюся о детях* я без сомнения принял как Божий приказ возложить на нее заботы о моих детях и воспитание их. Я едва дождался семи часов утра и пошел к Софии Сергеевне, жившей в хирургическом отделении. Я постучался в дверь. Открыв, она с изумлением отступила назад, увидев в столь ранний час своего сурового начальника.

— Простите, София Сергеевна, — сказал я ей, — я очень мало знаю вас, не знаю даже, веруете ли вы в Бога, но пришел к вам с Божьим повелением ввести вас в свой дом *матерью, радующеюся о детях*. — Она с глубоким волнением выслушала, что случилось со мной ночью, и сказала, что ей очень больно было только издали смотреть, как мучилась моя жена, и страшно хотелось помочь нам, но она не решалась предложить свою помощь. Она с радостью согласилась исполнить Божье повеление о ней» [2, 26-28]. Так волей Божией София Сергеевна стала матерью четверем детям Валентина Феликсовича, избравшего после кончины жены путь служения Церкви.

«Доктор, вам надо быть священником!»

Некоторые современники, знавшие Валентина Феликсовича, говорили, что тяжелая утрата горячо любимой жены надломил твердый характер профессора и он «ударился» в мистику, в религию. Но вот вышеописанный случай, когда Валентин Феликсович ясно увидел Десницу Божью, направляющую и укрепляющую его в таком горе, — это результат крепкой, несомненной веры, сравнимой с Авраамовой верой, когда человек делает шаг в неизвестность, твердо уповая на Божественное

обетование: *Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя* (Ис. 49, 15).

Ташкентские прихожане свидетельствовали о том, что профессор Войно-Ясенецкий регулярно посещал воскресные и праздничные богослужения, был активным мирянином. Очень часто он бывал на богословских собраниях верующих, организованных настоятелем вокзальной церкви протоиереем Михаилом Андреевым, сам выступал с беседами на темы Священного Писания. Однажды в конце 1920 года Валентин Феликсович присутствовал на епархиальном собрании, на котором он произнес речь о положении дел в Ташкентской епархии. Это выступление произвело большое впечатление на слушателей. После собрания правящий архиерей — епископ Ташкентский и Туркестанский Иннокентий (Пустынский) — отвел профессора в сторону и, восторгаясь глубиной и искренностью его веры, сказал: «Доктор, вам надо быть священником!» Святитель Лука так вспоминает в своих мемуарах: «У меня никогда и мысли не было о священстве, но слова Преосвященного Иннокентия я принял как Божий призыв архиерейскими устами и, минуты не размышляя, сказал: “Хорошо, Владыко! Буду священником, если это угодно Богу!”» [2, 30]. И вот, глубоко веруя, что Промысл Божий сказывается в обстоятельствах, профессор, доктор медицины Войно-Ясенецкий со смирением преклоняет свою выю и од иго священства. Вопрос о рукоположении был решен так быстро, что ему даже не успели сшить подрясник. «Уже в ближайшее воскресенье, при чтении часов, я, провожаемый двумя диаконами, вышел в чужом подряснике к стоящему на кафедре архиерею и был посвящен им в чтеца, певца и иподиакона, а во время Литургии и в сан диакона. Конечно, это необыкновенное событие посвящения во диакона уже получившего высокую оценку профессора произвело огромную сенсацию в Ташкенте, и ко мне пришли большой группой во главе с одним про-





фессором студенты медицинского факультета. Конечно, они не могли понять и оценить моего поступка, ибо сами были далеки от религии. Что поняли бы они, если бы я сказал им, что при виде карнавалов, издевающихся над Господом нашим Иисусом Христом, мое сердце громко кричало: «Не могу молчать!» Я чувствовал, что мой долг — защищать проповедью оскорбляемого Спасителя нашего и восхвалять Его безмерное милосердие к роду человеческому. Через неделю после посвящения во диакона, в праздник Сретения Господня 1921 года, я был рукоположен во иерея епископом Иннокентием... Мне пришлось совмещать мое священство с чтением лекций на медицинском факультете... Преосвященный Иннокентий, редко сам проповедовавший, назначил меня четвертым священником собора и поручил мне все дело проповеди. При этом он сказал мне словами апостола Павла: *Ваши дело некрестити, а благовестити*» [2, 30-31].

Надо представить себе, каково было отношение к религии в то страшное и тревожное время. Мутная волна воинствующего безбожия затопила страну. Множество архиереев, священников и мирян кровью своей засвидетельствовали веру во Христа. Адская машина репрессий перемалывала судьбы большей и лучшей части православного народа. Народа, когда-то называвшего себя Святой Русью. Уже пострадали святители Владимир и Вениамин, уже многие священники и миряне отправились в ссылки и лагеря, но вожди большевизма продолжали гнать Церковь Божию, продолжали распинать Христа. И вот в это страшное время, когда некоторые священнослужители снимали с себя сан, испугавшись репрессий, профессор Войно-Ясенецкий, повинувшись призыву Божию, принимает рукоположение. Два года Войно-Ясенецкий был священником и преуспел не только в пастырской, но и общественно-научной деятельности, став одним из инициаторов открытия в Ташкенте университета.

На первом научном съезде врачей Туркестана (23-28



октября 1922 года) он выступил с четырьмя большими докладами, где делился с коллегами своим богатейшим хирургическим опытом. Будучи священником, он оставался профессором медицины и читал лекции по топографической анатомии и оперативной хирургии в рясе и с крестом на груди. Оставаясь главным хирургом Ташкентской городской больницы, служил по воскресеньям в соборе, а после вечерни вел долгие беседы на богословские темы. Как пастырь отец Валентин не мог спокойно взирать на активную отступническую деятельность бывшего миссионера Курской епархии, расстриженного протоиерея Ломакина. Этот несчастный человек, предавший Христа, в своей сожженной совести продолжал противиться Богу, возглавляя антирелигиозную пропаганду во всей Средней Азии. Отец Валентин в течение двух лет вел публичные диспуты при огромном стечении народа. Как правило, эти диспуты кончались посрамлением отступника, и верующие не давали ему прохода, спрашивая: «Скажи нам, когда ты врал: тогда ли, когда был попом, или теперь врешь?» Вскоре он стал бояться отца Валентина и просил устроителей диспутов избавить его от «этого философа» [26, 118]. На несчастном хулителе Духа Святого страшно сбылось слово псалмопевца Давида: *смерть грешников люта*. Он заболел раком прямой кишки, и при операции оказалось, что опухоль уже проросла в мочевой пузырь. Операционная рана в области таза скоро превратилась в клоаку, наполненную гноем, мочой и червями. «Враг Божий пришел в крайнее озлобление от своих страданий, и даже партийные медицинские сестры... не могли выносить его злобы и проклятий и отказывались от ухода за ним» [2, 32-33].

Начало архиерейского служения. Первый арест

Пастырская совесть отца Валентина не могла быть равнодушной к безобразиям, чинимым разбойничьей организацией, именовавшей себя «Живой Церковью». «Живоцерковники», пользуясь поддержкой Е.А. Тучкова, руководящего работника ОГПУ, ведавшего церковными делами, постепенно захватывали храмы, вводя в богослужение и весь строй церковной жизни неприемлемые новшества. Отец Валентин, воспитывавший в своих пасомых твердость в вопросах веры, категорически запретил им ходить в храмы, занятые «живистами». Долг христианина — не соблазняться и не поддаваться тем ересям и расколам, которые неизбежно бывают в Церкви, так как от века диавол клеветает на создание Божие. Тем прихожанам, которые дерзнут молиться с отступниками, отец Валентин грозил отлучением от исповеди и причастия. Но «живоцерковники» наступали по всем фронтам. Народ был в смятении. Из Ташкента исчез правящий епископ Иннокентий. Все со страхом ожидали приезда назначенного в Ташкент обновленческого архиерея. И вот в этой неразберихе возвышает свой голос всеми любимый пастырь. Отец Валентин вместе с настоятелем вокзальной церкви отцом Михаилом Андреевым объединил всех оставшихся верными Патриарху Тихону священников и церковных старост, созвал съезд духовенства и мирян для обсуждения вопросов об упорядочении церковной жизни в епархии, оставшейся без архипастыря. На этом же съезде туркестанское духовенство, зная высоту духовной жизни отца Валентина и его ревность в защите Православия, избрало его на Ташкентскую кафедру. Так в экстремальных условиях народ Божий и духовенство, как в первые века христианства, поставил над собой архиерея. «Приехавший в это время

на жительство в Ташкент ссыльный епископ Уфимский Андрей (в миру князь Ухтомский) тайно постриг Валентина Феликсовича в монахи с именем Луки. Сначала он хотел дать ему имя целителя Пантелеимона, но, узнав немного о его жизни, решил, что ему более подходит имя евангелиста и апостола Луки, который, по преданию, был художником (иконописцем) и врачом» [18, 16]. Но так как, по апостольским правилам, «епископа да поставляют два или три епископа», а на то время, кроме Владыки Андрея, в Ташкенте никого не было, то решено было для хиротонии отправить отца Валентина в город Пенджикент, недалеко от Самарканда, где отбывали ссылку два архиерея — епископ Волховский Даниил (Троицкий) и епископ Суздальский Василий (Зуммер). Сам Святитель Лука так вспоминает об этом: «Мой отъезд в Самарканд должен был быть тайным, и потому я назначил на следующий день четыре операции, а сам вечером уехал на поезде в Самарканд в сопровождении одного иеромонаха, дьякона и своего старшего сына, шестнадцатилетнего Михаила. Утром (30 мая) приехали в Самарканд, но найти пароконного извозчика для дальнейшего пути в Пенджикент оказалось почти невозможным: ни один не соглашался ехать, потому что все боялись нападения басмачей. Наконец нашелся один забулдыга, который согласился нас возить... Преосвященные Даниил и Василий встретили нас с любовью. Прочитав письмо епископа Андрея Ухтомского, решили назначить на завтра Литургию для совершения хиротонии и немедленно отслужить вечерню и утреню в маленькой церкви святителя Николая Мирликийского, без звона и при закрытых дверях. С епископом жил ссыльный московский священник протоиерей Свенцицкий, известный церковный писатель, который тоже присутствовал при моем посвящении. На вечерне и Литургии читали и пели мои спутники и протоиерей Свенцицкий... На следующее утро все мы отправились в церковь. Заперли

за собой дверь и не звонили, а сразу начали службу и в начале Литургии совершили хиротонию.

При хиротонии хиротонисуемый склоняется над престолом, а архиереи держат над его головой разомкнутое Евангелие. В этот важный момент хиротонии, когда архиереи разогнули над моей головой Евангелие и читали совершительные слова Таинства, я пришел в такое глубокое волнение, что всем телом задрожал, и потом архиереи говорили, что подобного волнения не видели никогда. Из церкви Преосвященные Даниил и Василий и протоиерей Свенцицкий вернулись домой несколько раньше меня и встретили меня архиерейским приветствием: «Тон деспотин...» Архиереем я стал 31 мая 1923 года. В Ташкент мы вернулись на следующий же день вполне благополучно. Когда сообщили об этой хиротонии Патриарху Тихону, то он, ни минуты не задумавшись, утвердил и признал законной мою хиротонию» [2, 36-38].

Кафедральный собор в Ташкенте в то время был занят обновленцами. Когда они узнали, что Владыка Лука собирается служить в соборе всенощную и Литургию, то в страхе разбежались. В том году воскресный день совпадал с памятью святых равноапостольных Константина и Елены. Служил Владыка только с одним оставшимся верным Патриарху Тихону священником. Служба прошла спокойно. В следующее воскресенье святитель отслужил всенощное бдение, вернулся домой и стал читать правило ко Святому Причащению. И вдруг в одиннадцать часов вечера раздался стук в дверь. На пороге стояли люди в кожаных тужурках. Обыск завершился арестом.

Восходя на Голгофу архиерейского служения, епископ Лука был готов пойти по многострадальному и скорбному пути исповедничества и мученичества. По нему уже шли многие — архиереи, священники, диаконы и миряне... Но за спиной у Владыки была Богом врученная ему туркестанская паства, за которую болело сердце. Поэтому на случай внезапного ареста он подготовил

завещание. Уважение и любовь народа к своему Владыке были так велики, что уже на следующий день после ареста, в воскресенье, в городе и храмах распространялось перепечатанное на машинке его «Завещание». В этом небольшом по объему, но сильном по духу обращении архипастырь предостерегал верующих от соблазнов отступничества и расколов. Сборище живоцерковников для него — не Церковь, а «дикий вепрь», со всеми присущими этому зверю повадками.

«К твердому и неуклонному исполнению завещаю вам: неколебимо стоять на том пути, на который я наставил вас. Подчиняться силе, если будут отбирать от вас храмы и отдавать их в распоряжение дикого вепря, попущением Божиим вознесшегося на горнем месте соборного храма нашего.

Внешностью богослужения не соблазняться и поругания богослужения, творимого вепрем, не считать богослужением. Идти в храмы, где служат достойные иереи, вепрю не подчинившиеся. Если и всеми храмами завладеет вепрь, считать себя отлученным Богом от храмов и ввергнутым в голод слышания слова Божия.

С вепрем и его прислужниками никакого общения не иметь и не унижаться до препирательства с ними.

Против власти, поставленной нам Богом по грехам нашим, никак нимало не восставать и во всем ей смиренно повиноваться.

Властью преемства апостольского, данного мне Господом нашим Иисусом Христом, повелеваю всем чадам Туркестанской Церкви строго и неуклонно блюсти мое завещание. Отступающим от него и входящим с вепрем в молитвенное общение угрожаю гневом и осуждением Божиим» [26, 137].

И вот — арест святителя, сопровождающийся жестокой травлей в газетах. Достаточно было посмотреть на заголовки центральных газет, чтобы понять, с какой ненавистью силы зла обрушились на верного Патриарху Тихону туркестанского архиерея.

Тюрьма и ссылка

Сотрудники ГПУ лихорадочно искали причину, по которой можно было бы упрятать за решетку ненавистного Владыку. Они выдвинули обвинение, по которому епископ Лука подозревался «в связях с оренбургскими контрреволюционными казаками и в шпионаже в пользу англичан через турецкую границу». Причем все это он делал якобы одновременно. Все объяснения епископа Луки, что он физически не мог быть одновременно на Урале и на Кавказе, в расчет не принимались. Пока святитель томился в застенках ГПУ, в город приехал обновленческий епископ Николай Коблов, и все церкви в городе были захвачены раскольниками. Но храмы эти стояли пустыми — народ помнил завещание епископа Луки. По окончании следствия начальник Ташкентского ГПУ направил Владыку в Москву как политического преступника. Всю ночь перед отъездом к нему шли люди, чтобы попрощаться и получить благословение и наставление. Скорбь народа о любимом архипастыре была так велика, что верующие ложились на рельсы, чтобы не дать увезти своего Владыку. В Москве епископ Лука неделю жил на частной квартире, дважды встречался со Святейшим Патриархом Тихоном, один раз служил с ним Божественную Литургию. Святейший Патриарх еще раз подтвердил право епископа Луки заниматься медициной. Вскоре Владыка был заключен в Бутырскую тюрьму, где просидел около двух месяцев. Здесь появились первые признаки серьезной сердечной болезни — миокардита, который впоследствии причинял ему страдания и был причиной сильных отеков ног. Ему удалось достать Евангелие на немецком языке, и можно только представить себе, какое утешение он испытывал, читая Слово Божие.

Через некоторое время его перевели в Таганскую тюрьму. Арестанты этой тюрьмы получили через «Крас-

ный Крест» тулупчики от Е.П. Пешковой, жены Максима Горького. Однажды, проходя по коридору, Владыка увидел, что в залитой по щиколотку водой камере сидит полураздетый, дрожащий от холода человек. Сжалившись над ним, святитель Лука отдал ему свой полушубок. Это произвело потрясающее впечатление на матерого вора-рецидивиста, который предводительствовал среди уголовников. И каждый раз, когда Владыка проходил мимо их камеры, тот очень любезно приветствовал епископа и называл его «батюшкой» [2, 42]. Наконец в декабре сформировали этап, и святитель был отправлен в ссылку в Енисейск. Вместе с ним ехал и ташкентский протоиерей Михаил Андреев. Позже к ним присоединился еще один арестант — протоиерей Илларион Голубятников. В самый разгар зимы ссыльные прибыли в Енисейск. Разместившись в доме на Ручейной улице вместе с сопровождавшими его священниками, Владыка Лука стал здесь же проводить богослужения. В храмы Енисейска он не ходил, потому что местные священники уклонились в живоцерковный раскол. Но истинно верующие люди не смущались простотой обстановки и собирались на молитву прямо на квартире у Владыки. Здесь, в просторном доме, совершались всенощные бдения и Литургии. «В один из праздничных дней, — вспоминает Владыка, — я вошел в гостиную, чтобы начать Литургию, и неожиданно увидел у противоположной двери незнакомого старика-монаха. Он точно остолбенел, увидев меня, и даже не поклонился. Придя в себя, он, отвечая на мой вопрос, сказал, что в Красноярске народ не хочет иметь общение с неверными священниками и решил послать его в город Минусинск, верст за двести к югу от Красноярска, где жил православный епископ. Но к нему не поехал монах Христофор, ибо какая-то сила влекла в Енисейск, ко мне.

«Почему же ты так остолбенел, увидев меня?» — спросил я у него. «Как же было не остолбенеть! — ответил он. — Десять лет тому назад я видел сон, который как сейчас

помню. Мне снилось, что я в Божьем храме и неведомый мне архиерей рукополагает меня во иеромонаха. Сейчас, когда вы вошли, я увидел этого архиерея!» Монах сделал мне земной поклон, и за Литургией я рукоположил его во иеромонаха. Десять лет тому назад, когда он видел меня, я был земским хирургом в Переславле-Залеском и никогда не помышлял ни о священстве, ни об архиерействе. А у Бога в то время я уже был епископом... Так неисповедимы пути Господни» [2, 45-46].

Сразу же после приезда в Енисейск Владыка пришел в больницу к заведующему и представился: «Я профессор Ташкентского университета, в миру Ясенецкий-Войно, имя мое в монашестве Лука». Молодой врач не поверил даже, что перед ним стоит такой знаменитый человек. Профессор просил у него разрешения оперировать. После первых же сложнейших и удачно проведенных операций к хирургу-епископу хлынул народ из окрестных сел и деревень. Список больных, ожидавших операции, был составлен на три месяца вперед. Такая популярность ссыльного архиерея сильно раздражала местное начальство. А тут еще молодые врачи, которые катастрофически теряли клиентов и заработок, стали проявлять недовольство. Владыка безмолвно обличал их корыстолюбие, бесплатно проводя операции. В ответ на благодарность излеченных он говорил: «Это Бог вас исцелил моими руками. Молитесь Ему». Однажды Владыка вернул зрение целой семье слепцов, страдавших катарактой. Из семи человек шестеро стали видеть.

Но в «награду» за бескорыстное служение народу городское начальство, подстрекаемое завистниками-врачами, арестовало и отправило епископа еще дальше, на Ангару. Вместе с ним ехали священники Илларион Голубятников и Михаил Андреев и две монахини, постриженные самим Владыкой Лукой с именами Лукия и Валентина. Почти сто километров преодолели они по льду Ангары до Богучан, где их потом разлучили: священников послали в деревню недалеко от Богучан, а

Владыку еще дальше — в деревню из восьми дворов с названием Хая. Здесь, несмотря на тяжелые условия для проживания (домик, где он остановился, по крышу заносило снегом), святитель был бодр духом и писал детям своим, чтобы о нем не беспокоились, что Господь отлично устроил его в Хае, он радостен, спокоен, монахини с христианской любовью заботятся о нем. В июне Владыку было приказано отправить назад в Енисейск. Дорога была очень тяжелой: езда верхом на лошади, плавание по Ангаре на лодках через опасные пороги и постоянно гудящее облако гнуса, неимоверно досаждавшего всем, кто находился в тайге. Утешением была отслуженная на берегу Енисея под открытым небом вечерня... По прибытии в Енисейск епископ был заключен в одиночную камеру. Через некоторое время его освободили, и Владыка сразу же отслужил архиерейским чином Божественную Литургию в Преображенском храме. В этом же храме святитель совершил по просьбе верующих хиротонию во священника. Деревенский приход неподалеку от Енисейска получил пастыря. Конечно же, власти отправляют «непокорного» епископа Луку в новую ссылку, на этот раз в Туруханск. Это небольшой северный городок, сообщение которого с остальным миром проходило по замерзшему Енисею и его притокам. Морозы здесь были до сорока градусов и больше, а по ночам под окнами были волки.

Когда святитель прибыл в Туруханск и сошел с баржи, люди, встречавшие его, опустились на колени, испрашивая благословения. «Меня сразу же поместили в квартире врача больницы, — вспоминал Владыка, — и предложили вести врачебную работу. Незадолго до этого врач больницы распознал у себя рак нижней губы и уехал в Красноярск. В больнице оставался фельдшер, и вместе со мной приехала из Красноярска молодая девушка, только что окончившая фельдшерскую школу и очень волновавшаяся от перспективы работать с профессором. С этими двумя помощниками я делал такие

большие операции, как резекции верхней челюсти, большие чревосечения, гинекологические операции и немало глазных» [26, 164]. Самоотверженно трудился доктор-епископ, проявляя деятельную любовь к страждущему человеку. В операционной у него, как и в Ташкенте, стояла икона с теплившейся перед ней лампадой. Перед операцией он всегда творил молитву, ставил на теле больного йодом крест и только потом приступал к делу.

С приездом архиерея оживилась и церковная жизнь в Туруханске. «В Туруханске был закрытый мужской монастырь, — вспоминает епископ Лука, — в котором все богослужения совершались стариком священником. Он подчинялся красноярскому живоцерковному архиерею, и мне надо было обратить его и всю туруханскую паству на путь верности древнему Православию. Я легко достиг этого проповедью о грехе великом церковного раскола: священник принес покаяние перед народом, и я мог бывать на церковных службах и почти всегда проповедовал на них» [2, 50]. Конечно, такое оживление и оздоровление духовной жизни не могло понравиться местному начальству. Вскоре Владыку вызвал уполномоченный ГПУ и объявил о запрете благословлять больных в больнице, проповедовать в монастыре и ездить на покрытых ковром санях. Тогда Владыка предложил ему самому повесить на дверях больницы объявление, запрещающее брать благословение у епископа, а также запретить крестьянам подавать к больнице сани, устланные ковром. Уполномоченный этого не сделал, но затаил злобу на твердого и бесстрашного профессора-епископа. И вот через некоторое время чекисты вызвали его в ГПУ, у подъезда которого стояли сани, запряженные парой лошадей. Начальник ГПУ встретил ссыльного и с большой злобой объявил ему, что за неподчинение требованиям исполкома его ссылают еще дальше, на берег Ледовитого океана. В лютые морозы, которые стояли зимой 24/25-го годов, такое путешествие без теплых вещей было равнозначно смертному приговору. Но в

пути по замерзшему Енисею Господь не оставил Своего избранника. Владыка потом сам рассказывал: «Я почти реально ощущал, что со мной — Сам Господь Иисус Христос, поддерживающий и укрепляющий меня» [2, 52].

И вот наконец добрались до деревни Плахино, расположенной на Енисее, между Игаркой и Дудинкой. Здесь жило пять семей, они радушно приняли ссыльного архиерея и обещали заботиться о нем. Эта деревенька, стоящая на краю света, затерянная среди бескрайних снегов, и стала его прибежищем на целых два месяца. Окна в избенке, где жил Владыка Лука, не имели стекол, вместо них были вморожены толстые льдины, и сквозь щели жестокий, пронизывающий ветер наносил внутрь кучи снега. Картина удручающая, и есть от чего пасть духом, но святитель сохранял спокойствие, уравновешенность и терпение [2, 54]. В убогих условиях пришлось однажды крестить младенца. Конечно, ни требника, ни облачения, ни святого мира не было. Но преемник апостолов нашел выход из положения. Из полотенец сделал подобие епитрахили, а вместо миропомазания, как древле совершали апостолы, возложил руки на крещаемого с призыванием Святого Духа [2, 56].

Тяжелым и горьким был путь исповедничества Владыки Луки. И чем больше ополчался враг рода человеческого на верного святителя, чем страшнее козни он измышлял, тем большая благодать посылалась в помощь страдальцу. Мы не знаем тех внутренних подвигов поста и молитвы, которые нес святитель, но *не может град укрытися, верху горы стоя* (Мф 5, 14). Вот что рассказывает Арсений Кузьмич Константинов — человек, много потрудившийся в тех краях. Он ездил по тундре, заготавливая меха для Московской сырьевой конторы. Однажды он повстречался с епископом Лукой в его избушке в Плахино и вел с ним длинную беседу. И вот в разговоре Владыка сказал Константинову: «Господь Бог дал мне знать: через месяц я буду в Туруханске». Видимо, тот не поверил ему, и святитель, покачав головой, сказал: «Вижу,

вижу, вы неверующий. Вам мои слова кажутся невероятными. Но будет именно так» [26, 185].

Скоро тот же начальник ГПУ, который отправил Владыку на край света, присылает сани, чтобы вернуть его в Туруханск. Дело в том, что в Туруханске умер крестьянин. Для его спасения была необходима сложная операция, которую без профессора сделать не могли. И крестьяне решили разгромить сельсовет и ГПУ. Напуганные возмущением народа, власти немедленно послали за Владыкой. Вернувшись, он опять стал работать в больнице, лечить людей и ездить на службу в монастырь на санях, покрытых ковром [26, 185].

Второе пребывание в Туруханске длилось восемь месяцев: с начала апреля до ноября. В середине лета Господь утешил Своего святителя обещанием скорого возвращения из туруханской ссылки. Владыка Лука с нетерпением ждал этого дня, но недели шли за неделями, а все оставалось по-прежнему. «Я впал в уныние, — вспоминает святитель, — и однажды, в алтаре зимней церкви, которая сообщалась дверью с летней церковью, со слезами молился пред запрестольным образом Господа Иисуса Христа. В этой молитве, очевидно, был и ропот против Господа Иисуса за долгое невыполнение обещания об освобождении. И вдруг я увидел, что изображенный на образе Иисус Христос резко отвернул Свой пречистый лик от меня. Я пришел в ужас и отчаяние и не смел больше смотреть на икону.

Как побитый пес, вышел я из алтаря и пошел в летнюю церковь, где на клиросе увидел книгу Апостол. Я машинально открыл ее и стал читать первое, что попало мне на глаза. К большой скорби моей, я не запомнил текста, который прочел, но этот текст произвел на меня чудесное действие. Им обличалось мое неразумие и дерзость ропота на Бога и вместе с тем подтверждалось обещание нетерпеливо ожидавшегося мною освобождения.

Я вернулся в алтарь зимней церкви и с радостью увидел, глядя на запрестольный образ, что Господь Иисус

Христос опять смотрит на меня светлым и благодатным взором. Разве же это не чудо?

Приближался конец моей туруханской ссылки. С низовьев Енисея приходили один за другим пароходы, привозя моих многочисленных товарищей из ссылки, одновременно со мною получивших тот же срок. Наш срок кончился. И эти последние пароходы должны были отвезти нас в Красноярск. В одиночку и группами приходили пароходы изо дня в день. А меня не вызывали в ГПУ для получения документов. Однажды вечером, в конце августа пришел последний пароход и наутро должен был уйти. Меня не вызывали, и я волновался, не зная, что было предписание задержать меня еще на год. Утром 20 августа я по обыкновению читал утреню, а пароход разводил пары.

Первый протяжный гудок парохода...

Я читаю 4-ю кафизму Псалтыри... Последние слова 31-го псалма поражают меня как гром... Я всем существом воспринимаю их как голос Божий, обращенный ко мне. Он говорит: *Вразумлю тя и наставлю тя на путь сей, в оньже поидеши: утвержу на тя очи Мои. Не будите яко конь и мек, имже несть разума: броздами и уздою челюсти их востягнеши, не приближающихся к тебе.* И внезапно наступает глубокий покой в моей смятенной душе... Пароход дает третий гудок и медленно отплывает... Я слежу за ним с тихой, радостной улыбкой, пока он не скрывается от взоров моих...

Иди, иди — ты мне не нужен...

Господь уготовал мне другой путь, не путь в грязной барже, а светлый, архиерейский путь!

Через три месяца, а не через год, Господь повелел отпустить меня, послав маленькую варикозную язву голени с ярким воспалением кожи вокруг нее. Меня обязали были отпустить в Красноярск. Енисей замерз в хаотическом нагромождении огромных льдин. Санный путь по нему должен был установиться только в середине января... По Енисею возили только на нартах, но для меня крестьяне сделали крытый возок. Настал долгожданный день

отъезда... Я должен был ехать мимо монастырской церкви, стоявшей на выезде из Туруханска, в которой я много проповедовал и иногда даже служил. У церкви меня встретил священник с крестом и большая толпа народа. Священник рассказал мне о необыкновенном событии. По окончании Литургии в день моего отъезда вместе со старостой он потушил в церкви все свечи, но когда для проводов меня вошел в церковь, внезапно загорелась одна свеча в паникадиле, с минуту померцала и потухла.

Так проводила меня любимая мною церковь, в которой под спудом лежали мощи святого мученика Василия Мангазейского.

Тяжкий путь по Енисею был тем светлым путем архиерейским, о котором при отходе последнего парохода предсказал мне Сам Бог словами псалма 31-го: *«Вразумлю тя и наставлю тя на путь, в оньже пойдеш: утвержу на тя очи Мои. Буду смотреть, как ты пойдешь этим путем, а ты не рвись на пароход, как конь или мул, не имеющий разума, которых надо направлять удилами или уздою»*.

Мой путь по Енисею был поистине архиерейским путем, ибо на всех остановках, в которых были приписные церкви и даже действующие, меня встречали колокольным звоном, и я служил молебен и проповедовал. С самых давних времен архиерея в этих местах не видели» [2, 58-61].

Богатый духовный мир святителя-исповедника раскрывается в письмах, которые епископ Лука писал своим детям. Трое сыновей и дочь — за них болело отцовское сердце. Из первой сибирской ссылки он писал старшему сыну Михаилу: «Неспокоен я за тебя. В таком возрасте, когда тебе всего больше необходимо мое постоянное воспитательное влияние, ты давно оторван от меня и почти предоставлен самому себе. Никогда еще развращающее влияние среды не было так страшно, как теперь, никогда еще слабые юные души не подвергались таким соблазнам. А я, к сожалению, должен тебе сказать, что из всех моих детей тебя считаю наименее любящим добро, наиболее способным поддаться развращающим

соблазнам. Не знаю, может быть, то, что пережил и переживаю я, произвело на тебя глубокое впечатление и внушило благоговение к правде. Дай Бог, чтобы это было так. Но в одном из писем бабушки я прочел очень мучительные для меня слова: «Впрочем, Миша мало чувствителен». Это ведь так мне известно, так меня мучило всегда. Понимаешь ли ты ужас этой короткой фразы?

Ведь это значит, что неправда не пронзает твоего сердца, что не холодеет оно, когда слышишь нравственно страшное, не загорается оно святым негодованием против зла, не пламенеет восторгом, когда слышишь о прекрасном, добром, возвышенном. Не весь ли ты по-прежнему поглощен эгоизмом? Много тщеславия в твоих письмах, а тщеславие так родственно эгоизму. Нет в тебе глубокой серьезности, которая неизбежно рождается в человеке неэгоистичном, не собой занятом, а глубоко чувствующем чужие страдания, тяжесть и беспросветный ужас человеческой жизни... Ни на минуту не забывай, что ты сын епископа, святителя-исповедника Христова, и знай, что это налагает на тебя страшную ответственность перед Богом» [26, 191]. Но не забывал святитель слов Христа: *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня* (Мф. 10, 37). Он так и сказал младшему сыну: «Служитель Бога не может ни перед чем остановиться в своей высокой службе, даже перед тем, чтобы оставить своих детей» [26, 195].

Возвращение из первой ссылки

Ссылка закончилась в январе 1926 года, и по дороге из Красноярска в Ташкент епископ Лука заехал в Черкассы повидать своих престарелых родителей и старшего брата Владимира. Пробыл у них недолго — он торопился к

детям. Вернувшись в Ташкент, он увидел, что благодаря самоотверженным стараниям Софии Сергеевны Белецкой, заменившей им мать, дети благополучны.

После возвращения Владыка поселился на Учительской улице в небольшом домике в две комнаты с прихожей неподалеку от Сергиевской церкви. В университете его, как неблагонадежного, лишили преподавательского места. И в церковной жизни произошли неприятности — между Владыкой и его бывшим духовным наставником протоиереем Михаилом Андреевым возникли разногласия. С 1926 года протоиерей Михаил Андреев стал злейшим врагом епископа Луки. Святитель запретил его в священнослужении, и протоиерей Михаил стал писать жалобы и доносы на него Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Сергию. Эту борьбу он вел два года, добиваясь смещения с кафедры Владыки.

Очевидно, нелегко было святителю претерпевать такие козни от собрата, прошедшего вместе с ним ссылку и гонения. Господь наказал протоиерея Андреева новой ссылкой. Вернувшись измученным, истерзанным, с подорванным здоровьем, он обратился к епископу Луке за врачебной помощью, и тот не отказал ему. Митрополит Сергей хотел перевести епископа Луку в Рыльск, потом в Елец, затем в Ижевск. Видимо, из Москвы шли соответствующие указы. Живший тогда в Ташкенте митрополит Арсений (Стадницкий) посоветовал никуда не ехать, а подать прошение об увольнении на покой. Прощение было подписано, и с 1927 года профессор-епископ, лишенный двух кафедр — церковной и университетской, проживал в Ташкенте как частное лицо. По воскресеньям и праздникам он служил в церкви, а на дому принимал больных, число которых достигало четырехсот в месяц. Как и прежде, прием пациентов был бесплатным. Кроме того, вокруг Владыки постоянно находились молодые люди, которые помогали ему, учились у него, а тот посылал их по городу разыскивать, нет ли где бедных людей, долго болеющих, которым нужна врачебная помощь.

Таких несчастных находили, и святитель помогал им как мог. Но тучи постепенно сгущались над его годовой.

Уже давно местные власти косо смотрели на ненавистного им святителя. Хотя он и был не у дел, люди его почитали и уважали, и обращались к нему как к врачу и пастырю.

Авторитет репрессированного архиерея раздражал чиновников, и они искали случай, чтобы снова упрятать его за решетку. Такой случай вскоре представился.

Второй арест и ссылка

По Ташкенту пронеслась весть о смерти известного в городе профессора-физиолога Ивана Петровича Михайловского. В городе он появился в 1920 году с женой и тремя детьми, спасаясь от голода, свирепствовавшего на Украине. Устроившись в Ташкентском университете, профессор Михайловский стал трудиться на медицинском факультете на кафедре физиологии. Вначале жизнь протекала мирно, и казалось, ничто не предвещало беды. Все рухнуло в 1924 году, когда у Михайловских умер от скарлатины сын Игорь. Допустив в сердце свое сомнение в Промысле Божиим, маловерие и хульные помыслы, профессор оказался не в состоянии перенести эту скорбь, эту тяжелую утрату и повредился умом. После смерти сына он набросился с топором на иконы, изрыгая богохульства и ругательства. Буйство вскоре прошло, но тихое помешательство осталось, что замечали окружавшие его люди. Бывший до того спокойным и добрым, он стал резок, груб, раздражителен, стал избивать жену и детей. Умершего Игоря он отказался хоронить, мумифицировал его тело, объявив всем, что посредством проводимых им опытов по переливанию крови он вернет сына к жизни. Душевнобольной чело-

век покупал мертвому сыну одежду, обувь, конфеты и печенье. Нужно сказать, что опыты, которые проводил на своей кафедре Михайловский, представляли некоторый интерес, но не были чем-то оригинальным или фундаментальным в науке. Больной профессор, манипулируя с плазмой, пытался придать крови какие-то особые свойства, вплоть до возможности воскрешать мертвых. Затем вдруг неожиданно для всех он бросил свою жену с двумя детьми без всяких средств к существованию и женился на двадцатитрехлетней студентке Екатерине Гайдебуровой. Будучи сам уже пятидесяти двух лет от роду, он счастья в этом браке не нашел. После одной из особенно драматических семейных сцен профессор Михайловский застрелился. Молодая вдова Гайдебурова-Михайловская обратилась к Владыке Луке с просьбой документально подтвердить помешательство покойного, так как по церковным канонам священник не имеет права погребать самоубийцу. Отпевать таких людей можно только в том случае, если посягнувший на свою жизнь был душевнобольным. Святитель Лука написал короткую справку, в которой удостоверил, что профессор Михайловский покончил жизнь самоубийством в состоянии несомненной душевной болезни, от которой страдал более двух лет.

Эта записка и стала формальным поводом к аресту Владыки. Немного раньше по подозрению в убийстве своего мужа была арестована и сама Гайдебурова-Михайловская.

В атмосфере антирелигиозной истерии, которая раздувалась властями на страницах газет и журналов, дело Михайловского приобретало особую окраску. Получив установку из Москвы от самого члена Центральной Контрольной комиссии ВКП(б) Аарона Сольца, следователь Кочетков попытался придать делу политический оттенок. Смысл обвинений, статей и фельетонов сводился к тому, что, дескать, видный советский ученый профессор Михайловский проводил потрясающие



опыты по переливанию крови, в результате которых человек может обрести бессмертие. Это «подрывало основы» религии, и «церковные мракобесы» убили профессора. Епископ Лука дал «ложную справку о самоубийстве», чтобы повести следствие по неверному следу. Такая нехитрая аргументация по тем временам не требовала доказательств. И вот 6 мая 1930 года Владыку арестовали и заключили под стражу.

Начались новые хождения по мукам. Пребывание в переполненной людьми душевной камере действовало на сердце. Нарастала сердечная недостаточность. Кроме того, в течение почти двух месяцев ему не давали возможности помыться в бане. Дочь Елена ходатайствовала перед тюремным начальством о смягчении условий содержания. Ее просьбу поддержали друзья Владыки — профессора М. Слоним и Рогоза, которые свидетельствовали о кардиосклерозе, склерозе аорты и декомпенсации сердца подследственного. Они писали, что больному необходим абсолютный покой, длительное лечение. Но у чекистов свои «процедуры». На всех этих просьбах одна резолюция: «отказать», «оставить без последствий». И святитель Лука ровно год невинно страдал в тюрьме, неся свой подвиг исповедничества Христа. Только 15 мая 1931 года последовал приговор. Выписка из протокола Особого совещания при Коллегии ОГПУ: «Постановили: Войно-Ясенецкого Валентина Феликсовича выслать через ПП ОГПУ в Северный край, сроком на три года, считая срок с 6.V.1930 года. Направить этапом». Кстати, «дело Михайловского» пересматривалось в 1932 году в Москве особо уполномоченным Коллегии ОГПУ. Пересмотр привел к заключению, что действительно И.П. Михайловский покончил жизнь самоубийством*.

Вторую ссылку епископ Лука считал легкой. Жил он в Архангельске, там ему позволили заниматься хирургической деятельностью. На квартиру его определи-

* Сведения о следствии изложены по материалам следственного дела, хранящегося в архиве МВД Узбекской Республики.

ли к пожилой женщине, Вере Михайловне Вальневой. Маленькая комнатка с крохотным оконцем, стол, стул, железная кровать, в углу икона. Молился Владыка келейно, а остальное время занимала работа с больными. Однажды к нему на прием пришла женщина с большим фурункулом на плече. Казалось бы, ничего особенного, но доктора заинтересовала черная мазь, которой пользовалась больная. Оказалось, что делала эту мазь хозяйка, которая сдавала ему комнату. Вначале он возмутился — подумать только, жить под одной крышей со знахаркой. Но потом научный медицинский интерес взял верх. Доктор стал расспрашивать хозяйку, как она приготавливает свои мази. Та ничего не скрывала и показала весь процесс приготовления. Владыка с интересом наблюдал: обеззараженная земля с огорода, мед, свежая сметана, какие-то травы. Так лечили в Архангельске деды и прадеды Веры Михайловны. Но что больше всего поразило профессора — это неизменный результат: раны очень быстро затягивались, боль утихала, гнойные скопления рассасывались. Пронаблюдав не один десяток случаев благотворного действия мази, доктор стал горячим сторонником этого метода. Антибиотиков тогда еще не существовало, и многие больные страдали от гнойных процессов. Чтобы глубже изучить этот метод, он добился от «отцов» города разрешения Вере Михайловне работать в больнице. Но и здесь нашлись завистники из коллег, которые начали возмущаться тем, что Войно-Ясенецкий «в медицинское учреждение притащил безграмотную знахарку». Начальство запретило работы с мазями.

В архангельской ссылке епископ-профессор разработал новый метод лечения гнойных ран. Его вызывали в Ленинград, и лично Киров уговаривал его снять сан, после чего обещал тут же предоставить ему институт. Но Владыка не согласился даже на печатание своей книги без указания сана [28, 287].

Возвращение из второй ссылки. Испытания

Срок ссылки кончался в мае 1933 года, но Владыку продолжали до ноября. В Москву он приехал лишь в конце ноября и сразу же явился в канцелярию Местоблюстителя митрополита Сергия. Сам Владыка так вспоминает об этом: «Его секретарь спросил меня, не хочу ли я занять одну из свободных архиерейских кафедр. Оставленный Богом и лишенный разума, я углубил свой тяжкий грех непослушания Христову велению: *Паси овцы Моя* —страшным ответом «нет»...» [2, 76]

Это был тяжелый период в жизни епископа-хирурга. Великое испытание несколько лет терзало его душу. До сих пор в этом несомненно великом человеке мирно сосуществовали два образа служения ближнему: духовное и телесное врачевство. И яркий пример евангелиста Луки, апостола и врача, и благословение Патриарха-исповедника Тихона, и благословение митрополита Сергия были тому подтверждением. Но истосковавшемуся в ссылке по настоящей работе профессору хотелось основать Институт гнойной хирургии, хотелось передать громадный врачебный опыт, накопленный годами таким тяжким трудом. А время шло, здоровье слабело, уже пятьдесят шесть...

В Министерстве здравоохранения епископу-профессору, только что вернувшемуся из ссылки, отказали. И он оказался на перепутье. Неутолимая тяга к хирургии, отказ в министерстве, невозможность ехать в Ташкент (так как кафедра была занята) — все это толкало его на необдуманные поступки. «На обеде у митрополита Сергия один из архиереев посоветовал мне ехать в Крым. Без всякой разумной цели я последовал его совету и поехал в Феодосию... Питался в грязной харчевне, ночевал в Доме крестьянина и наконец принял новое

бестолковое решение — вернуться в Архангельск. Там месяца два снова принимал больных в амбулатории». Затем короткое свидание с семьей в Ташкенте. Местное начальство работы не давало; вскоре удалось устроить-



ся в небольшой больнице в Андижане. Здесь он не только проводил операции, но и читал курс хирургии для специалистов. Но отклонив архиерейское служение, он мучился мыслью о том, что прогневал Бога. Редкую тропическую болезнь, сопровождавшуюся отсложкой сетчатки глаза, он принял как Божие наказание. Пришлось ехать в Москву, чтобы сделать глазную операцию. Причем оперировать пришлось дважды, так как первая операция была неудачной. «Я лежал с завязанными глазами после операции, — пишет он в мемуарах, — и поздно вечером меня опять внезапно охватило страстное желание продолжать работу по гнойной хирургии. Я обдумывал, как снова написать об этом наркомму здравоохранения, и с этими мыслями заснул. Спасая меня, Господь Бог послал мне необыкновенный вещий сон,

который я помню с совершенной ясностью и теперь, через много лет. Мне приснилось, что я в маленькой пустой церкви, в которой ярко освещен только алтарь. В церкви, неподалеку от алтаря, у стены стоит рака какого-то преподобного, закрытая тяжелой деревянной крышкой. В алтаре на Престоле положена широкая доска, а на ней лежит голый человеческий труп. По бокам и позади Престола стоят студенты и врачи и курят папиросы. Я читаю им лекцию по анатомии на трупе. Вдруг я вздрагиваю от тяжелого стука и, обернувшись, вижу, что упала крышка с раки преподобного, он сел в гробу и, повернувшись, смотрит на меня с немым укором. Я в ужасе проснулся... Непостижимо для меня, что и этот страшный сон не образумил меня» [2, 78]. «Я в письме или на словах через монахиню Софию Муравьеву обратился к схиархиепископу Антонию (Абашидзе) с просьбой высказать свое мнение по поводу имевшихся у меня угрызений совести вследствие оставления церковного служения и возвращения к хирургии. Он ответил мне в письме на имя священника Сергея Александрова — успокоительно» [26, 146].

«В своих покаянных молитвах я усердно просил у Бога прощения за это двухлетнее продолжение работы по хирургии, но однажды моя молитва была остановлена голосом из неземного мира: «В этом не кайся!» И я понял, что мои «Очерки гнойной хирургии» были угодны Богу, ибо в огромной степени увеличили силу и значение моего исповедания имени Христова в разгар антирелигиозной пропаганды» [2, 79].

И вот наконец осенью 1934 года, после десятилетней подготовки вышла в свет монография «Очерки гнойной хирургии». Коллеги высоко оценили этот серьезный научный труд, который не раз помогал им в повседневной хирургической практике. В.А. Поляков, хирург из Центрального института травматологии и ортопедии, так отзывается об «Очерках...»: «Пожалуй, нет другой такой книги, которая была бы написана с таким литературным мастер-

ством, с таким знанием хирургического дела, с такой любовью к страдающему человеку» [25, 130].

1935 и 1936 годы для святителя Луки были тихими и мирными. Он обосновался в Ташкенте, где получил в распоряжение главную операционную в Институте неотложной помощи, руководил третьим, самым большим корпусом этого института. Дети тоже радовали отца.

Старший, Михаил — ученый-врач в Таджикистане, в Сталинабаде, Алексей учится и работает в Ленинграде у известного физиолога Орбели. Валентин заканчивает медицинский в Ташкенте. Здесь же живет своей семьей и дочь с мужем, юрисконсульт Наркомпроса. При Владыке находился небольшой «монастырь» — монахини Лукия (Верхотурова) и Валентина (Черкашина), которые приехали за ним из енисейской ссылки, и монах Мелетий (Рукосуев), пятидесяти лет, бывший келейник красноярского епископа Амфилохия (Скворцова), работавший дворником и живший возле Владыки. Все они духовно окормлялись у Святителя.

Третий арест и ссылка

Но вот настал особенно тяжелый для Церкви период, когда наркомом НКВД стал Ежов, — 1937 год, год массовых арестов духовенства и всех подозреваемых во враждебном отношении к советской власти.

24 июля 1937 года чекисты явились в маленький домик в 1-м проезде Воровского, произвели обыск и арестовали святителя. На следующий день следователь Кириллов уже вел допрос. В архиве УКГБ по Узбекской ССР сохранилось следственное дело епископа Луки. На одной из его страниц есть фотографии. Седовласый шестидесятилетний старец с окладистой бородой сфотографирован в профиль и анфас. На другой — тот же старец

с коротко стриженной головой, без бороды и усов, с печатью страданий на лице. Вместе с епископом Лукой по этому делу были арестованы архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Борис (Шипулин), архимандрит Валентин (Ляхоцкий), несколько священников кладбищенской церкви Ташкента, среди них протоиерей Михаил Андреев и протодиакон кладбищенской церкви Иван Середа. Все они обвинялись в создании «контр-революционной церковно-монашеской организации», ставящей своей целью активную борьбу с советской властью, свержение существующего строя и возврат к капитализму. Но самым страшным было обвинение в шпионаже в пользу иностранной разведки [28, 29]. К этому не постеснялись добавить и обвинение Владыки в убийстве больных на операционном столе. Старший лейтенант Лацис называл заслуженного профессора «хирургом-вредителем». Для человека, всю свою жизнь спасавшего людей от недугов и смерти, это было особенно оскорбительно. Кроме того, в тюрьме всячески попирались его законные права: следователи препятствовали обращению к высшим представителям власти, в протоколы не вносили заявлений, оправдывающих подсудимого.

Протестуя против насильственного отрыва от священнослужения, хирургии, важной научной работы, против лишения семьи, свободы и чести, епископ Лука объявил голодовку и виновным себя не признал. Во время допросов он претерпел карцер, побои, издевательства. У чекистов был такой прием, который назывался «конвейер». Непрерывные допросы, сопровождаемые пытками и побоями, доводили подсудимого до умопомрачения. Обычно в таком состоянии и подписывался необходимый следствию документ, а обвиняемый навсегда исчезал в лабиринтах ГУЛАГа. Владыка Лука испытал на себе дважды нечеловеческую жестокость этого «изобретения»: «Этот страшный конвейер продолжался непрерывно день и ночь. Допрашивавшие чекисты сменяли друг друга, а допрашиваемому не давали спать

ни днем, ни ночью. Я опять начал голодовку протеста и голодал много дней. Несмотря на это, меня заставляли стоять в углу, но я скоро падал от истощения.

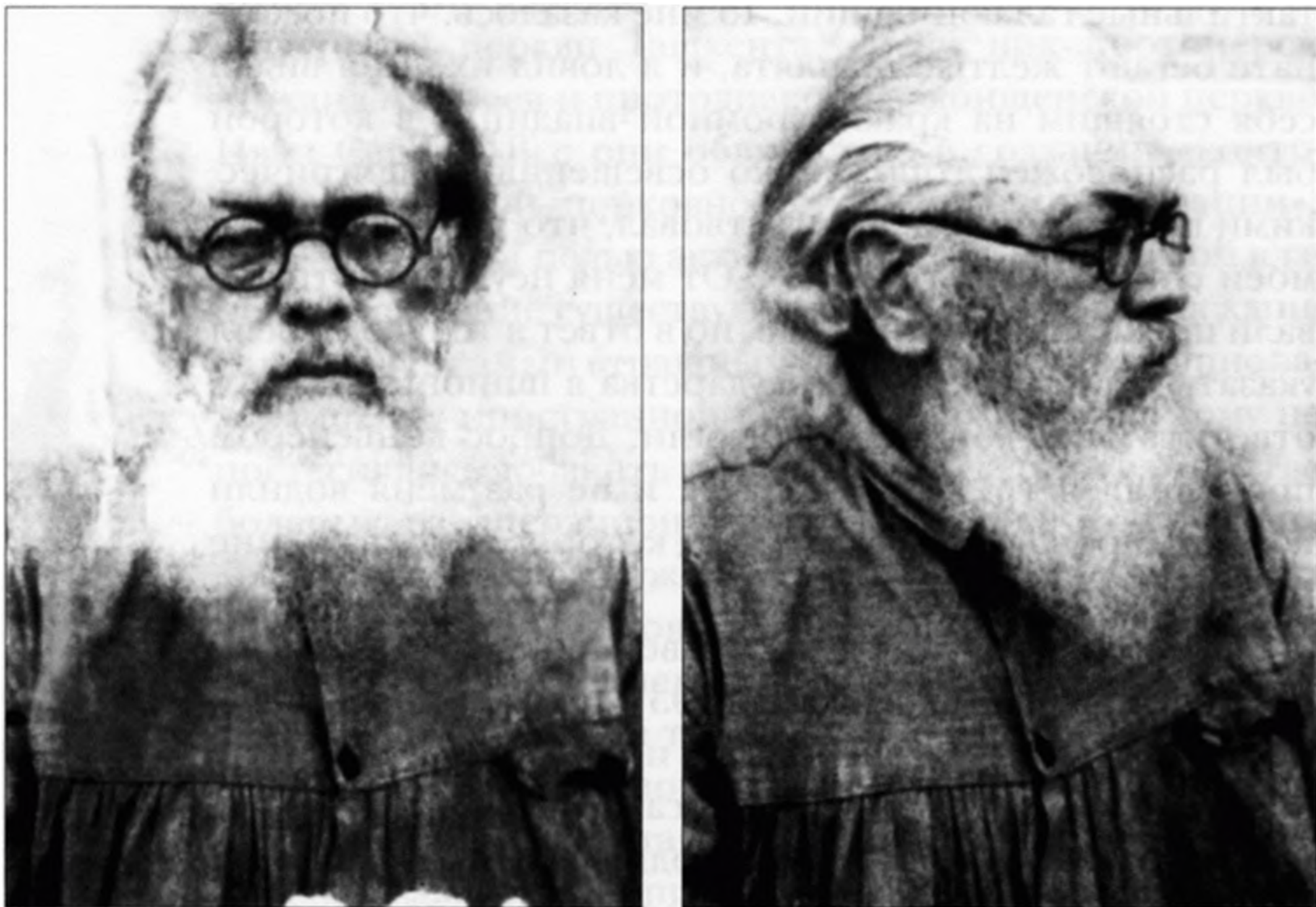
У меня начались ярко выраженные зрительные и тактильные галлюцинации. То мне казалось, что по комнате бегают желтые цыплята, и я ловил их. То я видел себя стоящим на краю огромной впадины, в которой был расположен город, ярко освещенный электрическими фонарями. Я ясно чувствовал, что под рубахой на моей спине шевелится змея. От меня неуклонно требовали признания в шпионаже, но в ответ я только просил указать, в пользу какого государства я шпионил. На это ответить они, конечно, не могли. Допрос конвейером продолжался тринадцать суток, и не раз меня водили под водопроводный кран, из-под которого обливали мне голову холодной водой» [2, 80].

После одного из таких конвейеров, продолжавшегося с 23 ноября по 5 декабря 1937 года, его, обессиленного от побоев и издевательств и, очевидно, ничего не понимавшего, заставили подписать протокол допроса. Обращает на себя внимание подпись. Она поставлена нетвердой, дрожащей рукой замученного человека. В этом протоколе писалось, что Войно-Ясенецкий якобы входил в состав контрреволюционной нелегальной организации, которая хотела свергнуть советскую власть и установить капиталистический строй.

Допрос прерван. Сердце сдало, с тяжелыми отеками ног его поместили в тюремную больницу. Когда в июле 1938 года возобновили допросы, то Владыка Лука сделал заявление, которое необходимо привести полностью, так как оно свидетельствует об огромном мужестве и дерзновении Святителя.

«В первом протоколе допроса я назван поляком по воле следователя. На самом деле я всю жизнь считался русским. Так как упоминание о моем дворянском происхождении придает неблагоприятную окраску моей

личности, то я должен разъяснить, что отец мой, дворянин, в юности жил в курной избе белорусской деревни и ходил в лаптях. Получив звание провизора, он лишь два года имел свою аптеку, а потом до



старости был служащим транспортного общества. Никакой собственности он, как и я, не имел.

В деле отсутствуют мои заявления Наркому о трех голодовках. Причиной первой, начатой тотчас после ареста, было крайнее возмущение неожиданным арестом среди напряженной научной работы, весьма важной для военно-полевой хирургии, и глубокое сознание своей непричастности к каким-либо преступлениям. На шестой день этой голодовки, когда я, по старости, был уже в тяжелом состоянии, меня допрашивал следователь Кириллов.

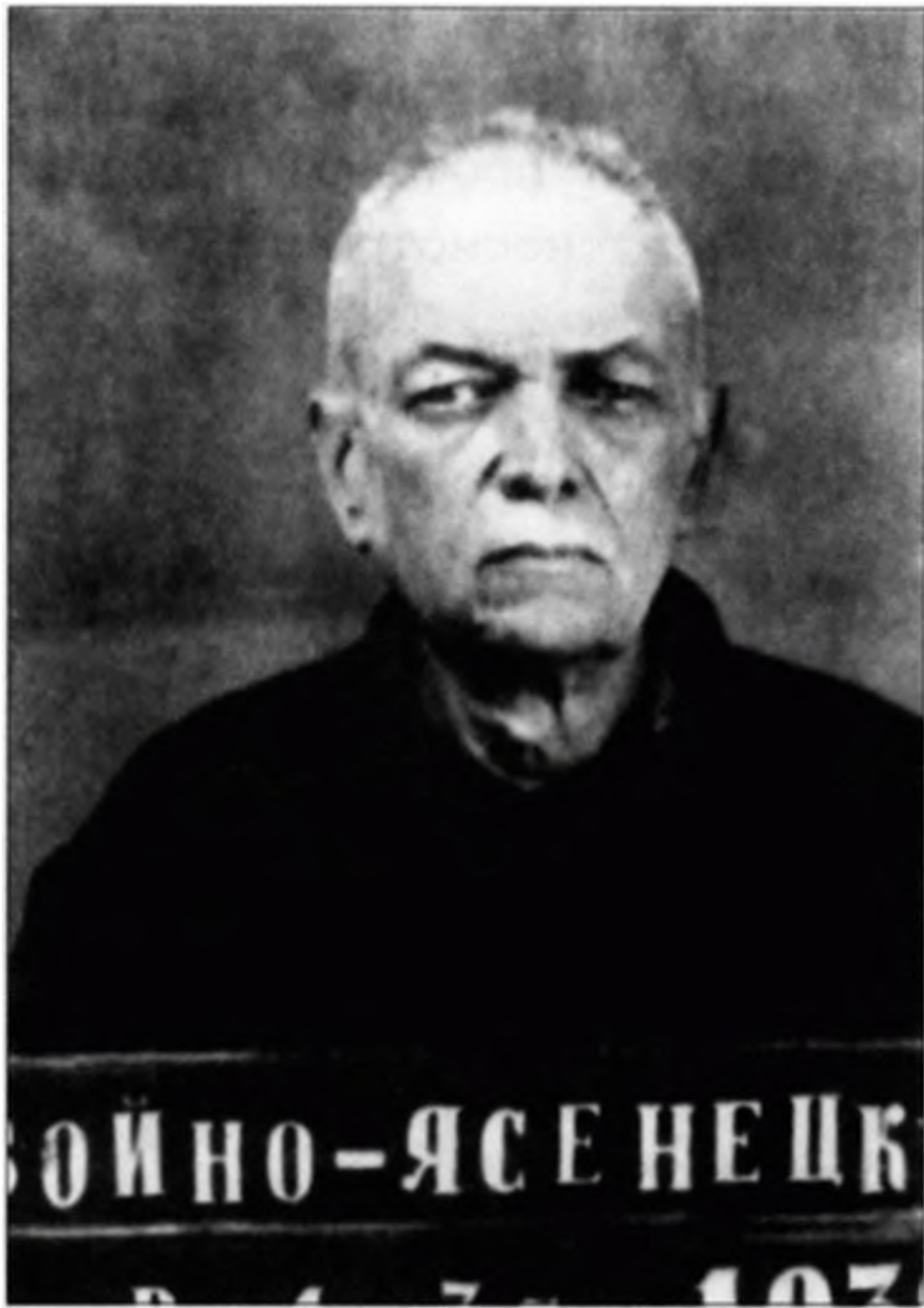
Вторая голодовка, начатая с первого же дня «непрерывки», была вызвана тем, что на меня внезапно обрушился поток ужасной ругани и оскорблений. Я предпочитал умереть от голода, чем жить с незаслу-

женным клеймом шпиона, врага народа, убийцы своих больных путем операций. Голодовка эта, как и первая, продолжалась семь дней, и следствие, в форме «непрерывки» при сидении на стуле день и ночь без сна, продолжалось. На седьмую ночь следователь Кириллов составил протокол о моем отношении к революции и к Советской власти. Этот протокол, датированный 23 ноября 1937 года, я, несмотря на тяжелое состояние от голода и лишения сна, долго отказывался подписать, но следователь Кириллов обманул меня обещанием продолжить протокол завтра и в нем изложить подлинные мои ответы... Прошу принять во внимание следующее изложение моего политического «credo»...

Признать себя контрреволюционером я могу лишь в той мере, в какой это вытекает из факта проповеди Евангелия, активным же контрреволюционером и участником дурацкой поповской контрреволюции я никогда не был, и до крайности оскорбительна мне роль блохи на теле колосса — Советской власти, приписываемая мне следствием и ложными показаниями моих оговорщиков. Все двадцать лет Советской власти я был всецело поглощен научной работой по хирургии и чистым служением Церкви, очень далеким от всякой антисоветской агитации. Совершенно неприемлемо для меня только отношение Советской власти к религии и Церкви, но и здесь я далек от активной враждебности.

Полное расхождение между подписанным мною протоколом от 5 декабря 1937 года и полным отрицанием своей вины при допросе в январе 1938 года, протокола которого в деле нет, и в протоколе допроса 23 февраля 1939 года объясняется мучением «непрерывки», т.е. допроса без сна. При сидении на стуле в течение трех недель я был доведен до состояния тяжелейшей психической депрессии, до потери ориентации во времени и пространстве, до галлюцина-

ций, до паралича задних шейных мышц и огромных отеков на ногах. Мучение было так невыносимо, что я неудачно пытался избавиться от него (без цели самоубийства) перерезкой крупной артерии. В кон-



це «непрерывки», дойдя до отчаяния, я предложил следователю Кириллову написать признание, в котором все будет сплошной ложью. На мой вопрос, ищет ли НКВД правды или нужна и ложь, следователь Кириллов ответил: «Чего же, пишите, может быть, нам что-нибудь и пригодится». Такой же точно ответ я услышал и от начальника 2-го отделения Лациса, которого следователь Кириллов позвал вместо Наркома, от которого я хотел получить санкцию слов Кириллова. Я предупредил, что никаких дальнейших

показаний о составе и деятельности неизвестной мне контрреволюционной организации я, конечно, дать не могу. Тем не менее на следующее утро Кириллов и Лацис потребовали этих показаний и составили акт о моем отказе от дальнейших показаний. Я немедленно начал третью голодовку с целью получить возможность в заявлении о ней сообщить Наркому о происшедшем. Голодовка продолжалась 7 дней, и заявления моего о ней в деле нет.

Профессор В.Ф. Войно-Ясенецкий.
29 марта 1939 года»

Совершенно неожиданно следствие документально зафиксировало еще одну несомненную добродетель святителя. Будучи сам, несмотря на свои напряженные

труды, на грани нищеты, когда его семья часто не видела самого необходимого, Владыка регулярно оказывал помощь ссыльным архиереям и священникам, посылая им деньги. Посылал он денежные переводы епископу Евгению (Кобранову), с которым познакомился в 1926 или 1927 году в Ташкенте. Регулярно отправлял по 50 рублей в месяц епископу Иоасафу (Жевахову), с которым встретился в ссылке в Архангельске. Протоиерею Боголюбову, знакомому по архангельской ссылке, до самой его смерти посылал ежемесячно по 30 рублей. Несколько раз помогал двум ссыльным епископам — Макарию (Кармазину) и Порфирию (Гулевичу). Ссылному священнику Мартину Римше, проживавшему под Красноярском, Владыка оказывал регулярную материальную помощь. В 1936 году с монахиней Софией он послал денег схиархиепископу Антонию (Абашидзе), который подвизался в затворе в Киеве. Владыка Лука был глубоко убежден в том, что церковная оппозиция митрополита Кирилла (Смирнова) и раскол, который учинил митрополит Иосиф (Петровых), губительны и для них, и для соблазненной паствы, и не одобрял их противостояния митрополиту Сергию, заместителю Патриаршего Местоблюстителя. Но милосердие Святителя подвигло его оказать материальную помощь этим двум митрополитам, когда они оказались в ссылке.

Особенно тяжелым испытанием для епископа Луки было предательство близких ему людей. Протоиерей Михаил Андреев, под руководством которого профессор Войно-Ясенецкий, можно сказать, воцерковлялся, когда посещал богословские собрания в вокзальной церкви Ташкента, который следовал вместе с епископом Лукой в далекую сибирскую ссылку, не выдержав тюремных пыток, лжесвидетельствует на Владыку. Архиепископ Борис (Шипулин), который был правящим Ташкентским архиереем и который, конечно же, знал об огромном авторитете и кристальной честности епископа-хирурга, тем не менее лжесвидетельствует на него.

И архимандрит Валентин (Ляхоцкий), неоднократно получавший от Владыки материальную помощь, подписывается под обвинением в том, что епископ Лука иностранный агент и государственный преступник. Протоиерей кладбищенской церкви Иван Середа тоже поливает грязью святителя. Но Владыка остается тверд на всех допросах, ни на кого не клеветает, никого не оговаривает. Он верит, что показания против него выбиты силой, хотя тот же протоиерей Иван Середа являлся секретным сотрудником ГПУ, а об архиепископе Борисе (Шипулине) Владыке Луке известно, что во время предыдущих арестов тот своими ложными показаниями погубил немало невинных людей. Впоследствии и протоиерей, и Преосвященный Борис передавали записки в камеру епископа Луки, где писали, что их показания вынужденны и искажены и на суде они от них откажутся. Но суда не последовало, и Особое совещание осудило епископа Луку к ссылке на пять лет в Красноярский край. Подписавшие же ложные обвинения архиепископ Борис, протоиерей Иван Середа, протоиерей Михаил Андреев и епископ Евгений (Кобранов) были приговорены к расстрелу, а архимандрит Валентин — к десяти годам лагерей.

Третья ссылка. Война

И вот — третья ссылка. На этот раз в районный центр Большая Мурта в ста десяти километрах от Красноярска. В марте 1940 года ссыльный Войно-Ясенецкий, епископ, хирург с мировым именем, живет и работает в районной больнице, что называется, за белье и питание. Церковь в Большой Мурте взорвали еще в тридцать шестом году, и Владыка ходил молиться в рощу, расположенную на окраине поселка. Здесь, в маленькой больнице,

он много оперирует и продолжает работу над «Очерками гнойной хирургии».

Когда началась Великая Отечественная война, епископ Лука не остался в стороне, не таил обиду. Он пришел к руководству райцентра и предложил свой опыт, знание и мастерство для лечения воинов Советской армии. В это время в Красноярске организовывался огромный госпиталь. С фронта уже шли эшелоны с ранеными.

В октябре сорок первого епископ Лука назначен консультантом всех госпиталей Красноярского края и главным хирургом эвакогоспиталя. Он с головой погружается в многотрудную и напряженную хирургическую работу. Самые тяжелые операции, осложненные обширными нагноениями, приходится делать прославленному хирургу. Раненые офицеры и солдаты очень любили своего доктора. Когда профессор делал утренний обход, они радостно приветствовали его. Некоторые из них, безуспешно прооперированные в других госпиталях по поводу ранений больших суставов, неизменно салютовали ему высоко поднятыми уцелевшими ногами.

Приезжавший в госпиталь с инспекторской проверкой профессор Приоров отмечал, что ни в одном из госпиталей он не видел таких блестящих результатов лечения инфекционных ранений суставов. Это было официальное признание беззаветного труда Преосвященного Луки на благо ближнего. Кроме того, его деятельность была отмечена грамотой и благодарностью Военного совета Сибирского военного округа [27, 48].

Срок ссылки закончился в середине 1942 года, и этой же осенью Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием епископ Лука возведен в сан архиепископа и назначен на Красноярскую кафедру. Итак, волей Божией и благословением священноначалия Владыка возвратился к архиерейскому служению. Но, возглавляя Красноярскую кафедру, он, как и раньше, продолжал хирургическую работу, возвращая в строй защитников Отечества.

Служение на Красноярской кафедре

А состояние епархии было ужасным. Когда Владыка Лука прибыл в ссылку в Красноярск в 1940 году, начальник районного НКВД заявил ему: «Во всей Сибири мы не оставили ни одной церкви». Это почти соответствовало действительности, так как к тому времени только в Новосибирске осталась незакрытой одна кладбищенская церковь. В начале марта 1943 года после усиленных хлопот святитель добился открытия маленькой кладбищенской церкви в слободе Николаевка, предместье Красноярска. Из города до этой церкви пять-семь километров, осенью и зимой дорога трудна и опасна, так как в Николаевке было много грабителей. Поэтому ко всенощной приходило мало богомольцев, и за год Владыка служил всенощную только два раза в большие праздники и вечерние службы Страстной седмицы, а перед обычными воскресными службами вычитывал всенощную дома, в госпитале, при шуме, доносившемся из концертного зала, расположенного недалеко от дома святителя. Только в последнее время за ним стали присылать лошадь, запряженную в розвальни, а почти год он ходил в церковь пешком и так переутомлялся, что в понедельник даже не мог работать в госпитале. Начиная свое служение в Красноярске Владыка с единственным в городе священником — протоиереем Захаровым. Он оказался нерадивым пастырем, и вскоре его пришлось запретить в священнослужении и представить доклад в Синод о снятии с него сана. Через три месяца после открытия церкви Бог послал второго священника, Николая Попова, смиренного и доброго пастыря, а за два-три месяца до отъезда из Красноярска Владыка Лука назначил настоятелем церкви Петра Ушакова, с помощью которого удалось обновить состав церковного совета,

председателем которого он и стал. При постоянном давлении властей на Церковь, когда уполномоченные по делам религии и НКВД ставили во главе церковных советов своих агентов, это было смелым поступком со стороны правящего архиерея. Но Владыка оставался верен своему призванию и всеми силами старался навести порядок в епархии. Запрещенный протоиерей Захаров вместе с сообщниками, которые расхищали церковные средства, усиленно добивались открытия Покровского собора, расположенного в центре города. Получив эту церковь, они надеялись пригласить туда обновленческого архиерея. Владыка сумел прекратить их раскольническую деятельность.

Из многих сел, районных центров и городов на имя архиерея поступали прошения об открытии церквей. Владыка направлял их в соответствующие органы, но оттуда приходил один и тот же ответ: «Ходатайства посланы в Москву, и по получении ответов вам будет сообщено». Это известный бюрократический прием, позволяющий благополучно замять любое дело. И действительно, ответов на запросы епархия не получала. Мало того, в некоторых городах и районных центрах представителей общин, подававших ходатайства об открытии церквей, встречали запугиванием и угрозами.

Таким образом, вся Восточная Сибирь от Красноярска до Тихого океана не подавала никаких признаков церковной жизни. По наблюдениям архипастыря и отзывам сибирских священников народ в Сибири, особенно Восточной, был малорелигиозен. К концу 1943 года во всей епархии действовала одна-единственная крошечная церковь в Николаевке. И архиепископ Лука понимал, что если не открыть храмы в различных местах Красноярского края, то возможно полное духовное одичание народа. Стремление к Богу, несмотря ни на что, сохранялось, особенно среди пришедших украинцев, резко отличавшихся от коренных сибиряков своей религиозностью. Но духовный голод в их среде привел к

тому, что богослужение и Таинства совершали миряне, даже женщины. Кроме того, много бродило по епархии всяких самозванцев, выдававших себя за священников, а то и просто мошенников, эксплуатировавших религиозность народа. Таким тяжелым было положение в Красноярской епархии, да и только ли в ней?..

8 сентября 1943 года в Москве состоялся Поместный Собор, на котором Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей был избран Патриархом. Среди участников торжеств был и архиепископ Лука. В списке из девятнадцати иерархов, членов Собора, он значится четвертым. На этом же Соборе красноярского архиерея избрали постоянным членом Священного Синода. Кстати, еще до созыва Собора между Владыкой Лукой и Патриаршим Местоблюстителем завязалась обширная переписка по основным вопросам современной жизни. Некоторые из писем митрополита Сергея можно было назвать небольшими богословскими трактатами [5, 17].

Владыка Лука, как человек долга, не терпел разгильдяйства и нерадивости. Он мог выгнать из операционной хирурга, уронившего на пол скальпель, так же строго поступал он и с недостойными пастырями. Митрополит Сергей в своих письмах смягчает жесткий ригоризм Владыки, увещевая его проявлять больше снисхождения к согрешающим членам Церкви. Архиепископ Лука ссылается на четкие и конкретные канонические правила, но соглашается с митрополитом Сергием, что «должную линию поведения в отношении отлучения надо искать где-то посередине» [11]. Владыка Лука проникся глубоким почтением к выдающемуся архипастырю. Во время предсмертной болезни Патриарха Сергея он неоднократно слал телеграммы в Чистый переулок, справляясь о его здоровье.

В 1943 году, в самый разгар войны, к многочисленным хирургическим операциям, которые проводил профессор-архиерей, спасая раненых солдат, добавилась еще обязанность участвовать в работе Синода. Владыка

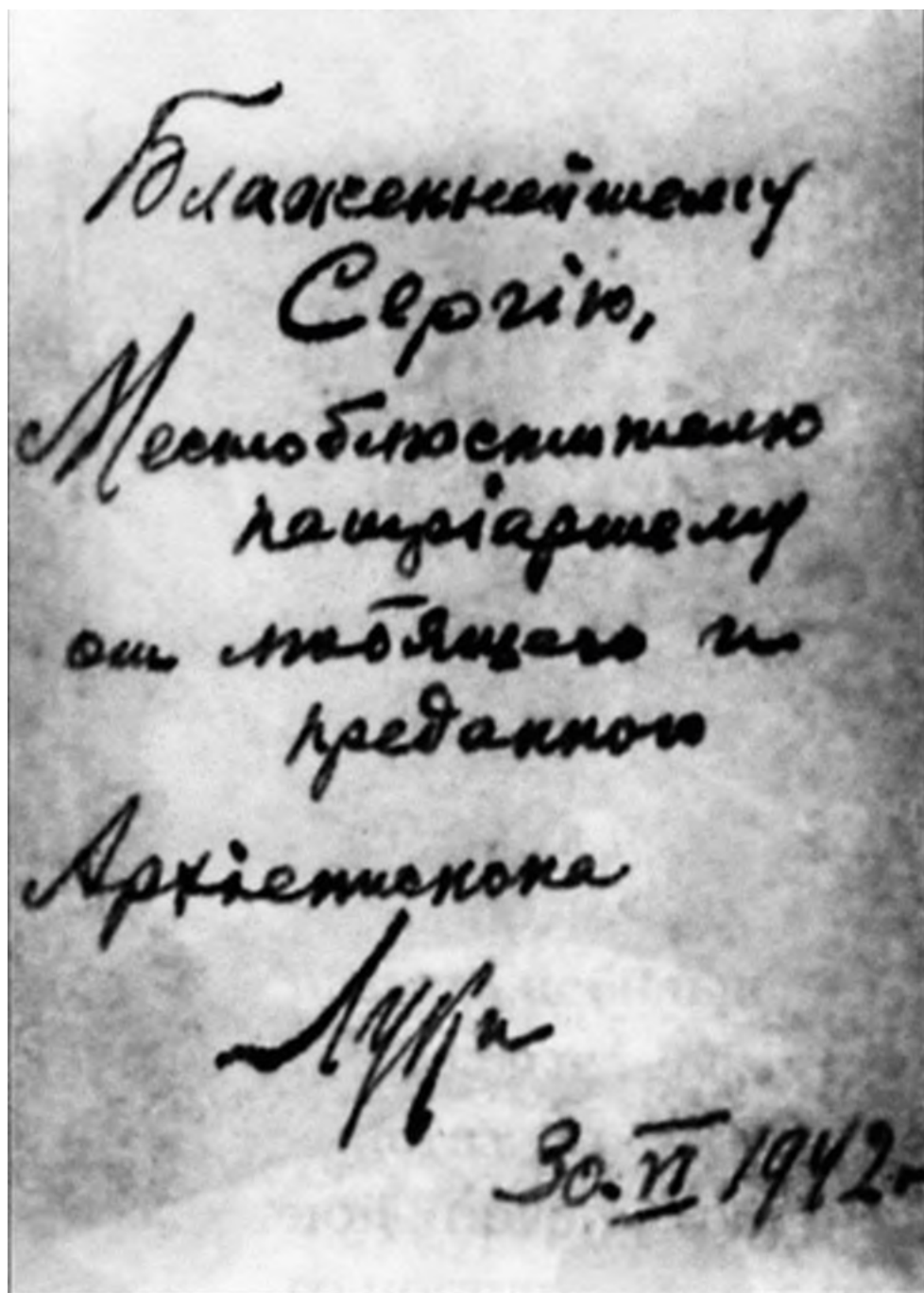
чувствует, что он физически не успевает справляться с возросшей нагрузкой. Он пишет Патриарху Сергию прошение, в котором излагает проблему. Дело в том, что заседания Синода проходят ежемесячно, а на дорогу из



Красноярска в Москву, учитывая военное время, уходит три недели. А в госпиталях его ждут раненые. Владыка смиренно просит перенести его участие в заседаниях Синода на более поздний, по возможности летний срок. Патриарх Сергей, принимая во внимание исключительную занятость Владыки, освобождает его от присутствия на заседаниях [12].

Напряженная работа архиепископа Луки в красноярских госпиталях давала блестящие научные результаты. В конце 1943 года опубликовано второе издание «Очерков гнойной хирургии», переработанное и значительно дополненное, а в 1944 году вышла книга «Поздние резекции инфицированных огнестрельных ранений суставов». За эти два труда ему была присуждена Сталинская премия I степени. Из двухсот тысяч рублей этой пре-

мии сто тридцать тысяч Владыка перечислил в помощь детям, пострадавшим в войне. Книги получили прекрасные отзывы коллег. В частности, академик И.А. Кассирский писал, что эти труды будут перечитываться и через пятьдесят лет.



Слава об архиепископ-хирурге растет, о нем уже пишут в США, специальный корреспондент ТАСС приезжает для того, чтобы сделать фотоснимки и взять интервью. По просьбе профессора С.С. Юдина скульптор лепит его бюст. Два местных художника пишут портрет Владыки.

В 1944 году, вслед за победоносным наступлением наших войск, эвакогоспитали переехали в Тамбов. Владыка Лука был назначен хирургом-консультантом. Его ожидало широкое поле деятельности в госпиталях

и областной больнице. Молодые врачи, работавшие под началом опытного профессора, получали немало ценных советов и наставлений. В феврале 1944 года Войно-Ясенецкий развернул научно-практическую работу, результаты которой изложены в монографии «О течении хронической эмпиемы и хондратах». Насыщенность и обширность хирургической работы была колоссальной. Шестидесятисемилетний Владыка работал по восемь-девять часов в сутки и делал четыре-пять операций ежедневно! Все это сказывалось на и без того подорванном в ссылках и тюрьмах здоровье. В письмах к Н.П. Пузину, знакомому по красноярской ссылке, ставшему впоследствии хранителем музея Л.Н. Толстого в Ясной Поляне, он с грустью сообщал о громадности нагрузки, о крайней усталости и неврозах.

Служение на Тамбовской кафедре

В том же 1944 году Владыка получил указ о назначении на Тамбовскую кафедру. По данным Тамбовского облисполкома, на 1 сентября 1942 года в области числилось сто сорок семь незакрытых церквей, однако действующими были только церкви в Тамбове и Мичуринске. Подавляющее большинство использовалось как подсобные и складские помещения. В Покровской церкви Тамбова и продолжил свое архипастырское служение святитель Лука. 26 февраля 1944 года в этом храме Владыка произнес свою первую проповедь: «Пятнадцать лет были закрыты и связаны мои уста, но теперь они вновь раскрылись, чтобы благовествовать вам слова Божии. Примите мои утешения, мои бедные, голодные люди. Вы голодны отсутствием проповеди слова Божия. Храмы наши разрушены, они в пепле, угле и развалинах. Вы счастливы, что имеете хоть небольшой, но все же храм. Он грязен, загажен, темен, но зато в сердцах наших горит свет Христов. Давайте сюда живописцев, художников. Пусть они пишут иконы, нам нужен ваш труд для восстановления уничтоженного, и вера засияет новым пламенем». Как писал в своих письмах Владыка, «тяжелый невроз прошел, когда возобновилось церковное служение» [27, 49].

В Покровском храме в Тамбове впервые прозвучали слова покаяния священнослужителей, примкнувших к обновленческому движению. Чин покаяния для тех, кто «в малодушии своем убоялся страданий за Христа и избрал путь лукавства и неправды», составленный самим архиепископом-исповедником, был достаточно строгим, но необходимым для очищения совести согрешившего [21].

С первых же дней управления епархией Владыка ходатайствовал об открытии в Тамбове большого двухэтажно-

го Спасо-Преображенского собора, который вместил бы всех верующих, но местные власти всячески препятствовали этому. Впервые после революции тамбовский архипастырь излагал перед Священным Синодом план возрождения духовной жизни в епархии: религиозное просвещение интеллигенции, знакомство ее с миром духовным, церковное воспитание детей, открытие воскресных школ для взрослых. Получив запрет на созыв общепархиального собрания духовенства и мирян, он обратился к верующим с призывом: «Примемся все, сильные и слабые, бедные и богатые, ученые и неученые, за великое и трудное дело восстановления Церкви Тамбовской и жизни ее» [21]. И, действительно, общенародный духовный подъем привел к тому, что к 1 января 1946 года было открыто двадцать четыре прихода.

Огромное впечатление на прихожан производили проповеди Святителя. Их приходили послушать и верующие и неверующие, в том числе и представители интеллигенции. Их записывали прямо в храме, а затем перепечатывали на машинке.

Прошло чуть больше двух месяцев после назначения на Тамбовскую кафедру, но эхо самоотверженной архипастырской деятельности святителя Луки докатилось и до Москвы. Уполномоченный по делам религии Г.Г. Карпов выговаривал Патриарху Сергию, что «тамбовский Владыка в хирургическом госпитале в своем кабинете повесил икону, перед исполнением операций совершает молитвы, на совещании врачей эвакогоспиталя за столом президиума находится в архиерейском облачении, в дни Пасхи 1944 года делал попытки совершать богослужения в нефункционирующих храмах, делал клеветнические выпады по отношению к обновленческому духовенству» [20, 76].

Святитель Лука, находясь на высоте своего архиерейского достоинства, никогда не угодничал перед властями, и это раздражало светских начальников всех рангов. Но тем не менее они не могли не замечать его огромного вклада в медицинскую науку и практическую хирургию.

В Тамбове он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

После смерти Патриарха Сергия, перед выборами нового Патриарха, в Москве состоялось Предсоборное совещание. На этом совещании Владыка Лука выступил с предложением вернуться к традиции Поместного Собора 1917-1918 годов и избирать Патриарха голосованием из нескольких предложенных кандидатур. Однако по не зависящим от него причинам на самом Соборе, где выбирали Патриарха, архиепископ Лука не присутствовал.

В феврале 1945 года Патриарх Алексий I наградил Владыку Луку правом ношения на клобуке бриллиантового креста.

Жители Тамбова и через сорок с лишним лет с благодарностью вспоминают труды святителя-хирурга. Вторая городская больница названа его именем. При этой же больнице создан музей архиепископа Луки и в 1994 году ему установлен памятник.

В 1945-1947 годах Владыка Лука работал над сочинением «Дух, душа, тело». По замыслу автора, эта книга имела целью религиозное просвещение отпавших от веры. Своими серьезными богословскими размышлениями о проблемах христианской антропологии Святитель Лука противостоял официальной оглушительной трескотне о непримиримом противоречии науки и религии. Рассматривая трехсоставность человеческого существа, взаимоотношение духа, души и тела, автор утверждал православное понимание природы человека в противовес атеистическому. В соответствии с Библией и учением святых отцов, он говорит о сердце как органе общения человека с Богом, как органе Богопознания. В книге очень много ссылок на Священное Писание. На нем, как на прочном фундаменте, Владыка строил свои доказательства. Свой труд он считал апологетическим — путем привлечения новейших научных данных и открытий он подтверждал истинность вероучительных догматов. Будучи сам



вдумчивым и основательным ученым и вместе с тем глубоко верующим человеком, занимающим высокую иерархическую ступень, он тем самым показал, что ничто не препятствует гармоническому сосуществованию веры и науки. К сожалению, при написании этой работы автору, в силу объективных причин, недоступны были все те труды, которыми он хотел бы воспользоваться. В письме к профессору Московской Духовной академии протоиерею А. Ветелеву он признавался, что когда писал свой труд «Дух, душа, тело», то ему пришлось очень немного читать, и все это сочинение явилось плодом только его собственных размышлений. По отзыву митрополита Мануила (Лемешевского), в его трактате встречаются спорные высказывания, не подтвержденные авторитетом Церкви [22, 160].

Карательная машина государственных репрессий преследовала Владыку Луку на протяжении одиннадцати лет — лучшего периода жизни для творческой активности и обобщения духовного и научного опыта, лишая его возможности спокойного академического изучения святоотеческого наследия. Относительно спорных моментов в труде архиепископа Луки нужно сказать, что Святая Церковь всегда ясно указывала на то, что некоторые суждения святых отцов, высказанные ими в их писаниях, являются их частным богословским мнением и догматического значения не имеют. Таковы, например, некоторые высказывания святителя Григория Нисского, блаженного Августина, преподобного Исаака Сирина. То же самое мы видим и в трактате святителя Луки «Дух, душа, тело». Да и сам Владыка делал оговорку, подчеркивая, что «мы не в силах достаточно ясно уразуметь тайны домостроительства Божия, и только Священное Писание и подвиг веры помогают приподнять эту таинственную завесу» [23, 48].

Служение на Крымской кафедре

Указ Патриарха о переводе на Крымскую кафедру святитель принял как волю Божию. Во время Великой Отечественной войны в Крыму шли особенно жестокие бои. Приехав в Симферополь в мае 1946 года, Владыка в полной мере ощутил тяжесть разрухи первых послевоенных лет. Поселился архиепископ на втором этаже двухэтажного дома на улице Госпитальной. Здесь же расположилась и его канцелярия. Со стороны главной проезжей улицы — Пролетарской — была пристроена домовая церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Совсем рядом находились Петропавловский и кафедральный Свято-Троицкий соборы.

Владыка ревностно приступает к своему служению на новом месте. Много работы по упорядочению епархиальных дел легло на плечи семидесятилетнего старца. Церкви разрушены, народ в нищете, священников не хватает, власти используют любые возможности, чтобы закрыть тот или иной храм. Но несмотря на преклонный возраст, на болезни, которые одолевают его, архиепископ Лука употребляет много сил и энергии по наведению порядка в епархии.

Местное начальство, по всей видимости, вряд ли обрадовалось приезду прославленного архиепископа-хирурга. Он не заискивал и не гнул перед властью имущими, что выяснилось с первых же шагов Владыки на крымской земле. По приезде в Симферополь он не явился лично к уполномоченному по делам Русской Православной Церкви Я. Жданову, а прислал секретаря с сообщением о своем вступлении на кафедру. Естественно, это взбесило уполномоченного, и он потребовал личной явки архиерея. Владыка приехал, и между ними состоялся тяжелый разговор; архипастырь настаивал, в частнос-

ти, на том, чтобы его называли не по имени и отчеству, а как положено: «Владыка» или «Ваше Преосвященство».

Архиепископ Лука назначал, увольнял, перемещал духовенство без согласования с уполномоченным. А когда тот стал оказывать давление на архиерея и препятствовать его деятельности, Владыка написал жалобу в Москву о том, что крымский уполномоченный охотно закрывает и неохотно открывает церкви. В поселке Советском Владыка уволил церковного старосту. Тот, пользуясь поддержкой власти, продолжал чинить безобразия в церкви. Архиепископ Лука обратился в местные советские органы с просьбой удалить его, но уполномоченный прислал бумагу, где «разъяснял о невмешательстве в церковные дела советских органов». Как видно из доклада в Москву Я. Жданова, архиерей за малейшее нарушение канонических правил лишал сана, увольнял за штат, переводил с одного прихода на другой, не считаясь ни с какими желаниями или оправданиями священников. А тех пастырей, которые в заключении и ссылках безвинно страдали за Христа, приближал к себе, назначал на лучшие приходы [16].

Уполномоченные Я. Жданов, а за ним и А. Яранский характеризуют Владыку как самолюбивого и высокомерного. Но вся жизнь Святителя показывает, что не может быть самолюбивым человек, положивший все свои силы на благо служения ближнему. Служения до полного забвения себя, до самопожертвования. Не может быть высокомерным такой хирург, для которого каждый человек — это страдающее Божие создание, нуждающееся в его помощи. И не понять советским чиновникам, что не тщеславие руководило поступками архиерея, когда он требовал подобающего к себе отношения, а осознание исключительности благодатного служения, возложенного на него как на преемника святых апостолов. Сохранилось письмо Владыки к протопресвитеру Николаю Колчицкому, где особенно явлено смирение святителя. «Признаться, я смущен вашим чрезмерно высоким мне-



нием о мне и думаю, что вы очень преувеличиваете, ставя меня чуть ли не первым среди иерархов Русской Церкви. Я сам мало с кем из них знаком, но вполне уверен, что среди них есть много гораздо более сильных, чем я, в вере, благочестии, Православии, любви, обладающих высокими нравственными достоинствами, которых мне недостает» [10].

Сохранилась небольшая часть указов и посланий, с которыми обращался Владыка к своей пастве. В 1948 году, учитывая тяжелейшее состояние сельских приходов епархии, святитель обратился с рапортом к Патриарху. В нем он сообщал, что храмы по воскресным и праздничным дням пустуют, народ отвык от богослужений. Кое-как сохраняется обрядоверие; о венчании, об отпевании умерших народ забыл, очень много некрещеных детей. По мнению архиепископа Луки, причина отчуждения народа от Церкви лежит в том, что верующие лишены возможности посещать богослужения, потому что местные сельские власти в воскресные и праздничные дни принуждают исполнять колхозные работы, или устраивают «воскресники», или производят ветеринарный осмотр скота. Владыка просит Святейшего Патриарха ходатайствовать перед правительством о предоставлении верующим права свободно посещать церковь в праздничные дни. Получив от Святейшего Патриарха Алексия I благословение на месте решать эту проблему, Владыка Лука предписывает благочинным собрать конкретные данные, кто из местных властей умышленно препятствует верующим посещать церковь под разными предлогами, чтобы потом поставить вопрос перед уполномоченным [6, 69].

Святитель также внимательно следил за церковным благочинием: «Приближается Великий пост, а поэтому прошу отцов благочинных напомнить всем священнослужителям вашего благочиния об обязательном применении на исповеди в дни поста правил св. Иоанна Постника и проследить за выполнением этих правил» [6, 101].

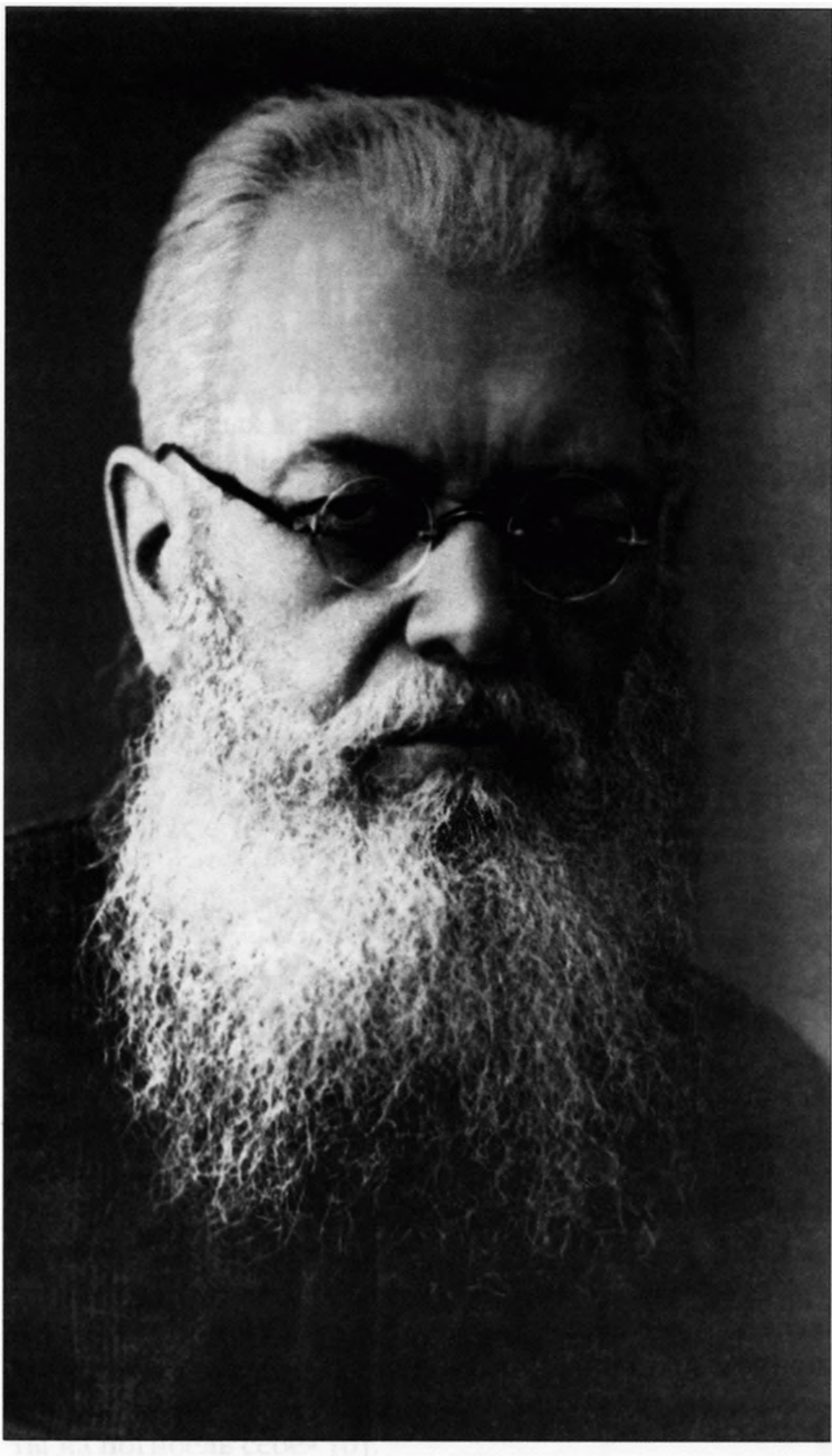
«Некоторые священники крестят подростков, юношей, девушек и взрослых без всякого оглашения, при полном незнании крещаемыми даже самых элементарных начатков христианского учения. Вменяю в обязанность священникам научать желающих принять Таинство крещения Символу веры с объяснением его, Десяти заповедям и Заповедям блаженств и важнейшим молитвам. Без такого оглашения не крестить достигших сознательного возраста. В восприемники и восприемницы при крещении ни в коем случае не принимать неверующих и имеющих некрещеных детей» [6, 100].

«Великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему; я желал бы лучше сам быть отлученным от Христа (Рим. 9, 2-3), чем видеть, как некоторые из вас отлучают от Христа, от веры в Него и любви к Нему слабых верою овец стада Христова своим корыстолюбием. Не есть ли священнослужение вообще, а в наше время в особенности, тяжелый подвиг служения народу, изнывающему и мучающемуся от голода и жажды слышания слов Господних (Ам. 8, 11)? А многие ли священнослужители ставят своей целью такой подвиг? Не смотрят ли на служение Богу как на средство пропитания, как на ремесло требоисправления? Народ очень чутко распознает таких. Что делать с таким священником? Попробую устыдить его, затронуть лучшие стороны сердца его, переведу в другой приход с строгим предупреждением; а если и там не исправится, уволю за штат и подожду, не пошлет ли Господь на его место доброго пастыря.

Тяжкие испытания и страдания перенесла Церковь наша за время Великой революции, и, конечно, не без вины. Давно, давно накаплился гнев народный на священников...

И с отчаянием видим мы, что многих, многих таких и революция ничему не научила. По-прежнему, и даже хуже прежнего, являют они грязное лицо наемников — не пастырей, по-прежнему из-за них уходят люди в секты на погибель себе» [6].





Архиепископ Лука, сам истово совершавший богослужения, требовал того же и от духовенства. Он внушал священникам, что они не имеют права сокращать богослужения, собирал съезды благочинных, чтобы обсудить положение на приходах и решить важные церковные проблемы. Владыка считал совершенно недопустимым крещение обливанием. Настоятеля Ильинского храма города Саки он запретил в служении на полгода за крещение обливанием, а также сокращение чинопоследования Таинства, за хранение запасных Святых Даров в своей квартире, расположенной в двух шагах от церкви, и за упорное ношение гражданской одежды [6, 27].

Строг был Владыка к нерадивым священнослужителям. Не раз он грозно вопрошал их: «Какой ответ дам за вас Богу?» Но нуждающимся он всегда приходил на помощь, несмотря на их недостойность. Был в Крымской епархии заштатный иерей Григорий Алейников, который в пору своей бурной молодости десять лет находился в обновленчестве, затем в 1942 году был рукоположен в Православной Церкви, но на новом месте служения зарекомендовал себя очень плохо. Неоднократно увольняли его за штат с понижением в должности до псаломщика за небрежное исполнение священнических обязанностей. Некоторое время он был в запрете за пьянство. Но когда на старости лет оказался совершенно одиноким (детей нет, жена убита в 1942 году) и без средств к существованию, то святитель Лука, сжалившись над его убожеством, хлопотал перед Святейшим Патриархом о назначении пенсии [8].

Особенным посланием увещевал Святитель священников и диаконов, чтобы не забывали об обязанности учить народ. Сам Владыка был выдающимся проповедником: собрано около одиннадцати томов его проповедей. Он был избран почетным членом Московской Духовной Академии. Святейший Патриарх Алексий I в феврале 1959 года намеревался внести предложение на очередное заседание Священного Синода о присуждении архиепископу Луке степени доктора богословия [20, 51].

Прихожане кафедрального собора слышали проповеди Владыки не только в воскресные и праздничные дни, но и в будние, после Литургии. Его слово имело особенную силу и действенность, потому что перед прихожанами стоял не кабинетный ученый, пересказывающий прочитанное в богословских книгах, а убеленный сединами старец-архипастырь с богатым житейским и духовным опытом, прошедший одиннадцать лет тюрем и ссылок и имеющий не только каноническое, но и моральное право учить народ и призывать его к подвигам во имя Христа. Удивительное дело: на святителе Луке с буквальной точностью сбылись Господни слова: *Если Меня знали, будут знать и вас, если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваши* (Ин. 15, 20).

Две тысячи лет тому назад у ног Христа сидели люди, которые с чистой душой и открытым сердцем внимали Его словам, но были среди них и те, которые, дыша злобой, внимательно вслушивались в слова проповеди, чтобы уловить в чем-то Христа, обвинить Его. Так и среди слушателей архиепископа Луки были те, кто «по долгу службы» скрупулезно фиксировал каждый «неблагонадежный» момент в его проповеди. В секретном письме секретаря Крымского обкома ВКП(б) Н. Соловьева от 28 октября 1948 года слышатся отголоски антихристианской злобы двухтысячелетней давности. Вот набор типичных фраз из его лексикона, за каждую из которых можно было бы навсегда исчезнуть в застенках НКВД: «Вся «религиозная» деятельность Луки носит ярко выраженный антисоветский характер... По приезде в Крым Лука развивает энергичную религиозную деятельность... В своих проповедях Лука открыто и систематически проповедует сочувствие к царскому самодержавию и ненависть к советскому строю и его руководителям... В силу особого положения Крыма, как пограничной полосы, мы считаем необходимым через соответствующие органы удалить Луку из Крыма» [17, 4]. Но не догадывался гонитель, что ровно через два года, 27 октября 1950 года,

на закрытом заседании Верховного Суда СССР он сам будет говорить свое последнее слово перед тем, как ему будет вынесен смертный приговор...

Вследствие этого доноса Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР потребовал от Московской Патриархии запретить архиепископу Луке выступать с проповедями. Состоялась беседа Владыки со Святейшим Патриархом Алексием I. Архиепископ пообещал постепенно отменить свои проповеди в будние дни, а по воскресеньям и праздникам ограничиться толкованием Священного Писания. Но Г.Г. Карпов продолжал гонение на святителя и в письме к Сталину требовал «в благоприятный момент при наличии надлежащего повода подвергнуть изоляции» Владыку [17, 4].

По тем временам проповеди архипастыря были очень смелыми. Он открыто и безбоязненно высказывал свои мысли по актуальным вопросам: «Теперь у нас Церковь отделена от государства. Это хорошо, что государство не вмешивается в дела Церкви, но в прежнее время Церковь была в руках правительства, царя, а царь был религиозным, он строил церкви, а теперь такого правительства нет. Наше правительство атеистическое, неверующее. Осталась теперь горсточка верующих русских людей, и терпят беззакония другие... Вы скажете, правительство вам, христианам, нанесло вред. Ну что же, да, нанесло. А вспомните древние времена, когда ручьями лилась кровь христиан за нашу веру. Этим только и укрепляется христианская вера. Это все от Бога». Утешая страдающий от безбожников верующий народ, Владыка в своей проповеди 9 ноября 1947 года предсказывал в будущем облегчение скорбей: «Если вы спросите меня, когда же прекратятся эти лишения и будет хорошая жизнь, то я скажу вам, что прошедшие тридцать лет — это ничтожный срок. Пройдет еще много десятков лет, прежде чем жизнь наша будет вполне нормальной» [17, 4].

Какое огромное мужество нужно было иметь, какую твердую веру и несомненную надежду на помощь Божию, чтобы говорить людям истину в окружающем потоке лжи, безверия и цинизма!

В своем послании в июне 1955 года Владыка призывал священнослужителей епархии постоянно возвещать слово Божие: «Если священник главным делом жизни своей поставил насыщение ума и сердца своего учением Христовым, то от избытка сердца заговорят уста. И не обязательно проповедь должна быть витиеватой. Дух Святой, живущий в сердце священника, как в Своем храме, Сам проповедует его смиренными устами» [6].

В послевоенное время, когда Церковь испытывала острую нехватку священнослужителей, появилось много людей, выдававших себя за священников. Иногда это были священники, запрещенные в служении законной архиерейской властью, а иногда просто аферисты. Владыка Лука дал распоряжение, чтобы о таких подозрительных лицах сообщали ему. Он разослал по приходам синодики, в которых были перечислены имена умерших священников, служивших в Крымской епархии. Эта благочестивая традиция сохраняется в Свято-Троицком кафедральном соборе и доныне, когда на богослужениях поминаются имена усопших клириков, монахов и монахинь давно разоренных и уничтоженных монастырей.

Сохранились официальные документы в связи со скандалом в Свято-Никольском храме города Белогорска. 16 ноября 1959 года был подписан Указ № 66. Подпись «Архиепископ Лука» сделана неразборчиво, рукой совершенно слепого человека. Но твердостью духа и мужеством дышат строки Указа: «За присвоение себе архиерейского права — увольнение священника, за проведение собрания без участия настоятеля церкви, за закрытие на замок Свято-Николаевского собора города Белогорска и удержание ключей от него бывшего церковного старосту Марка Софроновича Вишневого и Андрея Аркадьевича Галашкина запрещаю в причастии

Святых Таин Христовых на пять лет каждого и навсегда лишаю права быть избираемыми в церковный совет... Настоящий Указ мой должен быть оглашен с амвона в три праздничных дня после Литургии...» [6, 36]. Это было в конце пятидесятых годов, когда старосты при поддержке властей и уполномоченных начинали руководить всеми делами прихода, считая себя князьками и истинными хозяевами в церкви, всячески игнорируя распоряжения настоятеля и священников. Эта тенденция будет официально закреплена в Уставе 1961 года. Но сам процесс ломки веками установившейся приходской жизни начался гораздо раньше.

Суров Высокопреосвященнейший Владыка к строптивым овцам своего стада. Но, видя раскаяние согрешивших, уменьшает отлучение от Причастия. Не прошло и месяца, как святитель милостиво принял искреннее раскаяние припавших к его стопам грешников и уменьшил епитимию.

Святитель Лука очень внимательно относился к нуждам клириков епархии. Так, на съезде благочинных он поднимал вопрос о достойной оплате труда диаконов, псаломщиков и регентов. Регулярно рассылал по приходам анкеты, в которых просил указать, какое жилье имеют члены клира, сколько за него платят и нужно ли ставить вопрос об улучшении жилищных условий. Он также интересовался, не претерпел ли кто из священнослужителей ущемлений со стороны финансовых органов при обложении подоходным налогом.

Необходимо отметить, что взаимоотношения с властями, особенно с уполномоченным по церковным делам, были очень тяжелыми для Владыки. Разными путями хотели они закрыть как можно больше церквей. В ход шли любые выдуманные причины. То в храме отыскивалась маленькая трещина, которая на бумаге вырастала до невероятных размеров, то возводилась клевета на священника, чтобы его изгнать из прихода, а храм закрыть. В таких случаях святитель всячески защищал священников.

В середине 50-х годов Никитой Хрущевым был объявлен очередной поход против Церкви, последовал новый виток антирелигиозной пропаганды.

После выхода в свет печально известного Постановления ЦК КПСС и выступления Хрущева святитель Лука обратился с проповедью к растерянной и напуганной пастве. «Не бойся, малое стадо» — так называется его проповедь, произнесенная в праздник Покрова Пресвятой Богородицы в 1954 году. «Везде и повсюду, несмотря на успех пропаганды атеизма, сохранилось малое стадо Христово, сохраняется оно и поныне. Вы, вы, все вы, слушающие меня, — это малое стадо. И знайте и верьте, что малое стадо Христово непобедимо, с ним ничего нельзя поделать, оно ничего не боится, потому что знает и всегда хранит великие слова Христовы: *Созижду Церковь Мою, и врата адаовы не одолеют ее* (Мф. 16, 18). Так что же, если даже врата адовы не одолеют Церкви Его, то чего нам смущаться, чего тревожиться, чего скорбеть?! Незачем, незачем! Малое стадо Христово, подлинное стадо Христово неуязвимо ни для какой пропаганды» [6, 125].

После приезда в Симферополь в 1946 году Владыка рассчитывал на то, что его знание и опыт в хирургии будут востребованы. Однако прошло полтора месяца, прежде чем разрешение на медицинскую деятельность было получено. С 1946 года профессор Войно-Ясенецкий был консультантом госпиталя в Симферополе, помогал госпиталю инвалидов Великой Отечественной войны. До конца 1947 года он как хирург и профессор читал доклады, лекции врачам, оперировал больных и раненых [16]. Уполномоченный Я. Жданов характеризовал врачебную деятельность архиепископа Луки как активную.

Владыка аккуратно посещал собрания Хирургического общества, куда приходили гражданские и военные врачи, внимательно слушал их доклады, выступления, обязательно вносил необходимые поправки.

Однажды на заседании, по свидетельству врача Г.Ф. Пятидверной, один военный хирург задал вопрос Владыке: «Как вы, такой специалист, хирург, можете верить в Того, Которого никто никогда не видел, в Бога?»

Профессор ответил: «Вы верите в любовь?» — «Да». — «Вы верите в разум?» — «Да». — «А вы видели ум?» — «Нет». — «Вот так и я не видел Бога, но верю, что Он есть» [7].

Были опубликованы результаты его последних медицинских исследований. Но сам вид профессора, читающего лекции неизменно в рясе и с панагией, до того раздражал медиков, что в Алуште однажды его доклад был сорван. Руководство работой хирургических амбулаторий и чтение лекций по гнойной хирургии было также отменено. Ему было рекомендовано читать доклады и лекции на медицинские темы не в архиерейской, а в светской одежде. Святитель Лука категорически отказался. Тогда его перестали приглашать для чтения лекций. Профессор П.П. Царенко, в свое время слушавший лекции В.Ф. Войно-Ясенецкого в Ташкентском университете и пытавшийся изгнать «попа» из аудитории, исправил свою неудачу тем, что снова стал инициатором гонения на Владыку, но уже в Симферополе. По его настоянию руководство Крымского мединститута не дало возможности преподавать знаменитому профессору [26, 457].

Сохранилось письмо, в котором Владыка Лука отвечает на вопросы студентов мединститута, изложенные профессором П.П. Царенко:

«Многоуважаемый Петр Петрович!

В ответ на недоумение ваших студентов по поводу моего архиерейского служения им следовало бы сказать, что очень странно отрицать то, чего не знают и не понимают, и судить о религии только по антирелигиозной пропаганде. Ибо, конечно, среди них вряд ли найдется кто-нибудь, читавший



Священное Писание. Наш великий физиолог Павлов, академик Владимир Петрович Филатов, каноник (т.е. священник) Коперник, преобразовавший всю астрономию, Луи Пастер умели же совмещать научную деятельность с глубокой верой в Бога.

Глубоко религиозным я был с самого детства, и вера моя не только не уменьшалась, как они думают, по мере приближения глубокой старости (мне скоро будет 82 года), а все более усугублялась.

За 38 лет своего священства и архиерейского служения я произнес около 1250-ти проповедей, из которых 750 записаны и составляют 12 толстых томов машинопечати. Советом Московской Духовной Академии они названы «исключительным явлением в современной церковно-богословской жизни» и «сокровищницей изъяснения Священного Писания», и я избран почетным членом Академии. Как видите, это очень далеко от примитивных суждений вашей студенческой молодежи. Свои «Очерки гнойной хирургии» я написал, уже будучи епископом.

С почтением, архиепископ Лука. 1959 г.»

Святитель-хирург продолжал врачебную практику у себя дома. На двери его кабинета было вывешено объявление, которое сообщало, что хозяин этой квартиры, профессор медицины, ведет бесплатный прием ежедневно, кроме праздничных и предпраздничных дней. Много больных стекалось к профессору-епископу, и никому он не отказывал в помощи. До сих пор исцеленные с благодарностью вспоминают своего доктора.

Однажды к нему на прием пришла худая, изможденная женщина с перевязанным горлом, Александра Васильевна Борисова. В 1948 году ее мужа, офицера, направили служить на Дальний Восток. Там она простудилась, сильно заболело горло. В военном госпитале, несмотря на активное лечение, состояние больной не улучшалось. Болезнь прогрессировала: высокая температура, страшная боль в горле. Глотать невозможно, в течение долгого

времени она пила только воду. Консилиум врачей сообщил, что помочь уже ничем не может, и предложил больной вернуться на родину, в Крым. Можно понять отчаяние молодой женщины, матери двоих детей. Родители, люди верующие, повели ее к Владыке Луке. Тот доброжелательно принял больную, осмотрел горло и сказал, что если бы она не обратилась к нему, то исход был бы плачевным. Владыка помолился, перекрестил больную и сказал: «Теперь ты будешь здорова. Сними с горла повязки, понемногу ешь все, больше кислую и соленую пищу. А перед едой и после еды полощи горло раствором — на стакан воды чайная ложка соли и две-три капли йода». Больная вышла от Святителя, почувствовав бодрость и легкость в теле, и на второй день забыла, что у нее болело горло. Через месяц она поехала на Дальний Восток к мужу, и там все были удивлены ее быстрым выздоровлением. Сама Александра Васильевна считает, что с ней произошло чудо — святитель Лука исцелил ее [7].

У подполковника, участника Великой Отечественной войны, в 1947 году в семье случилось горе. Его четырехлетний сын, играя, сломал себе руку в запястье. Врачи наложили гипс, но после снятия гипса оказалось, что кости срослись неправильно. Врачи собирались снова сломать руку, чтобы исправить искривление. Испуганные родители обратились к архиепископу Луке. Тот внимательно осмотрел руку мальчика и сказал: «Ломать не надо. Мальчик растет, и кости его растут, все рассосется, и косточки выровняются, а Господь поможет». Так и получилось. Родители хотели дать доктору вознаграждение, но он отказался, сказав, чтобы они жертвовали, сколько могут, на Церковь и на бедных, и дал адреса нуждающихся семей [7, свидетельство Ю.Н. Орловой].

Нужно сказать, что для святителя-хирурга Луки не было «медицинского случая», а был живой страдающий человек, и физическое выздоровление он всегда связывал с обращением к Богу, всегда учил больных у Бога просить выздоровления. Как-то Владыка увидел мужчину,

который держал на руках грудного младенца. В глазах отца было столько горя и безысходности, что святитель заговорил с ним. Оказалось, что в семье молодого, подающего надежды актера Юрия Демидова случилось горе. В праздник Благовещения его жена Анастасия, покормив пятимесячную дочь, уложила ее спать, а сама занялась домашними делами. Заметив в углу на потолке паутину, она тут же решила обмести ее, забыв, как в детстве учили ее родители об особенном почитании праздника Благовещения. Она стала на край бака с вываривающимся бельем. Бак пошатнулся, и Анастасия, потеряв равновесие, обеими ногами провалилась в кипящую воду. Ее сразу же отвезли в больницу. В отделении она оказалась самой тяжелой больной.

Положение усугублялось еще тем, что она была кормящей матерью. Юрий как раз и возвращался из больницы, куда он трижды в день возил кормить маленькую девочку. Владыка внимательно выслушал рассказ и сказал: «Я был на обходе и помню эту больную. Что ж. Господь милостив, молитесь. А я, с Божьей помощью, чем смогу — помогу». И, посмотрев на Юрия, еще раз повторил требовательно: «Молитесь!»

На следующий день в больнице состоялся консилиум. Все хирурги, а их было четверо, решили ампутировать обе ноги, так как положение было очень сложным. Но профессор Войно-Ясенецкий настаивал на лечении. Коллеги удивились:

— Лечить?! Профессор, но ситуация безнадежная, происходит распад ткани, вы же видели! В любой момент может начаться заражение!

— Будем лечить! Гноем. Ее же гноем.

Врачи с сомнением качали головами, но спорить с автором «Очерков гнойной хирургии» никто не решился.

...Каждую весну, в течение многих лет, приезжала в Симферополь исцеленная Анастасия поклониться могиле у Всехсвятского храма, где покоился человек, спасший ей жизнь, утвердивший ее веру в Бога, в Его

бесконечное терпение и милосердие [7, свидетельство Ю.Н. Орловой].

У одной женщины, жительницы поселка Зуя, заболела трехлетняя дочь. У ребенка болел глаз. Мать обрати-



лась к местному детскому врачу, та лечила девочку около месяца, но улучшения не последовало. После почти полугодового лечения в больнице выяснилось, что у девочки растёт бельмо. Отчаявшись, женщина обратилась за помощью к архиепископу Луке. Он внимательно осмотрел больную девочку, написал рекомендательное письмо к знаменитому главному хирургу в госпиталь инвалидов войны в Симферополе. Владыка просил его сделать девочке операцию, подробно описал болезнь, сделал рисунок глаза, дал рекомендации по подготовке к операции, даже указал, какой режим питания должен быть до и после операции. Но мало того: через свою подчиненную Владыка передал в госпиталь все необходимое для девочки. Когда мать после операции снова привела девочку к святителю, тот осмотрел глаз и сказал: «Слава

Богу, все хорошо. Молитесь, и я помолюсь, и Господь поможет нам» [7, свидетельство Л.Г. Третьяковой].

Мария Германовна Тринихина рассказывала, что приблизительно в 1956 году у ее дочери вдруг начался перитонит кишечника. Врачи определили ее положение как безнадежное. Тогда она обратилась к Владыке Луке. Тот осмотрел девочку, ознакомился с историей болезни и сказал, что ее можно спасти. Дал направление на операцию, но врачи не решились оперировать. Тогда Владыка лично явился в больницу и подробно проконсультировал врачей. Операция прошла успешно [7].

Семен Трофимович Каменской был безнадежно болен и просил архиепископа Луку присутствовать на его операции. Святитель Лука спросил:

— Веришь ли ты в Бога?

— Верю, Владыка, но в Церковь не хожу, — последовал ответ.

— Молись, благословляю тебя и отстраняю от операции. Пятнадцать лет ты не будешь иметь никакой болезни.

Так и случилось, по слову святителя [7, свидетельство А.Д. Белой].

У матери Анны Михайловны Кудряшовой после каждого приема пищи начинались сильные боли, которые были настолько сильны, что она кричала и ей приходилось долго лежать, пока боли не утихали. Врачи после тщательного исследования сказали, что необходима операция. Тогда они обратились к Владыке. Тот осмотрел больную, помолился, дал лекарство, и болезнь прошла без всякого следа [7].

Зоя Кузьминична Орлова свидетельствует о прозорливости святителя Луки. Ее мать, Держакова Акилина Феодуловна, в 1959-1960 годах помогала печь просфоры при кафедральном соборе. Святителю, видимо, импонировало бескорыстие просфорницы Акилины (она не брала плату за свой труд), и он предсказал будущее ее, ее детей и внуков. Он говорил, что дети Акилины

переживут через свою работу. Так и случилось. Зоя Кузьминична, будучи на пенсии, тринадцать лет трудится на том же производстве. И еще говорил, что перед концом дети познают Бога. Автор этого сообщения свидетельствует о своей вере в Бога. Зоя Кузьминична еще не была замужем, а святитель Лука говорил, что она будет равна с мужем и что у них родится сын, который будет лучше отца. Сын имеет высшее образование, а у отца — неполное среднее. Далее Владыка сказал Акилине, чтобы та оставила работу просфорницей и нянчила внука, потому что она только-только успеет поднять его. И действительно, в 1966 году родился мальчик, очень болезненный, на первом году жизни болел воспалением легких, ему нужен был особый уход. Бабушка смогла ухаживать за ним только до четырех лет и умерла. И последнее, что сказал архиепископ Лука, — это что зять Акилины умрет неожиданно, а дочь перед концом будет при больших деньгах. Предсказание сбылось. Муж Зои Кузьминичны неожиданно умер. Сидел, разговаривал, потом вдруг склонился и умер. Предсказание сбылось и насчет денег [51].

Клирик Крымской епархии протоиерей Леонид Дунаев вспоминает: «В Московской области жила женщина, которая была серьезно больна. Сын ее, большой начальник, приглашал лучших врачей, достал множество дорогостоящих лекарств, но больная облегчения не получила. В отчаянии она обратилась с письмом к архиепископу Луке. Владыка ответил ей, посоветовав усердно помолиться Богу, возложить всю надежду на Него и прекратить прием всех лекарств. Через некоторое время выздоровевшая женщина приехала в Симферополь лично поблагодарить Святителя за выздоровление» [7].

Однажды к Владыке пришла женщина со своим двенадцатилетним сыном. На шее у него была огромная опухоль, которая свисала на грудь. Врачи настаивали на операции, но святитель, осмотрев его, улыбнулся и сказал: «Никаких операций. Через три дня зайдете ко мне». Через три дня благодарная мать привела под благосло-

вание к архиерею полностью выздоровевшего сына [7, свидетельство прот. Леонида Дунаева].

После каждого богослужения Владыку провожали до самого дома прихожане кафедрального собора. Его искренняя любовь к людям отзывалась взаимной любовью. У дверей дома он снова всех благословлял. Благодать Божия почивала на Святителе, и людям не хотелось уходить от него.

Владыка Лука щедро оказывал врачебную помощь всем нуждающимся. Священнослужители Крымской епархии ближе всех были сердцу Владыки как сопастыри и сомолитвенники. Однажды он собрал их и сказал: «Если вы или члены ваших семей вдруг заболеют, в первую очередь обращайтесь ко мне». В конце сороковых годов у священника Леонида Дунаева заболела жена, матушка Капитолина. Отец Леонид сказал об этом Владыке, тот ответил: «Не смейте давать ей лекарство». На следующий день он справился о здоровье матушки и опять повторил запрет давать лекарство. На третий день после Литургии отец Леонид пригласил Владыку посетить матушку. Та лежала, прикованная недугом к постели, и даже не могла принимать пищу. Святитель зашел в дом.

— Где больная?

Его провели в комнату больной.

— Ваш отец Леонид непослушный. Я ему сказал, чтобы он не давал вам лекарства.

— Нет, Владыка, он не давал мне лекарств.

— Тогда вот вам лекарство: во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

С этими словами он широким крестом благословил больную. Владыка уехал, а матушка поднялась с постели и стала принимать пищу. Здоровье ее пошло на поправку [7].

Другой случай произошел с женой священника Иоанна Милославова, секретаря епархии, Надеждой Ивановной. Когда Владыка Лука приехал на вечернее богослужение, отец Иоанн доложил ему, что с матушкой Надеждой

случился приступ. Врачи, приехавшие на скорой помощи, не увидели ничего серьезного. Дети отца Иоанна, имевшие медицинское образование, осмотрев мать, тоже не признали ничего опасного. Выслушав секретаря, Владыка внезапно очень взволновался. Срочно потребовал машину. Матушка встретила Владыку в большом смущении:

— Спаси вас Господь, Владыка, но труды ваши напрасны: приступ прошел, и я чувствую себя хорошо.

Внимательно осмотрев ее, Святитель позвал отца Иоанна. Разговор был коротким: если в течение двух часов его жене не будет сделана операция, то она умрет. Матушку Надежду срочно привезли в больницу, собрали консилиум врачей, но те сказали, что операция не нужна. Прошел час. Матушка уже сама начала просить, чтобы ей сделали операцию, так как несомненно верила слову Святителя. Наконец врачи решились все же оперировать, и когда вскрыли брюшную полость, то обнаружили огромный нарыв, который вот-вот готов был разорваться. Врачи были поражены точной диагностикой архиепископа Луки. Матушка Надежда была спасена.

У настоятеля Джанкойского храма протоиерея Бориса Либацкого случился приступ. Врачи скорой помощи сказали, что нужна операция. Помня наказ Владыки, отец Борис доложил ему о своем здоровье. Тот сказал, что, если согласиться на эту операцию, нужно будет сделать потом еще две и что исход этих операций может быть плохой. Предсказал, что будет еще два приступа. Положившись на волю Божию, отец Борис перенес эти приступы и остался жив [7, свидетельства прот. Леониды Дунаева].

Симферопольские военные медики просили профессора прочитать курс лекций по гнойной хирургии и консультировать их госпиталь. Не один раз консультанту пришлось браться и за скальпель. Одного пациента — секретаря Керченского горкома партии — доставили в Симферополь с гнойным процессом в тазовых костях.

Случай тяжелый, почти безнадежный. И тогда главный хирург попросил, чтобы оперировал сам профессор Войно-Ясенецкий. Все врачи госпиталя пришли смотреть эту сложную операцию. Еще до первого разреза



он показал все точки, где ожидал встретить нагноения. Операция прошла блестяще, и медики госпиталя получили замечательный урок врачебного мастерства [26, 426].

Галина Федоровна Пятидверная свидетельствует о Владыке, как о выдающемся диагносте: «К нам в госпиталь поступил больной на долечивание с жалобами на боли в правом бедре и невозможность передвигаться. В боях он получил контузию, ранения не было. При осмотре больного всеми ведущими специалистами госпиталя никакой патологии обнаружено не было, ни на снимках, ни в анализах. Нужно выписывать, а он не может ходить. Наш ведущий хирург, человек резкий и решительный, на обходе сказала: «Он симулянт, выписывайте». Мне было его очень жаль, и я попросила профессора Войно-

Ясенецкого посмотреть этого юношу. Владыка осмотрел его внимательно, долго смотрел ему в глаза. Ему подали снимки, анализы, но он не взял их: «Ничего не надо, увезите больного».



Когда юношу увезли, профессор сказал: «У больного рак предстательной железы с метастазами в бедро». Это прозвучало как гром среди ясного неба. «Не верите? Давайте его в операционную». В операционной, после успокоительной беседы, под местным наркозом по наружной поверхности бедра был произведен разрез и из него выпал конгломерат опухоли 5х6 сантиметров, напоминающий красную икру, который направили на срочную гистологию.

Через 30 минут в предоперационную, где сидели все врачи во главе с профессором, вбежала гистолог и сказала: «Вы прислали мне метастаз из раковой опухоли предстательной железы». Владыка Лука сказал: «Если можно, вызовите маму больного». Через две недели юноша скончался» [7].

Конечно, Владыка хотел приносить пользу своим соотечественникам, врачую их болезни. Но время неумолимо шло вперед, здоровье стало ухудшаться, зрение на единственном здоровом глазу притуплялось. Знаменитый одесский окулист Филатов нашел у него помутнение хрусталика, но до полной слепоты должно было пройти еще от трех до десяти лет. Зрение медленно угасало, и к 1956 году Владыка полностью ослеп [22, 159].

Но слепота его не препятствовала активному доброделанию. Сердце святителя Божия было переполнено любовью и жалостью к ближним. Не имея возможности оказать медицинскую помощь Галине Филиной, у которой была саркома головного мозга, он сказал матери: «Я буду за нее молиться». Прихожане рассказывают, что Владыка служил в будний день Божественную Литургию, усердно молился и, стоя на коленях, произносил особые прошения за болящую отроковицу Галину. И Господь услышал его молитвы. Девочка выздоровела, стала продолжать учебу, впоследствии она окончила мединститут, защитила кандидатскую диссертацию, работала в Москве в Институте сывороток и вакцин имени Менделеева [7, свидетельство В.М. Тимошек].

Анна Дмитриевна Стадник обладала прекрасным голосом, и Владыка благословил ее учиться на курсах псаломщиков и радовался ее успехам. Однажды она попала в автокатастрофу, и врачи, чтобы спасти ей жизнь, ввели огромное количество противогангренозной и противостолбнячной сывороток. Начался токсикоз, поднялась температура. Во время обхода профессор обратил на нее внимание, отменил все лекарства, и мало-помалу она стала поправляться. Выписавшись из больницы, Анна Дмитриевна пришла к Владыке.

— Ну расскажи, Аня, как тебя лечили?

— Владыко святой, вашими молитвами я выздоровела, потому что врачи отказались лечить.

— День и ночь молил Бога о твоём выздоровлении. Но запомни, запомни, в этих случаях выздоровление редчайшее [7].

Подводя итоги своего сугубого служения — медицинского и архиерейского, он писал в письме: «Верно, конечно, то, что вы пишете о лечении больных. Но вы не знаете, как необычайно ценят меня как духовного врача. Очень многие говорят и пишут, что я оживил их духовно, возродил к новой жизни, и в самых трогательных выражениях изливают свою благодарность и любовь. Они пишут, что, как ни высока моя медицинская деятельность, но архиерейская неизмеримо важнее. Я и сам так думаю» [31, 8].

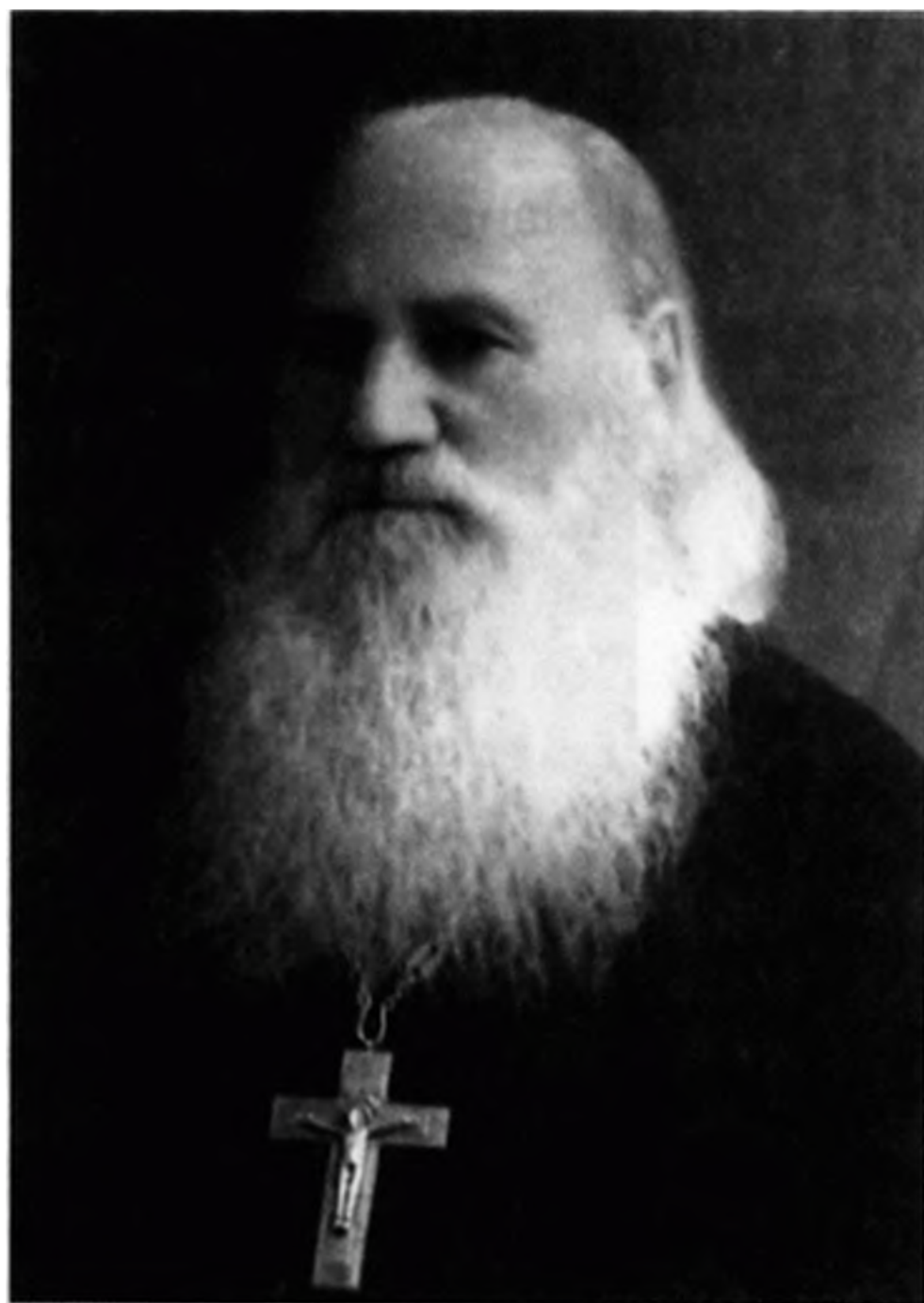
Выше уже говорилось о том, что дело проповеди архиепископ Лука считал своей священной обязанностью и эту обязанность свято выполнял. Долгое время святитель сотрудничал с «Журналом Московской Патриархии», где на протяжении почти десяти лет печатались его статьи. Но особенное влияние на прихожан оказывали его проповеди — живые, полные духа и силы. Однажды Владыка, говоря о покаянии, показал страшное, мерзкое состояние души нераскаянного грешника. Слова архипастыря потрясли до глубины души одного прихожанина, человека средних лет, который слушал Владыку и горько плакал в углу церкви. Принеся слезное покаяние и «дух сокрушен» в жертву Богу, этот грешник примирился со Христом и присоединился к Церкви.

Жена одного генерала как-то из любопытства зашла в молитвенный дом сектантов. Муж ее, тайно сочувствовавший Церкви, а может быть, и верующий, высказал ей свое недовольство и посоветовал лучше сходить в православный кафедральный собор, где служит Владыка — ученый с мировым именем. Та послушалась и в следующее воскресенье отправилась в церковь. Как раз в этот день святитель говорил проповедь о сектантах, раскрывал их заблуждения, обличал их и запрещал верным общаться с ними. Эта женщина приняла решение не ходить больше к сектантам и попросила передать Владыке Луке благодарность за вразумление. Когда ему сказали об этом, то он перекрестился и сказал: «Благодарю Бога, что моя

проповедь принесла плоды» [7, свидетельства прот. Леонида Дунаева].

Архиепископ Лука проповедовал не только словом, но и тем, как он совершал богослужения, как молился. Сослужил ему отец Илларион Голубятников, который вместе с ним в свое время разделил все тяготы сибирской ссылки. Очень часто служил с ним архимандрит Тихон (Богославец), духовник епархии, прозорливый старец, который впоследствии и погребен был рядом с любимым Владыкой. Этих богоносных священнослужителей не раз видели совершающими Божественную Литургию со слезами. Есть такой момент в службе, когда во время пения Символа веры архиерей склоняется над престолом, сослужители держат над его головой воздух (большой четырехугольный плат), а старший священник читает «Верую». Когда по окончании пения архиепископ Лука поднимал голову, то антиминос был орошен слезами Святителя.

Службу он правил не спеша, сосредоточенно и осмысленно. Во время Евхаристического канона особенно проникновенно произносил слова: «Приимите, ядите, сие есть тело Мое, еже за вы (при этом Владыка поворачивался и указывал рукой на народ) ломимое во оставление грехов». Святитель сам очень часто присутствовал на богослужениях и к этому призывал и клириков своей епархии [6, 69].



Кончина святителя. Посмертная помощь страждущим

Жизнь архиепископа Луки клонилась к закату. Последнюю свою Литургию он отслужил на Рождество, последнюю проповедь сказал в Прощеное воскресенье. Его секретарь Евгения Павловна Лейкфельд пишет о последних днях святителя: «Не роптал, не жаловался. Распоряжений не давал. Ушел от нас утром, без четверти семь. Подышал немного напряженно, потом вздохнул два раза и еще едва заметно — и все...» [26, 483]

Преставился святитель Лука 11 июня 1961 года. В этот день Церковь праздновала память всех святых, в земле Российской просиявших.

«Панихиды следовали одна за другой, дом до отказа наполнился народом, люди заполнили весь двор, внизу стояла громадная очередь. Первую ночь Владыка лежал дома, вторую — в Благовещенской церкви при епархии, третью — в соборе. Все время звучало Евангелие, прерывавшееся панихидами, сменяли друг друга священники, а люди все шли и шли непрерывной вереницей поклониться Владыке... Были люди, приехавшие из разных мест, — Мелитополя, Геническа, Скадовска, Херсона. Поток стихал лишь часа в четыре ночи, а затем возобновлялся: одни люди сменялись другими, лились тихие слезы о том, что нет теперь молитвенника, что «ушел наш святой» [26, 484].

На погребение Владыки Луки прибыл архиепископ Тамбовский Михаил (Чуб). Множество людей пришло проводить в последний путь своего архиерея. До самого кладбища путь был усыпан розами. Медленно, шаг за шагом, процессия продвигалась по улицам города. «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный,



помилуй нас» — звучало над гробом архиерея. Три километра от собора до кладбища люди несли на руках своего Владыку в течение трех часов [26, 487].

Так хоронили великого угодника Божия Луку. И как при жизни он всячески помогал болящим, никому не отказывая, так и после смерти всякий, кто приходил на могилу святителя и с верой и любовью просил помощи у него, получал исцеление.

Жительница Тбилиси Лия Васильевна Гончарова перенесла онкологическую операцию. Через некоторое время предстояла, видимо, еще одна операция. Ноги у несчастной распухли, горели, ходить было почти невозможно. Как-то на глаза ей попала статья академика И.А. Кассирского с воспоминаниями об архиепископе Луке. У нее возникла мысль, что никто, кроме Владыки Луки, не поможет ей. Приехав в Симферополь, помолившись на могиле архиепископа, Лия Васильевна сразу же почувствовала облегчение в ногах и внутреннее душевное успокоение. Опухоль сошла, и теперь она имеет возможность стоять на службе и много ходить [7].

У Елены Николаевны Битюковой пропал без вести несовершеннолетний сын. Убитая горем мать подала в розыск и усердно молилась на могиле Владыки Луки. И вот перед Вербным Воскресеньем является пропавший сын и объясняет, что какая-то неведомая сила заставила его вспомнить о матери и приехать домой [7, свидетельство Л.В. Гончаровой].

В 1992 году тяжело заболела воспалением легких Галина Леонидовна Шиндина. Она попросила отслужить на могиле Владыки Луки панихиду и принести с могилы земли и воды. Женщина горячо молилась и пила эту воду. По благодатной помощи Святителя очень быстро поправилась, так что лечащий врач была крайне удивлена скорым выздоровлением [7].

Мария Митрофановна Передерий получила помощь от архиепископа-хирурга и при жизни, и после его смерти. Еще когда был жив Владыка Лука, у Марии Мит-

рофановны начала гноиться и болеть губа. Куда она ни обращалась, ни один врач не смог ей помочь. Тогда она обратилась к Владыке, и он вылечил ее. В 1989 году заболел ее муж Григорий. Она пошла к могиле святителя и слезно просила его о выздоровлении мужа. Пришла домой и удивилась, что муж поднялся с постели, начал ходить по комнате и впоследствии чувствовал себя хорошо [7].

Лариса Яцкова свидетельствует о том, что с лета 1993 года до весны 1994 года у нее сильно болел левый глаз. Боль распространялась и на левую часть головы. Особенно она усиливалась к вечеру. Мучимая тяжкими болями, она приехала на могилу Святителя и получила исцеление [7].

Прихожанину, который ходил к месту упокоения архипастыря и с верою прикладывался к мраморному кресту, возвышающемуся над надгробием, Святитель даровал исцеление от болезни сердца. Врачи поставили в 1992 году диагноз «недостаточность митрального клапана», то есть порок сердца, но милостью Божией и с помощью Владыки Луки болезнь отступила.

Есть свидетельство (Е. Киселевой) о том, что святитель Лука, сам претерпевший заключения и ссылки, оказывал помощь тем, кому грозило несправедливое наказание [7].

Лариса Алексеевна Чередниченко, жительница Киева, так описывает чудо своего исцеления: «В день празднования памяти святого священномученика Владимира, митрополита Киевского, во время выноса его святых мощей, в дверях Трапезного храма меня так сдавил народ, что моя грудная клетка не выдержала, я услышала хруст и ощутила острую боль в левом подреберье, но пошла за крестным ходом. Через два-три дня боль стала еще сильнее. Ни лежать, ни сидеть не могла, а тем более что-нибудь делать. К врачам я не обращалась. В это время пришла ко мне моя знакомая и просит сопровождать ее в Почаев, она там никогда не была. Всю дорогу я левой рукой держалась за больное место#



В Почаеве моей знакомой очень хотелось, чтобы ее четырнадцатилетняя дочь обязательно побывала в пещерке преподобного Иова. Сама она не могла идти, а девочка одна боялась. Тогда моя знакомая, обращаясь ко мне, говорит: «За послушание, лезь и помоги Ане». Я обомлела, но «за послушание», ни секунды не раздумывая, ложусь своей больной грудью на святые камни и с помощью добрых людей опускаюсь в пещерку.

Когда стала выбираться наверх, лечь на левый бок было страшно, и я в самом узком месте всей тяжестью своего тела легла на правый бок, и тут же снова раздался уже мне знакомый хруст и появилась боль в правом боку.

Пробыв в Почаеве два или три дня, мы возвратились в Киев. По дороге моя приятельница сказала, что ее брат-проводник может взять нас с собою в Симферополь. Понимая, что другого случая мне не представится, ни на что не обращая внимания, я соглашаюсь ехать. Тем более что мне очень хотелось побывать на могиле Владыки Луки.

На другой же день, после возвращения из Почаева, мы уже ехали в Симферополь. В поезде я полулежала, опираясь на туго скрученный матрац.

На могиле Владыки поставили свечи, приложились, я рассказала приятельнице, что знала, о подвигах святителя, заказали по нему панихиду, съездили на воскресную службу в собор и пешком отправились на вокзал. Войдя в свое купе, мы стали готовиться обедать. Мне нужно было со второй полки снять мою сумку, и, не задумываясь, я поднимаю правую руку совершенно свободно и замираю от удивления — я не ощущаю никакой боли. Тогда я поднимаю левую — то же самое, болей никаких нет! Чудо исцеления произошло настолько явно, что не поверить в него невозможно!» [7]

Решение о канонизации святителя Луки. Обретение его святых мощей

Чудеса исцелений душевных и телесных недугов, во множестве происходившие на могиле святителя Луки, всенародное почитание приснопамятного крымского архиепископа подвигло священноначалие Православной Церкви к внимательному изучению его жизни и творений. В результате деятельности епархиальной Комиссии по канонизации святых было составлено житие святителя, а также служба и акафист, написана икона.

Определением Синода Украинской Православной Церкви от 22 ноября 1995 года архиепископ Симферопольский и Крымский Лука причислен к лику местночтимых святых. Правящему архиерею, архиепископу Симферопольскому и Крымскому Лазарю (Швецу) было дано разрешение Священного Синода на поднятие честных останков святителя Луки.

В ночь с 17 на 18 марта 1996 года, на Крестопоклонной седмице, во Всехсвятском храме Симферополя собрались члены епархиальной Комиссии по канонизации святых, наместники крымских монастырей, духовенство. Высокопреосвященнейший Владыка Лазарь совершил молебен и попросил приснопамятного Владыку о помощи в обретении его мощей. Приблизительно около двух часов ночи вскрыли могилу и начали вынимать грунт. Священники непрерывно служили панихиды и пели стихиры Кресту. Было очень холодно, пронизывающий ветер раскачивал старые кладбищенские деревья. Но когда владыка Лазарь спустился в могилу и своими руками поднял мощи Святителя, ветер мгновенно стих и воцарилась благоговейная тишина. Духовенство и миряне с зажженными свечами, стоя на коленях, умиленно

пели панихидное «Святой Боже». Священники внесли мощи в храм Всех Святых. А у стен храма бесноватая страшным голосом кричала: «Не мучь меня, отпусти меня, Святитель!..»

В течение трех первых дней Крестопоклонной седмицы владыка Лазарь совершал Литургии Преждеосвященных Даров, и в среду, 20 марта, состоялось торжественное перенесение честных останков святителя в кафедральный Свято-Троицкий собор. Собралось все духовенство Крымской епархии и священнослужители из других областей Украины. Процессию сопровождали офицеры и матросы Черноморского флота, студенты Крымского медицинского института, жители города, многочисленные гости. За гробом вместе со священниками шли и те, кому выпало счастье быть



свидетелями его святительского подвига. На торжества прибыли также родственники архиепископа Луки.

Крестный ход шел центральной улицей города. Первая остановка была сделана на Рыночной площади, где с особой торжественностью отслужили панихиду и Высокопреосвященнейший Владыка Лазарь обратился к присутствующим со словом, в котором, в частности, сказал: «Впервые на крымской земле происходит событие исключительной важности. Яркая личность архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) видится нам сегодня спасительным маяком, к которому каждый из нас должен направлять свой взор, по которому должны ориентироваться общественные силы, ищущие возрождения нашего народа».

Затем к собравшимся обратился профессор Крымского медицинского института Кирилл Дмитриевич Тоскин, который говорил о святителе Луке как о великом хирурге и ученом, научные труды которого не утратили своей актуальности и по сей день.

Сама природа оказалась созвучной духовной радости, переполнявшей сердца верующих. После холодных и пасмурных дней появилось солнце, рассеялись тучи. Так после всех лишений и гонений, которые претерпел Владыка, обнажилась правда Божией славы, являющаяся нам во святых. Так свет Христов сияет и просвещает всякого, хотя не все и не всегда это видят из-за житейской суеты и душевной непогоды.

Цветы, зажженные свечи напивались благоуханием, исходящим от мощей святого. Над ракой плыло золотое облако молитвенных песнопений, обволакивая процессию, равной которой не припомнят и старожилы крымской земли. Пришедших проводить святые мощи собралось, по приблизительным подсчетам, тридцать пять — сорок тысяч. Это было трогательное зрелище. В городе царила атмосфера духовного праздника, подчиняя неверующих, привлекая маловерных. Святитель возвращался в свой собор, где он служил и проповедовал пятнадцать лет. Не случайно перенесение мощей состоялось в день памяти семи священномучеников херсонесских. Прославленные святые принимали в сонм святых крымской земли святителя-исповедника Луку.

Мощи святителя Луки установлены в Свято-Троицком кафедральном соборе Симферополя для поклонения верующих.

Жизнь Владыки была всецело посвящена служению Богу и ближнему. Церковная история знает совсем немного примеров такого сугубого подвига — святой великомученик и целитель Пантелеймон, святые бессребреники и чудотворцы Косма и Дамиан... Но святитель Лука жил и подвизался на нашей земле, в наше время. И потому именно сейчас, когда очевидно духовное оскуде-

ние общества, когда в глазах многих обесценено самое сокровенное — вера, надежда, любовь, мы особенно пристально всматриваемся в житие новопрославленного святителя. Как он жил? Как боролся с неверием, косностью, ханжеством? Как побеждал грех? Как протестовал против насилия и жестокости? Каким образом благодать Божия вела его по тернистой дороге целожизненного подвига и, наконец, ввела тесными вратами в Царство Отца светов?

Будем же, по слову апостола Павла, всегда помнить наставников наших и, взирая на кончину их жизни, подражать вере их (Евр. 13, 7).

Прославление святителя Луки

24-25 мая 1996 года в Симферопольской и Крымской епархии произошло поистине историческое событие: состоялось торжество прославления святителя Крымского Луки (Войно-Ясенецкого).

24 мая Высокопреосвященнейший Лазарь, архиепископ Симферопольский и Крымский, Высокопреосвященнейший Василий, архиепископ Кировоградский и Александрийский, Высокопреосвященнейший Илларион, архиепископ Херсонский и Таврический, Преосвященнейший Николай, епископ Ивано-Франковский и Коломыйский, и Преосвященнейший Антоний, епископ Хмельницкий и Шепетовский, встретили Блаженнейшего Владимира, митрополита Киевского и всея Украины. Встретить дорогого гостя прибыли также председатель Верховного Совета Автономной Республики Крым Е.В. Супрунук, председатель Симферопольского городского Совета В.Ф. Ермак, духовенство и миряне.

Торжественная встреча Первосвятителя, Блаженнейшего Владимира, митрополита Киевского и всея Украины

состоялась в 17 часов в кафедральном Свято-Троицком соборе. Началось всенощное бдение. Храм был полон молящихся, на торжества прибыли священнослужители и из других епархий Украины. Всенощное бдение возглавил Блаженнейший Владимир.

В субботу в 9.30 состоялась встреча Первосвятителя и облачение. Божественную Литургию служили: Блаженнейший Владимир, митрополит Киевский и всея Украины, Высокопреосвященнейший Никодим, митрополит Харьковский и Богодуховский, Высокопреосвященнейший Лазарь, архиепископ Симферопольский и Крымский, Высокопреосвященнейший Василий, архиепископ Кировоградский и Александрийский, Высокопреосвященнейший Илларион, архиепископ Херсонский и Таврический, Преосвященнейший Николай, епископ Ивано-Франковский и Коломыйский, Преосвященнейший Антоний, епископ Хмельницкий и Шепетовский, Преосвященнейший Питирим, епископ Николаевский и Вознесенский. Возглас: «Благословенно Царство...» произнес архимандрит Павел, наместник Киево-Печерской лавры. Посреди храма покоились мощи святителя Луки, украшенные живыми цветами. Кафедральный собор не мог вместить молящихся, и многие стояли в ограде церковной. Для них шла трансляция богослужения из собора через репродукторы, расположенные вне храма.

После малого входа была отслужена краткая лития перед мощами святого. Затем с церковного амвона митрополит Никодим и архиепископ Лазарь зачитали Томос и краткое житие святителя.

Хор кафедрального собора под управлением Михаила Григорьевича Коротченко впервые спел тропарь святителю Луке, а священнослужители вынесли икону святого. Затем архиереи и все находящиеся в храме спели величание святителю Луке. Торжественность богослужения усугублялась и пением хора «Таврический благовест» под управлением Владимира Михайловича Николенко.

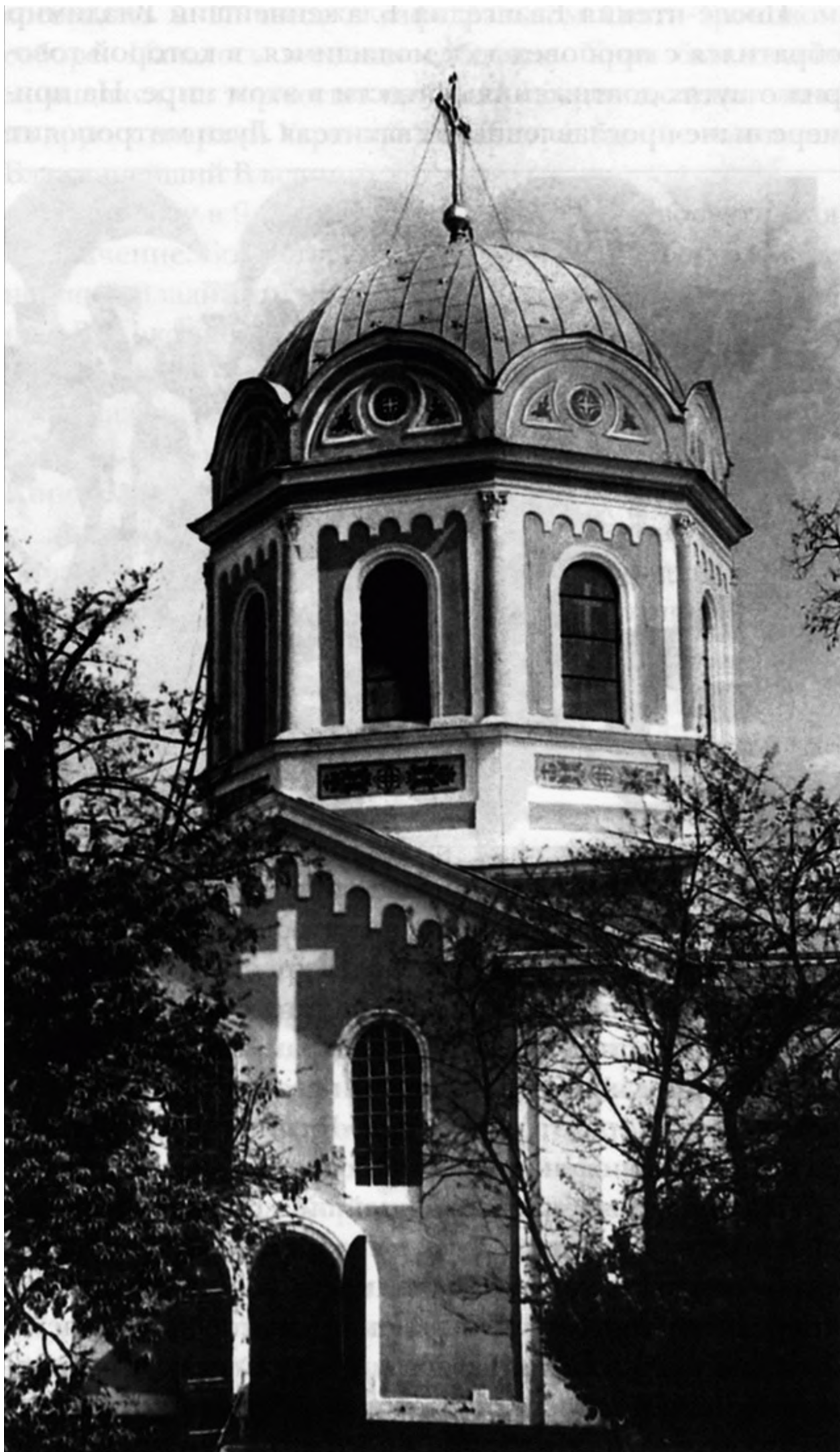
После чтения Евангелия Блаженнейший Владимир обратился с проповедью к молящимся, в которой говорил о путях достижения святости в этом мире. На примере ныне прославленного святителя Луки митрополит



Владимир показал многообразие путей, ведущих к высотам духовного совершенства, к святости.

По отпуске Литургии состоялся крестный ход вокруг храма с мощами новопрославленного святителя Луки. Завершая крестный ход, у входа в храм, священнослужители осенили молящихся мощами святителя на все стороны света. Хор в это время пел «Господи помилуй», как во время воздвижения Креста Господня.

В конце молебна Блаженнейший Владимир произнес молитву святителю Луке, в которой просил новопрославленного святого: «Подаждь нам всем твое архипастырское и святое благословение, да тобою осеняеми избавимся от козней лукаваго и избегнем всякия вражды и нестроений, ересей и расколов». Затем протодиаконы провозгласили уставное многолетие. По окончании



службы Блаженнейший Владимир обратился со словом благодарности к правящему архиерею:

«Высокопреосвященнейший Владыко Лазарь, архиепископ Симферопольский и Крымский! Мы сердечно благодарим вас за то, что вы дали возможность сегодня нам всем вместе, высокопреосвященным и преосвященным архиереям, честному духовенству, братьям и сестрам, вместе помолиться, вместе обратиться к Богу, чтобы Он мир умирил, соединил святые Божии Церкви и сохранил нашу Украину и нашу Украинскую Православную Церковь. Сегодня мы все насладились духовного пиршества и приобщились небесного торжества. С сегодняшнего дня еще одна звезда на небосводе засияла, прославляющая Бога и просвещающая нас, земнородных, чтобы мы творили больше добра и строили свою жизнь на евангельском основании добродетельности и порядочности, совершая свой земной путь во славу Божию и для своего спасения.

Я сердечно благодарю всех за святые молитвы, которые мы ныне вознесли Богу и Его Пречистой Матери, прославляя угодника новоявленного святителя Луку, архиепископа Симферопольского и Крымского. С этим величайшим торжеством вас и поздравляю. Это действительно торжество, которое свидетельствует о том, что Церковь живет. Церковь действует. Церковь исполняет свою святую миссию, раздавая благодатные дары Святого Духа.

Церковь причисляет к лику святых подвижников веры и благочестия, исповедников и мучеников. И она сегодня прославила нового святого угодника, который отныне будет нашим молитвенником и покровителем. Я желаю, чтобы процветала земля крымская по его святым молитвам. Чтобы крепла наша Святая Украинская Православная Церковь, чтобы укреплялось единство, которого, к сожалению, на сегодня нет между православными Украины. Пусть Милосердный Господь молитвами святителя Луки пошлет каждому из нас все необходимое

для жизни земной, временной, и для жизни будущего века. Аминь».

В ответном слове Владыка Лазарь сказал: «Ваше Блаженство, Ваши Высокопреосвященства, Ваши Преосвященства, дорогие отцы, братья и сестры! Поистине неизгладим сегодняшний день ни из истории, ни из наших сердец. Мы прославили великого угодника Божия святителя архиепископа Луку. Он действительно светил всему миру ярким светом, исполняя слова Священного Писания, исполняя послушание Церкви. Просветился Христовой истины свет и в его трудах, и в его житии. И где бы святитель ни был, на кафедре ли святительской или в застенках, он всегда прославлял имя Божие. И сегодня крымская земля, от момента основания Таврической епархии, впервые прославляет великого святителя и угодника Божия.

Ваше Блаженство! Мы все, ваши дети, ваши прихожане Крымской епархии, сердечно благодарим вас за то, что вы, отложив в сторону все попечение, прибыли сегодня возглавить это великое торжество. Я буду просить и паству мою, и всех моих священнослужителей, чтобы они, находясь у мощей святителя Луки, всегда вспоминали ваше имя, молились о вас, чтобы Господь даровал вам благие долгие годы и чтобы воссиял мир и благолепие на нашей земле. Прошу вас принять на память образ святителя, чтобы вы не забывали в своих молитвах симферопольскую и крымскую паству. *Ис полла эти, деспота!**

Дорогие Владыки, и вас прошу принять на молитвенную память образ Святителя и также у вас просим святых молитв».

Выходя из храма, Блаженнейший Владимир, митрополит Киевский и всея Украины, преподал первосвятительское благословение молящимся.



День памяти исповедника Луки

Согласно постановлению Священного Синода Украинской Православной Церкви Московского Патриархата, ежегодную память святителя Луки надлежит праздновать в день его блаженной кончины, 11 июня по новому стилю.

Впервые празднование состоялось в 1996 году. Праздничные торжества начались 10 июня, когда в Свято-Троицкий кафедральный собор ко всенощной прибыл правящий архиерей Высокопреосвященнейший Лазарь. В притворе храма его встретил с крестом в руках настоятель кафедрального собора и сонм духовенства Крымской епархии. На праздник прибыли гости и из других епархий, в частности, духовенство и миряне из Никопольского благочиния Днепропетровской епархии. На утрени после мирной ектении духовенство во главе с владыкой Лазарем вышло к раке мощей святителя Луки, и был прочитан акафист святому.

В день праздника, 11 июня, в соборе была отслужена ранняя Литургия и после нее — водосвятный молебен. После встречи и облачения архипастыря началась поздняя Божественная Литургия. Было много говеющих. Верующие с благоговением и любовью прикладывались к мощам святителя Луки. По запричастном стихе протодиакон кафедрального собора Василий Марущак сказал проповедь, в которой отметил основные моменты жития Святителя, изложил евангельское учение о святости и показал, как в своей жизни Владыка Лука воплотил идеал святости.

После окончания Литургии Высокопреосвященнейший Владыка Лазарь возглавил крестный ход вокруг кафедрального собора. Духовенство несло мощи святителя Луки, и на каждой из сторон храма воздвигали раку

с мощами и осеняли народ. Хор в это время пел «Господи помилуй».

Затем мощи внесли в собор и процессия направилась на улицу Курчатова, к дому № 1, где начиная с 1946 года жил и подвизался архипастырь Крымский Лука.

Благодаря заботам Высокопреосвященнейшего Лазаря это здание восстанавливается и ремонтируется. Более того, намечено строительство здесь же храма-часовни в честь архиепископа Луки. В прошлом здесь была домовая церковь, где молился Владыка Лука, но затем она была уничтожена.

В торжественный день 11 июня состоялась закладка храма-часовни. Капсулу с грамотой в фундамент заложили на вечные времена Владыка Лазарь и главный архитектор В. Г. Кравченко. На грамоте начертано: «Сия грамота заложена в основание храма-часовни в честь святителя и исповедника Луки, архиепископа Крымского, в день его блаженной кончины и памяти 29 мая, по юлианскому календарю, в лето 1996-е по Рождеству Христову, по благословению и лично рукой Высокопреосвященнейшего Лазаря, архиепископа Симферопольского и Крымского. Проект храма выполнен и преподнесен в дар творческим коллективом под руководством главного архитектора богоспасаемого города Симферополя Кравченко Владимира Григорьевича. Да будет благословение Божие и молитвы святителя Луки над этим святым местом. Аминь».

После окончания чинопоследования Высокопреосвященнейший Лазарь, архиепископ Симферопольский и Крымский, обратился со словом к собравшимся верующим и поблагодарил всех за совместную молитву. Особенные слова благодарности Владыка Лазарь адресовал В.Г. Кравченко за то, что он поддержал идею восстановления храма. Сотрудники городского управления архитектуры бесплатно выполнили проект его воссоздания.

Протодиаконны возгласили многолетия Владыке Лазарю и всем тем, кто с ним намеревается трудиться над восстановлением храма-часовни.

Библиография

ТРУДЫ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ

- 1. *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)*. Дух, душа [и] тело. Сыктывкар, 1993; Симферополь, 1995; М., 1997.
- 2. *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)*. «Я полюбил страдание...» Автобиография. М., 1995*.
- 3. *Архиепископ Лука (проф. В.Ф. Войно-Ясенецкий)*. Моя жизнь во Христе. Мемуары. [Автобиография]. СПб., 1996.
- 4. *Лука, архиепископ Красноярский*. Кровавый мрак фашизма. Проповедь. — Журнал Московской Патриархии. 1943, № 4.
- 5. *Лука, архиепископ Тамбовский*. Памяти Святейшего Патриарха Сергия. — Журнал Московской Патриархии. 1944, № 8.

ДОКУМЕНТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Архивные материалы

- 6. Архив Белогорского благочиния при Свято-Никольском храме. Переписка с Епархиальным управлением. Архиерейские указы. 1948-1959.
- 7. Архив Крымской епархии. Материалы Комиссии по канонизации архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого).
- 8. Архив Крымской епархии. Рапорт архиепископа Луки № 380 от 11 ноября 1950 г.
- 9. Архив Московской Патриархии. Личное дело архиепископа Луки.
- 10. Архив Московской Патриархии. Личное дело архиепископа Луки. Письмо протопресвитеру Николаю Колчицкому от 14 июня 1942 г.

* В тексте даны отсылки на это издание, но цитаты приведены по машинописному экземпляру, представляющему собой немного другой авторский вариант, чем и объясняются некоторые расхождения. (Примеч. ред.)

- 11. Архив Московской Патриархии. Личное дело архиепископа Луки. Письмо митрополиту Сергию от 9 ноября 1942 г.
- 12. Архив Московской Патриархии. Личное дело архиепископа Луки. Прошение в Св. Синод архиепископа Красноярского Луки от 15 октября 1943 г.
- 13. Архив Московской Патриархии. Личное дело архиепископа Луки. Отчет о состоянии Красноярской епархии за 1943 год.
- 14. ГАРФ, ф. 6691, оп. 2, д. 225, л. 7-11.
- 15. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 4, л. 24-26.
- 16. Крымский государственный архив, ф. 721, с/р-2647, оп. 1, д. 4.

Архивные материалы

- 17. *Вострышев М.* Донос из Крыма. — Православная Москва. 1995, №29 (53).
- 18. *Грекова Т.* Два служения доктора Войно-Ясенецкого. — Наука и религия. 1986, № 8.
- 19. *Кассирский И.А.* Воспоминания о профессоре В.Ф. Войно-Ясенецком. — Наука и жизнь. 1989, № 5.
- 20. Крестный путь патриарха Сергия: документы, письма, свидетельства современников (к 50-летию со дня кончины). — Отечественные архивы. 1994, №2.
- 21. *Кученкова В.* Войно-Ясенецкий. Тамбов, 1944. — Новая тамбовская газета. 05.05.1995.
- 22. *Митрополит Мануил (Лемешевский).* Русские православные епископы, 1893-1965. Биобиблиографический словарь. Т. 1-6. Erlangen, 1979-1989.
- 23. *Никитин Н.* Несгибаемый страстотерпец. — Слово. 1990, № 5.
- 24. Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели» (Десять лет из жизни патриарха Алексия. 1955-1964 гг.). — Отечественные архивы. 1994, № 2.
- 25. *Поляков В.А.* Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (К 80-летию со дня рождения). — Хирургия. 1957, № 8.

- 26. *Поповский М.* Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. Париж, 1979.
- 27. *Пузин И.П.* Несколько писем В.Ф. Войно-Ясенецкого (Л.Н. Толстому, Н.П. Пузину). — Слово. 1991, № 3.
- 28. *Солженицын А.И.* Архипелаг Гулаг. Т. 2. М., 1989.
- 29. *Федосеев С. М.* Ленинградское дело, 1949-1950. — Совершенно секретно. 1996, № 2.
- 30. *Шаповалова А.* Архиепископ Симферопольский и Крымский Лука. — Журнал Московской Патриархии. 1946, № 5.
- 31. *Шаповалова А.* 25 лет архиерейского служения Высокопреосвященного Луки, архиепископа Крымского и Симферопольского. — Журнал Московской Патриархии. 1948, № 6.
- 32. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 12.

ТРУДЫ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ

Родительское послание архиепископа Луки
к Богом данной ему пастве Крайны

Христос рождается, слава! Христос
рождается, слава! Христос на землю, возноситеся. И
вы, на земле, и востанем восславим, под
двигаясь к небу.

Богородица и Святейший Небесный
Сын соединяются от Духа Святого и Мар
Славы, возносите Его всем сердцем, а ве
а крестом встречайте, спешите, спешите и

Но как будем встречать?

О, как хотел бы я, чтобы встретили в
рою заповедей, и с любовью народа и духа
носки и сердца и сердца, как хочет сам
апостол Павел (1 Кор. 5, 8).

Но со старым заветом народа и с
гоном и убийством, знаящим и не знаящим
и лукавства, а в светлом одеянии правды и
встретить Христа.

Но все ли так встречают? Все ли в светном праздни
ком тления, все ли возносятся духом и великом морави
любви и сошедшему на землю? Или Бог знает? Вся ли зем
ля воспевает в великом веселии?

А великому горю нашему — нет, но только малое ста
но Христово с великой радостью встречать своего Спаси
теля, а те, которые не во дворе очнем, если и празднуют
Рождество Христово, то совсем не должным образом

— не с опресноками чистоты и истинны, а со старой заквас
кой чревоугодия и обильного вина.

Бог знает, как они только хотят и устройстве
общих обедов, на которых они забывают слова апостола
Павла: Не уповайте вином, а едите хлеб (1 Кор. 5, 18).



Рождественские послания

Рождественское послание архиепископа Луки к Богом данной ему пастве Крымской

«Христос раждается, славите. Христос с небес, срящите. Христос на земли, возноситеся. Пойте Господеви, вся земля, и веселием воспойте, людие, яко прославися».

Величайший и Святейший Небесный Гость сходит с небес и воплощается от Духа Свята и Марии Девы.

Славьте, славьте Его всем сердцем, с великой радостью и трепетом встречайте, спешите, спешите навстречу.

Но как будете встречать?

О , как хотел бы я, чтобы встретили вы Его *не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины*, как хочет этого от нас святой апостол Павел (1 Кор. 5, 8).

Не со старой закваской порока и нечистоты, не в зловонном рубище, запятнанном нечистотой греха, лжи и лукавства, а в светлом одеянии праведных надлежит встречать Христа.

Но все ли так встречают? Все ли в светлом праздничном одеянии, все ли возносятся духом в великом порыве любви к сошедшему на землю Сыну Божию? Вся ли земля воспевает в великом веселии?

К великому горю нашему — нет, ибо только малое стадо Христово с великой радостью встречает своего Спасителя, а те, которые не во дворе овчем, если и празднуют Рождество Христово, то совсем не должным образом — не с опресноками чистоты и истины, а со старой закваской чревоугодия и обильного винопития.

Великие праздники для них только повод к устройству общих обедов, на которых они забывают слова апостола Павла: *Не упивайтесь вином, в немже есть блуд* (Еф. 5, 18).

Еще великий святитель наш Тихон Задонский положил много труда на то, чтобы искоренить этот позорный для христиан обычай, но и доселе нам, архипастырям, приходится продолжать его дело,

Итак, умоляю вас, братья и сестры, встретить в нынешнем году сошедшего с небес восприявшего плоть человеческую от Духа Свята и Девы Марии Господа нашего Иисуса Христа не со старою закваской порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины.

Если так встретим, то вместе с сонмом небесных Ангелов сподобимся воспеть их святую Рождественскую песнь: *Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение.*

1954 г.

Рождественское послание по Крымской епархии

Приветствую и поздравляю вас, Богом данная мне и любимая мною паства крымская, с непостижимо великим праздником Рождества Христова.

Не своими словами буду восхвалять вам Рождество во плоти Господа нашего Иисуса Христа, а только добавлю немного к тому чудному первому ирмосу Рождественского канона, который часто слышали вы в течение сорокадневного Рождественского поста.

«Христос раждается — славите;

Христос с небес — срящите».

(Славянское слово «срящите» значит «встречайте, бегите навстречу»).

Все силы небесные громко славят рождающегося в человеческом образе Спасителя мира. Громкими песнями церковными прославим и мы все Его сошествие с небес и мысленно побежим Ему навстречу.

«Христос на земли — возноситеся».

Вот уже Он, Божественный Младенец, в яслях вертепа Вифлеемского.

В глубокой радости и ликовании вознесем все мы духом и мыслью на небеса.

«Пойте Господеви, вся земля, и веселием воспойте, людие, яко прославися».

Верим, что великую радость Рождества Христова непостижимым для нас образом чувствует и вся земная тварь, и с великим веселием вторим ей.

Вместе с пастырями и волхвами поклонимся Младенцу, лежащему в яслях, и принесем Ему все сердца наши, полные веры и благоговения.

Возьмем же в руки сердца наши и с трепетом и любовью вознесем Ему, да прославит и Он нас в жизни вечной и бесконечной. Аминь.

1956 г.

Рождественское послание по Крымской епархии

«Таинство странное вижду и преславное: небо — вертеп, престол херувимский — Деву, ясли — вместилище, в нихже возлеже невместимый Христос Бог, Егоже воспевающе величаем».

В нынешний великий день воспоминает Святая Церковь глубоко таинственное и непостижимое событие, пред которым все другие события в истории мира совершенно ничтожны, — Рождество Предвечного Сына Божия в человеческой плоти от Пресвятой и Преблагословенной Девы Марии ради спасения погибающего во грехах рода человеческого.

Вертеп, в котором произошло это глубокое Таинство, стал поистине Небом, ибо в нем явился Бог. Малые ясли, из которых кормились животные, вместили Невместимого всей вселенной Бога.

У пророка Исаии, у псалмопевца Давида, в книгах Царств читаем, что Бог восседает на херувимах, как на Своем престоле, а ныне видим Предвечного Сына Божия почивающим на лоне и на руках Своей Пре-

чистой Приснодевственной земной Матери, Которая теперь поистине именуется Престолом Херувимским.

Падем же ниц пред вифлеемским вертепом, в котором благоволил явиться миру в самой убогой обстановке Царь Небесный в образе Богочеловека.

Нам непостижимо такое безмерное смирение и презрение ко всякой мирской славе ныне родившегося Господа Иисуса. Но вспомним слова Божии, возвещенные чрез пророка Исаию: *Мои мысли - не ваши мысли, ни ваши пути - пути Мои... Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших* (Ис. 55, 8-9).

И не по-нашему, а по-Своему отметил Господь и Бог наш Иисус Христос величие Своего Рождества в вертепе вифлеемском.

Чудесно, как доступно только Богу, возвестил Он о Своем земном рождении ближним и дальним, простым и неученым, мудрым и ученым. Простые были близки к Нему, из их среды позже Он избрал Своих апостолов. Они принадлежали к избранному Им народу, они веровали в истинного Бога, понимали язык Священного Писания. И к ним послал Он в глубокий ночной час Своего Ангела, который сказал им: *Не бойтесь: я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям, ибо ныне родилась вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь; и вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях* (Лк. 2, 10-12).

И внезапно разверзлось небо пред глазами пастухов, и явился пред ними целый сонм Ангелов, подтвердивших только что возвещенное им удивительным небесным пением: *Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение.*

Вам, малому стаду Христову, в большинстве состоящему из простых, неученых людей, радостно слышать, что первыми, кому явился Ангел, были простые пастухи, бодрствовавшие у стад своих. Они первыми увидели небесный свет, они слышали дивную песнь. Этой небесной песни

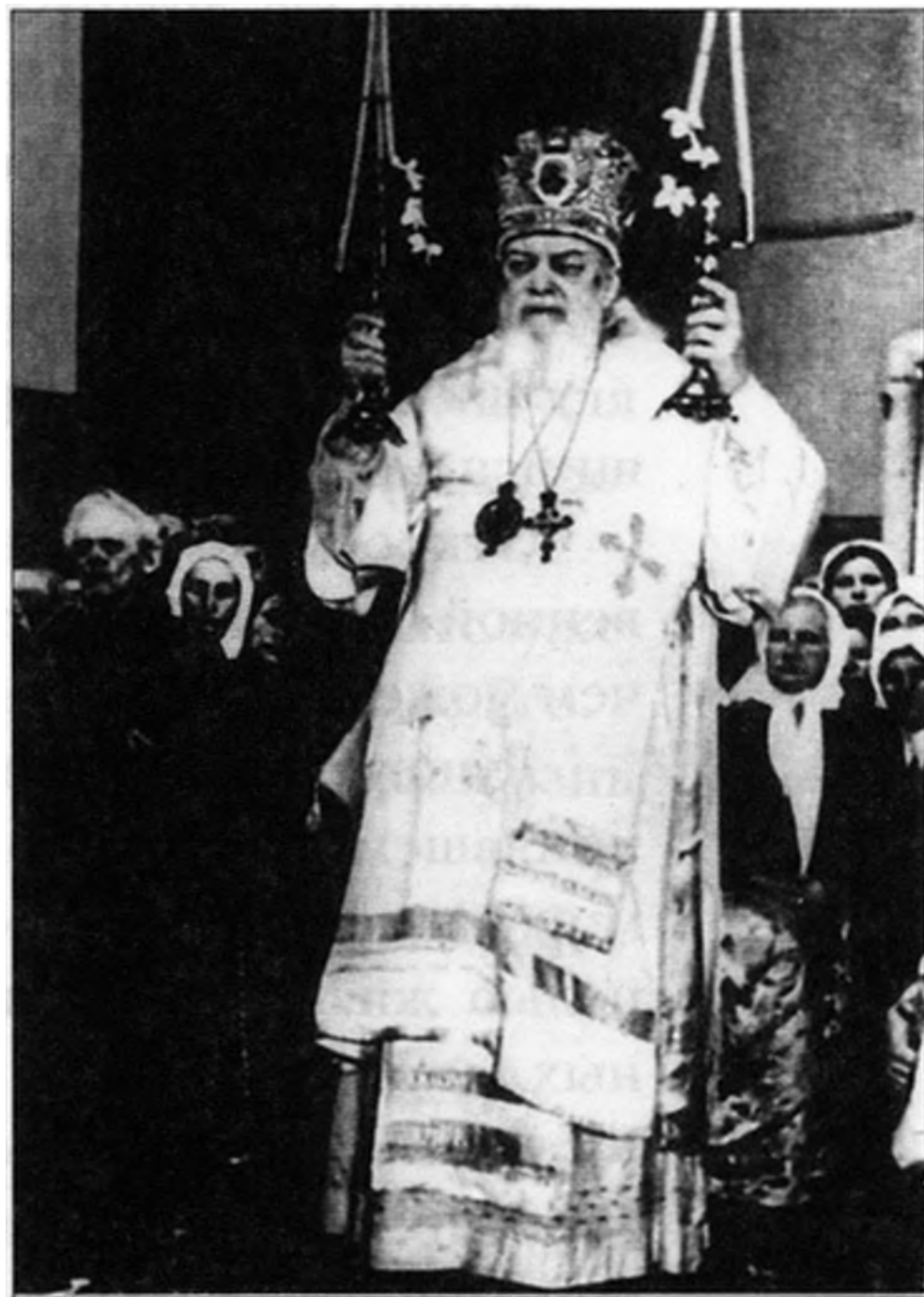
не слышали и небесного света не видели спавшие глубоким сном жители Вифлеема.

Запомните же это; никогда не забывайте, что недостаточно быть только простыми работающими, трезвенными людьми, но необходимо всегда бодрствовать над своим сердцем и душой, хранить их чистоту и главной целью жизни своей иметь соблюдение святейших заповедей Господа нашего Иисуса Христа.

Только для тех блаженных отверзнутся небеса, чьи сердца всегда обращены к ныне родившемуся в вертепе вифлеемском Спасителю нашему. И навсегда озарит их Немеркнущий Свет Царства Небесного.

Сего желаю всем вам, Богом данная паства моя, и неустанно молюсь о вас.

1957 г.



Рождественское послание всему миру церковному и всем христианам Крымской области

Поздравляю вас, дорогие мои, единые со мною умом и сердцем, с величайшим праздником Рождества Христова, о значении которого так сказал Виновник этого Праздника Сам Господь наш Иисус Христос: *Я свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме* (Ин. 12, 46).

Об этом свете истинном, спасающем мир от тьмы, так говорит Его любимый ученик Иоанн Богослов в первой главе своего великого Евангелия: *В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков; и свет во тьме светит, и тьма не объяла его* (Ин. 1, 4-5).

Понять эти великие слова может только тот, кому доступно разумение не только света и правды земной, но и высшей, всесовершенной и абсолютной правды Божественной.

В чем же видим мы эту высшую, всесовершенную правду? В том, чтобы отдельные люди и целые народы не враждовали между собой, не превозносились гордостью, а любили друг друга, как дети Единого Отца Небесного.

Вот этот высший небесный свет воссиял ныне.

Вот этой высшей правде и научил нас ныне воплотившийся Сын Божий.

Откроем же широко сердца свои пред этой Божественной правдой, но будем служить и правде земной всем, чем можем.

Лучшую часть крови наших сердец отдадим Ему, восприявшему плоть человеческую и сошедшему в грешный мир ради вечного спасения верующих в Него. Главной целью жизни своей поставим исполнение Божественных заповедей Его.

В этом великом деле да пребывает всегда с вами, дорогие мои, всеильная помощь Святой и Единосущной Троицы.

1958 г.

Пасхальные послания

Всем священникам и диаконам Крымской епархии

Поздравляю вас, дорогие сослужители мои, с Праздником праздников, Торжеством из торжеств.

Заочно обнимаю и целую вас с приветствием: Христос Воскресе!

Свет, воссиявший из отверстого гроба Христова, да озарит сердца ваши и напомнит, что сердце священ-

ника — особое сердце, которое должно пылать верой в Воскресшего Господа Иисуса Христа, любовью к Нему и паствам вашим.

Сердце священника должно гореть и святиться светом евангельским и пламенеть любовью ко Кресту Христову, проповедь о котором есть важнейшая задача наша.

Священник должен относить к себе великие слова Павловы: *крестом Господа нашего Иисуса Христа... для меня мир распят, и я для мира* (Гал. 6, 14).

Крестом Христовым должны быть распяты мы для мира и все заботы о Нем заменить единой заботой — проповедью Евангелия Христова.

Воскресший Спаситель наш, призвавший нас к служению Ему, да вселит в сердца ваши ревность о славе Его.

Воистину Воскресе Христос, даровавший нам жизнь вечную и истинную.

31 марта 1953 г.

Пасхальное приветствие духовенству и пастве симферопольской и крымской

Христос Воскресе!

Примите, братья мои, это радостнейшее и святейшее приветствие и заочное лобзание мое в Великий день Воскресения Христова. Если бы не знали мы и не имели бы в устах своих этого драгоценного приветствия, если бы не воскрес Христос, то тщетна была бы, по слову апостола Павла, и вера наша, рушилась бы надежда наша на торжество вечной правды Божией.

Если бы не воскрес Христос, как веруем мы, как не воскрес для неверующих в Него, то рушилась бы вера наша в бессмертие души, в праведное воздаяние за тягчайшие грехи одних, за великие добродетели и праведность других, за ужасающие страдания мучеников Христовых.

Если бы Христос не воскрес, то враги Его могли бы сказать, что не Он победил смерть, а сатана своей злобой победил Его Божественную любовь.

Тогда померк бы для нас свет Христовой проповеди и объяла бы нас вечная, непроглядная тьма.

Тогда вправе были бы враги Христовы сказать свое злобное слово: «христианство не удалось».

Но воскрес Христос, и Божественный свет, воссиявший из отверстого гроба Его, рассеял непроглядную тьму, осиял весь мир христианский, и с радостью и любовью восклицаем мы друг другу:

Христос Воскресе! Воистину Воскресе!

И твердо верим, что воскреснем и все мы для жизни вечной. Аминь.

Пасха 1954 г.

**Всем священникам и диаконам
и верным чадам Церкви Крымской
возвещаю великую радость!**

Христос Воскресе!

Воистину, воистину воскрес Христос и ярким пламенем вспыхнула в сердцах Его Апостолов вера их, подвергшаяся было кратковременному испытанию при виде Креста Голгофского.

Теплилась святая вера в былое время в сердцах почти всего народа русского, а теперь, к великой радости врага нашего спасения, дьявола, многие из народа русского отошли от веры христианской.

По-видимому, близится то страшное время, о котором сказал Господь Иисус Христос: «*Когда придет Сын Человеческий, найдет ли веру на земле?*» (Лк. 18, 8).

Но крепка и непреодолима даже для адовых врат святая вера подлинных и глубоко верных Христу людей, Его малого стада, как называл Он их еще во время земной жизни Своей.

И как бы ни умножалось и не торжествовало неверие, каждый год в Великий день Воскресения Христова великая весть: «Христос Воскресе!» — с новой силой будет восприниматься сердцами даже слабых христиан.

ские
веди



И будут пастыри стада Христова неустанно возгревать в сердцах людей эту радость и веру.

Приимите же, близкие и дорогие сердцу моему братья и сестры, эту радостную весть и от меня, вашего архипастыря, и заочное лобзание уст моих.

С нами Христос, с нами великая и вечная радость о пресветлом Воскресении Его.

Пасха 1955 г.

Пасхальное приветствие Крымской епархии

Христос Воскресе, Воистину Воскресе Христос!

С этим драгоценнейшим и святейшим из всех человеческих приветствий обращаюсь к вам, Богом данная мне паства. Хочу, чтобы вы поглубже поняли первую песнь Пасхального канона.

«Воскресения день, просветимся, людие: Пасха, Господня Пасха! От смерти бо к жизни, и от земли к небеси Христос Бог нас преведе, победную поющая».

Во тьме и сени смертной пребывало все человечество до сошествия на землю и воплощения Сына Божия, до Его светозарного учения, до спасения мира Его крестной смертью и до воскресения Его из мертвых, когда ослепительный Божественный свет воссиял из Его гроба и просветил сердца миллионов людей. Тогда открыл Он всем уверовавшим в Него путь от земли к небесам, от смерти к жизни, путь, по которому с тех пор идут без конца бесчисленные толпы озаренных Божественным светом и поют победную песнь.

Возлюбим же, братья мои, друг друга, откроем сердца наши для Божественного света высшей Правды и будем ждать с великим упованием и дерзновением возделенного для праведных дня всеобщего Воскресения и рождения вечной Божией правды в горних обителях немеркнущего Света.

Сие буди, буди! Яко воскресе Христос, Начаток всеобщего воскресения. Аминь.

Пасха 1957 г.

Противосектантские проповеди

Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы

С великой любовью поклоняемся вам, святые праведные Иоаким и Анна, и на каждом богослужении поминаем мы ваши святые имена.

Но в нынешний преславный день, когда привели вы в храм Иерусалимский Богом данную вам на старости лет маленькую трехлетнюю вашу Дочь, вы особенно дороги нам.

За ручки вели Ее вы, но, дойдя до лестницы храма, Она вырвалась и быстро вбежала по ступеням храма. Ее встретил вверху первосвященник Захария и, взяв за ручку, повел в храм.

Уже это было совершенно необыкновенно, так как местом для молящегося народа был двор, обнесенный оградой, на котором совершались жертвоприношения.

Первая часть храма, святилище, в котором стоял неугасимый семисвечник, алтарь кадильный и стол для хлебов предложения, было предназначено только для совершающих богослужение священников, и никто из народа не входил в него. А маленькую Девочку Марию первосвященник Захария не только ввел во святилище, но и повел дальше в святейшую часть храма — в Свята Святых, отделенную от святилища тяжелой завесой, куда только он, первосвященник, мог входить с жертвенной кровью и притом один раз в год.

И вот случилось дивное и необычайное, удивившее и Ангелов Божиих, ибо вы слышали вчера на всенощной на девятой песни канона пение:

«Ангели вхождение Пречистыя видевшие удивишася, како Дева вниде во Свята Святых».

Немыслимым казалось не только людям, но и Ангелам, чтобы женщина, даже самая юная, могла войти во Святая Святых. А первосвященник Захария, конечно, по внушению Духа Святого, не только ввел маленькую Марию туда, где находилась величайшая святыня народа израильского — ковчег Завета, но разрешил Ей каждый день приходить туда для молитвы у самого ковчега.

Но то, что было непостижимо для людей того времени и даже для Ангелов, теперь понятно нам. В ковчеге Ветхого Завета хранились полученные Моисеем скрижали, на которых перстом Божиим были написаны заповеди, жезл Ааронов прозябший и золотая чаша с манной, которой питался народ израильский в пустыне на пути из плена египетского.

Это, конечно, великая святыня, но маленькая Девочка, молившаяся у ковчега, была еще большей святыней: Она должна была стать Той, которую прообразовала купина, объятая Божественным огнем и не сгоравшая, виденная великим пророком Моисеем в земле Мадямской, Она была живым Ковчегом, в который вселилось Второе Лицо Святой Троицы, Господь и Бог наш Иисус Христос, восприявший от Нее плоть человеческую для спасения мира Кровию Своею.

Преклонимся же пред этим живым Божиим Кивотом и возлюбим Ее всем сердцем, ибо Она была началом спасения нашего.

Прошло двенадцать лет; истек срок пребывания отроковиц во храме Иерусалимском, и юная Мария была обручена праведному Иосифу и поселилась в доме его в Назарете.

И вот новое великое чудо. Ей предстал великий Архангел Гавриил, и услышала Она от него необыкновенное приветствие: *Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою, благословенна Ты между женами.*

Благодатной названа Мария, благословенной между женами.

Будем же и мы чтить Ее всем сердцем, как полную благодати, как Богом благословенную между всеми женами.

Со скорбью и слезами жалости подумаем о секантах, лютеранах и всех протестантах, для которых Пресвятая Дева Мария только обыкновенная благочестивая женщина, в молитвенном предстательстве Которой они нисколько не нуждаются.

Да не будет же среди вас, православные, никого, кто считал бы Ее только обыкновенной благочестивой женщиной, кто не помнил бы и о том, что уже в великий день Благовещения Она была объята Божественным пламенем Духа Святого, и вселился в Нее огонь Божества Второго Лица Святой Троицы, благоволившего стать Богочеловеком и чрез Ее святую утробу восприять естество человеческое.

Прошло еще три месяца, и, водимая Духом Святым, пошла Она с поспешностью в горную страну, во град Иудов, вошла в дом Захарии и приветствовала Елизавету, уже шесть месяцев носившую во чреве своем великого Предтечу и Крестителя. И вдруг взыграл этот великий младенец во чреве ее, и воскликнула громким голосом Елизавета, и сказала:

И откуда мне сие, да приидет Мати Господа моего ко мне. Се бо, яко бысть глас целования Твоего во ушию моею, взыграл младенец радостями во чреве моем (Лк. 1, 43-44).

Материю Божией назвали Марию, а не просто благочестивой женщиной, как протестанты и сектанты. И знаете ли вы, какой необыкновенной песнью ответила Мария на приветствие Елизаветы: *Величит душа Моя Господа и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем: Яко призрел на смирение рабы Своея, се бо отныне ублажат Мя вси роды (Лк. 1, 46-48).*

Слышите вы, дерзкие презрители величайшей святости Богородицы, Ее пророчество о том, что будут ублажать Ее все роды?

Чтим Ее всем сердцем, Мать всего рода христианского и Заступницу нашу пред Богом, чтим и неустанно воспеваем: «Честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем».

А вы, а вы, гордые сектанты, зачем не ублажаете Ее?

О секантах

Умоляю вас, братия, остерегайтесь производящих разделения и соблазны, вопреки учению, которому вы научились, и уклоняйтесь от них (Рим. 16, 17).

Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях (1 Кор. 1, 10).

Умоляет вас святой апостол Павел, умоляет, — значит, то, о чем говорит, чрезвычайно важно.

Если не исполните этого, то горе вам.

О ком это речь?

О тех, о которых и другой Апостол говорит, что придут лжеучители, придут те, которые раздирают ризу Христову.

Кто это?

Это еретики древние, это также все те, кто отделяется от Единой Святой, Соборной и Апостольской Церкви, — это все сектанты.

Слово «сектант» именно и значит «отделившийся».

Они отделились от Церкви Христовой, от той Церкви, о которой вы слышите и сами поете в Символе веры: «Верую во Единую Святую, Соборную и Апостольскую Церковь».

Они не веруют во Единую Церковь, они не веруют в Церковь Апостольскую, Соборную, они не веруют в Церковь Святую.

Разве это не страшно?

Разве не страшно самовольно выбросить слова из Символа веры, который был составлен Святыми Отцами Первого Вселенского Собора и частично дополнен Отцами Второго, — разве не страшно что-нибудь изменить в нем?!

Ведь Святые Отцы Вселенских Соборов произносили анафему на всех, которые посмеют что-нибудь убавить или прибавить в этом святом Символе веры православной.

А сектанты не боятся убавлять, сектанты не боятся вычеркнуть часть Символа веры и подпасть анафеме. Что это значит, почему они так дерзки, так своевольны?

Как ответить на этот вопрос?

Я должен сперва сказать, откуда пошло сектантство.

Вам надо знать, что в древней Церкви, Церкви времен апостольских и первых времен христианства, сект не было, были еретики, те, которые учили не так, как учит Святая Церковь. Свое учение они ставили на место учения Церкви.

Все эти еретики посрамлены, отвержены и преданы анафеме святыми Соборами, и с тех пор в течение многих веков не было никакого разделения Церкви Святой.

Первое весьма тяжкое разделение — разделение между Церквями Восточной и Западной, Греческой и Римской — последовало в 1054 году.

О причинах его не могу много говорить теперь, ибо много и долго надо бы говорить об этом.

Скажу больше когда-нибудь в будущем, а теперь скажу только, что в основе разделения этого, как ни тяжело это сказать, было властолюбие Римских пап и ошибки патриархов Константинопольских, прежде всего властолюбие пап, желавших первенствовать и главенствовать в Церкви, стремившихся управлять всею Церковью так, как монархи управляют государством.

Об этом довольно.

В 1520 году, уже, следовательно, давно, произошел новый раскол в Церкви Святой.

Монах Римской церкви Мартин Лютер восстал против папских злоупотреблений. Он был первым раскольников, первым, разодравшим ризу Христову*.

Он учил, что надо руководствоваться только Священным Писанием, и совершенно отверг ценность и значение Священного Предания. Он отверг почитание Пресвятой Богородицы, икон и мощей. Он отверг целый ряд Таинств: сохранил он только два Таинства — Крещение и Причащение.

Но Таинство Причащения в его понимании потеряло всякое значение Таинства, ибо все лютеране, протестанты и сектанты не признают того, что признаем мы: они не признают, что в Таинстве Евхаристии хлеб, благословляемый священником с призыванием Святого Духа, претворяется в истинное Тело Христово, а вино — в истинную Кровь Его.

Мы, причащаясь, глубоко веруем, что причащаемся истинных Тела и Крови Христовых, а протестанты и сектанты в это не веруют, для них Таинство Евхаристии только исполнение завета, данного Христом на Тайной вечери: *Сие творите в Мое воспоминание* (Лк. 22, 19).

Они преломляют хлеб, но, вкушая его, не вкушают Тела Христова.

Мне надо сказать еще более о том, что было следствием деятельности этого первого раскольника Церкви Мартина Лютера.

Он разрешил всем мирянам толковать Священное Писание, как они вздумают.

Он предоставил понимать каждому Священное Писание, как заблагорассудится.

И что же было следствием этого?

* Здесь слово «раскольник» употреблено в том же значении, что и «еретик», каким несомненно был Лютер. Расколом иногда называют отпадение от Церкви сообществ верующих по причинам не догматического характера. (Примеч. ред.)

Следствием этого было быстрое дробление церкви лютеранской и всех церквей протестантских на множество, множество сект.

Каждый толковал Священное Писание по-своему, толковал и слова Христовы и слова апостолов, как ему казалось правильным. И с тех пор, с самого времени возникновения лютеранства идет доныне непрерывное дробление протестантских церквей на бесчисленное множество сект.

В одной Америке насчитывается более двухсот сект.

Это первое несчастье, которое было следствием разрешения Лютером каждому понимать Священное Писание по-своему.

Другим печальным последствием свободного толкования Библии было то, что ученые немецкие богословы подвергли беспощадной критике все Священное Писание, и в увлечении некоторые из них дошли до отрицания важнейших основ христианства и даже самой Божественности Господа Иисуса Христа.

В Германии был глубокий философ Гегель, философия которого в свое время, в XIX веке произвела огромное впечатление на всех образованных людей.

И вот под влияние этой философии подпало значительное число лютеранских богословов.

В основу своего богословия поставили они не Евангелие, не Послания, не Деяния апостольские, а философию Гегеля, и это привело к тому, что постепенно стали они все больше и больше отходить от подлинных основ христианства.

Но не все протестанты пошли по этому пути. Более разумная часть поняла, что это гибель, что это приведет к безбожию. Они ужасаются, что Церковь распадается на бесчисленное множество сект. Они поняли, что в дроблении их погибель, и они стремятся всеми силами к соединению с Церковью — или Римско-католической, или Православной.

И уже существует бездна между этими благоразумными христианами-протестантами и пошедшими по пути философии Гегеля крайними либералами в богословии.

Да пошлет им Бог помощь Свою, но думаю я, что уже поздно, ибо лютеранская и протестантская церкви раздроблены на огромное количество сект.

Зачем говорю я вам это?

Затем, чтобы вы знали, что большинство и наших сект имеют свое начало в протестантстве; наши сектанты — баптисты, адвентисты, евангелисты и многие другие — это чисто протестантские секты. Это важно вам знать, ибо если сердце ваше — сердце русское, если вера ваша древняя — православная, то неужели вы захотите переменить ее с легким сердцем на веру немецкую?

Этого не знают и не понимают сами сектанты.

Я слышал о разговоре одного православного с баптистом, простым плотником. Его спросил православный: «А давно ли существует ваша секта?» — «От времени крещения Святой Руси князем Владимиром», — отвечал тот.

Он так невежествен, что не знает, что штунда, принявшая позднее имя баптизма, появилась в России только в 1864 году, и считает ее древней Церковью.

Знайте, что русский штундизм начался в Одесской губернии от проповеди лютеранских пасторов, и первыми уловленными в их сектантские сети были простые крестьяне: Михаил Ратушный и Иван Рябошапка.

Они-то и стали первыми проповедниками штундизма.

Они ничему не учились, ничего не знали и поверили всему, что говорили им лютеранские пасторы.

И ныне баптисты не знают, что они, по существу, протестанты. Если сравнить учение веры баптистов, изложенное в очень краткой брошюрке, с лютеранством, то увидите, что это почти лютеранская вера.

Но сами баптисты обиделись бы, если бы мы называли их лютеранами, ибо этого они не понимают.

К великому горю нашему, многие из православных совращаются в секты баптистов и евангелистов.

Почему совращаются они?

Прежде всего по невежеству своему и гордости. Ибо, скажите, пожалуйста, можно ли отвечать так, как ответил один крестьянин Старо-Крымского района, когда его спросили, почему он перешел в секту баптистов: «Я нахожу, что их вера более справедливая».

Он послушал баптистов и сразу решил, что вера их более справедливая: он решил, что вера, утвержденная Семью Вселенскими Соборами, несправедлива; сразу поверил, что почитание икон есть идолопоклонство.

С легким сердцем сразу отверг он учение Церкви Православной. Не убоился тех страшных слов, с которых начал я ныне слово свое, не послушался той мольбы св. Павла, которой он предостерегает всех христиан от уклонения в секты.

Для него не авторитет даже апостол Павел. Ему показалось учение баптистов более справедливым, чем учение наше православное, и он перечеркнул свою старую веру и перешел в баптистскую секту.

Что руководит уходящими в секты?

Они сами говорят об этом так: «Мы ушли из Православной Церкви потому, что в ней много пьяниц, воров и даже убийц, и мы не хотим быть с нечистыми. Церковь должна быть святой, в ней не должно быть никаких тяжких грешников».

Что, что скажем мы в ответ им?

Да, вы отчасти правы. Да, действительно, к стыду нашему, есть в Церкви нашей немало грешников: есть и пьяницы, и воры, и прелюбодеи.

Но что же, разве Церковь их учит этому? Разве виновата Церковь, что стали они по своей воле ворами и прелюбодеями? Церковь их этому не учила. Церковь в этом не виновна.

В Церкви существует огромное количество людей чистых, далеких от воровства и блудодеяния. А если и есть недостойные, то не результат ли это их собственного расположения, непослушания Церкви?

Сектанты говорят: «Зачем не гоните их, не исключаете из Церкви, зачем не следуете совету апостола Павла, чтобы выйти из среды их?»

Прочтем подлинные слова апостола Павла и посмотрим, действительно ли они относятся к грешным членам Церкви, из которой надо уйти.

Вот что писал св. Павел: *Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным? Какая совместность храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом. И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я прииму вас (2 Кор. 6, 14-17).*

Вот из этих слов св. Павла сектанты делают вывод, что надо уйти из Церкви, ибо она нечиста.

Но разве о нас, разве о православных, разве о христианах говорит в этом тексте св. Павел?

Он говорит о язычниках, о нечистых идолопоклонниках, говорит, что христиане не должны иметь общения с нечистыми язычниками.

Что же, значит, нас сектанты называют идолопоклонниками?

Может ли быть большая неправда и клевета на нас?

Разве мы терпим молча в Церкви нашей тяжких грешников?

Прочтите Каноны церковные и увидите, что Соборы и величайшие святые, как Василий Великий, наказывали суровейшими карами грубых грешников.

Св. Василий определил убийц отлучать от Причащения Святых Тайн на двадцать лет, а прелюбодеев на восемнадцать лет.

На многие годы им запрещалось даже входить в храм, и они должны были стоять у церковных дверей, прося у входящих прощения и молитв о себе.

В наше время эти очень суровые кары смягчены, но и мы отлучаем и запрещаем в Причащении грешников. И

я в епархии своей предписываю священникам не давать отпущения на исповеди повинившимся в тяжких грехах.

Зачем же клеветают на нас сектанты, будто равнодушны мы к тому, что много грешников в Церкви?

Если мы внимательно прочтем Послание апостола Павла к Коринфянам, то узнаем, что в Коринфской Церкви было немало грешников: были великие постоянные тяжбы, отнимавшие достояние у ближних, были и воры, были даже не верующие в Воскресение Христово.

Что же, отлучал их св. Павел?

Нет, отлучил только одного: за кровосмешение, отлучил имевшего вместо жены жену отца своего.

Неверно утверждение сектантов, будто в Православной Церкви много отягченных грубейшими грехами: бандиты и пьяницы, развратники и воры сами себя отлучают от Церкви и к ней не принадлежат.

Выступающие с такими обвинениями сектанты ничем не отличаются от тех врагов Христовых, которые обвинили апостолов святых в том, что они едят и пьют с мытарями и грешниками. Даже Самого Спасителя они называли другом мытарей и блудниц. Пусть и нас называют друзьями грешников: мы жалеем грешников, стараемся направить на путь покаяния.

Мы не поступаем так, как сектанты поступают в гордости, в самосвятости своей, осуждая грешников, заявляя, что не желают быть в общении с ними.

А вот апостол Павел всех христиан коринфских в начале Послания своего называет святыми, так мягко было сердце его, так далеко от осуждения.

Почему называет он их так, если были среди них грешники? Потому что надо вам знать, что в Новом Завете слово «святые», часто применяемое к христианам, не равносильно слову «безгрешные». Святыми называли всех очищенных от скверны духовной в бане Святого Крещения, всех, кто стал близок к Богу, потому что пошел за Христом. Как бы ни погрешали они, как бы ни падали, святыми называли их, потому что они стремились к святости.



А баптисты, евангелисты себя только считают праведными. Их яркая отличительная черта — себя считать искупленными, спасенными, святыми.

Я имел случай три месяца инкогнито посещать одно баптистское собрание с целью узнать сектантов непосредственным наблюдением, ибо это нужно было мне как епископу.

Я слышал много проповедей их, но ни одной проповеди о смирении и покаянии.

Баптисты всего чаще говорили о Воскресении Христовом, которым они освящены. Таинство покаяния отвергают они, им нечего каяться, ибо они уже святы, уже искуплены, уже чисты и не могут грешить.

Это ли не духовная гордость?

Апостол Иаков о христианах и даже о самом себе говорит: все мы много согрешаем (Иак. 3, 2).

А апостол Иоанн Богослов говорит так: *Если говорим, что не имеем греха, - обманываем самих себя, и истины нет в нас. Если говорим, что мы не согрешили, то представляем Его лживым, и слова Его нет в нас* (1 Ин. 1, 8-10).

Вот так говорят святые апостолы, а сектанты в гордости духовной считают себя спасенными и чистыми.

Ну что же, пусть идут своим путем: мы не властны исправлять всех.

Одно могу сделать: предостеречь вас, православных христиан, от уклонения в секты. И чтобы запечатлеть в сердцах ваших, какой тяжкий, какой страшный грех, какая гибель — уход в секты, в раскол, я прочту вам слова великих святых.

Священномученик Киприан: «Люди, не хранящие союза и приискренного общения с Церковью, хотя бы предали себя смерти за исповедание имени Христова, грех их не смывается и самой кровью; неизгладимая и тяжкая вина разделения не очищается даже кровью».

Священномученик Игнатий Богоносец: «Не обманывайтесь, братия; кто последует производящему раскол, тот не наследует Царствия Божия».

А св. Иринеи, весьма древний епископ, так говорит: «Всякий, отделяющийся от Церкви, чужд для нее, он не потребен ей, он враг ее. Не имеющий матерью Церкви не может иметь Отцом своим Бога».

Не страшны ли эти слова?

Запомните их, запомните.

Мне надо было бы еще многое говорить о сектантах, об их учении: я еще не начал говорить, как они относятся к Церкви, как превратно судят о ней; не рассказывал, почему называется Церковь Христова Единой Святой, Соборной и Апостольской.

Если Бог позволит, продлю свою беседу о сектантах в другой день, а сегодня прибавлю только немного: я скажу, что в основе уклонения в секты лежит весьма часто невежество тех, кто уклоняется.

Поясню примером.

В 11-й главе Евангелия от Луки повествуется, как один фарисей пригласил Господа Иисуса Христа на обед и был удивлен, что Господь не умыл рук перед обедом.

А по-славянски место это читается иначе: *Христос не прежде крестися прежде обеда* (Лк. 11, 38).

И вот невежественные сектанты указывают нам, что и Сам Христос не крестился перед обедом.

Что отвечать на это?

О бедные вы, бедные!

Ведь вы совсем невежественны, не знаете ни славянского, ни греческого языка, не знаете, что по-гречески слово «баптизо» значит крестить, как мы крестим детей, погружая в воду, призывая имя Святой Троицы. Но они не знают, что это греческое слово имеет и другое значение — омовение.

Поэтому в русском тексте читаем, что фарисей был удивлен, что Христос не умыл рук перед обедом.

Подумайте, мог ли Он осенять Себя крестным знамением до Своего распятия на Кресте, который только после этого стал символом нашего спасения? Могли ли тогда и апостолы креститься?

Креститься, осенять себя знамением крестным мы стали, когда Христос на Кресте искупил нас от клятвы законной.

А невежественные сектанты, ссылаясь на это славянское слово, отвергают величайшую защиту нашу, защиту от всех козней диавола.

А вы, христиане, как величайшую святыню, храните всегда знамение Креста Господня!

О единстве Церкви Христовой (Против сектантов)

Мы, православные, веруем во Единую Церковь, а все сектанты в нее не веруют, этот член Символа веры: «Верую во Единую Святую, Соборную и Апостольскую Церковь» — перечеркнули, они его выбросили.

На чем основана наша вера в Единую Церковь?

Конечно, на Священном Писании, ибо говорит св. апостол Павел в Послании к Ефесянам, что Бог поставил Господа Иисуса Христа Главою Церкви, которая есть тело Его.

Подумайте, у единой главы может ли быть много тел, даже бесчисленно много? Если все секты называют себя церквями, то сколько же церквей?

Я говорил вам, что в одной Америке более двухсот сект.

А Господь говорил о Единой Церкви, Господь сказал апостолу Петру: *Ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ее* (Мф. 16, 18).

Он не говорил «созижду Церкви Мои», Он сказал: *созижду Церковь Мою* — значит, одну, единую Церковь.

Господь Иисус Христос говорил нам о Единой Лозе, корнями которой питается Церковь Его, и Лоза эта Виноградная есть Он Сам.

Он говорил о едином дворе овчем.

Что же, не будем мы верить словам Христовым?

Не будем верить в то, что один овчий двор, Единая Лоза Христос?

А говоря о Виноградской Лозе, Господь сказал страшные для сектантов слова. Он сказал, что будут на ней ветви засохшие, которые отломятся от этой Истинной Виноградской Лозы, что их соберут, в огонь бросят и сгорят они.

Не страшно ли быть засохшей и отломившейся веткой, не страшно ли быть засохшим оторвавшимся листом Виноградской Лозы, который ветер уносит в пыль и грязь?

Это поистине страшно!

А сектантам не страшно.

Каждая секта называет себя церковью, а сект чрезвычайно много. Что же, разделился Христос, стал Он главой многих отдельных сект?

Конечно, нет; у Единой Главы есть единое тело — Церковь Святая, Соборная и Апостольская.

Это надо помнить всем нам, всем тем, кто может быть соблазнен сектантскими учениями.

Сектанты говорят: *Господь сказал: Где двое или трое собраны, во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20).

Они говорят, что во всякой вере, во всякой церкви можно спастись. О, сколько лжи и заблуждения в этих словах!

Я думаю, что и сами сектанты не скажут, что можно спастись и в церкви мусульманской, и в церкви иудейской. Они свои секты имеют в виду, говоря так. Они говорят, что во всякой вере можно спастись, а сколько сект, столько и вер, и эти их веры несогласны одна с другой. Это несогласие доходит до такой степени, что в Англии и Америке есть секты, которые отвергают все Таинства, даже Таинство крещения.

Такова секта квакеров, или «друзей», как себя называют они. Квакеры сохраняют из всего Евангелия только нравственное учение Господа Иисуса Христа: они творят много добрых дел. Но и среди мусульман есть весьма добродетельные.

Наша христианская вера отличается от всех других вер именно тем, что в основе ее лежат Таинства, установленные Самим Иисусом Христом.

Не Он ли сказал Никодиму: *истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие* (Ин. 3, 5).

А апостолам Своим иными словами сказал то же самое: *Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет* (Мк. 16, 16).

Итак, отвергающий Таинство крещения не христианин.

Не говорил ли Господь, что кто не будет причащаться Тела и Крови Его, кто не будет вкушать хлеб Божий, который сходит с небес, тому нет места в Царстве Божием? (Ин. 6, 50-51).

А квакеры отвергают Таинство Причащения.

Есть секты, даже отрицающие троичность Бога.

Подумайте, могут ли спастись подобные им сектанты, церковь ли они Христова, тело ли Иисуса Христа, Господь возглавляет ли их секту?

О, нет, нет.

В своем отрицании Церкви сектанты основываются на словах Священного Писания, которые сейчас вам прочту: *Истинно... говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 19-20),

Они говорят: «Зачем же нам в Церковь приходить, зачем ваши храмы, зачем ваши священники и епископы? Не сказал ли Господь, что если двое или трое собраны во имя Его, то и Он посреди них?»

Имеют ли они право так говорить?

Вникните в эти слова и посмотрите, к кому они обращены. Этим словам предшествовали другие слова Христовы, обращенные непосредственно к апостолам Его: *Истинно... говорю вам, что если двое из вас согласятся на*

земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного.

Это относилось к апостолам. Если двое из вас, апостолов Моих, братьев Моих, друзей Моих согласятся просить Отца Небесного, то будет им.

Неужели же можно думать, что молитва двух или трех нечестивых и грешных людей, собравшихся во имя Иисуса, будет иметь такую же силу, как молитва двух или трех апостолов — друзей Христовых?

Конечно же, нет. Речь идет об истинных чадах Церкви Христовой.

А что значат слова: *где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20)?

Неужели эти слова значат, что нет нужды ходить в храм, неужели ими отрицается Церковь Христова?

О, конечно, нет, совсем нет.

О ком говорит Господь здесь?

Опять слова эти были обращены к апостолам. Но он говорил в лице их ко всем, кто следует за святыми апостолами, кто принадлежит к Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Он говорил о том, что если двое или трое христиан соберутся где-либо в доме во имя Его для чтения Священного Писания, для поучения в слове Божиим, то и Он будет среди них.

Скажу больше, могу расширить толкование и понимание этих слов Христовых. Скажу, что если кто из нас, христиан, будет беседовать с неверующими о Христе, о содеянном Им спасении рода человеческого, то будет Христос между вами? Не значит ли это, что вы одни составляете Церковь Христову?

Конечно, нет.

Конечно, нелепо так толковать эти слова Христовы.

Христос этими словами только хотел сказать, что где говорят о Нем, где творят дела во имя Его, там и Он.

Я скажу больше: я знаю, что и среди мусульман, и среди евреев есть много весьма благочестивых и весьма добрых. Среди мусульман есть свои святые, почитае-

мые ими, свои повествования о жизни этих мусульманских святых.

Что же, скажем ли мы, что совершенно безразличны они для Христа, что Христу нет дела до них?

Нет, не скажем; не скажем потому, что знаем слова св. Петра, на которые ссылаются сами баптисты. Знаем из десятой главы Деяний апостольских такие слова, сказанные апостолом Петром: *Петр отверз уста и сказал: истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему* (Деян. 10, 34-35).

Где сказал эти слова апостол Петр?

В доме римского сотника Корнилия, язычника, молитвы которого услышал Бог и вспомнил многие творимые им милостыни. Однажды во время молитвы он увидел Ангела, который сказал: *Молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом. Итак пошли людей в Иоптию и призови Симона, называемого Петром. Он гостит у некоего Симона кожевника, которого дом находится при море; он скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой* (Деян. 10, 4-6).

И пришел к нему Петр, и проповедовал Евангелие Христово, и крестил его со всем домом его, и сказал эти только что прочитанные мною слова.

А на эту главу сектанты ссылаются, говоря, что Церковь совсем не нужна, что можно спастись и вне Церкви, как спасся сотник Корнилий.

Но разве не глубокое недомыслие в этом? Разве не понятно, что сотнику Корнилию, благочестие и добрые дела которого были приятны Богу, недоставало многого: недоставало крещения, недоставало просвещения Священным Писанием, недоставало познания о Господе Иисусе Христе, недоставало причисления к Церкви Святой, Соборной и Апостольской?

И если бы не пришел Петр, его молитв, его поста, его добрых дел не было бы достаточно, чтобы спасти его.

Видите ли, как сектанты искажают Священное Писание.

Прочту вам еще страшные слова Христовы: *Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали ? и не Твоим ли именем бесов изгоняли ? и не Твоим ли именем многие чудеса творили ? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие* (Мф. 7, 22-23).

Предстанут на Страшный суд и сектанты, ругавшиеся над Церковью Христовой, предстанут и скажут Ему: не во имя ли Твое собираясь, мы творили преломление хлеба; не творили ли добрые дела, не проповедовали ли Евангелие Твое? Но скажет им Господь: «Не знаю вас, потому что разодрали вы Мой хитон, совершив величайший грех раскола церковного».

В прошлой беседе говорил я вам, как страшен этот грех, как оценивали его святые Отцы, как говорили они, что грех раскола церковного и отхождения от Церкви так велик, что не может быть омыт даже кровью мученической.

Не страшно ли им будет предстать на Суд Христов? Их дело; а наше дело веровать во Святую Апостольскую Церковь.

Нам мало знать, что мы листики, ветви Виноградной Лозы, Которая есть Сам Господь наш Иисус Христос.

Мы будем помнить об одном дворе овчем, будем помнить о едином теле, Глава которого Сам Христос.

В Своей великой первосвященнической молитве так молился Господь Иисус Христос: *Отче Святый! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы* (Ин. 17, 11).

Просил Христос у Отца Своего, чтобы все христиане были едино, как Он един с Отцом Своим.

Сектанты этого слышать не хотят, они раздирают ризу Христову. Единая Церковь им не нужна, им не страшно, что секты их бесчисленны.

Не задумываются они над тем, что сами ведут себя как трость, ветром колеблемая, ибо знаем мы, что сек-

танты, в особенности баптисты, часто переходят из одной секты в другую.

Баптисты переходят в секты прыгунов, хлыстов; есть штундисты, крестящие и не крестящие детей.

Знаем, что и сами баптисты разделились.

А где разделение, там нет Христа, ибо разделение от диавола.

Каждая секта считает только свое учение истинным и правильным, каждая критикует и отвергает учение других.

Разве истина не одна?

Разве может быть, чтобы истина разделилась на сотни отдельных мелких истин?

Гордость, самопревозношение, самонадеянность побуждают сектантов уходить от Церкви Святой.

А даже между собою объединиться они не могут, ибо как объединятся штундисты с жидовствующими, с прыгунами, хлыстами, адвентистами, субботниками?

Объединиться они не могут, все остаются разъединенными.

Мы знаем, что едина истина, что не разделился Христос, что не может существовать тысяча отдельных церквей, что Господь основал Единую Святую, Соборную и Апостольскую Церковь.

Вот я рассказал и разъяснил, почему мы, православные, исповедуем единство Церкви, и продолжу речь о том, почему Церковь называется не только Единой, но и Святой, но и Апостольской.

Надо еще много сказать о том, что весьма важно: ни одна секта не имеет у себя законных епископов и священников; они имеют лишь самозванных пресвитеров.

Но речь об этом должна быть долгой, и я не могу отвлекать вас от всех обязанностей и забот ваших.

Да вразумит вас всех Господь, молившийся, чтобы мы все были едины, как един Он со Своим Небесным Отцом. Аминь.

Слово в Неделю Торжества Православия. О ересьях

В первое воскресенье Великого поста Святая Церковь празднует Торжество Православия, и надо разъяснить вам, что это значит.

Необходимо вам знать, в чем состоит основная, важнейшая сущность нашей православной веры.

Она состоит прежде всего в том, что мы всем сердцем веруем в Господа Иисуса Христа как нашего Спасителя от власти диавола и от греха первородного.

Эта вера совершенно отлична, в корне отлична от всех других вер: только в нашей христианской вере сущность ее составляет вера в искупление рода человеческого крестной смертью Господа и Бога нашего Иисуса Христа.

Для того чтобы понять и подлинно знать, как мог искупить Господь Иисус Христос, истинный Сын Божий, род человеческий, надо глубоко, всем сердцем веровать, что был Он истинным и совершенным Богочеловеком, что в Нем совмещались и полнота Божества, и полнота человеческой природы — совмещались нераздельно.

Только при условии этой веры будем мы подлинно и истинно христианами.

Почему это так? Потому что искупить Своею Кровью первородный грех, тяготевший над родом человеческим, искупить нас всех, погибающих от власти диавола, возможно было только Богочеловеку. И это искупление совершено Крестом Христовым.

Если бы Господь наш Иисус Христос не совмещал в Себе полноту Божества с истинной человеческой природой, то не мог бы Он пострадать за нас на Кресте, не мог бы Своей плотью и Кровью сделать нас причастниками жизни вечной.

Ибо если бы Он не обладал совершенным человеческим естеством, если бы Он был прежде всего и больше всего совершенным Богом, то не мог бы Он страдать на Кресте, ибо Бог бесстрастен.

А если бы был Он прежде всего человеком, человеком, с которым только соединилась благодать Святого Духа, то Его крестная смерть имела бы не больше ценности в глазах Божиих, чем смерть святых мучеников Христовых.

Итак, сущность Православия в том, чтобы веровать всем сердцем в Богочеловечество Господа Иисуса Христа, в то, что был Он истинным Богом и истинным человеком.

Сатана, враг рода человеческого, знал это, и он приложил все усилия к тому, чтобы разрушить в людях веру в Господа Иисуса как Богочеловека.

Чтобы достичь этой окаянной цели, он воздвигал одну за другой тяжкие ереси.

Первой воздвиг он ересь Ария, пресвитера Церкви Александрийской, который учил, что Господь Иисус Христос был сотворен во времени и притом из ничего; что было время, когда Он не существовал, что не был Он единосущен Отцу, но был только первым Божиим творением и через Него сотворена вся вселенная.

Таким образом, Арий отверг Божественность Господа Иисуса Христа.

Много лет эта ересь смущала Церковь Восточную, много страданий претерпели отвергающие эту ересь.

На Первом Вселенском Соборе в 325 году в Никее ересь Ария была посрамлена и установлен Символ веры, в котором утверждалась Божественность Господа Иисуса Христа.

Вслед за ересью Ария воздвиг сатана другую ересь — ересь Македония, отвергавшего Божественность Духа Святого и разрушавшего этим веру во Святую Троицу. Его ересь была осуждена на Втором Вселенском Соборе.

А потом воздвиг сатана ересь патриарха Константинопольского Нестория, который, подобно Арию, отрицал Божественное вечное рождение Господа Иисуса Христа от Бога Отца. Он учил, что родился не Сын Божий, а человек, в котором обитал Бог. Пресвятую Богородицу учил он называть не Богородицей, а Христородицей.

И эта тяжелая и многих увлекшая ересь была разоблачена на Третьем Вселенском Соборе; был осужден Несторий, предан анафеме.

Но сатана не складывал рук: он придумал новую ересь, тонкую — ересь монофизитства, для многих приемлемую. Устами еретиков Евтихия и Диоскора учил, что в Господе Иисусе Христе не было действительной Богочеловеческой природы, а природа Божественная всецело преобладала над природой человеческой.

И эта ересь ниспровергала веру в Богочеловечество Господа Иисуса Христа.

Пала и эта ересь, и воздвиг сатана еще более тонкую ересь, ересь монофелитскую.

Она состояла в том, что у Господа Иисуса Христа отрицалась воля человеческая. Еретики учили, что была у Него одна воля, не две воли — Божеская и человеческая, — а только одна Божеская.

И эта ересь тоже совершенно лишала силы и ценности крестную смерть Господа нашего Иисуса Христа.

Бесконечна была изобретательность сатаны: и после падения монофелитской ереси воздвиг сатана новую и последнюю ересь, ересь иконоборческую.

Император византийский Лев Исавр воздвиг жестокое гонение на поклонение святым иконам. Он объявил почитание святых икон ересью и идолопоклонством; он ставил почитающих святые иконы наравне с идолопоклонниками.

Гонение, от него воздвигнутое, было жестоким. Из всех церквей и даже из домов и дворцов царских по повелению императора Льва выбрасывали все иконы, их уничтожали и подвергали надругательствам. Было приказано стенную живопись храмов и дворцов, в которой изображались сцены Священной Истории, уничтожить, замазать известью. А поверх извести повелено было написать нелепое — цветы, фрукты, ландшафты, то есть то, что не имело никакого отношения к Церкви, к вере святой.

Эта ересь вызвала сильное сопротивление прежде всего со стороны монахов, а потом против нее восстало и большинство мирян.

Сопротивлявшиеся иконоборческой ереси претерпели жестокое гонение от императора Льва Исавра, претерпели мучения и казни, которые по жестокости можно даже сравнить с гонениями на христиан римских императоров Диоклетиана, Декия, Ликиния.

Монахам — сильным, горячим защитникам почитания икон — отрезали уши, носы, выкалывали глаза, бросали их в тюрьмы; тем, которые занимались иконописанием, глубоко сжигали пальцы на руках и даже отрубали кисти рук.

Особой силы иконоборчество достигло при сыне и преемнике Льва — Константине Копрониме. В его царствование в 754 году был созван еретический собор, которому император велел обосновать отмену иконопочитания.

Этот собор присвоил себе незаконно имя «Седьмого Вселенского», на что не имел никакого права, ибо на нем не присутствовал ни один из восточных патриархов, не было даже их представителей, а был только один патриарх-иконоборец Константинопольский. В этом соборе не принимала участия и Западная Церковь.

Этот собор, не имевший никакого права именоваться Вселенским — Седьмым Вселенским, — издал целый ряд постановлений в оправдание иконоборчества.

Но сила Божия хранила истинное Православие. После Копронима при Льве IV наступило значительное облегчение гонения на почитателей икон, длившееся до регентства императрицы Ирины, которая в 787 году созвала новый Собор — подлинно Седьмой Вселенский Собор, который отверг все постановления разбойничьего иконоборческого собора и восстановил иконопочитание. Но окончательно избавилась Церковь от гонения на иконопочитание от императоров-иконоборцев только тогда, когда империей правила на правах регента, за малолетством своего сына Михаила, императрица Феодора.

Она объявила полное прекращение гонения на почитателей икон и установила великий праздник Торжества Православия.

Чтобы представить себе, как тонка и опасна была ересь иконоборческая, надо понять, что, запрещая изображать Господа Иисуса Христа на иконах, иконоборцы отрицали то же, что и все другие еретики, — Его Богочеловечество. Они основывали свое осуждение иконопочитания на том, что Бог неизобразим, следовательно, не должно быть никаких изображений и икон.

Но неизобразимо чистое Божество, изобразимо же Божество, связанное с человеческой природой.

А Господь Иисус был истинным Богом и истинным человеком — был подлинным Богочеловеком, и на иконах изображается не Божество отдельно, не человек отдельно, а подлинный Богочеловек.

Утверждать безусловную неизобразимость всего Божественного, как это делали иконоборцы, — значит отвергать нераздельное соединение Божества с человечеством, ибо это последнее, без сомнения, изобразимо. Осуждать иконопочитание и называть его идолопоклонством — значит отрицать действительность Богочеловека, в котором обитает вся полнота Божества телесно.

Не Божество изображается на иконе, а Богочеловечество.

Не иконам воздаем мы почитание, а Тому, Который изображен на иконе: не иконе, а Самому Господу Иисусу Христу, Предвечному Сыну Божиему.

Изображаем на иконах и Ангелов святых, как повелено было Богом Моисею изобразить их в скинии в виде золотых изваяний, осеняющих ковчег Завета.

Грубо и дерзко поступают наши сектанты, обвиняя нас в идолопоклонстве.

Да знают они, да запомнят навсегда, что Седьмой Вселенский Собор утвердил иконопочитание и осудил всех называющих иконы идолами.

А сектанты поносят святые иконы, называя их идолами, и нелегко им понять, о чем говорил я ныне.

А вы, малое стадо Христово, не полагайтесь на свой разум, не рассуждайте сами дерзко и неверно о том, о чем рассудил Седьмой Вселенский Собор.

А вы будьте послушными чадами Церкви и с радостным сердцем празднуйте нынешний праздник Православия.

Слово в Неделю четвертую Великого поста. О Причащении

Течет Великий пост. Вы во множестве говеете, а мой долг помочь тому, чтобы великое дело покаяния и Причащения Святых Таин было для вас делом не формальным только, а вполне сознательным.

О покаянии я говорил вам в Неделю вторую Великого поста, а ныне, в Неделю четвертую, со страхом и трепетом буду говорить о великом Таинстве Причащения Тела и Крови Христовых.

В молитве перед Причащением вы исповедуете: «...Верую, яко сие есть самое пречистое Тело Твое, и сия есть самая честная Кровь Твоя».

Да благословит вас Бог за это доброе исповедание, за то, что вы, как дети, не рассуждая, верите в великую тайну Евхаристии.

Только те, кто умалились как дети и без всякого рассуждения принимают слова Христовы как величайшую и безусловную истину, получают от Причащения Святых Таин жизнь вечную.

А те внешние, ушедшие за ограду Церкви, которые верят только в материальное и отрицают все духовное, совершенно не способны веровать в то, что под видом хлеба и вина нам преподается Тело Христово и Кровь Его.

О них сказал апостол Павел: *Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно* (1 Кор. 2, 14).

А тайна Тела и Крови Христовых — величайшая тайна христианской веры.

Об этой тайне так говорил Сам Господь наш Иисус Христос в синагоге Капернаумской: *Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира... Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною... Ядущий хлеб сей жить будет вовек* (Ин. 6, 51, 53, 56-58).

Эти слова Христовы настолько необычайны, что даже многие из учеников Его, слышавшие их, говорили: *какие странные слова! кто может это слушать?* (Ин. 6, 60).

И с этого времени перестали ходить за Ним.

Неужели же и мы уйдем от Спасителя нашего?!

Неужели будем добиваться полного понимания великой тайны Христовой?!

О нет! Смиримся, как дети, и дерзнем только приподнять край завесы над этой тайной.

Если сумеем это сделать, то оправдана будет наша глубокая вера в пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы.

Таинство Евхаристии установил Сам Господь Иисус Христос на Тайной вечере. Он взял хлеб, благословил, вознес Отцу Своему молитву благодарения, преломил и раздал апостолам Своим со словами: *Приимите, ядите: сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов.*

Подобно и чашу с вином благословил и, подавая апостолам, сказал: *Пийте от нея вси: сия есть Кровь Моя Нового Завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов* (см.: Мф. 26, 26-28; Мк. 14, 22-24; Лк. 22, 19-20).

Он, Истинный Сын Божий, именует Себя хлебом живым и хлебом жизни.

Какой жизни? Конечно, не телесной, ибо для нее нужен только хлеб пшеничный, а хлебом иной жизни — высшей, духовной, вечной.

Хлеб, необходимый для этой жизни, есть Плоть и Кровь Его.

На Тайной вечере не Свою подлинную Богочеловеческую Плоть и Кровь предложил Он есть и пить ученикам Своим, а подал им освященные хлеб и вино и сказал, что это Тело Его и Кровь Его. И эти глубоко таинственные слова Его принимаем мы, как и все слова Христовы, за безусловную истину.

Он назвал Себя хлебом жизни, сшедшим с небес, и хлеб, преломленный Им на вечере, истинным Телом Его, а вино, предложенное ученикам, подлинной Кровью Его.

И если бы мы, причащаясь, хотели бы видеть в пресуществленных хлебе и вине вид плоти и вкус крови, то это было бы грехом неверия словам Христовым, которые всегда безусловно истинны, и не только грехом неверия, но и неразумием, ибо не знаем мы подлинной сущности тела Богочеловеческого, которое несомненно обладало непостижимыми для нас свойствами, не раз проявлявшимися при явлениях Его апостолам по Воскресении Его из мертвых.

Пытаясь проникнуть в тайну пресуществления, должны мы помнить, что тело Господа Иисуса Христа и при жизни Его было не только истинно-человеческим, но и духовным.

Христос вознес молитву Отцу и благословил хлеб и вино, и стали они Телом и Кровью Его.

Священник, совершивший Литургию, после многих глубоких молитв благословляет хлеб со словами: «Сотвори убо хлеб сей честное Тело Христа Твоего», а благословляя вино: «А еже в Чаше сей честную Кровь Христа Твоего».

И потом благословляет одновременно хлеб и вино, призывая на них силу и действие Святого Духа словами: «Преложив Духом Твоим Святым. Аминь».

И Дух Святой пресуществляет хлеб и вино в Тело и Кровь Христовы, как пресуществил их Сам Господь наш Иисус Христос на Тайной вечере.

И всякий полный веры и благочестия священник произносит слова эти с трепетом и волнением, ибо верует, что в этот момент нисходит на Святые Дары Дух Святой и Своей Божественной силой пресуществляет их в истинное Тело и Кровь Христовы.

В житии великого преподобного отца нашего Сергия Радонежского читаем, что однажды его ближайший ученик Симон видел, как в то время, когда произносил святой эти великие слова, по всему Престолу и вокруг самого преподобного Сергия носился какой-то необыкновенный огонь. Он быстро двигался над Престолом и, окружив Преподобного со всех сторон, святой этот огонь собрался воедино и вошел в Чашу со Святой Кровью.

Что же, и это не вразумительно?

Да не будет того, чтобы кто-нибудь из вас усумнился в истинности пресуществления хлеба и вина!

Если будем всем сердцем верить, что в Таинстве Евхаристии хлеб и вино истинно пресуществляются в Тело и Кровь Христовы, то сбудется на нас драгоценное слово Христово: *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь во Мне пребывает, и Я в нем.*

С Телом и Кровью Его вселяется в нас Христос и становится единым с нами, и мы пребываем в Нем. Ибо мельчайшие частицы, молекулы Тела и Крови Его соединяются с кровью нашей и приносятся в сердце наше, давая нам жизнь вечную.

Преподав на вечере Тело и Кровь Свою апостолам, Господь Иисус заповедал им: *Сие творите в Мое воспоминание.*

Им, и только им, избранникам Своим, дал Он власть совершать Евхаристию так, как только что совершил ее Сам. А апостолы эту власть, как и власть проповедовать Евангелие и совершать все Таинства, передали преемникам своим, епископам и пресвитерам.

Все крайне многочисленные толки и секты протестантства, к которым принадлежат и наши баптисты,

евангелисты, адвентисты, не верят в истинное пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы и свое так называемое «преломление хлеба» считают только обрядом, совершаемым во исполнение слов Христовых: *Сие творите в Мое воспоминание.*

Да и невозможно у них Таинство Евхаристии, так как нет у них единственно законных совершителей Таинства — епископов и пресвитеров, получающих благодать Святого Духа в Таинстве священства, ими отвергаемом.

Вот я, как говорил, дерзнул со страхом и трепетом приподнять пред вами только край завесы над великим Таинством Евхаристии.

Великая радость будет для меня, если словами моими удалось мне внушить вам глубокое благоговение пред этим великим Таинством и веру в истинность его.

Закончу речь свою словами апостола Павла: *Иже аще яст хлеб сей или пьет чашу Господню недостойне, повинен будет Телу и Крови Господни. Да искушает же человек себе, и тако от хлеба да яст, и от чаши да пьет. Ядый бо и пияй недостойне, суд себе яст и пьет, не рассуждая Тела Господня* (1 Кор. 11, 27-29).

Особенно эти последние слова Апостола запомните: *Ядый и пияй недостойне суд себе яст и пьет.*

Со страхом внимайте и словам священника, которые он произносит после благословения хлеба и вина призыванием Духа Святого: «Святая Святый!»

Ибо слова эти значат, что великая святыня Тела и Крови Христовых предназначена только для святых, получивших в весьма важном Таинстве глубокой исповеди разрешение и отпущение своих грехов. И с покорностью примите запрет духовника причащаться Святых Таин до времени более глубокого раскаяния вашего, если он сочтет это необходимым по тяжести грехов ваших, ибо Господь наш Иисус Христос дал Своим апостолам, а через них епископам и пресвитерам власть не только разрешать людям грехи их, но и вязать их. Аминь.

Послание к духовенству Симферопольской и Крымской епархии

Обращаю внимание ваше, братия и сослужители мои, на чрезвычайно важные события, происходящие в настоящее время в Церкви Христовой.

Мы молимся каждый день о соединении Церквей, уже целые века остающихся разъединенными. Большая длительность этого великого горя Церкви у весьма многих породила привычку и равнодушие к этому губительному разъединению — и не только равнодушие, а гораздо худшее.

Еще немного десятилетий тому назад и римо-католики, и лютеране относились к Православной Церкви с открытым пренебрежением. Православный Восток для них был царством глубокого мрака, языческих суеверий. Православная Церковь, по их мнению, даже не заслуживала христианского имени.

Но, слава Богу, в последнее время это глубоко греховное отношение католиков и протестантов к нам, православным, резко изменилось к лучшему. В новейшей литературе, очевидно, инспирируемой Ватиканом, Православная Церковь получила совершенно новую, заслуженную ею оценку, и вместо враждебного голоса монахов-ассумпционистов громко раздается добрый и любовный голос бельгийского ордена бенедиктинцев в их журнале «Irinikon».

Это, конечно, весьма важно, но еще гораздо важнее то, что происходит в Церкви Русской.

Важные политические события, и прежде всего мудрость нашего Святейшего Патриарха Алексия, открыли, как я думаю, новую и чрезвычайно важную эпоху в истории Церкви.

На реке Божией треснул лед равнодушия и взаимного непонимания и незнакомства между Русской Церковью, Лютеранской, Англиканской и другими западными церквями и церковными общинами. Начался обмен

делегациями между Православной Церковью и всеми этими церквами.

В Западной Германии наша церковная делегация, возглавляемая митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем, в Англии делегация Русской Церкви с митрополитом Минским Питиримом во главе, в Канаде наша делегация, руководимая архиепископом Северо-Американским и Алеутским Борисом, вошли в тесное общение с главными деятелями этих церквей, и это общение делегаций дало очень важные результаты: инославные церкви с удивлением увидели и узнали о Православной Церкви, о чем прежде не помышляли. А наши делегации увидели у них глубокое благочестие и любовь к Господу нашему Иисусу Христу.

По приглашению Святейшего Патриарха Алексия к нам приезжали и продолжают приезжать многочисленные и большие делегации западных церквей, особенно Евангелической, — и получают возможность всесторонне ознакомиться с Русской Православной Церковью.

Десятый и одиннадцатый номера «Журнала Московской Патриархии» (за 1959 год. — Ред.) содержат много писем руководителей и членов этих делегаций. Их впечатления были настолько ярки и неожиданны, что многие из них спешили написать об этих впечатлениях уже в самолетах при возвращении на родину.

Доктор Стенли Эванс пишет, что при его посещении главных центров религиозной жизни России он вынес такое множество весьма важных и неожиданных впечатлений, что невозможно изложить их в журнальной статье, а надо написать целую книгу.

Многие из руководителей и членов этих протестантских делегаций оставили очень яркие записи о своих мыслях и впечатлениях, полученных за время пребывания в Москве и Ленинграде, в Киеве и Одессе.

Вот выдержки из этих записей, свидетельствующие о глубине бывшего отчуждения между Евангелической Германской церковью и Православной Русской.

«Мы приехали в мир, совершенно нам чуждый...»

«Мы потрясены полнотою впечатлений от нашей поездки...»

«Нас потрясли открытые объятия и сердечный прием...»

«В православных общинах мы нашли своих братьев...»

Наше православное богослужение, красота и стройность его, особенно всенародное пение, производили очень глубокое впечатление на делегатов евангелических общин.

Все это вызывало у гостей возгласы неподдельного восхищения и благоговейной радости, душевной признательности.

Велико значение слов доктора Стенли Эванса, возглавлявшего английскую делегацию, приглашенную Святейшим Патриархом Алексием: «Каждый, кто принимает и кто будет продолжать принимать участие в укреплении связи между святой Православной Церковью России и Англиканской Церковью, сделал и сделает основной шаг на пути к объединению христианства во всем мире».

Прямо-таки потрясли сердца наших западных гостей сердечность и доброта наших верующих, говоривших им о прощении тяжелых бедствий последней войны.

Они не забудут также обаяние личности Святейшего Патриарха Алексия, его слов, сказанных на прощальном обеде с западногерманскими делегатами: «Я радуюсь, что мы нашли друг друга как братья. Мы будем в дальнейшем посещать друг друга и углублять наше общение, рожденное здесь. Мы стоим на общем основании».

Предстоятель Рейнской Евангелической церкви доктор Хельд сказал о результатах приезда делегации в Россию волнующие слова: «Эти результаты столь обильны, значительны и благотворны, что все мы смотрим ныне на приглашение Патриарха приехать в Советский Союз как на указание Самого Господа Бога».

Подлинно растаял лед, сковывавший сердца разъединенных христиан, и на реке Божией не только треснул, но уже двинулся греховный лед. Пусть же без всяких

помех и задержек плывет он в океан вечности.

Начало единения между нашей Православной Церковью и западными протестантскими церквями считаем мы едва ли не важнейшей из многих заслуг пред Богом нашего Святейшего Патриарха.

Много было написано статей и книг о соединении Церквей, особенно Православной и Римско-католической. Но лед на реке Божией твердо стоял, и только теперь Господь Бог наставил Святейшего Патриарха Алексия найти золотой ключ для открытия крепко запертых дверей. Этот ключ очень прост: необходимо только «в главном и существенном — единство, во второстепенном — свобода, в общем — любовь»...

Если так высоко ценим мы взаимную любовь между христианами, то не должны, конечно, забывать, что Бог наш есть не только живая, всесовершенная Любовь, но и Солнце Правды. Должны исполнять заповедь Христову: *ищите же прежде Царства Божия и правды Его* (Мф. 6, 33).

Древнейшую догматическую правду, установленную святыми Апостолами и Семью Вселенскими Соборами, и все Таинства должны свято хранить.

А этого не видим мы не только в Евангелической церкви и множестве лютеранских сект, но и в Римско-католической Церкви, установившей новые, совершенно неприемлемые для нас догматы о главенстве папы даже над Вселенскими Соборами и о непогрешимости его. От начала IX до середины XI века папский престол занимали совершенно недостойные люди, которых католический церковный историк Бароний клеймит такими позорными именами, которые я не могу повторять.

Было время, когда папский престол занимали мальчики шестнадцати и даже двенадцати лет. Был совершенно неверующий папа Лев X Медичи, называвший святое Евангелие «доходной басней о Христе».

Конечно, абсолютно невозможно считать таких пап непогрешимыми в делах веры, главами Вселенской Церкви, воля которых выше воли даже Вселенских Соборов.

На Соборе 1870 года, на котором папа Пий IX проводил догмат о непогрешимости папы, он встретил резкий протест со стороны множества католических епископов. Тем не менее догмат был принят по настоянию папы, а Православная Церковь, конечно, ни в коем случае не примет его.

А о том, как далеко в сторону рационализма зашло современное лютеранство, так говорит крупный лютеранский богослов: «Две основных школы современного протестантизма — положительная и философско-критическая — стоят друг против друга как два противоположных полюса. В своем понимании сущности религии и богословия они расходятся диаметрально, и разделяющая их пропасть с каждым годом становится все шире и глубже, так что никакое посредство между ними невозможно».

На своих экуменических съездах до крайности многочисленные протестантские общины и секты не могут до сих пор столкнуться между собою, ибо среди них есть и тяжелые еретики, отрицающие троичность Бога и все Таинства.

С такими, конечно, невозможно для нас даже объединение в любви.

Будем же хранить в неприкосновенной чистоте наше Православие и своею верностью ему, как и своей христианской любовью, будем привлекать их умы и сердца к великой истине Православия. В этом да поможет нам Бог! Аминь.

Указы

Всем отцам благочинным и через них всем священникам епархии Крымской

Мои циркулярные распоряжения не исполняются. Даже в некоторых городских церквях, как я лично убедился, до сих пор читаются, а не поются стихиры на

«Господи воззвах», на стиховне и на хвалитех. Это в огромной степени понижает ценность и благолепие богослужения. Пусть поэтому пеняют на себя священники, нерадящие о пении стихир, если мало бывает молящихся в храме. Не должно быть отговоркой, что хор не хочет петь стихир. Как это не хочет? Разве священник не должен держать хористов в повиновении? По опыту кафедрального собора, в котором до меня стихиры читались, знаю, как легко заставить хористов петь их. Не надо останавливаться и перед роспуском хора, не повиновущегося настоятелю.

Вменяю в обязанность отцам благочинным сообщать мне в своих отчетах о всех церквах, в которых не поются стихиры.

Введенный мною в систему вызов священников для проверки правильности их служения сразу же показал, что некоторые священники совсем не знают простодневной службы, а только воскресную. Это значит, что они никогда не служат в будничные дни и даже в субботу. А ведь последнее обязательно для всех, ибо в субботу поминаются умершие. Исполняет ли свой долг священник, не молящийся за умерших? Это великое нерадение и большой грех пред Богом и людьми.

Отвык наш несчастный народ ежедневно бывать в церкви, как было в старину. Забыли и священники свой долг быть всегдашними молитвенниками о народе. Никем не совершается память святых, которым положены службы на каждый день. Многие сельские священники прямо говорят мне, что им нечего делать целую неделю, от воскресенья до воскресенья.

Как нечего? Не их ли обязанность молиться всем святым, не их ли долг быть молитвенными предстателями Богу за народ? Что мешает священнику каждый день хотя бы вечерню прочитывать про себя в церкви, при одной горячей на престоле лампаде, или даже у себя дома?

Если бы поступали так нерадивые пастыри, то, конечно, твердо знали бы простодневную службу. И для своей

дремлющей от скуки души получали бы великую пользу. Преобразились бы они в глазах Божиих и в глазах народа. Заслужили бы уважение и любовь своей паствы и перестали бы жаловаться на то, что их церкви пустуют даже в праздничные дни. Благодетель и глубина веры пастырей передается и пастве. А хладная душа пастыря как зажжет Божественным огнем погибающие в забвении Бога души вверенных ему Богом людей?

Не должен ли священник быть религиозным вождем своей паствы, а не только требоисправителем?

Немало у нас церквей, которые стоят запертыми от воскресенья до воскресенья.

А разве не должны они открываться каждое утро при звоне в один колокол, зовущем верных хоть на несколько минут зайти в храм по дороге на работу или по мирским делам? Если будет знать верующий народ, что каждое утро открыт храм, что даже при невозможности ежедневно совершать в нем Божественную Литургию читаются в нем часы и служится обедница, то сила Божия упрочит благочестие, привлечет в храмы все больше людей, видящих, что священник каждый день молится о них.

Прошу и молю всех священников одноштатных церквей исполнять это. Очень нетрудно и в полном одиночестве, без псаломщика, прочесть часы или обедницу при свете хотя бы немногих лампад, а вечером прочесть вечерню. И велико будет благословение Божие над таким пастырем, помнящим, что он поставлен молитвенником за народ. Буди, буди!

Да возгорится ревность в сердцах всех моих сопастырей и да зажжет их ревность сердца пасомых!

16 февраля 1948 г.

Всем отцам благочинным Крымской епархии

До моего сведения дошло, что некоторые священники продолжают назначать таксу, и притом высокую, за Таинства и требы.

Прошу отцов благочинных строго следить за проявлениями корыстолюбия священников, служащего нередко поводом к переходу православных в секты, и объявить, что уличенные в требовании определенной платы за требы будут запрещаться мною в священнослужении.

11 марта 1948 г.

**Всем сопастырям и сослужителям моим
по Крымской епархии**

Божией милостью смиренный Лука, архиепископ Симферопольский и Крымский.

Великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему; я желал бы лучше сам быть отлученным от Христа (Рим. 9, 2-3), чем видеть, как некоторые из вас отлучают от Христа, от веры в Него и любви к Нему слабых верою овец стада Христова своим корыстолюбием.

Горячо верующая девушка с чистым сердцем убедила своих отошедших от Церкви знакомых крестить их детей.

Совершивший Таинство на дому у крещаемых священник получил по 30 рублей за двух крещенных и выразил неудовольствие малой оплатой. Родители пожалели, что крестили детей своих.

О, какой тяжкий грех совершил этот наемник, не пастырь, фамилию которого не хочу назвать, ибо это невыносимо тяжело!

Ведь он оттолкнул от Церкви людей, готовых обратиться к ней!

Надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит (Мф. 18, 7). Всемерно горе священнику, чрез которого соблазн приходит!

Горе пастырям, которые губят и разгоняют овец паствы Моей! говорит Господь. Посему так говорит Господь, Бог Израилев, к пастырям, пасущим народ Мой: вы рассеяли овец Моих, и разогнали их, и не смотрели за ними; вот, Я накажу вас за злые деяния ваши, говорит Господь. И соберу остаток

стада Моего из всех стран, куда Я изгнал их, и возвращу их во дворы их; и будут плодиться и размножаться. И поставлю над ними пастырей, которые будут пасти их, и они уже не будут бояться и пугаться, и не будут теряться, говорит Господь (Иер. 23, 1-4).

По этому слову Божию и мы, архипастыри, должны поступать.

Только что я уволил за штат священника, назначавшего большие таксы за Таинства и требы. Он и раньше был на год уволен за штат, и теперь оказался неисправимым.

Благословен Бог, посылающий нам взамен таких наемников, пасущих самих себя, а не овец паствы своей, — добрых пастырей, которых мы рукополагаем с благодарением Богу.

Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться: пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду... (1 Пет. 5, 1-3)

И я, подобно апостолу Петру, умоляю вас, сопастырей своих, убойтесь Бога, убойтесь слов Господних, чрез пророка Иезекииля возвещенных: *Живу Я! говорит Господь Бог; за то, что овцы Мои оставлены были на разхищение и без пастыря сделались овцы Мои пищею всякого зверя полевого, и пастыри Мои не искали овец Моих, и пасли пастыри самих себя, а овец Моих не пасли, - за то, пастыри, выслушайте слово Господне. Так говорит Господь Бог: вот, Я - на пастырей, и взыщу овец Моих от руки их, и не дам им более пасти овец, и не будут более пастыри пасти самих себя, и исторгну овец Моих из челюстей их, и не будут они пищею их(Иез. 34, 8-10).*

Не есть ли священнослужение вообще, а в наше время в особенности, тяжелый подвиг служения народу, изнывающему и мучающемуся от голода и жажды слышания слов Господних (Ам. 8, 11)?

А многие ли священнослужители ставят своею целью

такой подвиг? Не смотрят ли на служение Богу как на средство пропитания, как на ремесло требоисправления?

Народ очень чутко распознает таких.

В одном из крымских приходов верующие просили меня лучше приписать их молитвенный дом к ближайшей церкви, чем оставить у них священника, к сожалению недавно рукоположенного мною, ибо он только требует и требует сытной пищи и отопления, которых не имеют и сами крестьяне, а духовной пищи им не дает. Почему-то должны кормить и молодую, здоровую дочь его, не желающую работать.

Что делать с таким священником?

Попробую устыдить его, затронуть лучшие стороны сердца его, переведу в другой приход с строгим предупреждением; а если и там не исправится, уволю за штат и подожду, не пошлет ли Господь на его место доброго пастыря.

Тяжкие испытания и страдания перенесла Церковь наша за время Великой революции, и конечно, не без вины.

Давно, давно накаплился гнев народный на священников корыстолюбивых, пьяных и развратных, которых, к стыду нашему, было немало.

И с отчаянием видим мы, что многих, многих таких и революция ничему не научила. По-прежнему, и даже хуже прежнего являют они грязное лицо наемников — не пастырей, по-прежнему из-за них уходят люди в секты на погибель себе.

Им напомним страшные слова пророка Исаяи: *Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло. От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необвязанные и не смягченные елеем* (Ис. 1, 5-6).

Умоляю вас, сопастыри мои, помните слова Павловы: *Корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям* (1 Тим. 6, 10).

Помните также, что доброго пастыря даже нищий народ не оставит в нужде. А корыстолюбивый всем ненавистен.

Да не будет таких среди нас, да успокоится наболевшее сердце мое!

30 марта 1948 г.

**Отцу настоятелю Николаевского собора
г. Белогорска протоиерею Иоанну Кудрявцеву**

Прошу немедленно сообщить, в каком состоянии у Вас священные сосуды: из какого металла сделаны, какова внутренность Чаши и поверхность Дискоса, вполне ли гладко вылужены или посеребрены, не переделан ли Потир из подсвечника, есть ли на Чаше и Дискосе изображение креста?

Не причащаете ли чайной ложечкой?

Кроме того, сообщите, нет ли каких-либо изъянов в антиминсе и зашитых мест.

Не совершаете ли Литургии без прислуживающего в алтаре, что безусловно воспрещается.

Ответ пришлите непосредственно мне.

Эти данные необходимо сообщить также и по приписным церквям к Вашему приходу.

23 июня 1948 г.

Пастырям крымского стада Христова

Смиренный Лука, Божией милостью архиепископ Симферопольский и Крымский.

Благословение Божие и любовь моя да будет со всеми вами!

Еще раз хочу потревожить совесть вашу. Многое уже исправлено, Господу поспешествующу, в епархии нашей, и многие из вас, сопастырей и сослужителей моих, радуют сердце мое своим глубоким благочестием и усердием и искренними заботами о паствах ваших, несмотря на глубокую нищету вашу.

Но далеко от должного великое дело проповеди слова Божия в епархии нашей.

Господь наш Иисус Христос, оставляя землю нашу, заповедал апостолам Своим, а через них и всем нам, их преемникам: *Шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имеет и крестится, спасен будет, а иже не имеет веры, осужден будет* (Мр. 16, 15-16).

Прежде всего проповедуйте, а потом крестите. Но не крестите только, не проповедуя. Не ограничивайте задач служения вашего только исполнением треб и богослужениями. Были святые, которые точно исполняли завет Христов и проповедовали Евангелие всей твари.

А вы, сопастыри мои, все ли проповедуете даже людям Божиим, истаявающим от самого страшного голода, не глада хлеба и воды, а глада слышания слова Божия (Ам. 8, 11)?

Народ наш почти тридцать лет не слышал слова Божия и жаждет его; а пастыри, очень многие пастыри, и теперь, когда свободна проповедь Евангелия, молчат и считают себя вполне исправными, если удовлетворительно совершают богослужения и требы, не пьянствуют и не курят (даже бесстыдно, на людях).

Когда я говорю с вами об этом, то чаще всего слышу в ответ: «У нас нет пособий к проповеди». Не стыдно ли так отвечать? Разве проповедь состоит в повторении чужих проповедей? Разве не слышали вы от святого апостола Павла: *И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы* (1 Кор. 2, 4)?

Так что же? Значит, нет в вас ни духа, ни силы, если не хотите проповедовать, не имея сборников чужих проповедей, не имеете своих мыслей о Боге, а ищете чужих?

Ведь это подлинное *testimonium paupertatis* — свидетельство убожества духовного.

Великий проповедник Иннокентий, архиепископ Херсонский, сказал в одной из своих проповедей, что очень легка задача проповедника, ибо Священное Писание дает неисчерпаемое количество тем для проповедей.

О, как это верно! Зачем же вам сборники чужих проповедей, если сама Библия есть неисчерпаемое руководство для проповедей?

Но к стыду нашему, я должен указать вам на сектантов, неустанно проповедующих только по Библии и усердно, ежедневно читающих ее. А я видел многих священников, которые ни разу не прочитали всей Библии. Не позор ли это?

Не знающий и даже не имеющий Библии священник ничем не лучше солдата, не имеющего оружия.

Преподобный Серафим Саровский всегда носил в мешке за плечами Новый Завет и в течение недели прочитывал его весь, а потом начинал сначала.

Но говорят некоторые: «У нас нет и Библии, и мы нигде не можем достать ее». Почему же, однако, при объездах епархии я видел у одних священников довольно большие богословские библиотеки, приобретенные в наше время, а у других много беллетристики и ни одной духовной книги? Не оправдываются ли на них пословицы «на ловца и зверь бежит» и «под лежащий камень вода не течет»?

Да устыдятся любители беллетристики.

Во время наполеоновских войн в глухой французской деревушке Арс, вблизи Лиона, жил простенький священник Жан Мари Вианней. Он был сыном крестьянина, с большим трудом окончил семинарию и считал себя очень плохим и невежественным священником. Но он имел удивительный дух и силу, и слава о нем распространилась по всей Франции.

В Арс отовсюду съезжались толпы народа. Приехал однажды знаменитый по всей Франции парижский проповедник. Стоя в углу, он слушал тихую, едва слышную проповедь священника Вианней, которая почти без слов входила в сердца людей. И, выслушав эту простую проповедь, он сказал: «Все мои знаменитые проповеди ничего не стоят по сравнению с проповедью этого деревенского кюре».

Так оправдал Жан Мари Вианней слова апостола Павла: *И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы* (1 Кор. 2, 4).

Поставим же и мы задачей жизни своей стяжать дух Христов и силу Его.

Для этого нужно следовать всем заповедям Его, усердно и неустанно молиться и поститься и всей душой прилежать к чтению Библии.

Тогда отверзутся уста наши, и спасительная проповедь, вода живая слова Божия польется неистощимым потоком из уст наших.

Благодать Святого Духа да поспешествует вам в святом деле!

2 июля 1948 г.

НВ. Еще усердно прошу всех сопастырей моих часто прочитывать «Известие учительное».

Всем священникам Симферопольской и Крымской епархии

Тяжело скорблю о том, что скоро нерадивые священники совсем отучат народ от совершения величайшего Таинства крещения. После запрещения в священнослужении священника Николая Мищука за крещение окроплением или поливанием воды на голову одетого крещаемого я поручил всем благочинным проверить, как крестят подведомственные им священники, и получил ответы, что все крестят трехкратным погружением. Однако, к великому огорчению моему, я случайно узнал о двух священниках, что они крестят поливанием или оплескиванием, а один даже Таинство миропомазания умудряется совершать на одетом больном. Один из этих священников уже уволен за штат, а другой будет запрещен.

Узнал также, что повсюду в Крыму принято исповедовать людей, накрывая их епитрахилью. Этого нельзя делать, ибо покрывать епитрахилью положено только при произнесении разрешительной молитвы.

На всенощной большинство священников открывают Царские врата при пении «Ныне отпускаеши...» Это совершенно неправильно. Открывать врата надо при окончании молитвы «Отче наш», перед пением «Богородице Дево, радуйся». Насильно причащать маленьких детей, буйно сопротивляющихся, никак не следует.

28 июня 1950 г.

Всем священникам Симферопольской и Крымской епархии

Прошу вас, отцы всечестные, поминать на отпустах Литургии, вечерни и утрени святых мучеников Инну, Пинну и Римму, ибо их надо считать крымскими святыми. Это очень древние мученики (не мученицы, как многие их неправильно считают), по-видимому готы, а может быть, тавро-скифы, жившие где-то между Алуштой и Балаклавой. Они приняли мученическую кончину за Христа где-то в устьях Дуная.

Через семь лет мученики явились во сне епископу и повелели перенести мощи их в селение Алике (нынешняя Алушта) и там похоронить их. Место, где почивают мощи мучеников, неизвестно.

30 октября 1950 г.

Всем священникам Симферопольской и Крымской епархии

Да будет тверда ваша ревность о правде Божией, о Канонах и постановлениях Церкви.

До сведения моего дошло, что восприемниками при крещении младенцев часто бывают люди, не знающие никаких молитв и даже не умеющие сотворить крестного знамения; женщины, имеющие некрещеных детей, и люди, не знающие даже, были ли они крещены.

Крещение младенцев совершается в Православной Церкви по вере их родителей и восприемников, на

обязанности которых лежит обучение детей Закону Божьему, молитвам и благочестию. Этого, конечно, не могут исполнить восприемники, сами не знающие даже простейших молитв, не умеющие креститься и во время Таинства крещения смеющиеся над произносимыми священниками заклинаниями сатаны.

Таким образом, роль восприемников при крещении становится пустой формальностью.

Крестить младенцев с такими восприемниками я строго запрещаю.

Восприемниками могут быть только подлинные христиане, знающие Закон Божий и молитвы.

Если окажется невозможным найти таких восприемников, то крещение младенцев должно быть отложено до того времени, когда это станет возможным, или даже придется нам возвратиться к временам апостольским и древнехристианским, когда люди крестились только в сознательном возрасте и не нуждались в восприемниках.

Напоминаю также о моем давнем строгом запрещении крестить обливанием, а обязательно троекратным погружением.

Не подчиняющиеся этому требованию священники будут мною запрещаться в священнослужении на полгода.

6 июня 1952 г.

Всем священникам Симферопольской и Крымской епархии

С великим горем узнал я, что огромное большинство священников Симферопольской епархии и до сих пор крестят обливанием или окроплением, часто даже не раздевая крещаемых.

Нашелся даже протоиерей, ныне уволенный, который ограничивался тем, что просил крещаемых опустить кисти рук в воду. Другие священники вместо троекратного погружения всего тела в воду поливают немного воды на голову одетого крещаемого.

В Римско-католической церкви крещение совершается не погружением, а троекратным обливанием, но, конечно, не одетого человека, и в нашем обличительном богословии мы осуждаем их за это, а сами поступаем несравненно хуже.

Величайшее Таинство крещения чрезвычайно унижается поступающими так священниками, дерзающими до крайности сокращать чинопоследование крещения и совершающими его в одной епитрахили, а не в полном облачении.

Этим они показывают, что они не верят в спасительность великого Таинства и смотрят на него как на пустой обряд.

Крестят в холодной воде и тем вызывают справедливый протест крещаемых и их родителей.

Народ уже так привык к крещению младенцев и одетых чуть ли не в шубы подростков и взрослых окроплением, что от верующих и с благоговением относящихся к Таинству священников требуют крещения окроплением, отказываясь от крещения троекратным погружением, и многие священники удовлетворяют их требования. Тогда как, конечно, надо самым решительным образом настаивать на погружении и упорно отказывающихся оставлять некрещеными.

5 февраля 1953 г.

**Всем священникам Симферопольской епархии
архиепископа Луки увещание**

До моего сведения дошло, что в некоторых церквях епархии второй священник или даже сам настоятель возглавляет тарелочный сбор в священном облачении.

Нахожу это весьма неприличным, ибо тарелочный сбор — дело церковной двадцатки, а не священников.

Для молящихся, конечно, совершенно понятна цель участия священника в тарелочном сборе, и многие с

осуждением воспринимают его как желание привлечь побольше пожертвований, и это особенно понятно, если на третьей тарелке поставлено объявление: «в пользу причта».

Не только прошу оставить этот дурной обычай, но и прямо запрещаю участие священников в тарелочном сборе.

12 марта 1953 г.

Всем священникам Симферопольской епархии

До моего сведения дошло, что в епархии установился странный и нелепый обычай ходить по домам верующих с великопостной молитвой на пятой, шестой седмицах поста.

Это совершенно недопустимо, ибо по содержанию своему великопостная молитва предназначена к самому началу поста.

Она подготавливает верующих к должному поведению во время поста и служит напутствием и благословением на трудный путь поста.

Это значение молитвы совершенно теряется, если молитва читается в конце поста, и хождение по домам с этой молитвой в глазах верующих получает только характер собирания подаяний.

Строго запрещаю чтение молитвы на пятой и шестой седмицах и требую чтения ее не позже первой седмицы.

25 марта 1953 г.

Всем священникам Симферопольской и Крымской епархии

1) Запрещаю совершать литию в праздничные дни на просфорах.

Как мне известно, это делается часто, и я объясняю это нерадивостью священника.

Священник, опустивший литию вследствие отсутствия хлебцев для благословения, должен за такое уничижение праздника сделать 12 земных поклонов с покаянной молитвой.

2) Царские врата на литии открываются только при архиерейском богослужении, если же литию служит священник, то он и диакон должны выходить и входить боковыми вратами.

3) Неоднократно мне становилось известным, что некоторые священники во время проскомидии посылают невынутые или чуть заметно вынутые просфоры для вторичной их продажи.

Такой поступок считаю позорным и предупреждаю, что виновных во вторичной продаже просфор буду наказывать запрещением в богослужении.

Если просфор не хватает, то частицы нужно вынуть из других принесенных просфор.

Совершенно недопустимым считаю также весьма укоренившийся обычай при крещении многих детей требовать от каждого восприемника принесения трех свечей, из которых только три свечи зажигаются на купели, а остальные потом продаются священником в свою пользу в свечной ящик.

4) Уже четыре священника наказаны мною за крещение подростков и взрослых обливанием.

В четвертый раз строго запрещаю это грубое нарушение Таинства крещения и предупреждаю, что виновных в нем буду запрещать в священнослужении.

Крещение взрослых должно совершаться только в городских соборах, а для подростков в каждой церкви должны быть заведены деревянные кадки для погружения.

5) Мне известно, что многие священники допускают значительные сокращения при совершении молебнов, панихид, а особенно Таинства крещения.

Виновных в этом буду переводить в худшие приходы.

12 ноября 1953 г.

Всем священникам и диаконам Крымской епархии архиепископа Луки увещание

До сведения моего неоднократно доходило, что многие священники епархии совершенно недопустимо сокращают чинопоследование богослужений, Таинств и обрядов.

К глубокому моему огорчению, я вижу, что этот весьма греховный обычай укоренился, и дело дошло до того, что немногие особо благочестивые священники, совершающие службу по уставу, подвергаются обвинениям со стороны некоторых дерзких членов своей паствы в том, что они неправильно служат и вводят небывалые новшества, ибо ни один из их предшественников так не служил.

В поселке Судак дело дошло до того, что некие деревенские люди, мнящие себя знатоками церковного устава, требуют от меня увольнения примерного исполнительного священника о. Николая Мищука, а ему самому прислали гнуснейшее анонимное письмо, в котором грозят убить его, если он сам не уйдет.

Таким образом, благочестивые священники подвергаются гонениям и терпят большие неприятности по вине гораздо менее благочестивых, тяготящихся уставной службой.

Думаю, что я согрешу пред Богом, если не приму серьезных мер к обеспечению уставной службы, и потому с тяжелым сердцем предупреждаю, что за такие тяжелые проступки, как замена панихиды литией и служение молебнов по собственному выдуманному чину вместо указанного Святейшим Патриархом в богослужебных указаниях за 1953 год чинопоследования молебна и панихиды я буду запрещать виновных в священнослужении на два месяца, а за крещение обливанием на полгода.

Взываю, братия, к иерейской совести вашей и молюсь о том, чтобы Господь Бог умножил ревность вашу о славе Его.

8 мая 1954 г.

Всем священникам Симферопольской и Крымской епархии архиепископа Луки слезное увещание

Близится Рождественский пост, а после него и рождественских Святков скоро начнется и Великий пост, время говения большинства верующих.

И овладела мною глубокая тоска и скорбь о том, что среди вас, моих сослужителей Христу Богу, некоторые несчастные, к которым относятся страшные слова пророка Иеремии: *Проклят всяк творяй дело Господне с небрежением* (Иер. 48, 10), будут продолжать ставший для них привычным смертный грех превращения великого Таинства покаяния в пустую формальность, желая поскорее отделаться от этого скучного для них дела.

Но по праву ли я называю этот грех смертным?

Небрежное отношение к великому Таинству исповеди не свидетельствует ли несомненно о их пренебрежении к словам Господа нашего Иисуса Христа, обращенным к Его апостолам, а через них и к нам, их преемникам: *Примите Дух Свят; имже отпустите грехи, отпустятся им, и имже держите, держатся* (Ин. 20, 22-23).

Страшную власть над душами человеческими, почти равную власти Божественной, дал нам Христос Бог. Не обязаны ли мы поэтому с трепетным вниманием и страхом относиться к этой данной нам изумительной власти? Не должен ли каждый духовник доподлинно и точно узнать грехи кающегося? Ибо как можно решить или вязать те грехи, которые неизвестны духовнику? Как можно довольствоваться пустым бормотанием исповедующегося: «Грешен, батюшка, грешен; во всем грешен».

Не подтвердит суд Божий того пустого отпущения грехов, которое даст нерадивый и смертно согрешающий священник.

Убоимся же, братия мои, такого страшного суда Божьего и проклятия, возвещенного пророком Иеремией, над творящими дело Господне с небрежением, и не будем жалеть труда и времени на благоговейное исполнение

Таинства покаяния. Будем помнить о том, что среди тех ханжей, которых немало между говеющими, есть немало и таких, которые с трепетом и глубоким волнением идут на исповедь, ожидая от духовника исцеления их душевных ран.

О, как благодарны они священнику, с глубоким вниманием слушающему их, и с какой глубокой обидой уходят от холодного и равнодушного священника-ремесленника, один из которых, как мне известно, сказал плачущей женщине: «Иди, иди! Надоели мне ваши грехи».

Да помнят нерадивые духовники, что и среди людей сознательно и глубоко верующих есть такие, которые читали страшные слова пророка Иеремии: *Проклят всяк творяй дело Божие с небрежением* (Иер. 48, 10).

Убоимся же, братья мои, смертного греха небрежения великим Таинством покаяния, да заслужим великую мзду верных служителей Божиих.

24 ноября 1954 г.

Всем священникам и диаконам Крымской епархии

Тревожное положение создалось у нас в связи со всевозрастающим укоренением обычая так называемого «печатания» умерших. Необходимы строгие меры к искоренению этого обычая, ибо «печатание» грозит заменить собою весь чин погребения. Об обычае «печатания» ничего не известно в северных и средних и восточных частях России, и народ там не знает и самого слова «запечатывание». Этот обычай существует только в Крыму и в немногих южных и западных областях*.

Ввиду изложенного, предписываю всем священникам и диаконам:

* В некоторых южных областях слово «запечатывание» употребляется как синоним церковного отпевания (как и в древнерусском языке) и не предполагает каких-либо особенностей самого чина. Архиепископ Лука говорит здесь о «запечатывании» как суеверном обычае, заменяющем правильное церковное отпевание. (Примеч. ред.)

1) Забыть самые слова «печатание» и «запечатывание» и никогда не употреблять их в разговорах с верующими;

2) Неоднократно прочесть во всех церквях епархии настоящее мое послание и в беседах со своими прихожанами убеждать их в нелепости суеверия, будто «незапечатанные» покойники выходят из могил и бродят по округности;

3) Ни в коем случае не производить «печатания» могил, а всегда совершать только полный чин погребения, как он изложен в требнике;

4) Ввиду того, что за дальностью расстояния от церкви, невозможностью найти средства передвижения или за отсутствием священника, родственники умершего бывают иногда вынуждены закапывать своих покойников без отпевания, считаю вполне допустимым в таких случаях заочно отпевать покойника в церкви или в доме, где он жил; однако при обязательном условии удостоверения в том, что родственники умершего действительно не имели возможности привезти тело умершего в церковь для отпевания или пригласить священника для той же цели на его могилу;

5) Так как при заочном отпевании по необходимости опускается лития пред погружением гроба в могилу, и не сыплется священником крестообразно земля на гроб перед засыпанием могилы, то считаю допустимым, чтобы родственники умершего приносили в церковь немного земли с могилы, а священник по окончании чина погребения осенял напрестольным крестом землю с произнесением слов: «Господня земля и исполнение ея, вселенная и вси живущии на ней». Эту землю родственники умершего высыпают на могилу. Бог да поможет нам искоренить суеверный обычай «запечатывания» могил и сохранить во всей полноте чин погребения умерших.

15 декабря 1954 г.

**Всем священникам и диаконам Симферопольской
и Крымской епархии архиепископа Луки увещание
о правильном и достойном совершении
величайшего и святейшего Таинства крещения**

К глубокому огорчению моему, узнаю, что доныне, несмотря на повторные указания мои, Таинство крещения совершается некоторыми священниками через обливание, а многими другими, по лености и нерадению, допускаются совершенно нетерпимые сокращения чина крещения, изложенного в требнике.

50-е правило святых апостолов грозит лишением сана епископу или пресвитеру за крещение не троекратным погружением.

Из истории Церкви знаем, что уже в апостольское время крещение совершалось троекратным погружением во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В Деяниях апостольских читаем, что для крещения вельможи эфиопской царицы апостол Филипп сошел вместе с ним в воду, что, конечно, было нужно для погружения крещаемого в воду.

О крещении троекратным погружением в воду как совершенно обязательной форме крещения много писали святые отцы Церкви: Кирилл Иерусалимский, Василий Великий, Иоанн Златоустый, Симеон Новый Богослов, Дионисий.

Крещение обливанием Православная Восточная Церковь допускала лишь в самых исключительных случаях, как, например, в тяжелой болезни крещаемого, погружение которого невозможно, или над мучениками, заключенными в темницу, где можно было иметь лишь очень немного воды.

В западных и юго-западных областях России насильственно введенная уния с Католической церковью привела к тому, что там укоренилось крещение обливанием; а во всех остальных областях России все священники правильно крестят погружением. Западное крещение

обливанием, к сожалению, проникло и в Крымскую область, и я должен в последний раз заявить, что считаю долгом, завещанным мне от Бога, искоренить в моей епархии крещение обливанием.

По верной пословице «лиха беда начало» некоторые не имеющие страха Божия священники, привыкнув крестить обливанием, доходят до того, что даже обливание заменяют поливанием водою или даже окроплением только головы стоящего в одежде крещаемого. Так нечестиво «крещенных», конечно, надо перекрещивать, ибо Таинство над ними не совершено.

Леность и отсутствие страха Божия многие и многие священники проявляют и в том, что опускают всю крайне важную часть чина крещения, относящуюся к освящению воды, и, не освящая ее, не творя троекратного знамения креста в воде, не освящая елея и не помазуя им воды, заменяют все эти священнодействия подливанием в купель небольшого количества воды от водосвятного молебна. Поступающие так сами свидетельствуют об отсутствии у них не только трепетного, но и всякого уважения к величайшему Таинству крещения.

Повинны в этом, хотя и в меньшей мере, и те священники, которые во избежание труда освящения воды оставляют на многие дни крещальную воду до следующего крещения.

Только в крайних случаях нездоровья или немощи священника допустимо хранить крещальную воду не более одного-двух дней.

При нынешнем падении религиозности и распространении безбожия случается иногда, что некоторые восприемники приходят нетрезвыми и требуют совершить крещение как можно скорее, или хотя и трезвы, но не знают ни одной молитвы и даже не умеют осенить себя крестным знамением. Таких нечестивцев, конечно, нельзя допускать к участию в Таинстве.

Весьма достоин подражания пример священников, у которых на стене храма написан Символ веры и важнейшие молитвы.

Весьма согрешают священники, совершающие Таинство крещения в одной епитрахили, а не в полном и при том белом облачении или хотя бы без поручей. Поручи можно иметь простые белые, легко высыхающие после смачивания в купели.

Я писал уже раньше, как надо поступать с водой после крещения и со всякой освященной водой. Теперь повторяю, что у всякого храма или вообще в ограде должен быть выкопан сухой колодец не менее двух метров глубиной, прикрытый крышкой. Слитая в него крещальная вода будет медленно всасываться в землю. Деревянные кадки и бочки для крещения подростков и взрослых должны содержаться в полной чистоте и ни для каких других надобностей не употребляться. По этой причине крещение в домах может быть допускаемо только в самых крайних случаях, ибо там священник принужден крестить в каком попало сосуде, которые и впредь будут употребляться для нечистых надобностей, и вода будет вылита куда попало.

Еще два слова о помазании елеем междорамия. Это малопонятное слово толкуется различно. Я считаю правильным под словом «междорамие» понимать пространство на спине между лопатками.

На священников, которые будут строго исполнять все данные мной указания, призываю благословение Божие и благодать Святого Духа.

Женщина, никогда не получавшая молитвы в 40-й день после родов, привела четверых детей до десятилетнего возраста для прочтения над нею молитвы, положенной в 40-й день, и воцерковления детей и была очень раздражена отказом священника исполнить ее желание. Подобное бывало и раньше. Духовенство просит моих указаний, как поступать в таких случаях.

Разумеется, не следует читать молитвы для родильницы в 40-й день, но отказывать в воцерковлении детей нет основания. Над ними должны быть прочитаны положенные молитвы и совершено воцерковление установленным порядком, с той только разницей, что введенный в

алтарь мальчик сам творит земные поклоны пред престолом, а девочка на амвоне перед Царскими вратами.

12 января 1955 г.

Настоятелям всех церквей и молитвенных домов Симферопольской и Крымской епархии

В последнее время везде и всюду рассылаются неизвестными людьми письма, обычно «доплатные», в которых содержится просьба переписывать и рассылать повсюду содержащуюся в письме очень безграмотную с церковной точки зрения молитву.

Это предприятие имеет очень давнее начало и неизвестно кем придумано.

Благословения церковной власти на него никогда не было, а самочинные затеи в Церкви, конечно, недопустимы.

Поэтому прошу вас неоднократно разъяснять вашим прихожанам в проповедях все вышеизложенное и от моего имени запрещать переписывание и рассылку таких молитв.

7 марта 1955 г.

Всем священникам и диаконам Симферопольской епархии архиепископа Луки послание

От избытка сердца уста глаголют (Мф. 12, 34).

О весьма трудном, о крайне важном, об одной из главнейших задач нашего священнослужения — о проповеди слова Божия пишу вам, братия и сослужители мои.

Мы — преемники святых апостолов, а главной задачей их была проповедь Евангелия Христова.

В своем 58-м правиле они написали:

«Епископ или пресвитер, не радящий о причте и о людех и не учащий их благочестию, да будет отлучен. Аще же останется в своем нерадении и лености, да будет извержен».

А, к горю нашему, есть среди нас немало повинных этому правилу святых апостолов.

Почему же повинны они? Не только по нерадению, которого много у беспечных пастырей, которые главной своей задачей считают исполнение треб, пастырей, о которых пишет святой пророк Иезекииль, что они *слабых не укрепляли, и больной овцы не врачевали, и пораненной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали...* (Иез. 34, 4).

Знаю, что готов у многих ответ на обвинение в беспечности и нерадивости. Знаю, что многие скажут: виновен ли я в том, что не получил от Бога дара красноречия и не могу составлять проповеди, а сборников печатных проповедей теперь почти невозможно найти?

Не лукавь, нерадивый иерей, ибо дело не в сборниках проповедей, а в сердце твоём.

Если бы ты главным делом жизни твоей поставил насыщение ума и сердца твоего, поставил глубокое прилежание Священному Писанию, то в великом избытке наполнилось бы сердце твое учением Христовым. И от этого святого избытка сердца твоего возглаголали бы уста твои.

Не в красноречии дело, не в ораторском построении речи, а только в избытке сердца.

Не надо быть витией многовещанным, не надо быть блестящим оратором, увлекающим слушателей только изяществом и изысканностью своей речи.

Надо быть подобным тем смиренным и простым, не многоученным добрым священникам, которые своей простотой, задушевной, полной любви и благочестия проповедью пленяют сердца простых людей и целыми пригоршнями бросают в них святые семена смирения, любви и кротости, семена святейших и чистейших заповедей Христовых.

Такой проповеди не научаются по правилам гомилетики, а научает их Сам Дух Святой, если пастырь не только помнит великие слова апостола Павла: *Разве не знаете, что вы храм Божий и Дух Божий живет в вас?* (1 Кор. 3, 16), но и всей своей благочестивой жизнью достиг того, что Дух Святой живет в сердце его, в Своем храме, и Сам проповедует смиренными устами его.

Всем нам надо быть, по слову того же великого Апостола, *благоуханием Христовым* (2 Кор. 2, 15); надо, чтобы благоухание и свет Христов исходил от нас, служителей Слова, — и тогда не нужны будут нам сборники чужих проповедей; тогда не будет проповедь, читаемая по книге, тусклым светом коптящего ночника.

Тогда проповедь, которой научит нас Дух Святой, не падет медью звенящей и кимвалом бряцающим, которым подобны проповеди блестящих ораторов, не удостоившихся стать храмами Духа Святого.

Итак, надо прежде и больше всего, чтобы проповедь наша изливалась от избытка сердца, всецело возлюбившего Спасителя своего, Господа нашего Иисуса Христа.

Надо, чтобы от избытка сердца уста глаголали.

А если не проповедует священник или епископ, то значит, что не только нет святого избытка в сердце его, но пусто оно, и не о чем ему говорить и проповедовать.

Не о чем проповедовать? Как не о чем?!

Ведь в Священном Писании Ветхого и Нового Завета бесчисленное множество тем для проповедей, которые легко найти всякому усердно и непрестанно читающему Святую Библию.

А ведомо мне, что есть и священники, очень мало знакомые со Священным Писанием.

Однажды спросил я у седовласого митрофорного протоиерея, сколько раз прочел он Библию, и с изумлением услышал, что он ни разу не прочел ее всю, а только читал отдельные места.

Однако не могу не учитывать того, что есть люди, которые действительно не могут говорить публично, которых очень сильно смущает стоящая перед ними толпа слушателей, которые вообще не владеют словом. Что скажу о таких?

Напомню им, что на обратной стороне их наперсного креста написаны великие слова апостола Павла: *Образ буди верным словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою* (1 Тим. 4, 12).

Если не дано тебе проповедовать словом, то неужели не обязан ты быть немым проповедником, благоухать пред людьми всей своей жизнью, всей своей личностью, Христовой любовью, духом христианской любви и чистоты и глубокой веры своей?

Вот если нет в тебе и этого Христова благоухания, как нет дара слова, то будешь ты в очах Божиих не пастырем, а наемником и дашь тяжкий ответ на Страшном суде Христовом.

Помните же это, братия и сослужители мои.

Помните о преподобном Серафиме Саровском, который в течение каждой недели прочитывал весь Новый Завет; помните и о некоей преподобной жене, которая каждый год четыре раза прочитывала всю Святую Библию.

Хоть и в малой мере подражайте им, и тогда от избытка слова Божия в сердцах ваших возглаголют уста ваши и благоухание Христово будет исходить от вас. Аминь.

Прибавлю важное практическое замечание о том, что проповеди некоторых священников бывают очень длинными, продолжаются чуть ли не до часа и весьма страдают невыдержанностью основной темы и нагромождением различных, не связанных между собою мыслей и поучений.

Нельзя утомлять слушателей слишком длинной проповедью.

Великий богослов и проповедник Филарет, митрополит Московский, обычно проповедовал около десяти минут. Его печатные проповеди нередко довольно длинны, но в устной проповеди он умел ярко и сжато изложить содержание серьезной и большой проповеди.

И в наших проповедях мы должны твердо держаться основной мысли проповеди и не уподобляться белке, прыгающей с дерева на дерево. Нельзя неудержимо, хотя бы и благочестиво, болтать на разные темы, не связанные между собою.

Проповедь должна быть тщательно обдумана и заранее написана.

Должны быть найдены тексты Священного Писания, и проповедь должна быть только их разъяснением и дополнением.

И еще одно замечание: большинство священников почему-то проповедуют только на чтенное на Литургии Евангелие, а на апостольские чтения, часто весьма важные и требующие разъяснений, проповедуют лишь очень немногие и редко.

Проповедовать можно и должно не только на евангельские чтения дня, но на любые главы и тексты Священного Писания Нового и Ветхого Завета.

Июнь 1955 г.

Всем настоятелям церквей Крымской епархии

Уже не в первый раз становится мне известным, что лишенные страха Божия женщины ходят по селам и деревням Крыма и собирают пожертвования якобы на ремонт церквей и присваивают себе щедро подаваемые им деньги и продукты, не сдавая эти пожертвования в церковные кассы.

Это предупреждение предписывается вам дважды прочесть с амвона народу.

6 августа 1956 г.

Всем священникам Симферопольской епархии архиепископа Луки увещание

С глубоким огорчением и скорбью узнаю, что некоторые священники при исповеди требуют от кающихся, чтобы каждый приносил пятирублевую свечу, и после исповеди сдают в свечной ящик все полученные свечи и получают стоимость их.

А на нередкие вопросы о том, куда поступают свечи, лгут, говоря, что сжигают их на Престоле...

За такой тяжелый грех, конечно, лишится сребролюбивый священник благодатной помощи Духа Святого и во всем великом деле священнослужения.

Взываю к вашей совести, братия и сослужители мои, и прошу довольствоваться приносимыми за исповедь деньгами, а не требовать принесения пятирублевых свечей.

Если и уменьшатся при этом ваши доходы, то, конечно, эта потеря будет с избытком возмещена благодатной Божьей помощью вам за чистоту и бескорыстие ваше.

Каждый день я молюсь о всех вас и усердно прошу подкрепить мои молитвы вашим послушанием этому скорбному воззванию моему, написанному кровью сердца моего.

1 февраля 1951 г.

**Настоятелю Николаевского собора г. Белогорска
протоиерею Василию Никитину**

По имеющимся в епархии сведениям в городе Белогорске проживает некто Костюченко Михаил Иванович. Знаете ли Вы его? Посещает ли он церковь? Если Вы его не знаете лично, подробно расспросите верующих о нем.

Постарайтесь с ним познакомиться, поговорить, даже побывать у него.

По имеющимся сведениям, он называет себя православным, но хулит Церковь и священников, будто бы собирает людей и проповедует им. Не совершает ли он самочинно треб?

Все полученные о Костюченко сведения сообщите Епархиальному управлению в возможно близкий срок.

26 февраля 1959 г.

Указ № 66 по Управлению Крымской епархии

За присвоение себе архиерейского права — увольнение священника, за проведение собрания без участия настоятеля церкви, за закрытие на замок Свято-Николаевского собора г. Белогорска и удержание ключей от него бывшего церковного старосту Марка Софроновича Вишневого и Андрея Аркадьевича Галашкина запрещаю в причащении Святых Таин Христовых на пять лет

каждого и навсегда лишаю права быть избираемыми в церковный совет.

Олейникова Николая Ивановича, Бердник Семена Макаровича, Менжилееву Марфу Пимовну и Грекову Прасковью Павловну запрещаю в причащении Святых Таин Христовых на два года каждого и лишаю права быть избираемыми в состав церковного совета на два года каждого.

Настоящий указ мой должен быть оглашен с амвона в три праздничных дня после Литургии и навсегда сохраниться в архиве Свято-Николаевского собора г. Белогорска.

16 ноября 1959 г.

Указ № 72 по Управлению Крымской епархии

В частичное изменение моего указа от 16 ноября 1959 года за № 66 о наложении наказания на бывшего церковного старосту Свято-Николаевского собора г. Белогорска Вишневского Марка Софроновича и других с ним, в связи с принесенным ими раскаянием и признанием совершенных ими прегрешений, считаю возможным снизить им ранее данное наказание и оставить в силе [следующее]:

Вишневского Марка Софроновича и Галашкина Андрея Аркадьевича запрещаю в причащении Святых Таин Христовых на три года каждого.

Олейникова Николая Ивановича, Бердник Семена Макаровича, Менжилееву Марфу Пимовну и Грекову Прасковью Павловну запрещаю в причащении Святых Таин Христовых на один год каждого.

10 декабря 1959 г.

Всем священникам Крымской епархии

Мне известно, что большинство наших священников, говоря о Таинстве крещения, неправильно говорят «перекрестил», а о Таинстве брака «перевенчал».

Слово «перекрестить» имеет двойное значение: во-

первых, осенить крестным знаменем и, во-вторых, снова совершить крещение над неправильно крещенным (например, еретиками), поэтому слово «перекрестил» не должно употребляться о Таинстве крещения, а следует говорить только «крестил».

То же самое и в отношении Таинства брака: нельзя говорить «перевенчал», а только «венчал».

Точность выражений, когда речь идет о великих Таинствах, имеет, конечно, большое значение, и священникам, погрешающим против нее, следует отвыкнуть от неправильных выражений «перекрестил» и «перевенчал».

Всем священникам и настоятелям Крымской епархии

Указом за № 63 от 17 сентября 1954 года запрещен в священнослужении на шесть месяцев настоятель Ильинской церкви поселка Саки, священник Иоанн Осипов по следующим мотивам:

1) За крещение младенцев и подростков обливанием, а не трехкратным погружением, с весьма нечестивым сокращением и искажением чина великого Таинства, выражающимся в опущении чрезвычайно важных молитв на освящение воды и в замене освящения воды подливанием в купель небольшого количества воды от водосвятного молебна.

2) За хранение запасных Святых Даров в своей квартире, в двух шагах от церкви.

3) За упорное ношение повсюду гражданской одежды вопреки клятвенному обещанию, данному при посвящении в священный сан, всегда носить присвоенную духовным лицам одежду.

Своими худыми делами священник Осипов показал, что он ни во что не ставит распоряжения своего епископа и предупреждения о запрещении в священнослужении на шесть месяцев, сделанного мною в послании к крымскому духовенству от 18 мая за № 317.

Запрещенный не имеет права носить крест и благословлять людей.

Настоящий указ ввиду приближающейся зимы вступит в силу с 1 апреля 1955 года.

2. Указом за № 45 от 12 июня 1954 года запрещен в священнослужении на один год настоятель Успенской церкви города Старого Крыма, священник Александр Вязовой за неисправимое пьянство.

Он предупрежден, что если не бросит пьянствовать, будет лишен священного сана.

Всем священникам Симферопольской епархии архиепископа Луки увещание

Пророк Иезекииль от имени Божия говорит: *Когда Я скажу беззаконнику: «Смертию умрешь!», а ты не будешь вразумлять его и говорить, чтобы остеречь беззаконника от беззаконного пути его, чтобы он жив был, то беззаконник тот умрет в беззаконии своем, и Я взыщу кровь его от рук твоих.*

Но если ты вразумлял беззаконника, а он не обратился от беззакония своего и от беззаконного пути своего, то он умрет в беззаконии своем, а ты спас душу твою (Иез. 3, 18-19).

Хочу, конечно, спасти душу свою от гнева Божия за нерадение о пастырях беззаконнующих, несмотря на мое первое увещание, посланное в 1949 году.

Священник обязан непременно служить Литургию каждую субботу и во все средние праздники, отмеченные крестиком в месяцеслове.

С большой скорбью слышу и узнаю, что очень многие священники не придали никакого значения моему увещанию и служат только в великие праздники и в воскресные дни. А некоторые из человекоугодия и корыстолюбия совершают полиелейную службу в те дни, когда много именинниц, хотя бы их небесным покровительницам по уставу полагалась простодневная служба.

Служение по субботним дням очень важно для поминовения умерших, и без него и без служб в средние пра-

здники невозможно исполнение хотя бы весьма сокращенных сорокоустов.

Священники, не желающие служить в те дни, когда по уставу положены полиелейные и субботные службы, обыкновенно отговариваются тем, что эти службы требуют лишнего расхода на свечи, масло и вино, и особенно тем, что нет молящихся в церкви.

В укор им расскажу о французском священнике Жане Мари Вианней, жившем во время наполеоновских войн в деревушке Арс неподалеку от большого города Лиона и позже причтенным Католической церковью к лику святых. Церковь этой деревни долгое время оставалась без священника, народ совсем отвык от богослужений, и никто не ходил в церковь. Жан Мари Вианней в полном одиночестве начал совершать ежедневно все Божественные службы. В пустую церковь стали изредка заглядывать любопытные, чтобы посмотреть на чудака священника. Вдохновенное служение доброго пастыря привлекало все больше и больше молящихся, и скоро церковь не вмещала их. Слава о ревностном пастыре дошла до города Лиона, а потом распространилась по всей Франции, и отовсюду поехали к доброму пастырю жаждавшие исповедаться у него и послушать его бесхитростную, но, подобно Божественному пламени, исходившую из глубины сердца проповедь. О его проповеди однажды слышавший ее знаменитый парижский проповедник сказал, что по сравнению с нею ничто его собственные проповеди.

Да устыдятся же ленивые и нерадивые священники моего рассказа.

Да устыдятся и того, что я вынужден вторично обращаться к ним с увещанием бояться Бога и добросовестно исполнять свои пастырские обязанности.

В первом своем послании я просил даже о большем — о ежедневном служении в церкви, хотя бы и в полном одиночестве, вечерни дневному святому.

Стыдно, если даже священник ничем не почитит памяти дневных святых.

Тяжелый грех пред Богом, если он хотя бы своим усердием к молитве и богослужениям не поддерживает в народе веру, угасающую под влиянием антирелигиозной пропаганды.

Знаю имена немногих усердных священников, принявших к сердцу мое первое послание. Знаю также имена особенно нерадивых. И не оставляю их без наказания.

Всем настоятелям церквей Крымской епархии

Из поступивших ко мне рапортов отцов благочинных видно, что во многих церквях не только не соблюдаются правила Иоанна Постника, но вообще не налагается ни на кого никаких епитимий.

Это свидетельствует о возмутительном формальном отношении священников к весьма важному Таинству исповеди.

Священников, так недопустимо относящихся к исповеди, я буду иметь на самом плохом счету и переводить на самые низшие приходы.

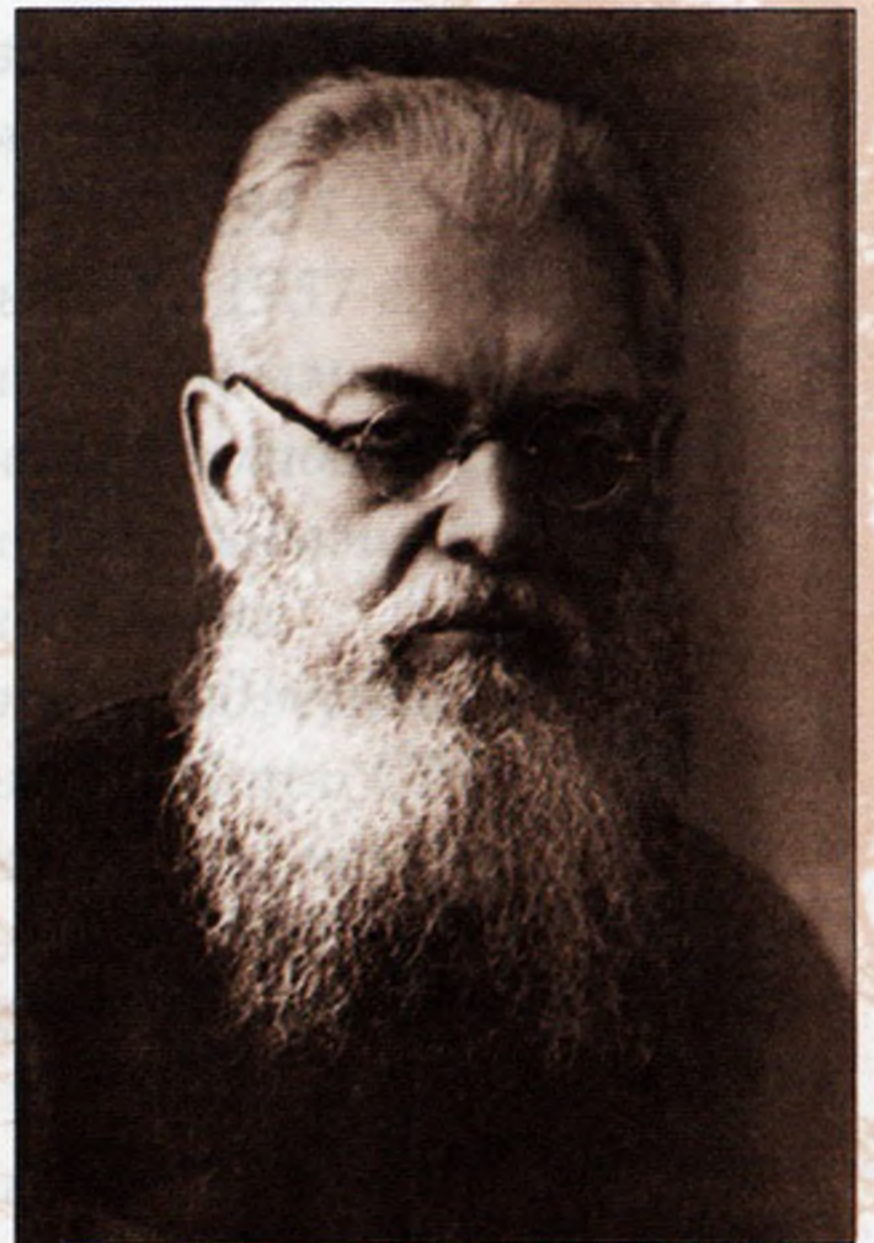
Всем настоятелям церквей Крымской епархии

Регистрация браков в ЗАГСе имеет только юридическое значение и ни в малейшей мере не может заменить Таинство брака. В каждом случае сожительства без венчания брака священник должен расспросом сожительствоющих выяснить, почему они игнорируют Таинство брака, и если окажется, что это только легкомысленное отношение к весьма важному церковному закону, то священник должен серьезно разъяснить сожительствоющим вне брака тяжесть их греха и отлучить от причащения Святых Таин до покаяния в грехе и исправления его.

Однако, если сожительствоющие вне брака представят какие-либо весьма серьезные причины, затрудняющие для них церковное венчание, то дело должно быть доложено мне на мое рассмотрение и решение.

СВЯТИТЕЛЬ

ГЛАЗАМИ АТЕИСТОВ



В 1945–1961 годах, когда управляющим архиепископией был архиепископ Луца, в должности уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Крыму периодически состояли Я.И. Жданов (1945–1954 гг.), Л.С. Шранцев (1955–1957 гг.), Л.С. Гусев (1958–1961 гг.). Подобными же информационные отчеты уполномоченные именовали эти документы, в 1946–1953 годах, были ежегодными, с 1954–1957 – полугодовыми, с 1958–1961 – годовыми.

Иногда эти отчеты передавались в ЦК ВКП(б) и в ЦК КПСС. Но последние не допускали начала работы над этими отчетами, расценивая их как государственную тайну, а также как секретные материалы Коммунистической партии, с юности принадлежавшие Крымскому облисполкому. После передачи Крымской области в состав РСФСР и СССР – еще и уполномоченному по делам РПЦ при ЦК КПСС по Украинской ССР.

Внимание читателей предлагается публикация опубликованных в фонде Р-2647 ГАДРК (государственного архива автономной республики Крым) машинописных отпусков этих отчетов (в извлечениях) и некоторых других составленных крымскими властями документов, содержащих информацию об архиепископе Луце. Все приведенные документы снабжены грифом «секретно» или «совершенно секретно». При ознакомлении с ними читателям необходимо помнить об их тенденциозности: они составлялись партийно-советскими чиновниками, которые, в соответствии с занимаемой в богоборческие времена должностью, обязаны были быть (или

В 1946—1961 годах, когда управляющим Крымской епархией был архиепископ Лука, в должности уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Крымской области последовательно состояли Я.И. Жданов (1946—1955 гг.), Л.С. Яранцев (1955—1957 гг.), А.С. Гуськов (с 1957 г.). Подававшиеся ими информационные отчеты (крымские уполномоченные именовали эти документы докладами) поначалу, в 1946—1953 годах, были ежеквартальными, в 1954—1957 — полугодовыми, с 1958-го — годовыми.

Информационные отчеты первое время адресовались лишь председателю Совета по делам РПЦ при СМ СССР. Но постепенно круг начальственных лиц, которым представлялись отчеты, расширялся: с 1949 года отчеты направлялись еще и секретарю Крымского обкома Коммунистической партии, с конца 1952-го — еще и председателю Крымского облисполкома, а с 1954 года, после передачи Крымской области из состава РСФСР в состав УССР — еще и уполномоченному по делам РПЦ при СМ СССР по Украинской ССР.

Вниманию читателей предлагается публикация отложившихся в фонде Р-2647 ГААРК (Государственного архива автономной республики Крым) машинописных отпусков этих отчетов (в извлечениях) и некоторых других составленных крымскими уполномоченными документов, содержащих информацию об архиепископе Луке. Все приводимые документы снабжены грифом «секретно» или «совершенно секретно». При ознакомлении с ними читателям необходимо помнить об их тенденциозности: они составлялись партийно-советскими чиновниками, которые, в соответствии с занимаемой в богоборческие времена должностью, обязаны были быть (или,

1946

СПРАВКА-ДОКЛАД УПОЛНОМОЧЕННОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

25 ноября 1946 г.

Архиепископ Лука в беседе со мной поставил вопрос о возможности сбора в одно место всех монашек быв. женских монастырей Крыма и местом такого сбора выдвинул быв. женский монастырь в Топлах Старо-Крымского района¹, в данное время в нем находится Крымская опытная зональная станция .

Цель такого мероприятия Лука объясняет следующим: всего в Крыму имеется 230 монашек, разбросанных почти по всем городам и районам Крыма, являющихся приживалками церквей и молитвенных домов, только мешающих деятельности церквей, а поэтому он считает целесообразным собрать их всех в одно место (общежитие) , где они бы занимались рукоделием и другими работами и вели монашеский образ жизни, и просил меня запросить Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по данному вопросу.

Хотя Лука выдвигаемое им это мероприятие в пер-вой беседе и не называл открытием монастыря, но в последующей беседе спросил меня:

«Как, Вами еще не получен ответ из Совета относительно открытия монастыря в Топлах?»

Из этого следует, что цель постановки им данного вопроса - это открытие монастыря.

По получении из Совета ответа № 3352 от 19/IX-46 г. на мое письмо по данному вопросу с предложением изучить возможность устройства быв. монашек в Топлах на работу и на жительство в Опытной зональной станции, я выехал в Топлы

и на месте установил:

Верхние Топлы Курского с/с Старо-Крымского района (быв. женский монастырь) расположен на горе, в окружении лесов. В настоящее время в нем размещается Крымская опытная плодово-ягодная зональная станция и сельскохозяйственная школа садоводов на 150 человек.

Все быв. монастырские постройки и садово-огородные земли принадлежат Опытной зональной станции.

Часть зданий во время немецкой оккупации была полуразрушена и приведена в негодное состояние и в данное время Зональной станцией восстанавливается. Незанятых - свободных зданий нет, кроме того, бывш. монастырские склады приспособлены под жилье - общежитие учащихся сельскохозяйственной школы.

В беседе с директором Опытной зональной станции и другими работниками выяснилось, что из них никто и никому никаких обещаний не давал о выделении помещения для монашек, более того, директор заявляет, что они ощущают недостаток в помещениях для размещения рабочих и учащихся.

Поскольку монашки в своем большинстве имеют преклонный возраст, а основные работы в Опытной зональной станции - сельскохозяйственные, также и вопрос об устройстве их на работу в Топлах отпадает, и они здесь как рабочая сила не требуются.

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области **Я. Жданов**

1947

ИЗ ИНФОРМАЦИОННОГО ДОКЛАДА УПОЛНОМОЧЕННОГО

ЗА 4-й КВАРТАЛ 1946 года

7 января 1947 г.

[...] Архиепископ Лука в отчетном квартале посетил меня один раз, 16 октября, на следующий день после моего возвращения из отпуска. По вопросам: перемещения и назначения священников и диаконов, о вызове им священников из других епархий, желающих приехать в Крым, об открытии женского монастыря, о задержке вручения ему телеграммы из Министерства здравоохранения СССР с командированием на съезд хирургов.

В отношении назначения и перемещения священников и диаконов я ему ответил, что с моей стороны не будет возражений в регистрации как перемещаемых, так и вновь назначаемых священников, когда будет его приказ об этом и эти люди будут прописаны органами милиции по новому месту жительства, так же и в отношении прибываемых к нему священников из других епархий.

По вопросу открытия женского монастыря в Топлах я ему сказал, что собираюсь поехать в Топлы для ознакомления на месте с данным вопросом и результаты ему сообщу, и при посещении его 4/XI на квартире я ему передал, что ввиду отсутствия свободных помещений в Топлах всякая возможность открытия монастыря или устройства там монашек на жительство отпадает.

В отношении задержки во вручении ему телеграммы о съезде хирургов - сообщу ниже.

В отчетном квартале я посетил архиепископа Луку 2 раза. Первый раз - 4 ноября, по возвращении из командировки в гор. Балаклава, в которой

я пробыл 16 дней. Мне передали, что Лука лежит больной. Позвонил к нему на квартиру по телефону, узнал, что действительно Лука лежит больной, тогда я попросил узнать у него, сможет ли он меня принять и в какое время. Мне передали, что архиепископ просит передать мне, что я могу прийти в любое время и что он будет рад моему приходу.

В тот же день я его и посетил.

Он действительно лежал больной и жаловался на боли сердца, ожидал прихода врачей для консилиума. Моим посещением его он был очень рад и благодарил, что я его больного посетил. Пробыл у него около часа. Лука мне сообщил, что провел совещание благочинных, и какие разбирались вопросы на этом совещании²; затем сказал, что он дал настоятелям городских церквей указание совершить молебны в городских церквях в день празднования Великой Октябрьской Социалистической Революции 7 ноября и что он дал настоятелям конспекты проповедей.

Затем рассказал о своей работе как хирурга, о своем научном труде, за который ему присвоили звание лауреата Сталинской премии, а также рассказал о своих сыновьях и дочери, что сыновей у него трое³ и одна дочь, все они являются врачами, и старший сын профессор, и где они работают.

В конце беседы Лука сказал, что он заканчивает большую богословскую статью, которая будет называться «Дух, душа и тело»⁴, что это такой труд, какого нет в богословской науке, но сомневается, будет ли она напечатана, так как для журнала она велика, объем ее не менее 100 печатных страниц, а отдельной книгой вряд ли, говорит, разрешат, так как этот его труд явится большим материалом против антирелигиозников.

Второй раз я посетил Луку 2 декабря 1946 г. по поручению председателя Облисполкома тов. Кривоше-

ина в день вручения ему диплома, золотого значка и удостоверения лауреата Сталинской премии.

Тов. Кривошеин сообщил мне, что получены из Москвы документы: диплом, удостоверение и золотой значок для вручения лауреату Сталинской премии профессору Войно-Ясенецкому, и просил меня узнать у архиепископа Луки, сможет ли он сегодня, 2/XII, прибыть в Облисполком для вручения ему этих документов.

Я решил никого к нему не посылать и по телефону не звонить, а пойти лично, во-первых, посетить его как больного, поскольку он еще никуда не выходил после болезни, и затем уже договориться, когда он сможет прибыть в Облисполком для получения документов.

Когда я к нему пришел, он уже не лежал, а сидел, приветствуя меня, встал, поблагодарил за посещение.

Поинтересовался его здоровьем, Лука сказал, что чувствует себя неплохо, тогда я ему сообщил, что получены председателем Облисполкома тов. Кривошеиным диплом, золотой значок и удостоверение для вручения ему, как лауреату Сталинской премии, и сможет ли он сегодня, 2/XII, примерно часа в 2 прибыть в Облисполком. На это он ответил:

«Наконец-то выслали», что он посылал в Комитет по Сталинским премиям несколько телеграмм и стал уже сомневаться, будут ли вручены эти документы, и сказал, что прибыть в Облисполком сможет, но вот как быть с транспортом, пешком пойти не сможет, а машина его еще не на ходу.

В ответ на это я ему сообщил, что к 2 часам ему будет подана машина.

Возвратившись в Облисполком, я передал т. Кривошеину, что Лука к 2 часам сможет явиться в Об-

лисполком, только нужно будет ему подать машину. Тут же тов. Кривошеин отдал распоряжение о подаче Луке машины.

В 2 часа дня 2/XII тов. Кривошеин в присутствии своих заместителей и других членов исполкома и представителя газеты «Красный Крым» вручил диплом, золотой значок и удостоверение лауреата Сталинской премии профессору Войно-Ясенецкому. Архиепископ Лука при этом был во всей своей архиерейской форме.

Во время вручения диплома лауреата Сталинской премии Лука благодарил Советское правительство, удостоившее его такой высокой чести быть лауреатом Сталинской премии, и обещал по силе возможности работать по линии медицины, здесь же заявил и о том, что он сможет прочитать цикл лекций для врачей-хирургов Крыма.

О вручении диплома лауреата Сталинской премии Войно-Ясенецкому было опубликовано в областной газете «Красный Крым».

О вызове Луки на съезд хирургов и др. вопросы

Выше я упоминал, что архиепископ Лука при посещении меня 16/X-4 6 г., наряду с вопросами церковными, поставил передо мною и вопрос вызова его на съезд хирургов, состоявшийся 1 октября 194 6 г. Дело обстояло так:

Во время беседы Лука мне рассказал, что 1/X состоялся 25-й Всесоюзный съезд хирургов, и что на этот съезд он имел приглашение, когда еще ехал в Крым, от заместителя министра здравоохранения СССР профессора Приорова. Примерно недели за 2 до съезда он получил частное письмо от профессора Приорова, в котором последний сообщал, чтобы он готовился к приезду, что официальное приглашение будет выслано. Он готовился до последнего дня, даже были куплены билеты на самолет, и далее рассказал, что Облздравотдел

о командировании его на съезд получил телеграмму из Министерства здравоохранения 27 сентября, а ему ее вручили только 2 октября, поэтому на съезд поехать он не мог, было уже поздно, и просил меня поговорить, с кем нужно, и выяснить, не было ли здесь умышленного задержания во вручении ему телеграммы, и после ухода прислал мне эту телеграмму, которая имела следующее содержание:

«ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ

Молния. Симферополь. Облздравотдел.

Командируйте профессора Войно-Ясенецкого на съезд хирургов в Москве 1 октября.

Заместитель министра здравоохранения Приоров».

Телеграмма Облздравотделу была вручена 27/IX, на левой стороне в верхнем углу ее резолюция:

«Тов. Белокурено

Направьте телеграмму Войно-Ясенецкому
28/IX Подпись (Басюл)».

К телеграмме приложено отношение со штампом, на котором дата от 28/IX-46 г., следующего содержания :

«Профессору Войно-Ясенецкому

Госпитальная, 1

Направляю Вам телеграмму

Н-ник лечебного сектора Белокурено».

И эта телеграмма вместе с отношением была вручена Войно-Ясенецкому только 2/X-46 г.

С этой телеграммой я обратился к председателю Облисполкома тов. Кривошеину, доложил ему, что был у меня архиепископ Лука и что он подозревает умышленное задержание о вручении ему телеграммы через 5 дней после ее получения.

Тов. Кривошеин вызвал зав. приемной и предложил последнему непременно проверить, почему не была своевременно вручена телеграмма.

Проверкой было установлено, что телеграмма на второй день получения, т.е. 28/IX-46 г., попала

к нач-ку административно-хозяйственного сектора тов. Басюл, последний передал ее со своей резолюцией н-ку лечебного сектора Белокуренько, а Белокуренько передал своему секретарю Коваленко, а последняя с отношением, подписанным Белокуренько, того же 28/IX передала курьеру для вручения профессору Войно-Ясенецкому, а курьер заболела, таким образом, телеграмма вместе с отношением пролежала в столе секретаря Коваленко, пока не выздоровела курьер, т.е. до 2/X, которая после выздоровления и вручила ее Войно-Ясенецкому.

Тов. Кривошеинным было дано распоряжение наложить на виновных взыскание.

25 октября 1946 г. последовал по Областному отделу здравоохранения Крыма приказ за № 670 такого содержания:

«В результате расследования выявлено, что работники аппарата Облздравотдела: нач-к административно-хозяйственного сектора тов. Басюл, секретарь лечебного сектора Коваленко и нач-к лечебного сектора Белокуренько допустили канцелярско-бюрократическое отношение в доставке правительственной телеграммы Войно-Ясенецкому, вызванному на съезд хирургов к 1/X-4 6 г.

Телеграмма получена Облздравотделом 28/IX-1946 г., а доставлена 2/X-46 г., благодаря чему профессор Войно-Ясенецкий не мог выехать на съезд.

Приказываю

1. Секретарю лечебного сектора тов. Коваленко - объявить выговор.

2. Начальнику адм.-хоз. сектора тов. Басюл и нач-ку лечебного сектора тов. Белокуренько поставить на вид за слабый контроль.

Подпись зам. зав. Облздравотделом
(Сысоев)».

Однажды при встрече с тов. Сысоевым я сказал последнему:

«Как-то нехорошо получилось с вручением телеграммы Войно-Ясенецкому».

Тот мне ответил:

«Ничего в этом плохого нет, если профессор Приоров хотел его вызвать на съезд, то выслал бы ему приглашение лично, а не через Облздравотдел».

Далее о следующем случае считаю необходимым информировать Совет.

Лука обратился с письмом к председателю Облисполкома тов. Кривошеину такого содержания:

«Многоуважаемый Дмитрий Александрович!

Мой хороший знакомый, отличный музыкант Николай Иванович Ливанов, чтобы ознаменовать получение мною лауреатского диплома, пригласил троих своих товарищей по филармонии и устроил в моей квартире прекрасный струнный квартет, доставивший мне большое удовольствие.

Последствием этого квартета было увольнение Ливанова из филармонии, строгий выговор инспектору филармонии и крупнейшие неприятности в комсомоле для одного из участников квартета - комсомольца .

В вину было поставлено общение с архиереем, - но двое из участников квартета (комсомолец и еврей) хотели почтить не архиерея, а лауреата Сталинской премии.

Что же, - я, значит, поставлен в положение зачумленного, с которым запрещается общение?

И разве комсомолец и еврей не могут иметь общение и с архиереем?

Не перестраховщики ли это, затеявшие расправу за квартет?

Не сомневаюсь, что Ваш взгляд на это дело будет иным.

С совершенным почтением и уважением
13/XII-46 г. Архиепископ (Лука)».

Тов. Кривошеин дал распоряжение нач-ку Обл. отдела по делам искусств тов. Молоденкову проверить причину увольнения Ливанова и ему сообщить.

16/XII тов. Молоденков сообщает тов. Кривошеину:

«Артист оркестра Крымгосфилармонии Ливанов Н.И. уволен за совершенные им прогулы 7/XII-46 г. и ранее.

Не согласовывая с руководством филармонии вопроса о работе по совместительству, Ливанов нарушил закон о совместительстве, без ведома филармонии работал в церковной организации.

Более того, имея это совместительство, Ливанов уходил с работы, заявляя об этом только инспектору оркестра, который административными правами не располагает и который Ливановым вводился в заблуждение.

Считаю увольнение Ливанова правильным. Подпись (Молоденков)».

К этому отношению приложены: копия рапорта директора оркестра на имя директора Крымгосфилармонии от 9/XII-46 г.; копия объяснения инспектора от 9/XII-46 г.; выписки из приказа по Крымгосфилармонии от 10/XII—46 г. об увольнении Ливанова и выговора инспектору.

Весь этот материал тов. Кривошеиным был направлен мне с резолюцией: «Прошу при случае сказать архиепископу».

Ливанов по профессии артист симфонических оркестров и играет в них с 1927 г. Характерно то, что архиепископ Лука через несколько дней после увольнения Ливанова из оркестра посвятил его в диакона, а затем, через 8 дней, посвятил в священники и назначил его вторым священником в Николаевскую церковь гор. Бахчисарая, где настоятелем является 82-летний старик.

В беседе со мной во время его регистрации как священника Ливанов сказал - его уволили за то,

что он, имея хороший голос, иногда пел в архиерейском хоре, и петь ему приходилось только потому, что получаемой зарплаты в оркестре на жизнь не хватало, а когда его уволили из оркестра, ему ничего не оставалось делать как пойти на церковную службу. [...]

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области **Я. Жданов**

**ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР Г. Г. КАРПОВУ**

26 апреля 1947 г.

В своих информационных докладах, а затем будучи в Москве, как в беседе с Вами, так и на заседании Совета, я информировал, что архиепископ Лука читает лекции и делает доклады по вопросам медицины в своей архиерейской одежде.

По приезде из Москвы 24 апреля с/г мне стало известно, что Обкомом партии дано указание не допускать чтения докладов и лекций по вопросам медицины архиепископом Лукой в духовной одежде.

В тот же день, 24/IV-47 г., будучи у секретаря Обкома по пропаганде тов. Чурсина, последнего интересовало, каково мнение Совета и лично Ваше, что Лука делает доклады о медицине в духовной одежде. Затем тов. Чурсин сказал, что Обком партии считает такое явление недопустимым, хотя он и лауреат Сталинской премии, и дал указание не допускать чтения лекций и докладов Лукой в своей духовной одежде (в рясе) и, если последний желает их делать, то пусть делает в гражданской.

Далее тов. Чурсин высказал пожелание, чтобы при случае в беседе с Лукой я поговорил с ним

на эту тему и посоветовал ему делать доклады по вопросам медицины в гражданской одежде.

На это я ответил, что мне с Лукой вести беседы на эту тему не совсем-то удобно, но сказал, что на сей счет запрошу мнение Совета.

Лука со мной на эту тему пока не говорил и, видимо, об этом еще не знает.

Сообщая об изложенном, прошу Ваших указаний.

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области **Я. Жданов**

ИЗ ИНФОРМАЦИОННОГО ДОКЛАДА УПОЛНОМОЧЕННОГО

ЗА 2-й КВАРТАЛ 1947 года

4 июля 1947 г.

[...] Архиепископ Лука в отчетном квартале посетил меня 2 раза, 30 апреля и 9 июня 1947 года, оба раза по своей личной инициативе, без приглашения.

Первый раз, 30 апреля, при посещении Лука поблагодарил меня за посланную ему поздравительную телеграмму в связи с его 70-летием.

Затем сказал, что им была получена поздравительная телеграмма от тов. Карпова, чем он был очень доволен, и сказал: «Откуда только мог знать Георгий Григорьевич о его юбилее, наверное, Вы, Яков Иванович, сообщили ему об этом».

Далее Лука рассказал, что он, будучи в гор. Керчи, подробно ознакомился с состоянием Иоанно-Предтеченской церкви, что это здание является одним из самых древних христианских памятников, которое находится в ведении Комитета по делам архитектуры, со стороны последнего никаких мер к его охране и сохранению не предпринимается, и, чтобы его сохранить как древний христианский

памятник, он считает целесообразным передать его в пользование верующих для богослужебных целей, что по данному вопросу он писал в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР и в Комитет по делам архитектуры, но на свои письма никаких ответов не получил.

На это я ему ответил, что его заявление Советом получено и находится на рассмотрении. Результаты последнего ему будут сообщены.

Тогда Лука высказал следующее:

«Мне стало известно, что здесь, в Крыму, в Ливадии отдыхает Вячеслав Михайлович Молотов⁵, и вот желал бы в отношении передачи верующим Иоанно-Предтеченской церкви в гор. Керчи поговорить с тов. Молотовым, и нельзя ли поговорить, с кем нужно, чтобы тов. Молотов смог его принять».

Привел пример из прошлого, что в дореволюционное время приезжавшие в Ливадию цари обязательно принимали местного правящего архиерея, но тут же оговорился, что это сравнение неудачное, но что он очень желал бы быть принятым тов. Молотовым.

На это я ему ответил:

«Да, конечно, сравнение, приведенное Вами, не совсем-то удачное. Раньше церковь не была отделена от государства, и, по сути дела, царь являлся главой церкви, поэтому, возможно, он и принимал местного архиерея».

Далее я сказал, что мне ничего не известно о пребывании здесь, в Крыму, тов. Молотова, да его здесь и нет, а если бы он и был, то он бы приехал отдыхать после большой и трудной государственной работы, а поэтому есть ли смысл его беспокоить только тем, чтобы просить передать в пользование верующих Иоанно-Предтеченскую церковь.

В заключение он рассказал о своей медицинской деятельности, что 24 апреля с/г, накануне сво-

ей поездки в гор. Керчь, он сделал большой полуторачасовой доклад по вопросам хирургии в Доме офицеров для военных врачей, на котором присутствовало до 150 врачей, а всего им было сделано уже 5 больших полутора-двухчасовых докладов, что на днях приступает к чтению целого цикла лекций по гнойной хирургии для врачей гор. Симферополя, что он уже официально является консультантом госпиталя инвалидов Отечественной войны, где не только консультирует, но и проводит операции.

В отношении Иоанно-Предтеченской церкви, после получения письма Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР № 21 от 14/VI-47 г., с приложением копии письма Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР за № 11/169 от 12/VI-47 г. - «О невозможности передачи церкви Иоанна Предтечи в гор. Керчи общине верующих».

При встрече с Лукой 19/VI с/г во время совместной поездки с ним в гор. Алушту (о чем скажу ниже) я ему сообщил, что Ученый Совет архитектуры не находит возможным передать данную церковь в пользование общины верующих.

Лука мне на это ответил:

«Понятно, я и не имел никакой надежды на получение ее для верующих».

Второй раз Лука посетил меня 9 июня с/г с тем, чтобы я разрешил ему организовать подготовку псаломщиков, объясняя это следующим - более половины церквей и молитвенных домов псаломщиков не имеют, а из имеющихся большинство - бывшие монашки и преклонного возраста, которые постепенно будут выбывать из состава псаломщиков, а без таковых, по каноническим правилам, одним священником не могут проводиться богослужения. Подготовку псаломщиков он предполагает таким образом: при кафедральном соборе имеется одна

чтица, которая хорошо знает церковный устав, и вот последняя будет группами по две-три женщины, из желающих быть псаломщиками, учить пению, читать по-славянски и изучать церковный устав, а практику они будут проходить на клиросе.

На это я ему окончательного ответа не дал, сказал, что ответ дам дня через два-три. После этого я связался по телефону с тов. Карповым, сообщил ему о просьбе Луки, и тов. Карпов тут же мне ответил:

«Не препятствуйте Луке в подготовке им псаломщиков», после чего я по телефону сообщил Луке, что с моей стороны никаких возражений в подготовке им псаломщиков не имеется.

Когда Лука был у меня 9 июня с/г, я ему сообщил, что ко мне поступило ходатайство от верующих села Почтовое Бахчисарайского района об открытии молитвенного дома и что последними для этой цели куплен дом, и спросил его, поддерживает ли он это ходатайство. Лука ответил, что должен посмотреть это здание и после этого скажет - будет ли он поддерживать ходатайство или нет, и пригласил меня поехать с ним в село Почтовое.

О результатах поездки в село Почтовое мною сообщено выше⁶.

И еще одна совместная моя поездка с Лукой была в гор. Алушту, при следующих обстоятельствах:

13 июня с/г ко мне поступила жалоба от настоятеля Феодоро-Стратилатовской церкви гор. Алушта протоиерея Клягина о том, что Алуштинский Горсовет вынес постановление об установке водопроводного крана для общего пользования на стене храма у северных дверей.

В это время у меня на приеме был секретарь архиепископа протоиерей Милославов, и я сказал, что придется выехать на место проверить, в чем там дело.

18 июня с/г протоиерей Милославов позвонил мне по телефону и сообщил, что архиепископ Лука прилетел из Москвы и завтра, 19/VI, собирается ехать в Алушту по жалобе Клягина (об этом ему сказал Милославов), то он приглашает меня выехать вместе с ним в его машине. Я согласился, и на следующий день, 19/VI с/г, он заехал за мной.

Результаты проверки жалобы Клягина сообщу ниже, а сейчас считаю необходимым информировать Совет о той беседе, которая у нас была с Лукой в автомашине при поездке в Алушту.

Вначале он рассказал о полете в Москву (туда и обратно летел на самолете), как был встречен на вокзале, затем в гостинице «Москва», в институте профессорами (в каком точно, я не запомнил), летал в Москву, как говорит, специально к специалистам в связи с болезнью глаз.

Затем рассказал, как был принят в Патриархии и самим Патриархом⁸, что был на приеме у члена Совета тов. Уткина, а с тов. Карповым беседовал в Патриархии, обо всех этих встречах, приемах и беседах отзывался очень хорошо. Из всей этой его беседы чувствовалось, что он хотел подчеркнуть, что вот, мол, в Москве с ним считаются как с крупной величиной, не только как с архиереем, но и с ученым.

Тут же сразу спрашивает меня: «Вы ничего не знаете о проводимой против меня обструкции профессорами мединститута?».

Я сказал, что ничего не знаю. Тогда Лука рассказал следующее.

Когда ему в Облисполкоме вручали знаки лауреата Сталинской премии, во время беседы председатель Облисполкома тов. Кривошеин просил его помочь местным врачам и прочитать ряд лекций по гнойной хирургии (хотя он здесь и приврал, так как я в это время присутствовал, и тов. Кривошеин

его не просил, а он сам предложил об этом, чтобы передать врачам свои знания), что после этого его посетил зав. Облздравотделом доктор Стефановский, и они договорились о его докладах и лекциях.

Организацию этого дела якобы доктор Стефановский поручил профессору-хирургу мединститута По-тапову, а последний - коммунист и секретарь парторганизации мединститута, и такое поручение, по словам Луки, ему пришлось не по душе, и вместе с женою, тоже врачом-хирургом, стали восстанавливать против него, Луки, всю профессуру, если вначале его приглашали для чтения лекций и докладов, то последнее время ему стали устраивать обструкции, и приводит это на таком примере. Когда читал лекцию последний раз, 29 мая с/г, для симферопольских врачей в 3-й поликлинике, то в перерыв, который был сделан во время его лекции, профессора мединститута демонстративно покинули зал.

После этого он должен был прочитать еще ряд лекций, но тогда же он почувствовал, что продолжений больше не будет, к тому же ему сообщили (кто, не сказал), что на следующий день после лекции звонили в 3-ю поликлинику из Обкома партии и спрашивали, действительно ли он читал лекцию, был ли он в рясе и был ли у него на груди крест. Затем якобы после этого некоторые врачи спрашивали профессора Потапова, будет ли продолжение лекций профессором Войно-Ясенецким, и профессор Потапов будто бы ответил: «Не будет, а если и будет, только тогда, когда он снимет свою рясу и не будет носить креста». И тут же Лука сказал: «Что им далась моя ряса, не все ли равно, как я одет и что на мне, я же не читаю врачам лекции по богословским наукам, а только по вопросам хирургии», и говорит, что все это сводится к тому:

«Я стал пользоваться авторитетом не только

среди населения, но и среди врачебного персонала. Главным образом, своим личным обаянием, а таковое не всякому дано, а кроме того, я читаю лекции, доклады, даю советы и делаю операции совершенно безвозмездно», и привел такой пример:

«Ему стало известно, что отдельные граждане-евреи хотели бы обратиться к нему за советом, как к профессору-хирургу, но не решаются, считают неудобным еврею обратиться к православному архиерею, тогда он написал письмо местному раввину, в котором писал, что он принимает всех, кто нуждается в его совете или помощи, независимо от национальности и вероисповедания, и никакой платы за это не берет».

После этого к нему стали обращаться и евреи, и все это не по душе профессорам, к тому же, когда он приходил куда-либо по приглашению читать лекцию или делать доклад, народ, находящийся в зале, его приветствовал вставанием, приходилось, конечно, вставать и профессорам, а это затрагивало их самолюбие, а по всему этому они и стали вести разговоры о снятии им рясы, что знания его устарели и т.д.

Из всего этого Лука для себя делает такой вывод, что с ним повторяется то самое, что было раньше (как он назвал, предчувствие), перед его высылками и арестами, и сказал, что ему после всего этого оставаться в Крыму нельзя, нужно уезжать, и что никаких докладов и лекций, хотя бы его и просили, он делать больше не будет, что обо всем этом он написал Патриарху, хотя перед ним не ставит вопроса о переводе его из Крыма в другую епархию, но, говорит, - Патриарх должен догадаться. [...]

Архиепископ Лука 31 марта с/г обратился с жалобой в городской финансовый отдел гор. Симферополя, в копии мне, о неправильном обложении

его подоходным налогом на 1947 год такого содержания: [...]

Далее Лука в своей жалобе пишет:

«Кустарничеством не занимаюсь, а являюсь управляющим Крымской епархией, и за исполнение этих обязанностей получаю твердый месячный оклад, который в прошлом году выражался в сумме 3.000 руб., а начиная с 1947 г. в силу напряженного финансового состояния епархии этот оклад снижен до 2.000 руб., никаких других источников дохода не имею и иметь не должен.

Кроме того, как профессор-хирург, занимаюсь врачебной деятельностью, но эта деятельность никакими денежными компенсациями в 1946 г. не возмещалась. Прием больных мною производится бесплатно, и на таких же условиях осуществляю консультационно-практическую врачебную работу.

Райфо при обложении на 1947 г. подошло ко мне как к кустарю-ремесленнику, у которого возможны любые изменения в доходах, но я получаю только твердый месячный оклад зарплаты, и этот оклад с 1 января 1947 года определяется в сумме 2.000 руб., следовательно, исчисляя мне авансовые платежи из расчета месячного дохода в сумме 3.000 руб., Райфо сознательно ущемляет мои денежные интересы, заранее предрешая вопрос переплаты подоходного налога.

Далее он пишет в жалобе: «Строго говоря, мне нечего декларировать, так как, кроме твердого оклада месячной зарплаты, никакими другими доходами, подлежащими обложению, не пользуюсь.

Правда, у меня есть личные сбережения, но они получены благодаря тридцатилетней научной работе, и что Райфо на эти сбережения не имеет никаких прав». [...]

Затем к жалобе Лука дописал следующее:

«Такое столь ненормальное обложение меня

подходящим налогом считаю особенно обидным для себя, поскольку, руководствуясь альтруистическими целями, из полученной мною Сталинской премии за научные труды в сумме 200.000 руб. я пожертвовал в пользу сирот воинов Отечественной войны 130.000 руб.»

Получив копию данной жалобы Луки, я позвонил заведующему городским Финансовым отделом и просил его срочно проверить жалобу по существу и результаты мне сообщить. В тот же день Горфо были затребованы все материалы по обложению подходящим налогом Луки из Райфо, проверены - решение Райфо было пересмотрено и отменено. [...]

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области **Я. Жданов**

1 9 4 8

ИЗ ИНФОРМАЦИОННОГО ДОКЛАДА УПОЛНОМОЧЕННОГО

ЗА 2-й КВАРТАЛ 1948 года

1 июля 1948 г.

[...] 1) Архиепископ Лука посетил меня 22 апреля с/г, после того, как был принят председателем Облисполкома тов. Кривошеиным в общий его приемный день, в приемной по жалобам.

Во время нахождения Луки у тов. Кривошеина последним был приглашен и я для дачи некоторых разъяснений.

Лука просил тов. Кривошеина об оставлении зданий, занимаемых молитвенными домами, в Симфе-

рополе Владимирского молитвенного дома, быв. клуба, и в селе Азовское Азовского района, бывшее помещение райконторы связи, об изъятии которых у приходских общин поставлен вопрос в Симферополе населением, в селе Азовское - решением суда.

Луке было разъяснено, что здания эти изымаются у общин на законном основании и последним предоставляется право подыскать себе другие помещения на условиях аренды.

В заключение беседы Лука сказал тов. Кривошеину, что, поскольку здесь, на месте, ничего сделать нельзя, он будет писать Патриарху, чтобы последний вошел с ходатайством в Правительство об изменении закона.

После этого Лука зашел ко мне, тоже стал говорить об этих зданиях, я ему еще раз разъяснил, что ничего сделать нельзя, так как постановка вопроса об изъятии их у приходских общин вполне законна и основательна, последним дается право подыскать себе для молитвенных целей другие помещения.

Затем Лука мне заявил, что в одном из населенных пунктов Бахчисарайского района проживает иеромонах Ипполит (Верютин), бывший иосифлянин⁹, не признающий ни его, как архиепископа, ни Патриарха, который ходит по деревням и совершает различного рода требы, просил меня принять меры, запрещающие ему совершать требы.

Дня через три-четыре иеромонах Ипполит Верютин мною был вызван.

Старик лет 80, проживающий в семье одного колхозника в Бахчисарайском районе. В период немецкой оккупации был священником в селе Базарчик - теперь село Почтовое Бахчисарайского р-на.

Верютин отрицал совершение им каких-либо треб. Все же он мною был предупрежден: как не имеющий соответствующих регистрационных документов, не

может совершать никаких треб и обрядов. После этого каких-либо сообщений о том, чтобы он совершал требы, не поступало.

После беседы архиепископа Луки с председателем Облисполкома тов. Кривошеиным, через несколько дней ко мне обратился его секретарь протоиерей Милославов с просьбой дать справку, какие молитвенные дома находятся под угрозой закрытия, как бывшие клубы, школы и т.д.

На мой вопрос, для чего нужна эта справка, Милославов ответил: «Владыка» намерен об этом писать Патриарху и в Совет. На это я дал Милославову такое разъяснение: «В каких зданиях находятся молитвенные дома, вам известно, поэтому никакой моей справки для этого не требуется».

Вторичная встреча с Лукой в отчетном квартале была 30 мая с/г, в день его юбилея - 25-летнего служения в архиерейском сане. Подготовку к проведению празднования этого дня симферопольское духовенство и сам Лука начали примерно недели за две.

Ожидали приезда на эти торжества нескольких епископов - Курского, Ростовского, Одесского и Днепропетровского, но никто из них не приехал, а о приезде их духовенством и Лукой было объявлено по всей Крымской епархии.

28 мая с/г Лука через своего секретаря протоиерея Милославова прислал мне письмо с приглашением: «Почтить своим присутствием в воскресенье, 30 мая, богослужение в соборе и обед после него во время празднования 25-летнего его юбилея архиерейского служения», на что мною было дано согласие.

29 мая вечером послал ему поздравительную телеграмму.

30 мая с/г в 11 час. утра, когда я пришел в собор, служба уже шла, и последний был переполнен.

Меня, видимо, поджидали, так как при входе в храм был встречен одним из членов церковного совета и приглашен пройти за конторку.

Во время этой торжественной службы было в соборе и около него до 1500 чел., вначале служило 12 священников, а к концу их собралось 28 человек.

Во время службы, примерно в 1 час дня, Лука, узнав, что я нахожусь в соборе, прислал ко мне священника - регента Афанасьева с просьбой, чтобы по окончании службы поехал с ним в его машине на обед, устраиваемый в честь его юбилея, я дал согласие.

Служба продолжалась до 3-х час. дня. Лука во время службы сказал проповедь на тему «Наука и религия»¹⁰, в которой доказывал, что наука и религия могут существовать вместе, что наука не отрицает религию, а религия - науку.

В проповеди он приводил имена великих ученых, о которых говорил, что они были глубоко религиозными людьми, верующими в Бога и в духовный мир, как-то: древнегреческого философа Платона, Коперника, Пастера, великого ученого нашего времени физиолога Павлова и др., что он знает в настоящее время многих ученых-академиков и профессоров - глубоко религиозных, верующих в Бога и духовный мир. Далее говорил, что они (материалисты), не верующие в Бога, знают только материальный мир, материальную природу, не знают и не хотят знать, что, кроме материального мира, есть еще духовный мир, который только они, верующие в Бога, его познают, что сердце - не только главный орган кровообращения в организме человека, но он является и органом, познающим духовный мир, и т.д. в таком духе.

Вся его проповедь была насыщена идеалистической философией, направленной против материалис-

тов, не признающих Бога и духовного мира.

По окончании службы, поздравлений Луки и всяких ему подношений духовенством, церковнослужущими и мирянами духовенство отправилось на обед на квартиру одной из прихожанок. Всего на обеде присутствовало до 60 человек.

По выходе из храма я был приглашен сесть в машину Луки вместе с ним. Заехали к нему домой, где он переоделся, после чего отправились на обед.

За столом все были посажены согласно ранее составленного списка. Во главе стола посадили Луку, справа от него - меня, слева - архимандрита Тихона, затем митрофорные протоиереи, протоиереи, священники, дьяконы, псаломщики, церковные старосты и т.д.

Перед тем как приступить к еде, духовенством была пропета молитва и после благословения Лукой стола приступили к обеду.

Начались поднимания тостов с провозглашением многолетия духовенством, Лукой.

Несколько слов было сказано и мною с пожеланием здоровья юбиляру и долгих лет жизни.

Лукой - по моему адресу, как представителю государства, почтившего своим присутствием его скромные торжества.

Священник Ливанов говорил несколько раз, то от имени верующих его родины гор. Красноярска (где Лука был когда-то в ссылке), то от имени молодого духовенства, поставленных Лукой, и как его учеников.

Милославов - от имени всего крымского духовенства .

Протоиерей Голубятников в своем слове сказал, что «Владыку» знает 25 лет, вместе с ним когда-то страдал, что «Владыка» в то время был тверд, силен духом, был хорошим наставником и большим ученым.

Лука на слова Голубятникова заметил, что тогда, по замечанию одного архиерея, он считался сибирским златоустом.

Протоиерей Крашановский в своем слове просил Луку дать согласие отпечатать все свои проповеди, по примеру митрополита Николая, что они явились бы большой помощью для духовенства и верующим в деле распространения «слова Божия» и т. д.

Лука на это сказал: «Сие от меня не зависит, он бы давно их отпечатал и об этом он много думал, но на их отпечатание не дают согласия».

Когда священники стали говорить, что «проповеди митрополита Николая отпечатаны, почему же Ваши нельзя», Лука на это им ответил: «Потому, что в моих проповедях проповедуется идеализм, идеалистическая философия, а поэтому и не хотят, чтобы мои проповеди читались и имели распространение».

Тут же он мне сказал, написал большой богословский труд «О духе, душе и теле», и в Патриархии согласны были его отпечатать, но тов. Карпов на это не дал согласия, так этот труд и не увидел света¹¹.

Далее подчеркнул, что в его проповедях ничего нет контрреволюционного, но, поскольку они насыщены идеализмом, поэтому, видимо, и не дают согласия на их отпечатание.

В конце обеда по его распоряжению протоиереем Милославовым были прочитаны поздравительные телеграммы от Патриарха Алексия, от митрополита Николая, от грузинского Патриарха Калистрата, от Одесского архиепископа Фотия и еще от 3-4 архиепископов, затем от профессора Филатова и моя.

О том, что мало получено телеграмм от епископов, Лука объяснил тем, что многие из них не знают точной даты его хиротонии, так как в опубликованной его автобиографии в журнале «Московская

Патриархия» сказано, что хиротония состоялась в мае 1923 г., но не сказано, какого числа. Об этом нет и в других документах¹².

И тут же рассказал, что его хиротония во епископа совершалась тайно, в одном небольшом городке Средней Азии, в 80 км от Самарканда, в маленькой церкви двумя епископами при закрытых дверях, что при хиротонии, кроме епископов, присутствовали два священника, дьякон и его старший сын, больше никого.

На вопрос, почему хиротония была тайной, Лука ответил: «Тогда иначе нельзя было».

Обед продолжался около двух часов и закончился в 6 часов вечера. [...]

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области Я. Жданов

**ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА УПОЛНОМОЧЕННОГО
О БЕСЕДЕ С АРХИЕПИСКОПОМ ЛУКОЙ**

18 октября 1948 г.

12-го октября с/г, по получении из Совета выписки из протокола № 33 заседания Совета от 25 сентября с/г по вопросу освобождения церковного здания на территории Крымской зональной плодово-ягодной опытной станции в поселке Мичурино и слияния прихода этой церкви с приходом церкви села Грушевка Старо-Крымского района, я звонил архиепископу Луке по телефону, после приветствия попросил его приехать ко мне, сказав ему, что у меня имеются ряд вопросов, которые необходимо разрешить с ним лично.

Лука заявил, что приехать он не может вследствие того, что он очень занят, ждет к себе профессора, затем готовится к празднику Покрова,

составляет проповеди, принимает доклады настоятелей церквей и делегации и вряд ли он сможет подъехать, а если и сможет, то не ранее как через неделю.

Выслушав его, я дословно сказал следующее:

«Все же я Вас, Валентин Феликсович, прошу приехать ко мне», он ответил: «Хорошо», на этом наш телефонный разговор с ним был окончен, но в этот день он не приехал.

15 октября с/г утром позвонил мне его секретарь священник Милославов, спросил, буду ли я у себя, так как «Владыка» собирается ко мне. Я ответил, что буду его ждать.

Через некоторое время Лука вместе с Милославовым явились ко мне в кабинет.

Следует отметить, что ранее Лука, являясь ко мне, своего секретаря Милославова оставлял в первом кабинете у моего секретаря.

В данном же случае, вопреки прошлых посещений, зашел ко мне в кабинет со своим секретарем Милославовым.

После взаимного приветствия и рукопожатия я пригласил их сесть.

Вначале, поговорив с ним о малозначащих вопросах, как прошел церковный праздник Покрова, много ли было народу в Покровской церкви гор. Симферополя, где служил сам архиепископ Лука, затем я сообщил Луке, что имеется решение Совета по делам Русской Православной Церкви о слиянии прихода церкви пос. Мичурино с приходом церкви в селе Грушевка Старо-Крымского района и освобождении церковного здания, так как она находится на территории научно-исследовательского учреждения, которое является на положении запретной зоны, и сказал ему:

«Прошу Вас, Валентин Феликсович, дать по своей линии указание о слиянии приходов, освобожде-

нии церковного здания в пос. Мичурино и передаче цер-ковного имущества из последней в Грушевскую церковь».

На это Лука мне заявил, возмущаясь: «С каких же это пор там стала запретная зона, почему ее до сих пор не было, что же, начинаете закрывать церкви, ну что же, закрывайте, а я закрывать не буду и никаких указаний об этом давать не стану»

Тут же потребовал у меня дать ему копию решения Совета и написать ему об этом официально.

На это я ему ответил, что территория поселка Мичурино являлась и является запретной зоной вследствие того, что там находится научно-исследовательское учреждение.

В отношении же дачи Вам копии решения Совета и сообщить Вам официально о решении Совета нет надобности, да это Вам и не нужно, разве недостаточно того, что я, как официальное лицо, представитель государства, сообщаю Вам об этом.

Лука ответил: «Да, недостаточно, мне эти документы нужны с той целью, чтобы оправдаться перед Патриархом и, главным образом, перед народом верующим, что церкви закрываю не я лично, а Совет и его уполномоченный».

На мое замечание, что церкви не закрывались и не закрываются, а с церковью в пос. Мичурино особое положение, которое я Вам и разъяснил.

Лука на это заявил: «Как не закрывались, а Владимирскую церковь в Симферополе закрыли».

На это я ему ответил, что и Владимирская церковь не закрывалась, а предложено было приходской общине освободить помещение, как бывший клуб, а вместо его рекомендовано найти себе другое помещение.

Лука с возмущением заявил: «Приходская община Владимирской церкви находила для покупки три дома, была уже договоренность в цене и прочее,

и владельцы домов с радостью их продавали, но затем, когда им приносили деньги, они со смущением заявляли, что передумали продавать, и продавать не будут. Такое положение было трижды. Не иначе, как их куда-то вызывали и запретили им продавать дома для церкви».

На мое замечание, что об этом я ничего не знаю и мне не известно, Лука ответил: «Я не сомневаюсь, что это все проделывается помимо Вас, но я твердо уверен, что это так происходило, но у меня нет подтверждающих фактов, а если бы были таковые, то я бы о них сообщил Патриарху».

Далее он заявил, что: «Все это зависит от уполномоченного, есть уполномоченные хорошие и плохие, там, где уполномоченный относится благожелательно к церкви и верующим, там церкви не закрываются, а вновь открываются».

На это я ему заметил, что нет уполномоченных ни плохих, ни хороших, задача их всех одна - следить за тем, чтобы не нарушались советские законы в отношении церкви как представителями советских органов, так и представителями церкви, и проводить в жизнь указания Совета.

После этого Лука сказал: «Я не хочу того, чтобы среди верующих шли разговоры как о моем предшественнике епископе Иоасафе, который много позакрывал церквей».

И в заключение заявил категорически, что он никаких указаний в отношении церкви в пос. Мичурино давать не будет.

Далее Лука рассказал об отсутствии дисциплины и о распущенности среди духовенства, что если он к некоторым из них принимает крутые меры, то за это прослыл как жестокий деспотический архиерей.

Затем привел случай со священником Кудрявцевым, которого он назначил настоятелем Евпаторийского собора вместо Ливанова, и когда Кудрявцев

приехал в Евпаторию, то сторонницы и поклонницы Ливанова не только не допустили к совершению службы, но даже не пустили в храм, и последнему пришлось уехать из Евпатории.

Лука это называет церковным бунтом среди верующих и сказал: «Раньше в таких случаях о ликвидации церковного бунта можно было обратиться за содействием к полиции, а сейчас не к кому обратиться в таких случаях, а сторонницы Ливанова заявили Кудрявцеву, если приедет и архиепископ, то они и его не пустят в храм, пока он им не вернет Ливанова», и добавил: «В таких условиях мне очень трудно управлять епархией, а помощи никто не оказывает».

В заключение беседы, перед уходом, неожиданно для меня архиепископ Лука в присутствии своего секретаря священника Милославова заявил мне следующее: «Если Вы, Яков Иванович, будете со мной разговаривать начальственным тоном, то я вообще с Вами разговаривать не буду и являться к Вам также не буду. Я намного старше Вас, в сане архиерея состою 25 лет, являюсь большим ученым, лауреатом Сталинской премии, пользуюсь большим заслуженным уважением не только как ученый, но и как архиерей, а в среде их являюсь первым не только в Советском Союзе, но и за границей, и разговора с собою в начальственно-повышенном тоне не потерплю ни от кого и требую к себе уважения».

Этим неожиданным заявлением Луки я был крайне удивлен и спросил его, в чем же был мой начальственный тон, и когда это имело место. Лука ответил, что это было во время последнего разговора по телефону 12 октября.

Оказывается, ему не понравилась моя последняя фраза, после его объяснений о занятости и невозможности ко мне приехать, когда я сказал: «Все же я Вас, Валентин Феликсович, прошу приехать ко мне».

В этой фразе он усмотрел мой начальственный тон, хотя эта фраза мною была сказана вежливо, но твердо, когда я понял из его объяснений, что он ко мне явиться не желает.

Далее я ему ответил: «Вас, как большого ученого, уважают, уважаю и я, и никакого начальственного тона в беседах с Вами у меня не было и нет». Кроме того, заметил ему: «Вы не только ученый и лауреат Сталинской премии, Вы и архиепископ - управляющий епархией, а поэтому Вам, как управляющему епархией, является необходимым посещать меня и разрешать вопросы, связанные со мною, как уполномоченным. Если встретится необходимость и у меня, буду Вам звонить и просить Вас приезжать ко мне».

Лука ответил: «В дальнейшем все необходимые вопросы я буду решать с Вами через своего секретаря», показывая на Милославова, присутствовавшего при этом.

На это я ему сказал: «Не всегда и не все вопросы можно будет решать через Вашего секретаря, а иногда придется решать и лично с Вами».

Лука на это ничего не ответил, попрощался и ушел.

Сообщая о вышеизложенной беседе с архиепископом Лукой, прошу Вашего указания, как поступить с проведением в жизнь решения Совета от 25 сентября, протокол № 33, о слиянии приходов, вследствие того, что архиепископ Лука категорически отказался давать какие-либо указания по данному вопросу.

О его заявлении, сделанном мне, что он не будет меня посещать вследствие якобы моего «грубого» с ним разговора, считаю необходимым сообщить следующее: Лука всем и всюду, всегда подчеркивает о своих заслугах, как перед гражданскими лицами, так и среди церковников, что он большой

ученый с мировым именем, лауреат Сталинской премии, и как архиерей - один из первых среди них, пользующийся авторитетом не только в церковном мире, но и среди ученых за границей.

Говоря обо всем этом мне в присутствии своего секретаря Милославова, Лука, видимо, хотел показать себя и свое якобы преимущество перед мною, этим самым игнорируя меня и, видимо, хотел показать своему секретарю, как ему со мной следует разговаривать.

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области **Я. Жданов**

1 9 4 9

**ХАРАКТЕРИСТИКА АРХИЕПИСКОПА СИМФЕРОПОЛЬСКОГО
И КРЫМСКОГО ЛУКИ, СОСТАВЛЕННАЯ УПОЛНОМОЧЕННЫМ**

8 марта 1949 г.

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) родился в апреле 1877 года в городе Керчи, в семье провизора .

В 1896 году окончил Киевскую гимназию и в 1903 году - Киевский университет по медицинскому факультету. 13 лет был земским врачом. С 1917 года - главным врачом и хирургом Ташкентской городской больницы.

С 1916 года - доктор медицины.

С 1920 года - профессор топографической анатомии и оперативной хирургии Ташкентского университета .

С 1921 года в сане священника. С 1923 года - епископ Ташкентский, позже - архиепископ Красноярский и Тамбовский.

С мая м-ца 1946 года - архиепископ Симферопольский и Крымский.

В 1945 году награжден медалью «За доблестный труд [в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.] ». В 1946 году получил Сталинскую премию первой степени за научную работу по хирургии.

Трижды подвергался высылкам, где находился 11 лет.

Имеет 3-х сыновей и 1 дочь, все врачи. Старший сын - профессор Львовского университета, средний - физиолог в клинике им. Павлова в Ленинграде. Младший - ассистент профессора Филатова в Одессе. Дочь работала в Наманганском облздравотделе Узбекской ССР.

При нем живут две «племянницы»¹³ с детьми. По приезде в Симферополь в 1946 г. архиепископ пытался подчинить меня своему влиянию, например, по приезде не явился лично, а прислал управделами епархии с сообщением о его прибытии и вступлении в управление епархией. На что мною было передано ему о личной явке.

Когда же явился он сам, то настаивал на том, чтобы я его называл архиерейским званием «Владыка» или «Ваше преосвященство» и т.п.

На что мною это его желание было отведено. Вначале не желал не только согласовывать, но даже предварительно информировать меня о проводимых им мероприятиях как по вызову им духовенства из других епархий, так и по назначению, увольнению и перемещению духовенства.

Только после того, когда я отказал в регистрации некоторым священникам, вызванным им из других епархий, Лука стал предварительно меня информировать о проводимых им мероприятиях, да

и то не сам лично, а через своего секретаря, что делается и до последнего времени.

После своего приезда и до конца 1947 года проявлял активную деятельность по вопросам медицины.

Как хирург и профессор читал доклады, лекции врачам, являлся консультантом госпиталя инвалидов Отечественной войны, проводил операции больным и раненым, принимал больных, давал советы и т.д. Но так как он выступал с докладами и лекциями по вопросам медицины в своей архиерейской форме, что является не вполне нормальным, было рекомендовано ему читать доклады и лекции на медицинские темы не в архиерейской одежде, а в светской. Лука это делать категорически отказался.

Тогда его перестали приглашать для чтения докладов и лекций.

После этого Лука переключился исключительно на проповедническую деятельность, стал читать проповеди ежедневно, а иногда и по две проповеди в день в кафедральном соборе и других церквях гор. Симферополя, кроме того, для чтения проповедей стал выезжать и по приходским церквям области. Читает проповеди не только на евангельские темы, по толкованию т. н. Священного Писания, но и на разнообразные другие и даже философские темы, как «О науке и религии», «Об истоках современного безбожия», «О суетности славы человеческой» и т.д. и т.п. Даже и проповеди на евангельские темы увязывает с современностью, как-то: охаивание молодежи, что последняя стала распущенной, безбожной, ходит по театрам и кино, а церкви не посещает, не молится Богу и т.д.

После указа Синода от 25 августа 1948 года и определения Синода от 16 ноября 1948 года его проповеди стали носить больше церковный характер, но он все же продолжает их читать ежедневно.

По своему характеру самолюбив, высокомерен, хвастлив, всем и всюду подчеркивает, что он большой авторитет не только среди духовенства, но и среди врачебного мира, что он известен не только в Советском Союзе, но и за границей, что эта известность ему создана Советским Правительством.

Имелись попытки с его стороны использовать не только меня, как уполномоченного Совета, но и местные советские органы по установлению дисциплины в церковных общинах, как-то: удаления из церкви уволенного им церковного старосты Терно (пос. Советский) и др., на что ему разъяснялось о невмешательстве в церковные дела советских органов.

Иногда в его высказываниях проскальзывает недоброжелательность в отношении Советской власти, это подчеркиванием того, что он пробыл 11 лет в ссылках якобы без какой-либо вины. Что все духовенство, находившееся в местах заключения и ссылках, страдало невинно, а отсюда - приближение к себе и предоставление лучших приходов таким священникам, как он говорит, «страдавшим за веру».

Среди значительной части как духовенства, так и верующих Лука авторитетом не пользуется за запрещение им священникам носить гражданскую одежду и подстригать бороды.

Многие из них называют его «деспотом», что он хороший хирург, но плохой архиепископ, так как за малейшее нарушение так называемых канонических правил со священниками он расправляется жестоко: лишает сана, увольняет за штат, переводит из одного прихода в другой и т.п., не считаясь ни с какими их желаниями и оправданиями.

Так, за время его нахождения в Крымской епархии с мая 1946 года состав духовенства переменился примерно на 80%. Все эти годы количественный состав священнослужителей был до 60 чел., из них

выбыли за время его нахождения 42 человека, из коих только 8 человек выбыло помимо его. Остальные им уволены или ушли сами, или выехали, не желая служить под его руководством.

За это же время вновь им принято или посвящено в священнический сан 44 человека, некоторые священники им увольнялись и вновь принимались по 2-3 раза.

Кроме того, многие священники и быв. священники, лишенные им сана, говорят о Луке так: «Будучи требователен к другим, не требователен к себе, нарушает монашеские обычаи, повел борьбу со священниками-стариками, убеленными сединой, обличая их в прелюбодеянии (Дубинин, Нефедов, Алей-ников, Бесталанный), тогда как сам имеет у себя в услужении женщину «племянницу», даже не одну, а две, да еще и несколько монашек, как они говорят, «у Луки целый гарем».

Когда по епархии им и его окружением был пущен слух, что он Патриархом переводится в Казанскую епархию, очень многие из числа духовенства и верующих высказывали свое удовлетворение.

После того, как эти разговоры прекратились и его перевод не состоялся, высказывали недовольство.

О его отношении ко мне, как уполномоченному Совета и как представителю государства, можно привести его словами из его годовых докладов Патриарху; так, в докладе за 1947 год Лука писал:

«Работа с местным Уполномоченным Совета по делам Русской Православной Церкви настолько затруднена, что я вынужден был лично жаловаться на него председателю Облисполкома и трижды посылать жалобы в Совет»... и далее: «...Основные условия, затрудняющие развитие церковной жизни, устранить их местными средствами невозможно, особенно при нашем уполномоченном Совета, который просто отмахивается от них...»

В годовом отчете Патриарху за 1948 год он пишет так: «Крымский уполномоченный проявляет мало благожелательности в отношении церкви. Охотно закрывает церкви и неохотно содействует открытию новых. В Балаклаве народ усиленно ходатайствует об открытии храма, занятого под клуб, но уполномоченный ставит интересы клуба выше интересов христиан и не дает хода их ходатайству. Три раза приходилось жаловаться в Совет по делам Православной Церкви на действия уполномоченного, однако всячески стараемся сохранить приличные отношения...»

Вот примерно все то, что можно было дополнить к той характеристике архиепископа Луки, которая мною дается в информационных отчетах и в специальных докладных записках.

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области Я. Жданов

ИЗ ИНФОРМАЦИОННОГО ДОКЛАДА УПОЛНОМОЧЕННОГО

ЗА 1-й КВАРТАЛ 1949 года

1 апреля 1949 г.

[...] В отчетном квартале встреча с архиепископом Лукой состоялась только одна, при таких обстоятельствах: мне стало известно, что он лежит больной, а с ним было необходимо побеседовать по ряду вопросов.

23 марта утром позвонил ему по телефону. Вначале спросил его о здоровье. Лука ответил, что лежит больной вторую неделю, на ноге язва, врачи запретили ходить и предложили лежать, и он, против своего желания, вынужден лежать. После этого я ему сказал, что «мы с вами давно не встречались (а не встречались со дня его именин, т.е. с 31/X-48 года) и желательно было бы встретиться,

если я к вам подойду, сможете ли вы по состоянию здоровья принять меня». Лука тут же по телефону высказал большое желание, чтобы я его посетил, несколько раз повторил «пожалуйста» и предложил подослать за мной машину. От машины я вежливо отказался.

Когда пришел к нему, он лежал. После взаимного приветствия Лука рассказал, что врачи положили его в постель, так как на ноге появилась язва от долгого стояния на ногах, а стоять ему приходится ежедневно во время службы по несколько часов, а возраст 72 года, что сказывается. Кровообращение уже замедленное, и это отразилось на ноге, врачи рекомендуют ему сократить свою деятельность и стояние на ногах по меньшей мере на 50% и говорят: «Работаете как 50-летний, а вам 72 года, не забывайте этого».

На это я ему заметил: «Врачи правы, зачем же вам себя переутомлять ежедневными службами, а потом болеть, если врачи говорят, что вам необходимо сократить свою деятельность, т.е. ежедневные службы и стояние на ногах, то это, видимо, надо для вашего здоровья».

Затем беседа велась на разные мелкие темы. Спросил меня, часто ли я выезжаю в районы, о себе сказал, что он также давно никуда не выезжал, и тут же заметил, что скоро он летит в Москву, если с ногой не будет хуже, полетит 28 марта по приглашению Патриарха.

На мое замечание, что он, видимо, не был в Москве со времени приезда в Крым, Лука ответил: «Да, более 2-х лет», и далее заметил, что он не любит ездить сам, без приглашений, а Патриарх не приглашал.

Далее рассказал, почему его приглашает Патриарх к себе, что он послал Патриарху письмо, в котором поставил ряд принципиальных вопросов.

На это письмо Патриарх прислал ему простран-
ный ответ и приглашает приехать к нему для разре-
шения этих вопросов¹⁴. После этого Лука спросил
меня:

«...что же получается с делом растраты бывш.
церковного старосты Евпаторийского собора Бон-
дарь . Нарсуд присудил взыскать с него в пользу
собора 23 тыс. рублей и даже привлечь к уголов-
ной ответственности, но Бондарь обжаловал ре-
шение нарсуда, и после этого о деле ничего не
слышно. На днях я поручил настоятелю Евпаторий-
ского собора священнику Поветкину узнать у проку-
рора, в каком положении находится дело, и проку-
рор Поветкин смущенно ответил: «Дело прекраще-
но» .

И Лука из этого дела делает вывод, что, видимо,
здесь не обошлось без взяток, так как ему изве-
стно, что Бондарь хвалился, лучше лишится двух
домов, нажитых за счет церковных средств, но
добьется, что суда над ним не будет. Когда он
будет в Москве, то специально по этому вопросу
будет говорить в Совете с т. Карповым.

На это я ему ответил, чтобы здесь фигурирова-
ла взятка - сомневаюсь, видимо, нет достаточных
доказательств о растрате, далее ему заметил, что
дело против Бондаря было возбуждено помимо меня,
материалов я не знал, в каком положении дело,
мне неизвестно.

После этого Лука спросил меня: «Вы иногда по
тому или другому вопросу читаете Милослаову
выдержки из документов на вопросы, касающиеся
нас (церкви), но нам не известных, и когда Мило-
славов просит у вас дать копии этих документов,
вы отказываете - неужели эти документы секрет-
ные?» (Был случай, когда я Милослаову зачитал
отдельные места из инструкции Министерства финан-
сов № 870 от 16/XII-46 г. «О порядке обложения

налогами служителей религиозных культов», «О самообложении», кто платит налог по ст. ст. 19 и 5.)

На это я Луке ответил: «Когда Милославов обратился ко мне от вашего имени разъяснить, имеют ли право с членов церковного совета брать самообложения в сельских церквях, как со служителей культа, а также почему с них берут подоходный налог по ст. 19, я Милославу разъяснил и в подтверждение этого зачитал ему выдержку из закона. Но вам иметь копии этих документов не обязательно, да и не нужно, что все вопросы, возникающие у вас, нужно ставить через меня, о чем я вас неоднократно предупреждал».

Лука на это заметил - «и вопросы внутрицерковные?» На это я ему ответил, нет, вопросы внутрицерковные - это ваше внутрицерковное дело, а те вопросы, которые вы ставите перед советскими государственными организациями, например, перед Исполкомом, Нарсудом, Прокуратурой и др. Лука в ответ сказал, что он не знал об этом, на это я ему заметил, не может быть, что еще в начале его приезда об этом я ему говорил.

Далее наша беседа перешла на более серьезную тему. Я ему заметил, что в Ялтинском соборе не выполняют указы Патриарха и Синода от 25/VIII и 16/XI-48 г. в отношении проповедей о том, что священники могут говорить проповеди в воскресенье и праздничные дни по толкованию и объяснению Евангелия и что проповеди должны носить чисто церковный характер. Но в Ялтинском соборе проповеди произносятся ежедневно, да еще по два раза, во время утренней службы и вечерней.

Кроме того, священником Руденко два раза в неделю, по воскресеньям и четвергам, после вечерней службы проводятся беседы на «душеспасительные темы», и эти беседы не являются ли преподаванием Закона Божия.

О днях и часах бесед на входных дверях собора вывешено объявление.

В притворе при входе в собор на обеих стенах висят большие плакаты с рисунками, художественно оформленными, на библейскую тему «О земной жизни Иисуса Христа, Сына Божия, Спасителя мира», под каждым рисунком имеется текст, составленный священником Руденко, по сути дела, это - наглядная религиозная пропаганда, затем при соборе для прислуживания священникам имеются пять мальчиков-школьников.

Лука на это мне ответил так: «Что проповеди произносятся ежедневно - это хорошо, так и должно быть, так как он и сам их говорит ежедневно, с указами Синода в отношении проповедей и преподавания Закона Божия он не согласен, о чем и писал Патриарху, что главным-то образом он и едет к Патриарху для беседы с ним по этим вопросам».

Если священник Руденко проводит вопросы на «душеспасительные» темы после службы - тоже неплохо, и эти беседы проводились испокон веков, он и сам, еще будучи священником в Ташкенте, такие беседы проводил, ничего в этом нет плохого, в отношении мальчиков сказал: да, это много и не нужно.

Далее Лука рассказал о своих проповедях, что его проповеди записываются.

В Тамбове запись вела стенографистка, и тамбовских проповедей у него большой том, более 200 проповедей, отпечатанных на машинке; здешних, крымских, у него два тома, записываются одной старушкой, хотя она и не стенографистка, но делает записи не хуже стенографисток, хотя ему приходится их потом исправлять, что он в своих проповедях иногда выступает против материализма. И далее сказал следующее:

«...хотя это вам, коммунистам, и не нравится, но ничего поделать нельзя, вы, коммунисты, веде-

те антирелигиозную пропаганду, а я - религиозную. Выступал против материализма в своих проповедях и буду выступать, говорю проповеди строго по Евангелию, а в Евангелии есть места против ма-териализма. Многие проповедники в своих проповедях об этих острых местах умалчивают и их обходят, но я этого никогда не делал и делать не буду, я знаю, что за моими проповедями следят, и очень аккуратно, из МГБ, и там в моих проповедях ничего не находят предосудительного. Но если они коммунистам не по душе, то тут ничего не поделаешь».

В заключение всего этого Лука сказал: «... не пора ли мне, Яков Иванович, уезжать из Крыма, здесь я многим, как видно, не нравлюсь, мешаю, надоел, и они рады были бы от меня избавиться», и тут же, смеясь, заметил: «...если перейду и в другое место, получится то же самое, буду так же мешать, мною будут недовольны, что такое положение со мной бывает везде, где бы ни находился».

И в заключение всего этого Лука сказал: «... хотелось бы прожить свой последний жизненный путь здесь, в Крыму, но ходят упорные слухи, что как будто бы предполагают перевести его в Одессу, но это только слухи, буду в Москве у Патриарха и там узнаю, слухи это или действительность».

На этом наша с ним беседа и окончилась. Прощаясь, пожелал ему выздоровления. Лука поблагодарил и сказал:

«...по приезду из Москвы беседу с вами продолжу и расскажу, как будут разрешены там поставленные мною вопросы».

Предложил мне машину, я вежливо отказался. [...]

Сам архиепископ Лука церковную жизнь по области характеризует следующим образом¹⁵:

«... В городах церковная жизнь довольно быстро развивается и углубляется, особенно в Симферополе, где собор не вмещает молящихся, и много далеких от церкви людей обращается к Богу. [По сравнению с 1947 годом общая валовая доходность кафедрального собора возросла на 4,8%.] Но в сельских мест-ностях церковная жизнь едва теплится, и церкви почти пустуют. Основной причиной этого печального явления надо считать обязанность крестьян работать в воскресные и праздничные дни, но велики и успехи антирелигиозной пропаганды. Кроме того, низок средний уровень духовенства в отношении образованности, общей и богословской, и слабость и бледность их проповедей. [В соответствии с весь-ма малой посещаемостью церквей их доходы и средства к жизни духовенства крайне низки, и Крымская епархия, по-видимому, одна из самых бедных.] Огромный ущерб понесла Крымская Церковь вследствие выселения [из Крыма] греков и болгар, которые составляли главный контингент верующих и с большой заботой и любовью относились к Церкви [и храмам] . Их сменили переселенцы из центральных областей России [чувствующие себя в Крыму временными поселенцами и] , в большинстве индифферентные к религии». (Из годового отчета за 1948 год архиепископа Луки - Патриарху). [...]

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области **Я. Жданов**

ИЗ ИНФОРМАЦИОННОГО ДОКЛАДА УПОЛНОМОЧЕННОГО

ЗА 3-й КВАРТАЛ 1949 года

1 октября 1949 г.

[...] В отчетном квартале встреча с архиепископом Лукой состоялась одна - 23 сентября с/г.

Первым вопросом при беседе Лука поставил о Ялтинском соборе, что там остался только один священник Руденко, молодой, малоопытный, который должен находиться под руководством опытного священнослужителя, с этой целью он направил настоятелем Ялтинского собора протоиерея Коняхина, прибывшего из гор. Краснодара, но почему-то его органы милиции не прописали в Ялте.

Теперь он намерен пригласить на должность настоятеля Ялтинского собора из Одессы протоиерея Субботина, но он не уверен, что милиция его пропишет, так как протоиерей Субботин родился в Варшаве (Польша) и до 1945 г. жил и служил в Варшаве, после ее освобождения советскими войсками перешел в Советский Союз и с 1945 г. живет в гор. Одессе.

Поэтому он просил меня, как только прибудет Субботин, чтобы я его зарегистрировал настоятелем Ялтинского собора и выдал справку о регистрации, независимо от того, будет ли он прописан органами милиции или нет.

На это я Луке дал такое разъяснение: если протоиерей Субботин будет прописан по месту жительства в гор. Ялте органами милиции, с моей стороны к его регистрации настоятелем Ялтинского собора никаких возражений не будет, но до тех пор, пока он не будет прописан, зарегистрировать его не могу.

Далее беседа перешла на тему о молитвенных домах, по которым решением Облисполкома расторгнуты договора.

Лука мне заявил, что он писал в Облисполком (во время моего отпуска), чтобы в селе Желябовка Нижнегорского района молитвенный дом не закрывали, а если уже этого сделать нельзя, то он предлагал вместо Желябовки закрыть молитвенный дом в Ново-Ивановке, тоже Нижнегорского района, но в этом ему отказали.

Отсюда Лука делает вывод, что это не что иное, как началось гонение на церковь и духовенство, закрытие церквей под тем или другим предлогом, аресты священников за те же преступления, за которые они уже отбыли наказание по 10 лет - Лобов, Дубровин.

На мое разъяснение ему, что никто церквей не закрывает, а если решением Облисполкома по трем молитвенным домам расторгнуты договора, то они фактически не действовали за отсутствием священников больше года, а такое положение не может продолжаться бесконечно.

Вина самого епархиального управления, что продолжительное время не обеспечивало эти молитвенные дома священниками.

Священников за то только, что они священники, не арестовывают, а если арестован Дубровин и др., то, видимо, на это были основания, и об этом знают органы, которые арестовали.

Все это архиепископа Луку не убедило, он остался при том мнении, что началось гонение на церковь и духовенство.

Затем зашел разговор о приписных церквях, я ему объяснил, что у нас в Крыму приписных церквей быть не может, так как они все являются приходскими, но допускается, что в тех приходах, в которых нет священников, временное их обслуживание священниками ближайших церквей - не свыше 3-х месяцев.

Лука и здесь усмотрел гонение на церковь и говорит, поскольку священников не хватает, старые кадры выбывают, новые готовятся слабо, а т.к. церкви, не действующие за отсутствием священников свыше 6-ти месяцев, должны закрываться, поэтому количество церквей все будет уменьшаться, и привел такой пример: «При епископе Иоасафе в Крыму было более 60 церквей, когда я прибыл в Крым,

принял 58 церквей, а сейчас осталась 51, а через пару лет, видимо, останется 40, или еще меньше, и далее Лука сказал - так вы, коммунисты, и ведете к тому, чтобы церкви и религиозность среди населения свести на нет, а новых церквей не разрешаете открывать, хотя население их желает иметь», привел пример с Балаклавой.

В заключение беседы Лука сказал:

«Когда я был у Патриарха и беседовал с ним на эту тему, последний мне говорил, что такое положение повсюду, количество церквей все уменьшается, а новых открывать не разрешают» - и далее заметил: «Поэтому вас, коммунистов, и ругают везде за границы, что в СССР гонение и преследование церкви, что так оно и получается, церкви закрывают, священники арестовываются и высылаются, - привел пример с себя, что я 11 лет пробыл в тюрьмах, в ссылках, и никакого мне обвинения не предъявлялось».

Мои замечания и разъяснения о неправильном его суждении убедить его не могли. [...]

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области **Я. Жданов**

1 9 5 0

**ИЗ ОТЧЕТНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ДОКЛАДА
УПОЛНОМОЧЕННОГО ЗА 3-й КВАРТАЛ 1950 года**

3 октября 1950 г.

[...] В информационном докладе за четвертый квартал 1949 года и за 1-й квартал 1950 года мною сообщалось о поданном заявлении священни-

ком Введенской церкви гор. Керчи Горбаневым Петром, рождения 1918 года, о снятии его с регистрации духовенства, так как он убедился в пошлости, лицемерии, жадности, зависти и гнусных сделках духовной касты, что он решил порвать навсегда всякие связи с духовным миром, что с данным заявлением был ознакомлен архиепископ Лука, а последним Горбанев был лишен священнического сана, которое якобы было подтверждено и Патриархом.

В конце июня с/г Горбанев Петр обратился ко мне с заявлением, в котором сообщает, что поданное ранее им заявление с приложением автобиографии¹⁶ об исключении его из состава духовенства и т.д. было ошибкой и сделано им по малодушию и незнанию церковных правил, что об этом он глубоко раскаивается и написанные им в заявлении резкие слова по отношению духовенства берет обратно, что когда он писал заявление, не думал, что в связи с этим для него последствия будут очень плохими (лишение сана), он хотел быть только за штатом, но при сани. Поэтому он все написанное берет обратно и просит уполномоченного внести его в списки зарегистрированного духовенства.

Горбаневу рекомендовано по всем поставленным им вопросам обратиться к архиепископу, и разъяснено, что уполномоченный регистрирует священников только действующих церквей. [...]

Состояние и деятельность церквей по области характеризуется постепенным снижением религиозности, как в отношении посещаемости церквей, так и по выполнению религиозных обрядов и треб, что отмечает и само духовенство, примером может являться посещаемость церквей в Пасху, так, в 1950 году по отношению 1949 года имело место уменьшение в среднем по области на 29,5%, из них по городским на 29%, по сельским - на 30,8%. Такое же явление было и в отношении выполнения треб и обрядов.

Попытки активизировать церковную деятельность со стороны архиепископа Луки проявляются таким путем, обязывает всех священников произносить проповеди на церковную тему во время каждого богослужения. Затем обязывает совершать церковные службы ежедневно не только в городских, но и в сельских церквях, хотя бы там никого не было, такое явление приходилось наблюдать в ряде церквей, как-то: в селе Пионерское Симферопольского р-на, в селе Орловка Раздольненского р-на, когда священник совершал службу совершенно пустому залу.

Ряд церквей по области давно бы прекратили свою деятельность, если бы архиепископ Лука их не поддерживал материально за счет епархиальных средств, как-то: по ремонту, по содержанию священников и т.д., таких церквей до десятка в селах Емельяновка и Митрофановка Нижнегорского р-на, в селе Орловка Раздольненского р-на, в селе Найденовка Октябрьского р-на, в селе Шубино Кировского р-на и в ряде других, где посещаемость церквей верующими очень незначительная и постепенно все уменьшается.

Настоятель Николаевской церкви в селе Орловка Раздольненского р-на Шохин Федор, в данное время перемещен в Ялтинский собор, так характеризовал состояние церкви в селе Орловка: «Народ ее не посещает, доходов в церкви нет, службы проводятся 2 раза в неделю, в субботу и в воскресенье, в воскресенье бывает 4-5 старушек, а в субботу, как правило, в церкви никого, по большим церковным праздникам, как Преображение и др., бывает 25-30 человек, церковному причту, священнику и псаломщику этой церкви жить не на что, доходы очень мизерные, он лично имел не более 150 руб. в месяц, поэтому архиепископ Лука выдавал ему ежемесячно из сумм епархии 300 руб.» Такое поло-

жение и с рядом других сельских церквей, но архиепископ Лука не желает с ними расставаться и принимает всякие меры к тому, чтобы они действовали.

Деятельность епархиального управления в отчетном квартале ничем особым не выделялась, сам архиепископ Лука все лето, с июня по конец сентября, жил в городе Алушта, поэтому никаких совещаний им не проводилось, поездок его по епархии также было мало, только в Ялту и Феодосию, в церковные престольные праздники, но в Алуштинской церкви, хотя он мало совершал служб, проповеди же на церковные темы говорил во время каждого богослужения.

В отчетном квартале 31 августа с/г архиепископом Лукой было направлено всем священникам и диаконам епархии письмо, так называемое «Братское увещание о братолюбии» следующего содержания:

«Знал я добрых и благочестивых священников, всячески избегавших близкого общения с другими священниками; знаю многих, отказывающихся от службы в многоклировых приходах; знаю протоиерея, с которым почти все отказываются служить. Распри и ссоры между духовенством, выживание друг друга - тяжелая язва церкви нашей.

Пишут мне верующие из Керчи: «Опротивели нам распри в духовенстве, нам нужно благочестие и моление в храме, а не выслушивание поношений священников друг другом». С болью в сердце должен я последовать завету св. Апостола Павла: «Согрешающих обличай пред всеми, чтобы и прочие страх имели», и назвать имя протоиерея Виктора Куцепалова, всеми силами выживавшего вторых священников и доведшего до отчаяния несчастного молодого священника Петра Горбанева. Он его довел до того, что тот в заявлении уполномоченному

Совета по делам Русской Православной Церкви просил вычеркнуть его из списка духовенства и за это лишился священного сана. Впрочем, не один протоиерей Куцепалов виновен в этом».

После приведения ряда выписок из богословских книг «О братолюбии» Лука пишет о снижении религиозности следующее:

«Многие отошли от церкви в наше тяжелое время и раньше того, многие ушли в секты; и немало виновны в этом те священники, о которых мне пишут: «Опротивели нам распри в духовенстве. Нам нужны благочестие и молитва в храме, а не выслушивание поношений священников друг другом». Лука спрашивает, что лежит в основе тяжкого греха «небратолюбия» и раздоров между священниками и диаконами, и отвечает:

«Прежде всего их неблагочестие, отсутствие страха Божия, леность в молитве и в чтении слова Божия. Ибо братолюбие и любовь приобретаются больше всего неустанным и всеусердным подвигом в молитве и посте; усердным и уставным совершением богослужений. Вторая и столь же важная причина небратолюбия - это сребролюбие, которое св. Павел глубоко мудро назвал корнем всех зол. Именно из-за доходов церковных враждуют священники и диаконы и выживают друг друга».

Далее Лука призывает духовенство к смирению, кротости и усердию во всех делах пасторских и оставить раздоры между собою. [...]

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области **Я. Жданов**

1951

ИЗ ОТЧЕТНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ДОКЛАДА
УПОЛНОМОЧЕННОГО ЗА 4-й КВАРТАЛ 1950 года
6 января 1951 г.

[...] 10 октября 1950 г. при отношении № 1589 из Совета по делам Русской Православной Церкви поступила копия рапорта (жалобы) архиепископа Луки на имя Патриарха такого содержания:

«В Симферопольской епархии продолжается ликвидация сельских церквей. После выселения церкви из занимаемого ею помещения в районном селе Советском на очередь стала церковь в селе Найденовка. Иеромонаху Клименту, 5 лет священствовавшему в этом селе, предложено немедленно освободить дом, в котором жил он 5 лет. О своих прихожанах он отзывается как о весьма верующих людях, но напуганных до такой степени, что никто не решается даже ему предоставить квартиру, и в церковь почти никто не смеет или не имеет возможности ходить, так как все воскресные и праздничные дни заняты работами. Церковь в Найденовке придется закрыть.

Почти такое же положение в селе Орловка, где тоже невозможно будет сохранить церковь. Вопиющее положение в селе Магазинка. После ликвидации церкви в соседнем селе Войнка в 1944 г., под церковь отдали полуразрушенную хату в селе Магазинка. На средства и трудами верующих из развалин был сделан хорошо оборудованный молитвенный дом. Настоятель этой церкви протоиерей Стефан Ковшик развил там столь активную пастырскую деятельность, что теперь в его приходе не осталось ни одного некрещеного. И вот ему предъявляют требование освободить занимаемое церковью помещение на том основании, что оно принадлежит колхозу,

и, сверх того, требование оплатить колхозу арендную плату и страховую за 1944-1950 гг.

Между тем церковный совет ежегодно (с 1944 г.) уплачивает в Райфо арендную и страховую плату. Это не принимается в расчет, и требуют вторичной уплаты колхозу.

В связи с закрытием все новых и новых церквей встает трудный вопрос о том, куда девать церковное имущество, иконостасы, иконы и прочее и т.д.».

Советом по делам Русской Православной Церкви предлагалось обстоятельно проверить факты, указанные в рапорте архиепископа Луки, и о результатах информировать Совет, что в данном докладе мною и делается.

В результате тщательной и обстоятельной проверки ни один факт в изложении архиепископа Луки не подтверждается, и весь его рапорт является не чем иным, как клеветой на местные советские органы¹⁷. [...]

Деятельность епархиального управления в отчетном квартале ничем особым не выделялась. Никаких совещаний архиепископом Лукой не проводилось .

В течение квартала он выезжал в три прихода.

1) Николаевский собор гор. Евпатории по приглашению причта.

2) В Николаевскую церковь гор. Белогорска в ее престольный праздник.

3) В гор. Керчь для разбора дела бывшего священника Горбанева Петра, лишенного сана, который стал распускать слухи среди верующих гор. Керчи, что никакого заявления он уполномоченному не писал об отказе от священнического сана, о разрыве с духовной средой и т.д., что это выдуманно архиепископом Лукой с уполномоченным.

В связи с чем пошли всякого рода слухи и разговоры среди верующих, как говорит Лука, поднялось

целое волнение, стали поступать к нему письма бранного содержания и с требованием вернуть сан священнику Горбаневу. Тогда архиепископ решил выехать сам в гор. Керчь, как говорит, для успокоения верующих, взяв у меня подлинник заявления и автобиографии Горбанева, чем и доказал верующим действительную подачу заявления Горбаневым о разрыве с духовной средой и т.д. и, по его выражению, внес успокоение. [...]

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области **Я. Жданов**

**ИЗ ОТЧЕТНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ДОКЛАДА
УПОЛНОМОЧЕННОГО ЗА 1-й КВАРТАЛ 1951 года**

3 апреля 1951 г.

[...] 4) 2 января 1951 г. архиепископ Лука передал мне жалобу гр-ки Киселевой Елены Сергеевны, прихожанки Евпаторийского собора, о преследовании школьной учительницей ее дочери за религиозность.

В результате проверки данной жалобы на месте было установлено: называемая Киселевой Еленой ее духовная дочь (племянница) Нина, 8 лет, учится во 2 классе 3-й женской средней школы гор. Евпатория, никакого преследования ее за религиозность со стороны преподавателей школы не было и нет.

Дело было таким образом: еще в прошлом году, когда девочка училась в первом классе, она приходила в школу, имея на шее крестик, с нею беседовала учительница Белявская, чтобы она его сняла или спрятала, кроме того, девочка делала часто прогулы в так называемые церковные праздники. Учительница Белявская была у нее на дому

и беседовала с Киселевой и ее сестрой Винюковой (воспитательницей детского сада), у которых живет эта девочка, чтобы они не мешали школе воспитывать ее и не забивали ей голову церковными молитвами и т.д.

Архиепископу Луке через его секретаря было сообщено, что проверкой никакого преследования девочки за религиозность со стороны учительницы места не имело.

5) В первых числах января 1951 г. от архиепископа Луки на мое имя, в копии председателю Облисполкома, поступила жалоба хористки Евпаторийского собора Хитровой Марии, в которой последняя писала, что ее сын, Хитров Кирилл, 23 лет, работал в Евпаторийском горпищекомбинате подмастером конфетного цеха. В результате преследования его за религиозность, насмешек, оскорблений и т.п. со стороны директора Горпищекомбината Кашлова ее сын заболел сильным нервным расстройством, был отправлен в психиатрическую лечебницу гор. Симферополя и был помещен в буйное отделение, а там был так избит, что потребовалась операция, была удалена селезенка и зашита печень.

В результате проверки изложенных фактов на месте мною было установлено, что никакого преследования за религиозность со стороны директора Горпищекомбината тов. Кашлова по отношению Хитрова Кирилла не было. При беседе с его матерью, Хитровой Марией, которая изложенные ею в жалобе факты гонения ничем подтвердить не могла.

В отношении избиения Хитрова Кирилла в психиатрической больнице, в которую он поступил как страдающий душевным заболеванием в форме шизофрении, факты подтвердились, т.к. один из больных, раздраженный состоянием Хитрова, набросился на него и нанес ему удар в живот. Вследствие полученной травмы Хитров был оперирован.

В связи с этим Облздравотделом в больнице проведены мероприятия по улучшению надзора за психбольными.

На виновных наложено административное взыскание .

Архиепископ Лука через его секретаря с результатами проверки жалобы и принятых мерах ознакомлен. [...]

Архиепископ Лука в отчетном квартале посетил меня один раз при следующих обстоятельствах.

В докладе за 4-й квартал 1950 г. мною сообщалось, что во время телефонного разговора с ним 27 декабря 1950 г. по вопросу его письма Патриарху¹⁸ он сказал, что посетит после Нового года, что и сделал 2 января 1951 года.

В начале беседы Лука рассказал, что к нему поступают жалобы со стороны верующих гор. Евпатории о преследовании их администрацией учреждений или предприятий за посещаемость церкви, а в школах учительницами - детей, носящих кресты, и передал мне одну такую жалобу гр. Киселевой. О результатах проверки этой жалобы мною сообщается выше.

Других фактов, кроме жалобы Киселевой, он привести не мог, но что он якобы поручил церковному старосте Евпаторийского собора такие собрать.

До сих пор от него никаких фактов какого-либо преследования за религиозность, как он говорил, не поступило.

Будучи в Евпатории, на эту тему беседовал с церковным старостой собора Мальцевым, последний сказал, что некоторые верующие, посещающие собор, говорили о каком-то их преследовании администрацией по месту работы за посещение собора, но когда он предлагал им обо всем этом написать архиепископу, писать отказывались, он также не мог привести какого-либо случая преследования верующих за посещаемость церкви.

Далее Лука спросил, в каком положении находится дело с помещением молитвенного дома в дер. Магазинка Красноперекопского р-на. Может ли он туда направить священника вместо переведенного в другой приход в сентябре м-це священника Ковшика Стефана.

Мною ему было разъяснено, что помещение никем не занято, молитвенный дом с учета не снят, община не распущена, дело его, направлять туда священника или нет.

Затем спросил, было ли получено мною его письмо, в копии председателю Облисполкома, с приложением жалобы хористки Евпаторийского собора Хитровой Марии о том, что ее сын в результате преследования за религиозность на производстве, где работал, сошел с ума. Был помещен в психиатрическую больницу в Симферополе, как буйно помешанный, а в больнице его покалечили, где один больной, также буйно помешанный, повалил его на пол и встал на живот, в результате чего у него была оторвана селезенка и почки, просил это расследовать .

Такого его письма и жалобы я не получал, о чем и сказал Луке.

Примерно через час после его ухода из его канцелярии это письмо с жалобой Хитровой было мне доставлено.

Результаты проверки и принятых мер по этой жалобе мною изложены выше.

После чего перед ним мною был поставлен ряд вопросов, например:

1) О неразрешении детям до 14-летнего возраста прислуживать в церкви, а с 14 до 18 лет - только с согласия родителей. На это Лука ответил, что ему его секретарь Милославов об этом докладывал, и он все это провел в жизнь. Даже сам остался без мальчиков, и его теперь во время архиерейских

служб обслуживают два старика, монашка и сторож собора.

2) Крещение детей должно быть только с согласия родителей, если такого согласия не будет и священник совершит крещение, родители могут его привлечь к судебной ответственности.

Лука спросил меня, какое должно быть согласие, устное или письменное. На мой ответ, что согласие может быть и устное, и письменное, Лука сказал, что это, по сути дела, запрещение, так как многие родители письменного согласия не дадут, а от устного, в случае чего, могут отказаться, и заявил, что он с таким моим указанием не согласен, запросит Патриарха.

3) За деятельность прихода отвечает только 20-ка, т.е. лица, подписавшие договор, а поэтому никаких общих собраний прихожан той или другой церкви не должно быть ни по каким вопросам, ни по выборам исполнительных органов, которые избираются только из лиц, подписавших договор, ни по каким-либо др.

На это Лука заметил, будет лучше, тогда не будет таких явлений, как было в Керчи после того как он лишил сана Горбанева Петра, где прихожане устроили форменный бунт, когда его улаживать пришлось выезжать ему самому. Или как в Евпатории, когда там был священником Ливанов, назначенного им настоятелем собора Кудрявцева Ивана прихожане не пустили в храм.

4) Хождение священнослужителей по домам, особенно на селе, из хаты в хату, не должно быть и не допускается. Что посещение верующих на дому для совершения той или другой требы может быть только по их приглашению в каждом отдельном случае индивидуально, особенно не должно быть группового крещения детей, когда священник приходит в село специально для крещения детей, останавливает-

ся в одной из хат, куда к нему сводят или сносят детей, и он крестит, что для этого есть храм, где и должно все это совершаться.

Привел ему пример со священником Розановым Николаем в гор. Судак, который продолжает ходить по селам р-на для совершения треб и обрядов.

Так, в декабре 1950 года он в одном из сел р-на окрестил сразу 17 детей, в том числе и ребенка члена партии. Луке я заметил, что уже не раз обращал внимание его и священников о недопущении массовых крещений детей на дому; Розанова следовало бы за это снять с регистрации.

Архиепископ Лука мне заявил, что с этим не согласен: «Священник в своем приходе должен посещать села, особенно отдаленные, и там крестить детей, иначе получается запрет крещений. Не все колхозники могут доставить в церковь своих детей для крещений, собственного транспорта они не имеют, а колхозы для таких целей [транспорт] не дают. Это был должен делать и священник Розанов, так как у него приходом является весь район».

На это я ему ответил: «Церковь установленных границ прихода не имеет. Приход каждой церкви составляется из верующих, ее посещающих, поэтому никаких границ прихода у Судакской церкви нет».

Лука ответил, что он с этим не согласен и запросит разъяснений Патриарха.

5) Затем архиепископа Луку я спросил, известно ли ему о имевшемся случае так называемого «обновления» иконы в гор. Ялта (о котором мною доложено Совету специальным донесением и в докладе за 4-й квартал 1950 г.) .

Лука ответил, что ничего об этом не знал. Но из дальнейшей беседы можно было понять, что ему об этом было известно. Сам он верит в «обновления», привел случай, когда-то, якобы, имевшемся обновлении в Киеве на одном из храмов наружных

икон, кроме одной, и сказал, что он убежден в том, что обновления бывают.

В заключение беседы архиепископ Лука заявил, что у него в епархии ряд сельских церквей очень бедны, которые он вынужден освободить от налога на епархию, и выдает дотации на содержание священников. Привел пример с церковью в сел. Чистенькая Симферопольского р-на, где священник Гр-анный за неделю заработал только 2 руб. 50 коп., последний требует перевода в другой приход, поэтому он вынужден был эту церковь освободить от налога на епархию и выдавать дотацию на содержание священника.

Несмотря на то, что сам Лука признает бедность ряда приходских церквей, которые он вынужден освобождать от налога на содержание епархии, и за счет епархии содержать священников этих церквей, все же не хочет допустить их самоликвидации или закрытия, надеясь на какие-то лучшие времена. [...]

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области **Я. Жданов**

**ВНЕОЧЕРЕДНОЕ ДОНЕСЕНИЕ УПОЛНОМОЧЕННОГО
О СЛУЧАЕ ОБНОВЛЕНИЯ ИКОНЫ**

14 июня 1951 г.

Гр-ка Коневец Ольга, рождения 1892 г., нигде не работает, проживает в гор. Симферополе по ул. Безбожной, 20, спекулянтка, ее дочь в 1944 году, после освобождения Крыма от оккупантов, была осуждена и выслана, 20 мая с/г распустила слух, что у нее «обновилась» икона. В результате чего к ней на квартиру пошли верующие и неверующие посмотреть на эту икону, в общем, вокруг нее поднялся шум.

21 мая с/г об этом стало известно органам милиции, откуда в тот же день по телефону было предложено секретарю архиепископа, он же настоятель кафедрального собора, протоиерею Милославову, чтобы не было шума вокруг этой иконы, немедленно забрать ее с квартиры гр-ки Коневец в церковь.

Милославов доложил архиепископу Луке, последний предложил второму священнику кафедрального собора, так называемому ключарю, Еремееву Николаю, икону с квартиры гр-ки Коневец привезти в собор.

Когда Еремеев брал с квартиры икону, там была толпа примерно до 100 человек. Еремеев взятой им в руки иконой благословил эту толпу и призывал ее приходить в собор на поклонение «обновившейся» иконе.

По доставлении иконы в собор последняя вначале была помещена в алтаре, и если бы она там и находилась, на этом бы весь шум с ее обновлением и закончился, но через два дня архиепископ Лука вторично посылает священника Еремеева на квартиру гр-ки Коневец расследовать, как проходило «обновление» иконы, и донести ему рапортом.

Еремеев после беседы с гр-кой Коневец и рядом других старух в своем рапорте архиепископу Луке сообщил:

Икона «действительно обновилась», в подтверждение чего сослался на то, что якобы на квартиру гр-ки Коневец приходили представители городского совета с художниками, которые подтвердили, что никакой подделки нет, то есть вмешательства человеческих рук не было.

После этого архиепископ Лука дал распоряжение «подремонтировать» икону, положить ее на аналой под стекло и вынести из алтаря на середину храма (собора) для всеобщего поклонения и обзора.

Священники собора Милославов, Еремеев и Дунаев это распоряжение архиепископа Луки выполнили немедленно, в тот же день икону вынесли на середину храма, около нее поставили большой подсвечник и блюдо для сбора пожертвований и поставили гр-ку Коневец давать объяснения, как происходило «обновление»

Началось паломничество к иконе. 25 мая архиепископ Лука распорядился, чтобы весь причт собора, 3 священника и 2 диакона, облачились в праздничные одежды и совершили молебен, а он сам произнесет проповедь, и чтобы об этом было ши-роко оповещено верующее население города. В тот же день, 25 мая, молебен около этой иконы в торжественной обстановке был совершен. И сам архиепископ Лука произнес проповедь, рассказал о име-ющихся якобы случаях «обновления» икон когда-то в Киеве, Одессе, Севастополе, Ленинграде и т.д., и совершавшихся якобы чудесах в результате «обновления» икон. И о данном случае «обновления» в Симферополе.

Лука сказал, что икона действительно «обновилась», в подтверждение чего сослался на каких-то представителей горсовета и художников, которые, якобы, подтвердили, что никакого вмешательства человеческих рук не было, тогда как там никаких представителей горсовета и художников не было и никто их не посылал.

После совершенного молебна всем причтом собора и проповеди самого архиепископа Луки паломничество к иконе в собор и приток пожертвований еще более усилились.

Затем архиепископ Лука, видимо, поняв, что с «обновлением» иконы и со своей проповедью, в которой ссылался на представителей горсовета, допустил что-то неладное, поэтому 28 мая издает указ о назначении комиссии из 4-х священников

и 2-х мирян, которой поручает расследовать случай с «обновлением» иконы и дать ему свое заключение .

Но с тем, чтобы в этой комиссии присутствовал и представитель государственных органов, архиепископ Лука поручил своему секретарю, настоятелю собора Милославу, пойти к уполномоченному, а если его нет, обратиться к председателю Облисполкома с просьбой, чтобы последний выделил представителя Облисполкома для участия в созданной им комиссии для расследования - иначе говоря, для подтверждения «обновления иконы».

Но так как уполномоченный в это время лежал в больнице, а председателя Облисполкома не было, Милославов с этим поручением архиепископа обратился к первому заместителю председателя к тов. Лялину, тов. Лялин обещал Милославу прислать представителя Облисполкома. После чего он поручил главному госарбитру тов. Нордэн пойти туда, но участия в комиссии не принимать, а послушать, что там будут говорить.

Тов. Нордэн, получив точное указание тов. Лялина, пришел ко мне в больницу за советом, следует ли ему пойти в комиссию, созданную архиепископом, или нет, если пойти, то каково должно быть его участие в этой комиссии.

Мною было тов. Нордэну разъяснено, что никакого участия представителей государственных организаций в комиссиях, создаваемых церковниками, не должно быть, и ему в этой комиссии делать нечего и идти туда не следует, это их дело частное, внутрицерковное. Что архиепископ Лука, прося представителя Облисполкома для участия в комиссии, видимо, хочет этим узаконить совершенное ими шарлатанство с «обновлением» иконы.

Затем, после соответствующей консультации, было рекомендовано тов. Нордэн все же пойти в

епархиальное управление не в комиссию, а лично к самому архиепископу Луке, напомнить последнему о законе об отделении церкви от государства, и что представители государственных органов ни в каких комиссиях, создаваемых ими, участвовать не могут, это дело их частное, внутрицерковное.

Тов. Нордэн в тот же день, 28/V, посетил архиепископа Луку, при его беседе с последним присутствовали священники Милославов и Крашановский.

Во время беседы тов. Нордэн заметил архиепископу Луке, что ему, наверное, хорошо известен закон об отделении церкви от государства и школы от церкви, а поэтому представители государственных органов ни в каких церковных комиссиях не участвуют, это Ваше частное дело.

Созданная архиепископом Лукой комиссия в составе:

1) Настоятеля кафедрального собора протоиерея Милославова.

2) Настоятеля Благовещенской церкви протоиерея Голубятникова.

3) Настоятеля Севастопольского собора протоиерея Крашановского.

4) Настоятеля Алуштинской церкви протоиерея Клягина и одного мирянина в тот же день, 28/V, выходила на место, на квартиру гр-ки Коневец, для расследования, было ли «обновление» иконы или нет. Комиссия опросила Коневец и ряд др. старух.

Гр-ка Коневец там же этой церковной комиссии заявила, что перед Пасхой она икону мыла и чистила.

Мнение комиссии, было ли «обновление» иконы, распалось. Два священника, Милославов и Клягин, настаивали на том, что «обновление» иконы было, два священника, Крашановский и Голубятников, настаивали на том, что никакого «обновления» не

было, к их мнению присоединился и член комиссии из мирян.

На этом основании 29 мая архиепископ Лука дал распоряжение икону с аналая снять и повесить на стене в числе всех общих икон, но поручил священнику Еремееву за нею наблюдать, не будет ли она и дальше обновляться.

Икона была повешена на стене, но выделена особо, так как на полу против нее был положен коврик и поставлен большой подсвечник, а настоятель собора Милославов распорядился около иконы поставить большой поднос (блюдо) для сбора пожертвований. А священник Еремеев организовал группу старух, которые бы стояли около иконы, наблюдали за ней и давали разъяснения подходящим к иконе. Паломничество к иконе продолжалось.

30 мая архиепископ Лука в соборе выступил с проповедью, в которой заявил, что он на основании результатов расследования комиссии «обновление» иконы не признает, и тут же заявил молящимся: а вы как хотите, хотите - верьте, хотите - не верьте.

Несмотря на то, что архиепископ Лука заявил в проповеди, что он «обновление» иконы не признает, священники собора Милославов, Еремеев, Дунаев всяческими способами продолжали распространять по городу слухи, что икона «обновилась» и т.д., а поэтому паломничество к ней продолжалось до последнего времени. Об этом мне стало известно в больнице 7 июня, тогда я 8 июня по телефону связался с секретарем архиепископа, он же настоятель собора, протоиереем Милославовым, предложил ему, как настоятелю собора, немедленно икону снять со стены и убрать в такое место, чтобы ее не видели, предупредил Милославова, что если он этого не сделает, то будет мною снят с регистрации.

Затем мне стало известно, что об этом моем указании Милославов доложил архиепископу Луке,

который запретил ему выполнять мое указание и икону с видного места на стене не снимать. Икона была снята со стены и перенесена в алтарь только 9 июня.

Гр-ке Коневец вместо взятой у нее иконы из собора была выдана другая, и несмотря на то, что архиепископ Лука не признал «обновления», священник Еремеев 7 июня дал согласие гр-ке Коневец отслужить у нее на квартире молебен в 11 часов утра 8 июня. Коневец об этом объявила по ближайшим улицам, и к 11 часам утра 8/VI у нее на квартире собралось человек 25-30, но благодаря сложившимся обстоятельствам, не зависимым от священника Еремеева, молебен отслужен не был.

Многие верующие высказывают свое недовольство по отношению архиепископа Луки и священников собора, а также возмущаются, почему советские органы не привлекают их к ответственности за шарлатанство и обман с целью наживы.

Мои предложения:

1. Архиепископа Луку, как главного шарлатана в данном случае, окончательно скомпрометировавшего себя среди верующих и вызвавшего возмущение местных советских и партийных органов, удалить в какой-либо монастырь на покой с тем, чтобы он больше не распространял мистические суеверия в массах.

2. Священников кафедрального собора Милославова, Еремеева и Дунаева, несмотря на то, что архиепископ Лука, наконец, не признал «обновление» иконы, продолжавших до последнего времени распространять среди населения суеверные шарлатанские слухи об «обновлении» иконы в целях личного обогащения и наживы, с регистрации снять и сообщить следственным органам.

3. В отношении гр-ки Коневец следственные органы уже занимаются.

Причина моей несвоевременной информации Совету та, что когда началась вся эта шарлатанская история с «обновлением» иконы 20 мая, я находился в Москве, когда прилетел из Москвы 24 мая, сразу же попал в больницу с сильным приступом бронхиальной астмы, где находился по 10 июня. Прошу Ваших срочных указаний.

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области **Я. Жданов**

**ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ УПОЛНОМОЧЕННОГО
О СЛУЧАЕ ОБНОВЛЕНИЯ ИКОНЫ**

16 июня 1951 г.

В дополнение к моему внеочередному донесению № 12/С от 14 июня с/г о так называемом «обновлении» иконы сообщаю, что архиепископ Лука дал установку священникам кафедрального собора и церковнослужашим, всем, кто будет спрашивать, почему «обновленную» икону убрали с видного места в алтарь, объяснять, что это ими сделано по распоряжению властей, что сам он верит в «обновление», но с тем, чтобы не было больших неприятностей для них, распорядился икону убрать.

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области **Я. Жданов**

**ИЗ ОТЧЕТНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ДОКЛАДА
УПОЛНОМОЧЕННОГО ЗА 3-й КВАРТАЛ 1951 года**

4 октября 1951 г.

[...] Каких-либо совещаний и собраний архиепископом Лукой не проводилось, сам он все лето

жил в гор. Алушта, иногда по церковным праздникам выезжал в Симферополь для совершения своих архиерейских служений или произнесения проповедей в соборе.

Проповеди архиепископ Лука говорить любит и говорит их часто, но иногда он не ограничивается в них только церковными вопросами, но касается и других. Например: во время своей проповеди в воскресенье, 23 сентября с/г, в Алуштинской церкви на тему «Воздвижение Креста Господня» говорил всякую чушь об этом Кресте, затем об апостоле Павле. Что Павел оставил все мирское и следовал за Христом и Им только хвалился. Далее Лука сказал: «А чем мы сейчас хвалимся, своими достижениями в науке, в политике, экономике, полученными орденами, премиями, но все это ничто по отношению Христа, и разрешит ли Он нам, хотя бы спотыкаясь и падая, следовать за Ним» и т.п.

Об этой проповеди его поклонниками было широко оповещено по Алуште. К началу его проповеди в церкви было человек 150. К концу осталось не более 30, да и то больше старухи. Многие, уходя из церкви во время его проповеди, говорили: «Какую же он говорит чепуху, и в своем ли он уме, а еще профессор, лауреат Сталинской премии» и т.д.

Взаимоотношения с архиереем

Взаимоотношения уполномоченного с архиепископом Лукой в отчетном квартале были нормальными. Личных встреч с ним не было, а связь его со мною осуществлялась через его секретаря протоиерея Милославова и других священников. [...]

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области Я. Жданов

1956

ИЗ ОТЧЕТНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ДОКЛАДА
УПОЛНОМОЧЕННОГО ЗА 1-е ПОЛУГОДИЕ 1956 года

21 июля 1956 г.

[...] Встречи с архиепископом Лукой

За 6 месяцев 1956 года встреч с архиепископом Лукой было 4; 3 встречи в епархии и одна - в учреждении уполномоченного.

Первая встреча состоялась 6 февраля. Беседа началась о коммюнике Эйзенхауэра с Иденом («Правда» от 4/11 — 56 г.) .

Лука сказал, что, по его мнению, события развертываются с приближением к войне. Я сказал, что коммюнике, хотя и составлено с угрозой по адресу коммунистических держав, но в п. 6 Иден и Эйзенхауэр, как бы испугавшись, что они наговорили в 5 пунктах, заявили, что не намерены добиваться намеченных в их политической линии планов путем открытой войны, зная, что монополистами атомного оружия они не являются и симпатии народов к капиталистическим странам уменьшаются.

В беседе я сообщил Луке, что присутствовал на его проповеди о крещении Христа и что неплохим моментом в его проповеди было то место, где говорилось о величайшей неправде по отношению к 600-миллионному китайскому народу, который до сих пор не принят в Организацию Объединенных Наций, и о разбойничьем захвате Америкой острова Тайвань, издревле принадлежащем Китаю. Беззаконие творят итальянские помещики, расстреливая бедных крестьян за то, что они пашут, засевают неиспользованные непригодные земли помещиков, фабриканты и заводчики Америки заставляют работать рабочих за ничтожную плату.

Затем я сообщил Луке, что ко мне обращаются

с жалобами священники русские, украинцы и верующие на засилье священников, приехавших из западных областей. Они говорят, что богатые городские приходы предоставляются священникам-западникам, а местные священники снимаются с городских приходов и рассылаются по отдаленным бедным сельским приходам. На жалобы я никак не реагировал, т.к. расстановка духовенства является делом правящего архиепископа. «Ни советов, ни пожеланий я Вам не даю, а просто сообщаю о фактах», сказал я Луке.

Местные священники особенно жаловались на священника Карвовского, называя его поставщиком западных священников - своих родственников или близких знакомых.

Архиепископ Лука поблагодарил меня за сообщение и сказал, что о жалобах местных священников на засилье западников ему известно.

Большой приезд западников объясняется тем, что на Волыни очень много церквей в радиусе 2-3 километров. Доходы от таких церквей стали настолько ничтожны, что в последнее время приходы стали объединять по два в один, а иногда и больше.

Так оказалось большое количество лишних священников, которые переводились в заштат.

«У меня, - говорит Лука, - много есть заявлений от священников запада, и я их принимаю, так как они почти все имеют семинарское или высшее богословское образование, все они, как правило, хорошие проповедники, а наши русские священники малограмотные, есть и безграмотные. Такие священники не могут выступать с хорошей проповедью, поэтому епархия заинтересована в подборе более грамотных священников, и поэтому на днях был мною послан в Старый Крым священник-западник Люткевич. Он окончил семинарию с миссионерским уклоном, работал как миссионер, а в Старом Крыму бывший русский священник Паршинцев, малограмотный человек,

очень грубый. А в Старом Крыму развилось много сектантов, особенно баптистов, которые говорят, что Паршинцев сочувствует им и чуть ли сам не был участником секты.

Назначение Паршинцева вторым священником в гор. Саки под начало опытного и образованного священника Поветкина позволит Паршинцеву исправиться .

Карвовский считается одним из лучших священников в епархии.

Вопросы приглашения священников решаю я, причем не исключаю возможности по некоторым священникам рекомендации Карвовского. Ведь не так уж много в Крыму священников-западников. Даже в кафедральном соборе два священника с запада и два - русские».

Пришлось дать ему справку, что в Крыму 15 священников с запада, что составляет 27%.

Перед уходом я еще раз заявил архиепископу Луке, что его дело назначение священников по приходам, но что антагонизм среди священников существует .

Разговор перешел на работу архиепископа, которую он теперь выполняет: «Я теперь работаю над посланием к пастырям и верующим.

В послании будут отображены поездки наших церковных делегаций в Америку, Англию, Канаду и другие страны. В свою очередь, будут отражены поездки иностранных церковных делегаций по церквям Советского Союза.

Обмен церковными делегациями имеет большое значение не только для церкви, но и для государства, так как иностранные делегации с большой похвалой отзываются о поездках по Советскому Союзу. В послании также будет отражено, что повысился авторитет Русской Православной Церкви в глазах руководителей Советского государства. Во время

торжества 38 годовщины Советской власти в Кремле были приглашены руководители Православной Церкви, которые сидели вместе с Булганиным и Хрущевым».

В конце беседы Лука еще раз поблагодарил меня за сообщение и, пожелав ему здоровья, мы расстались .

9 мая посетил архиепископа Луку по вопросу нарушения закона о регистрации священников. [...]

15 /V-56 г. в 10 ч. 30 м. мне позвонил архиепископ Лука и просил принять его. Я сказал, что рад его буду встретить у себя. В 11 ч. 25 м. позвонил секретарь епархии Кудрявцев и сообщил, что Лука просит уполномоченного приехать к нему, так как приехать к уполномоченному Луке трудно.

В 12 час. я был у Луки. Поздравив его с теплым весенним днем, я сел за стол, за которым сидел и Лука. Взглянув на него, я увидел, что он чем-то сильно встревожен. Он стал извиняться, что ему не пришлось приехать ко мне по вине секретаря Кудрявцева, который обманул его, сообщив уполномоченному, чтобы он приехал к нему сам.

За отмену распоряжения Луки о поездке к уполномоченному он объявит Кудрявцеву выговор.

«Я хотел встретиться с Вами, - сказал архиепископ, - по вопросу посылки жалоб Патриарху группой верующих кафедрального собора гор. Симферополя». Лука спросил меня о том, знаю ли я, что жалоба подана Патриарху?

Я ответил, мне известно, что жалоба подана Пат-риарху и тов. Карпову, так как ко мне приходили 3-4 раза верующие с жалобой на действия священника Довбенко, выбросившего из алтаря иподиакона Федора Рябых со словами: «Ты холуй» и ударившего его дверью Царских врат по спине.

Пришедшим ко мне верующим я сказал, что происшедшее в церкви никакого отношения к уполномоченному не имеет, так как является чисто внутренним

делом церкви. Решать этот вопрос может только церковное начальство, поэтому вам нужно обратиться к архиепископу Луке.

Федор Рябых после этого заявил, что он 2 раза пытался попасть к Луке на прием, когда Лука был на даче в Алуште, но Лука его не принял, несмотря на то, что сам приглашал Рябых приехать.

В Симферополе Рябых вновь пытался встретиться с Лукой, но его не допустили священники и родственники, окружающие Луку.

Лука сказал мне, что первое время после происшествия он не принял Рябых потому, что в это время не было закончено следствие по делу Рябых, а после этого о приеме к нему никто не обращался: «Нам ничего не оставалось, как подать жалобу Патриарху, раз в это дело не хочет вмешиваться архиепископ», – говорили верующие.

После первого посещения верующие снова посетили меня и спросили, не имею ли я каких сведений из Москвы по своей линии о жалобе Патриарху?

Я ответил, что никаких сведений не имею и не могу иметь, так как жалоба, поданная на имя тов. Карпова, им также рассматриваться не будет ввиду ее чисто церковной сущности. Не получая ответа от Патриарха на жалобу, верующие решили повторить жалобу Патриарху. Так была направлена вторая жалоба.

В третий период верующие заявили, что ответа от Патриарха на жалобу нет и что они не знают, известно ли архиепископу об их жалобах, стали просить меня пойти с ними к архиепископу, считая, что со мной их допустят до архиепископа.

Я категорически отказался, заявив, что в это дело, чисто церковное, я вмешиваться не буду.

В последний раз верующие пришли ко мне в большом количестве; среди них был некто Демидов, который в грубом тоне стал требовать от меня

посещения архиепископа вместе с верующими и рассказать ему, что творится в соборе, так как, по его словам, священники, проводившие следствие по делу Рябых, до такой степени замазали это дело, что Рябых из потерпевшего превратился в обвиняемого, и архиепископ снизил ему зарплату с 700 руб. до 300 руб., оставив сторожем вместо иподиакона.

Мой отказ пойти к архиепископу с верующими возмутил их. Демидов заявил, что он будет жаловаться на безучастность уполномоченного в Областной комитет партии, будет жаловаться тов. Карпову и поедет специально в Москву с жалобой в ЦК Коммунистической партии Советского Союза на уполномоченного, который продался духовенству.

«Нам известно, — заявил Демидов, — что уполномоченный был в день рождения Луки у него на именинах». На угрозы о жалобах я сказал, что жаловаться они могут, куда захотят, но вмешиваться в этот чисто церковный конфликт я не буду.

После этого архиепископ спросил меня, известно ли мне о намерении верующих выступить в соборе с амвона о происшедшем. Я ответил, что мне об этом известно. Архиепископ спросил мою точку зрения на возможное выступление. Я ответил, что меня верующие также спрашивали об этом. Я сказал им, что никаких советов по таким вопросам не даю, так как этот вопрос уполномоченного не касается.

Архиепископ Лука сказал, что смутьяны, которые недовольны решением Патриарха и моим, хотят поднять великую смуту в церкви. Мне страшно становится, когда я представляю их выступление с амвона о случае в архиерейском соборе, и как будут реагировать верующие на это. Я знаю, говорит Лука, что большинство верующих относится ко мне с большим уважением, и поэтому думаю, что после первых же слов с амвона раскольников верую-

щие набросятся на них и избьют. В свою очередь и ябедники начнут кричать и ругаться, и тогда получится всеобщая свалка. Боже, сохрани от этого, закончил Лука. Я прошу Вас посоветовать, как мне поступить в этом вопросе.

Я сказал, что мне трудно дать совет по вопросу церковной склоки. Не как уполномоченный, а как просто гражданин, имеющий к Вам уважение, я выскажу следующую мысль: вызвать к себе подписавших жалобу Патриарху и священников, на которых подана жалоба, попросить их высказаться в присутствии Вас. Эта беседа поможет Вам окончить инцидент миром.

Архиепископ повторил несколько раз, что он обязательно воспользуется высказанной мной мыслью.

Я понял, что архиепископ сильно был обеспокоен возможностью выступления группы верующих с амвона. [...]

Пожелав здоровья и всего хорошего Луке, я оставил его.

Задержав мою руку, Лука сказал, что он просит принять его в четверг на той неделе (24/V-56 г.). Сказав, что буду рад его видеть у себя, я вышел.

24/V-56 г. в 12 ч. посетил меня архиепископ Лука в первый раз за время моей работы с августа 1955 года.

В помещение из машины Луке помогали идти шофер и стенографистка архиепископа.

Я встал и помог ему войти в кабинет, так как дверь узкая, пришлось повернуть его боком и, усадив на диван, сказал, что рад его видеть у себя.

Завязалась беседа. Лука спросил о результатах моей поездки в Покровскую церковь города Джанкоя и церковь в селе Магазинка. [...]

Подойдя к вопросу склоки в кафедральном соборе, Лука обвиняет в ней иподиакона Рябых и старосту Сизаря. Они просят наказать священника Довбенко за то, что тот за шиворот вытащил Рябых

из алтаря, а в противном случае угрожают выступить с амвона перед верующими и рассказать, что произошло в соборе. «Я ужаснулся такой возможности», – сказал Лука.

«Если бы это произошло, то в церкви могла бы произойти настоящая драка. После моего разговора со старостой Сизарем они, наконец, осознали свою вину, покаялись перед настоятелем Кудрявцевым и дали слово не заводить больше склок».

По мнению Луки, все это произошло оттого, что в 20-ку пробрались неизвестные ему люди. Раньше 20-ка была стабильной организацией и регистрировалась уполномоченными, а теперь, с ноября 1955 года, регистрация отменена, и в состав 20-ки проникают разные люди. Лука хочет написать Патриарху о том, что не следовало бы отменять регистрацию 20-ки уполномоченным. Лука сообщил мне, что он получил от Патриарха письмо, в котором он спрашивает, есть ли в Крыму иеромонахи и архимандриты и сколько?

«Не кажется ли Вам, – спросил Лука, – что вновь будут открывать монастыри, и нет ли указаний правительства об этом?» Я сказал, что монастыри у нас и теперь есть, распоряжений правительства об открытии новых монастырей у меня нет.

Лука перешел к вопросу о сближении церкви с Советским правительством.

За последнее время кроме встреч Патриарха Алексия с Булганиным и приема Булганиным каталикоса Армении на различных заседаниях Правительства участвуют представители духовенства, как Николай Крутицкий, Колчицкий и другие, что свидетельствует об улучшении контакта между Правительством и Церковью.

Мне известно, говорит Лука, что руководители Православной Церкви выезжают в иностранные государства на различные конференции и совещания не

только религиозного, но и политического значения. Не может быть такого положения, чтобы иностранные поездки совершались без согласия правительства. За последнее время поездки руководителей Советского государства стали частыми, участились также поездки православного духовенства.

Выступления митрополита Николая на конгрессах мира с протестами против войны, за запрещение атомного оружия сделали известным его имя всему миру.

Чем объяснить, на Ваш взгляд, происходящее сближение Церкви с Правительством? - спрашивает Лука. Я сказал, что было время, когда церковь от открытой борьбы против Советской власти после Октябрьской революции перешла к выжиданию, что будет дальше. В период Отечественной войны большинство церковнослужителей искренне оказывало поддержку Правительству в победе над фашистской Германией, показало себя патриотами и оказало материальную помощь нашей доблестной Красной Армии.

Это патриотическое дело не забыто Советской властью. В борьбе за мир Президиум Верховного Совета СССР отметил патриотическую деятельность митрополита Крутицкого Николая и наградил его высокой правительственной наградой – орденом Трудового Красного Знамени.

Повышение патриотического чувства к Советской родине среди служителей Православной Церкви привело к тому, что улучшились отношения к церкви со стороны органов Советской власти, тем более, что органы власти не вмешиваются во внутрицерковную деятельность духовенства. «Как же нам не выступать за мир, против войны, если даже папа Римский выступает против войны и запрещение атомного оружия!» - воскликнул Лука.

Я сообщил Луке о посещении индонезийской делегацией Ялтинского собора 19/V-56 г. и сказал,

что настоятель собора протоиерей Семенюк хорошую приветственную речь произнес при встрече и ответил очень хорошо на заданные делегацией вопросы, а потом пригласил делегацию в церковь, где члены делегации пробыли около 20 минут на службе все-нощной. [...]

Выезды в города и районы

В первом полугодии я побывал в следующих церквях городов и районов и по следующим вопросам. [...]

22/1-56 г. в 12 часов посетил кафедральный собор в Симферополе. Секретарь епархии Кудрявцев сообщил, что 22/1 архиепископ Лука произнесет проповедь, которая им была подготовлена к празднику Крещения. В 12 часов началось причащение. Причащалось 19 человек, 7 – маленькие дети, 3 – де-вушки 17-20 лет, 1 парень 20-22 лет, изящно одетый, остальные женщины и мужчины пожилого возраста. Верующих было более 400-450 человек средних лет. Молодежи было много. Один мальчик школьного возраста, один – дошкольного. В 12 ч. 30 минут из алтаря был выведен под руки диаконами Лука. В ле-вой руке он держал посох, украшенный живыми цветами, на голове лиловый клобук. Одет был в желтоватую ризу. В 3-5 шагах от алтаря был сооружен помост, на который сел Лука и стал говорить слабым старческим голосом какие-то слова, которые разобрать было невозможно, хотя я стоял не более 10 метров от проповедника. Когда голос Луки настолько окреп, что слышимость доходила до меня, я разобрался, что проповедь была посвящена празднику Крещения. Проповедник рассказал, как когда-то на берега пустынного Иордана пришел Иоанн и стал крестить народ, как потом из далеких стран подошел молодой человек, в котором Иоанн почему-то признал Христа. Иоанн говорит, что он должен получить крещение у Христа, Христос гово-

рит, что должен получить крещение у Иоанна. Спор закончился крещением Христа у Иоанна, так как на это будто бы было указано свыше. Дальше слышны были голоса с неба, потом появился Бог Отец, поздравивший Сына с крещением, а Дух Святой в виде голубя сел на голову крестившегося Иисуса.

После изречения этих «истин» Лука перешел к характеристике имеющихся в мире правд и неправд. Он сказал, что правда есть в отношениях народов друг с другом, в отношениях государств между собой, есть правда в отношении семьи, есть правда в отношениях мужа и жены. Но много в мире есть неправд.

Для всех народов видна черная неправда, когда 600-миллионный китайский народ не принимается в Организацию Объединенных Наций. Разве это правда, когда исконную китайскую землю остров Тайвань разбойники насильно отняли у Китая?

А какая черная неправда происходит в наше время в Италии? Там есть много земли, которая даже не обрабатывается. Вот эту-то землю безземельные крестьяне начали распахивать, а хозяева земли — помещики пригнали солдат и стали расстреливать крестьян. Много крови было пролито только за то, что безземельные голодные крестьяне хотели иметь хлеб, чтобы самим не умереть от голода и накормить своих детей, а взяли они лишь куски необрабатываемой помещиками земли — разве это правда? Разве не следует, чтобы земля принадлежала тем, кто ее обрабатывает? В Африке давно уже льется человеческая кровь. Крестьяне и рабочие сотнями, тысячами погибают только за то, что требуют для себя свободы. Алчным грабителям мало того, что на них работают целые народы, они хотят превратить их в бессловесных животных. Разве лучше обстоит вопрос с владельцами фабрик - заводов, с капиталистами, которые держат народ

в полуголодном состоянии? Очень много, как видите из приведенного мной, в мире существует неправды. С седой старины, во время крещения Иисус стал проповедовать правду, которую Он подтвердил чудесами, а потом Своею смертью на кресте и Воскресением из мертвых. Казалось бы, что утвержденной Христом правды, народ должен был верить в правду Христа и быть твердым в этой вере. Но в действительности у нас много есть неверующих. Веру в Христа надо укрепить! [...]

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области А. Яранцев

1958

СПРАВКА УПОЛНОМОЧЕННОГО
О БЕСЕДЕ С АРХИЕПИСКОПОМ ЛУКОЙ

11 января 1958 г.

По приглашению архиепископа Луки навестил епархию.

После знакомства с Лукой секретарь епархии Карвовский вышел, и мы остались наедине.

Я спросил Луку о его здоровье, самочувствии. Лука сообщил следующее: «Чувствую себя, принимая во внимание мой возраст, хорошо, на здоровье не жалуюсь, видимо, это передалось по наследству. Мой дедушка прожил больше 100 лет, бабушка 90, отец 89, мать 79 лет. Правда, я так долго не проживу. Я много перенес житейских невзгод. 11 лет скитался по тюрьмам, и это не могло не отразить-

ся на моем здоровье, причем меня к тому же беспокоит моя слепота», и как бы между прочим Лука рассказал один эпизод из своей жизни в тюрьме. Содержание этого эпизода следующее: когда я был в тюрьме, сказал Лука, то однажды ночью крупный чекист вызвал меня на допрос и прямо поставил вопрос – «друг я ему или враг?»

Мой ответ ему был такой: «Я не консерватор, я далек от этого, но скажу Вам, что если бы я не был христианином, то я был бы коммунистом». И далее Лука, подумав, продолжая разговор на эту тему, сказал: «Вам ведь хорошо известно, что Советское правительство ведет антирелигиозную пропаганду, следовательно, я не могу быть целиком на Вашей стороне, а поскольку Вы являетесь гонителями христианства, я, совершенно понятно, никак не могу быть вашим другом, хотя и можем сосуществовать». И на этом, как сообщил Лука, его разговор с чекистом был окончен, и к этому вопросу, по словам Луки, чекист никогда больше не возвращался.

На мой вопрос – можно ли сделать операцию и восстановить Вам зрение – Лука ответил, что сейчас уже поздно, и винит в этом своего большого друга Филатова, который, как он выразился, проглядел наступление слепоты, упустил время, несмотря на то, что он приезжал ко мне на дачу в Алушту, посылал к нему в Алушту и своего ассистента (фамилию не указал).

Дальше архиепископ Лука спросил меня, известно ли мне, что в с. Войково Первомайского района директор МТС самовольно занял, в бытность уполномоченного Яранцева, церковную квартиру? Я ответил, что это мне не известно, так как это было не при мне. Тогда Лука сообщил следующее: директор МТС застрашал бывшего там священника Коптева, и он бросил самовольно приход, и как трусишка,

без ведома епархии, бежал из с. Войково. А когда этот священник бежал из прихода, директор МТС сократил церковную ограду, и домик, стоящий внутри ограды церкви, оказался вне ее территории. Директор МТС вселил туда своих жильцов и заявил: «Теперь нет такой силы, которая могла бы его заставить покинуть этот когда-то принадлежащий церкви дом». Лука заявил, что директор МТС открыто попирает советские законы, а председатель Облисполкома Филиппов содействует ему в этом, а не пресекает его незаконные действия. Я написал письмо, сообщил Лука, Карпову, ответа еще не получил, но думаю, что «правда и советская законность восторжествуют».

Нельзя смириться с тем, что при наличии договора на использование церковью этого дома, сказал Лука, договор не выполняется органами Советской власти, и иеромонах Недбашук Трофим, настоятель этой церкви, вынужден нанимать квартиру за 4 км от места службы. Причем и на эту квартиру, занимаемую Недбашуком, истекает срок договора, после чего, видимо, под давлением того же директора МТС, владелец дома откажется продлить договор с иеромонахом Недбашуком.

Лука дальше сообщил, что он не консерватор, он далек от этого, но вопрос этот нужно решать в пределах советских законов, и как бы в подтверждение своих слов заявил, что он целиком и полностью разделяет точку зрения Советского правительства по международным вопросам. Одабривает послания Булганина правительствам зарубежных стран. Целиком и полностью разделяет новогодний призыв патриарха Алексия и Синода, размножил призыв на машинке, разослал во все приходы и дал указание зачитать его в церквях и молитвенных домах.

На вопрос Луки о незаконном занятии церковного дома в с. Войково я ответил так: «Поскольку

Вы написали жалобу председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Карпову, то будем ждать от него ответ».

Хорошо было бы, заявил Лука, если наше правительство дало бы право и свободу переписки с заграницей не только патриарху Алексию, но и нам, епархиальным епископам. Лука рассказал мне, что он однажды написал письмо в англиканскую церковь (кому — умолчал), но оказалось, что письмо попало в руки Карпову. Из этого я сделал вывод, заявил Лука, «каждый сверчок знай свой шесток», и я никуда больше за границу не писал и не пишу. Я совершенно не в курсе о жизни католической, англиканской, протестантской и других церквей мира, заявил Лука.

На мое предложение, что Лука, помимо писем за границу, мог бы писать статьи в «Журнал Московской Патриархии» и высказывать свою точку зрения через этот журнал, Лука ответил так: «Мои две статьи в свое время журнал поместил, а третью, Пасхальную проповедь, и четвертую статью — «Новое слово в богословии» — не напечатал, а напечатал статью митрополита Николая Крутицкого и Коломенского, и когда я обратился к секретарю редакции, он замялся, послал меня к Николаю Крутицкому, а тот — к Карпову, тогда я понял, что мои статьи вредны, и решил больше не писать в журнал ничего.

«Я не хочу, чтобы мой труд выбрасывали в архивные сундуки. А мой труд ценю не только я, но и Московская Духовная Академия», и в подтверждение своего высказывания сообщил, что он закончил XII том проповедей, около 5,5-6 тыс. листов, напечатанных на машинке. «В Московской Духовной Академии была создана авторитетная комиссия под председательством профессора гомилетики по изучению моих проповедей».

Комиссия дала моим проповедям, сказал Лука, необыкновенно высокую оценку и записала в своем

заключении, что проповеди архиепископа Луки представляют исключительное явление в современной церковно-богословской литературе. Они представляют сокровищницу в Священном Писании. Труд мой был оценен достойно, сказал Лука, «я избран почетным членом Московской Духовной Академии, а это значит, что мне оказана почесть выше, чем доктору богословия», и дальше Лука сообщил, что из 13 почетных членов Академии 2 умерло, осталось 11. Причем из 11 почетных членов Академии архиепископ только он один.

На мой вопрос, будут ли его проповеди опубликованы, Лука ответил, что моими проповедями будут пользоваться только в библиотеке Московской Духовной Академии, они света не увидят до тех пор, пока не изменится отношение к церкви, а симптомы улучшения отношения правительства к церкви, сказал Лука, есть, основанием служит новогодний прием священнослужителей в Кремле и обмен церковными делегациями с зарубежными странами. Мной снова был задан вопрос Луке – почему же его проповеди не будут опубликованы, если они получили высокую оценку, какие к этому у него есть основания? Лука сказал так: «Они очень убедительны и неотразимы, против их устоять антирелигиозная пропаганда не может, а это невыгодно государству. Как лекции, так и современные статьи по антирелигиозной пропаганде слабенькие, не глубоки по своему содержанию и малоубедительны. Ну, возьмем к примеру, сказал Лука, антирелигиозные статьи выдаваемого себя за церковника Дулумана Евграфа¹⁹. Это ведь грубое издевательство над религией, а не ее разоблачение. Я, прослушав одну его статью, больше и читать не велел». Такое же примерно выступление с антирелигиозными статьями было и в Куйбышеве, сказал Лука, эффект от этих статей невелик.

На мой вопрос Луке, если бы он не потерял зрение, вероятно, все же прочитал бы статьи Дулума-на, Лука ответил отрицательно. Лука сказал, что он сейчас просит читать ему только газеты «Известия» и «Крымскую правду», мне, как я не стал писать статьи в «Журнал Московской Патриархии», не читают даже «Правду». Из журналов он просит читать ему только медицинские журналы, как наиболее близкие ему.

И Лука не удержался, рассказал мне, какие восхищенные отзывы он получил на свой труд «Очерки гнойной хирургии» (книга эта выдержала 3-е издание). Особенно высоко его труд оценен в Китае. «Мой труд в медицине, по отзывам зарубежной печати, является классическим трудом, а книга моя является у многих врачей настольной книгой, и я не могу этим не гордиться», — сказал в заключение Лука.

Архиепископ Лука сообщил мне, что в кафедральный собор он приглашает из Тамбовской епархии протоиерея Нестерова и просил меня зарегистрировать его. Я Луке ответил, что это внутреннее дело епархии, и если он, Лука, хорошо знает Нестерова, то с моей стороны возражений не будет. Лука поблагодарил меня. Лука сообщил мне, что священнику и преподавателю духовной семинарии Мисину из Саратовской епархии в назначении его священником в Крымскую епархию отказано. На мой вопрос, как Лука смотрит на отход православных христиан от церкви в Мазанке и переход их к сектантам, Лука ответил так: «Глупых умными не сделаешь». Отход от церкви к сектантам Лука расценивает как религиозное невежество. И дальше сообщил: «Однако я написал ряд проповедей по разоблачению сектантов, и у нас в Крымской епархии отход от церкви христиан, за исключением Мазанки, меньше, чем в других областях Украины». Лука заявил, что он в Алуште провел через церковь большую работу (он

читал летом там проповеди),
и в лоно Русской Православной Церкви вернулось
много бывших сектантов. Лука сообщил также, что
священник в Мазанке Страшкевич Леонтий - малогра-
мотный священник, говорит скороговоркой, и я даже
боюсь, заявил Лука, что он читает мои проповеди.
Он живет, как выразился Лука, в XIX веке,
и совершенно не понимает новой жизни.

В заключение Лука заявил, что сектантское дви-
жение усилилось после отделения церкви от госу-
дарства. Это отделение породило смуту, бороться
с сектантством мы почти бессильны. Сектантство,
как течение, носит политический характер, со все-
ми [вытекающими] отсюда последствиями. Ведь не
случайно появились (правда, у нас как будто бы
их нет) бродяги-священники, которые проводят в
частных домах службы и т.п. Мне сообщили, сказал
Лука, что среди бродячих священников есть даже
одна «баба священник» (где, он не сказал).

Насколько мне известно, обратился ко мне
Лука, вы ездили в Москву, хотелось бы услышать,
что Вы привезли нового из Москвы? Я Луке отве-
тил, что нового ничего нет. Новое для меня было
то, что я познакомился с работниками аппарата
Совета по делам Русской Православной Церкви и
другими работниками с периферии. Небезынтересно
было видеть и новое строительство в Москве. Боль-
ше Лука к этому вопросу не возвращался.

На этом беседа была закончена. Прощаясь, Лука
сказал, что он после Крещения сделает мне ответ-
ный визит. Я поблагодарил Луку за искреннюю,
душевную и непринужденную беседу и, любезно рас-
прощавшись с ним, вышел из стен епархиального
управления.

**ИЗ СПРАВКИ УПОЛНОМОЧЕННОГО
О БЕСЕДЕ С АРХИЕПИСКОПОМ ЛУКОЙ**

23 января 1958 г.

[...] Я задал Луке вопрос, беседовал ли он со священником Покровской церкви г. Симферополя Соколовым относительно его проповеди, сделанной им 6/XII-57 г., в праздник «Введения во храм Богородицы», о чем я ставил в известность Луку 11 января 1958 года? Лука ответил так: «Я Соколова вызывал к себе. Проповедь им напечатана на машинке, я ее прослушал, и она мной одобрена. Крамольного там ничего нет. Мы всегда в своих проповедях обращаемся к верующим с призывом чаще водить детей в церковь и воспитывать их в религиозном духе. Это наш долг перед Богом и верующими». И, сделав большую паузу, Лука сказал: «Чтобы дать правильную оценку той или иной проповеди, надо иметь огромные богословские знания». Я на это Луке заметил, что это совершенно не обязательно. В любой проповеди грамотный и политически подготовленный человек разобраться и определить, что к чему, сможет, хотя он и не будет иметь богословских знаний. Лука на это мне ничего не ответил. Я же, в свою очередь, дискутировать с Лукой по этому вопросу счел ненужным и для дела вредным. Для меня стало совершенно ясным, что такого рода проповеди священники читают не от себя, а по заданию Луки, а поэтому в каждом конкретном случае, если это будет нужно, тактично беседовать со священниками, в какой-то степени сдерживать их и, по возможности, нацеливать на более лояльное отношение священников к родителям и школе. Одновременно, подобрав побольше неотразимых фактов, вернуться к этому вопросу, если Лука и после этого будет продолжать такую же деятельность в части активизации своей работы по вовлечению в церковь детей школьного и дошкольного возраста через свою паству.

В заключение беседы с Лукой по вопросу проповеди Соколова он, похваляясь своим церковным опытом работы, сообщил о том, что он вот уже около 35 лет работает архиепископом, и через две недели ему исполнится 37 лет с момента посвящения его в священники, и как бы попутно заметил, что не каждый профессор может столько лет проработать и прожить, сколько проработал и прожил я.

Не удержавшись, я бросил Луке реплику: «Видимо, у них более напряженная работа, чем у Вас, и их организм изнашивается быстрее». Лука промолчал.

На этом беседа с Лукой была окончена. Прощаясь, он сказал: «Со всеми уполномоченными я находил общий язык, надеюсь, и с Вами у нас будут самые лучшие отношения и взаимопонимание». Я поблагодарил Луку за визит и, в свою очередь, сказал, что все, зависящее от меня, в смысле взаимопонимания и плодотворной работы епархии, я постараюсь сделать, и просил в этом архиепископа Луку не сомневаться.

Уполномоченный Совета по делам
Русской Православной Церкви
при Крымоблисполкоме А. Гуськов

**СПРАВКА УПОЛНОМОЧЕННОГО
О БЕСЕДЕ С АРХИЕПИСКОПОМ ЛУКОЙ**

1 декабря 1958 г.

29 ноября состоялась, в присутствии секретаря епархии Карвовского, встреча с архиепископом Лукой.

В начале беседы Лука сказал, что я, как уполномоченный, не являюсь помощником и защитником церкви, как это делали бывшие ранее уполномоченные Жданов и Яранцев, которые по-настоящему помогали во всех вопросах церкви, епархиальному управлению и мне, как управляющему епархией.

Лука заявил, что я не только не помогаю церкви, а наоборот, способствую ее закрытию.

На мой вопрос, где у нас в Крыму закрыты церкви с моей помощью, Лука ответил: в Алушке, Найде-новке, Грушевке, Партизанском, Садовом. Я категорически опроверг это заявление Луки и сказал ему: во-первых, в этих населенных пунктах церкви не закрыты, а в них временно прекращена служба по вине настоятелей храмов, епархиального управления и лично архиепископа Луки, не производившего ряд лет текущий ремонт, вследствие чего эти церкви находятся, как подтверждено актами технического осмотра, в аварийном состоянии. Следовательно, ни о каком закрытии церквей в нашей области и речи не идет. Кроме этого, я заявил Луке, что никто из нас сейчас не может сказать, что у нас нет в Крыму еще церквей, находящихся в аварийном состоянии, а это не к лицу епархии и ему, как управляющему, доводить до аварийного состояния церковные здания и не выполнять типового договора я бы не рекомендовал.

Лука в конечном результате признал свою вину и заявил, что он отремонтирует церкви и принимает сейчас к этому меры, договорился с Облкоммухозом на составление проектно-сметной документации. Я сказал, что он, Лука, поступил правильно, решив ремонтировать аварийные церкви, а впредь их до такого состояния доводить не следует.

Лука в заключение нашей беседы сказал, что я напрасно на него обиделся, когда он мне дал такую суровую оценку как уполномоченному. Это он якобы высказал мне потому, что как лично он, так и верующие видят в моих действиях наступление на Русскую Православную Церковь, чего не замечается со стороны уполномоченного Совета по культам.

Лука буквально сказал так: «сектанты в Крыму живут вольготнее, чем мы». На это я ответил Луке,

что я не берусь судить о действиях уполномоченного по культам и действиях сектантов, т.к. это не входит в мои функции.

На этом наша беседа была закончена.

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области А. Гуськов

1959

ИЗ ОТЧЕТНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ДОКЛАДА

УПОЛНОМОЧЕННОГО ЗА 1958 год

12 января 1959 г.

[...] Чтобы решить главный вопрос работы, как изучение деятельности церкви и их служителей, я принимал все меры к тому, чтобы установить нормальные деловые отношения с архиепископом Лукой и его секретарем Карвовским, священнослужителями, церковными исполнительными органами, партийными, советскими, профсоюзными и комсомольскими организациями. На мой взгляд, этот вопрос решен правильно, хотя на этом пути встречалось немало и трудностей, особенно с Лукой, о чем убедительно свидетельствует приложенная к отчету справка от 29 ноября 1958 года²⁰. Однако необходимо сообщить, что Лука после нашей с ним последней беседы стал внешне относиться ко мне менее, если можно так выразиться, агрессивно, и, по заявлению секретаря епархии Карвовского, сожалеет о такого рода разговоре со мной и приглашал меня, как только будет время, зайти к нему. Я Карвовскому

ответил, чтобы он передал Луке, что я при первой же возможности постараюсь его навестить.

Однако считаю своим долгом еще раз заявить, что с архиепископом Лукой работать исключительно тяжело, и необходимо более настойчиво ставить вопрос о его замене, как совершенно больного и беспомощного старца, которому нужно давно уйти на покой. Фактически работать мне приходится не с ним, а с его окружением, о чем я уже писал раньше.

Архиепископ Лука под влиянием окружающих его священников-западников отдал в последнее время указание по епархии производить крещение взрослых, что раньше делалось только в кладбищенской церкви города Симферополя. [...]

В 1959 г. необходимо больше поработать со священниками, архиепископом Лукой и его окружением по вопросам прекращения крещения взрослых, добиваясь через беседы, доклады, лекции, печать, радио, индивидуальную работу того, чтобы вообще свести крещение взрослых до минимума или совсем на нет.

Характеристика положения и деятельности духовенства

Архиепископ Лука, обеспокоенный снижением посещения церквей верующими и особенно молодежью и детьми школьного возраста, подготовил проповедь «Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы» и разослал ее всем церквам для зачитания.

В этой проповеди Лука ропщет на то, что попущением Бжьим много церквей закрыто, особенно в селе, а поэтому он рекомендует организовывать домашние церкви, где и воспитывать детей в христианском духе. Лука сетует и на то, что школа не учит Закону Божьему и заключает: «Так что же, неужели наши дети, христианские дети, обречены стать ничего не ведающими в Законе Божьем? О нет! Нет! — восклицает Лука, — да не будет этого великого горя!... Так учите, учите детей своих и тогда

Ваша семья станет домашней церковью, и свет Христов из этой домашней церкви будет распространяться, невидимо для Вас, за пределы Вашей семьи».

Политика Луки совершенно ясна и понятна, в этой проповеди показал он и свое подлинное лицо как правящего архиепископа. По существу этой проповеди я беседовал со многими священниками, и большинство из них согласилось, что она неприемлема в наше время. Беседовал по этому вопросу и с Лукой. Он заявил, что ничего в ней крамольного нет, однако признал, что она резковата и бьет прямо в цель без всяких обиняков. Я в спор с Лукой не вступил, однако, как мне стало известно, он ее священникам в церквях читать запретил, мотивируя тем, что они эту проповедь могут не понять и трактовать, кто как вздумает.

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области А. Гуськов

**ИЗ СПРАВКИ УПОЛНОМОЧЕННОГО
О БЕСЕДЕ С АРХИЕПИСКОПОМ ЛУКОЙ**

14 июля 1959 г.

13 июля 1959 года я посетил архиепископа Луку, перед которым поставил следующие вопросы:

1) О предварительном ознакомлении меня о назначении священников в приморские города Крыма;

2) О передаче помещения Покровской церкви г. Симферополя стеклотарному заводу с его реконструкцией в соответствии с семилетним планом;

3) О перенесении церковного имущества из молитвенного дома с. Магазинка Красноперекоского района, в связи с его аварийностью, в другое помещение этого же села, или в другую церковь;

4) О статье, опубликованной в газете «Крымская правда» от 21 июня 1959 г. «Житие отца Виталия Карвовского».

По первому вопросу о назначении священников в приморские города Крыма у нас была достигнута с архиепископом Лукой полная договоренность. Разногласий никаких не было.

По второму вопросу, о передаче помещения Покровской церкви г. Симферополя стеклотарному заводу, архиепископ Лука заявил, что он от прежней договоренности с ним старшего инспектора Совета и моей отказывается и закрывать церковь не будет. На мой вопрос, почему он изменил свое отношение, Лука ответил так: «Верующие бунтуют, не желают закрывать церковь». Я задал архиепископу Луке еще вопрос, откуда ему это известно? Лука ответил: «От отца Виталия Карвовского и священника Соколова». Я в присутствии Карвовского заявил архиепископу Луке, что его неправильно Карвовский и Соколов информировали и, как всегда, Карвовский сгустил краски. Я рассказал Луке истинное положение вещей и сообщил ему, что ко мне приходили три человека 6 июля, три человека 11 июля и 6 человек 13 июля, с которыми были обсуждены все вопросы, касающиеся закрытия церкви. Никакого бунта они не устраивали и не думают устраивать, а они просили меня о том, чтобы им разрешили открыть молитвенный дом в одном из помещений г. Симферополя. В этой просьбе я им отказал. Свой отказ мотивировал тем, что в г. Симферополе имеются еще три церкви, куда верующие могут ходить молиться и исполнять требы. Верующие заявили, что они поедут в Москву. На это я им сказал, что это их дело, но я не рекомендую затрачивать зря деньги верующих, вопрос все равно положительно решен не будет, т.к. никто не может отменить реконструкцию и рас-

ширение завода, которая проводится по решению Правительства.

Лука с моими доводами согласился и тут же сказал Карвовскому, что он свое решение отменяет и предложил об этом известить священника Покровской церкви Соколова, благочинного Коломейца, Мазанского и Зуйского священников, которым 16 июля передать имущество Покровской церкви по акту.

Закончив этот вопрос, архиепископу Луке сообщили, что к нему на прием просятся 8 человек из Покровской общины г. Симферополя. Лука, извинившись передо мной, просил женщин к себе.

Одна из женщин, казначей церкви, Маринина А.И., спросила Луку, согласован ли с ним вопрос о закрытии Покровской церкви? Лука ответил так: «Со мной этот вопрос не согласован, но я поставлен в известность, что это делается по решению Правительства». Эта же женщина задала снова Луке вопрос: «Как же это так, что Правительство с Вами не согласовывает такие вопросы, как закрытие церкви, ведь нам известно, что церковь отделена от государства». Архиепископ Лука ответил так: «Разве Вам не известно, что Правительство заинтересовано только закрывать церкви, а не открывать». Женщины хором возмутились ответом Луки и наперебой загалдели, что разве их дети и мужья не умирали в дни войны, разве с ними и с нами Правительство не обязано считаться. Видя такой оборот, Лука заявил им: «Вот у меня находится уполномоченный, и я думаю, что он Вам все разъяснит». Лука попросил меня разъяснить женщинам, почему закрывается Покровская церковь. Мне ничего не оставалось сделать, как разъяснить женщинам, почему закрывается Покровская церковь. Одновременно с этим, в очень тактичной форме, и поправить Луку, что наше Правительство — единственное Правительство в мире, которое не на сло-

вах, а на деле провозгласило свободу совести, о чем пишет в своей книге Патриарх Московский и всея Руси Алексей, и оно отнюдь не заинтересовано «только закрывать церкви», как только что сказал архиепископ Лука. Наше Правительство закрывает Вашу церковь только потому, что производится реконструкция завода по семилетнему плану, а не потому, что кто-то захотел по какому-то капризу сделать. Ведь Вас 15 лет никто не беспокоил, когда этого не требовали условия завода.

В заключение верующие еще раз обратились к Луке с вопросом, может ли он не разрешать местным властям закрыть церковь? Лука ответил: «Я этого не могу сделать, потому что Правительство без него этот вопрос решило».

Тогда верующие заявили, что они поедут в Москву и добьются, чтобы им разрешили организовать молитвенный дом в их части города, где они живут. Лука ничего на это не ответил, и верующие женщины вышли из приемной.

Я архиепископу Луке после ухода женщин сказал, что его ответ женщинам был неудачный, и он только разжег их страсти. Лука промолчал.

Тогда я поставил перед Лукой третий вопрос — о статье, опубликованной в «Крымской правде» от 21 июня 1959 г. «Житие отца Виталия Карвовского», и спросил его, как он на нее реагирует? Лука ответил, что Карвовский дал обстоятельное опровержение²¹, о чем Вы, как уполномоченный, знаете.

Я ответил Луке, что такого опровержения я не читал и не знаю. Лука удивился моему ответу и спросил Карвовского: «Разве Вы не дали этого опровержения уполномоченному и в редакцию газеты?». Карвовский сказал, что он дал только представителю Москвы Пашкину и думал, что Пашкин даст Андрею Степановичу прочитать, а в редакцию

он не дал опровержения, зная заранее, что его никто не опубликует.

Я заметил, что если он, Карвовский, прав, то можно и нужно было добиваться опубликования его опровержения. Мной было сообщено Луке, что многие священники и верующие обращаются ко мне с вопросом, может ли дальше, после такой статьи, работать секретарем епархии Карвовский, и как думает поступить архиепископ Лука? Будет ли он считаться с общественным мнением, изложенным в печати? Лука мне ответил, что Карвовский подал ему заявление об уходе из секретарей епархии (Карвовский при мне еще раз это подтвердил и просил Луку освободить его по болезни, ему нужно делать операцию), однако он его просьбу удовлетворить не может и не удовлетворит. Как бы подытожив весь наш разговор, я обратился к Луке и сказал ему, что мы с ним все вопросы, поставленные перед ним мной, решили. Он ответил: «Да, как будто все вопросы решены, разногласий у нас нет». Разговор на этом с Лукой был закончен. [...]

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области А. Гуськов

**ИЗ ДОКЛАДА УПОЛНОМОЧЕННОГО
НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР**

15 августа 1959 г.

[...] Считаю необходимым поставить в известность Совет о том, что работа в Крымской епархии, ввиду полнейшей немоги и слепоты архиепископа Луки, находится в своеобразных условиях.

Архиепископ Лука лишен возможности лично объезжать епархию и решать вопросы, возникающие в процессе богослужения священников на местах.

Руководство Луки, как главы епархии, строится исключительно на информациях секретаря епархии и приближенных к нему лиц, которые не всегда правильно его информируют, что не может не осложнять работу и взаимоотношения между епархиальным управлением и уполномоченным, вызывает ненужные недоразумения.

В мои функции не входит анализ работы предыдущих уполномоченных, но в партийных и советских органах сложилось такое мнение, разделяю и я его, что вся их работа была направлена на обслуживание духовенства и на ненужные уступки Луке. Свои уступки Луке уполномоченные Совета мотивировали тем, что Лука – крупный ученый, а как бы чего не вышло и он не обиделся, лучше его не беспокоить и жить с ним в мире и дружбе. Архиепископ Лука не мог этого не видеть и стал делать, что он хотел (проповедь о воспитании детей, организация домашней церкви, клевета на органы Советской власти, что государство закрывает церкви и т.п.).

В таком же духе он воспитывал свою паству, священнослужителей и окружающих к нему приближенных лиц. Все это привело к тому, что как архиепископ, так и некоторые священники, особенно западники, с мнением уполномоченного не считались и иногда делали то, что им не положено делать, о чем я скажу ниже.

Совершенно понятно, что приход нового уполномоченного и принятые им меры к наведению порядка, согласно установок Совета, вызвали у Луки раздражение и рассматривались им как превышение власти, нажим, гонение и тому подобные броские слова. Недовольство епархии работой уполномоченного было вызвано еще и тем, что некоторые

местные органы и отдельные лица нарушали Конституцию Советского Союза по вопросу отправления религиозных треб, обрядов. [...]

В своей работе уполномоченного Совета я руководствовался решениями ЦК КПСС, ЦК КП Украины, Советского правительства и Совета.

Я совершенно ясно себе представляю, что вся моя работа должна сводиться не для обслуживания духовенства, как этого бы хотел архиепископ Лука, а прежде всего к осуществлению государственного надзора за деятельностью Церкви и духовенства в целях охраны интересов государства, соблюдения законов, касающихся Церкви. Считая себя прежде всего коммунистом, я обязан всемерно содействовать партийным организациям так, чтобы они чувствовали мою помощь, и это, как мне кажется, сделать удалось. В таком плане я проводил всю свою работу. Причем не было ни одного случая, чтобы по принципиальным вопросам я не советовался с секретарем ОК КП Украины, зав. отделом пропаганды или с работниками отдела пропаганды и агитации на местах.

Сложность моей работы объясняется и тем, что значительное число священнослужителей являются западниками с сомнительным прошлым. Необходимо отметить и то, что моя работа осложнялась и тем, что я не имел достаточного опыта в этой сложной и ответственной должности, не имел даже инструкции Совета, которая была утеряна до моего прихода на эту работу. Все это привело к тому, что я, помимо моего желания, допустил ряд ошибок [...]

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области А. Гуськов

1960

ИЗ СПРАВКИ УПОЛНОМОЧЕННОГО
О БЕСЕДЕ С АРХИЕПИСКОПОМ ЛУКОЙ

12 марта 1960 г.

11 марта 1960 г. у меня была встреча с архиепископом Лукой.

Решались следующие вопросы:

1. О ремонте Ялтинского собора, о постройке изгороди вокруг него и благоустройстве территории церковного двора.

К постройке изгороди, благоустройству территории церковного двора и наружного ремонта, заявил Лука, церковный совет приступит немедленно. Внутренний ремонт храма будет производиться только после Пасхи (с 25 апреля) .

2. Передал архиепископу Луке беседу священника поселка Чехова из г. Ялты Моссиенко, который мне сообщил, что Крымскую епархию заполонили западники-униаты, которые служат в церкви за деньги, а не по призванию; у всех у них по 200-300 тыс. на сберегательных книжках; они нашу Православную Церковь превратили в католическую и ввели свои порядки. На мое замечание, что не все западники такие, какими их священник характеризует, на это Моссиенко мне ответил, что ему лучше знать, так как он очень со многими из них отбывал в лагерях наказание, хорошо знает их настроение и религиозность. Во-первых, они, сказал Моссиенко, безнравственны, любят наущничать, подхалимы и иезуиты. Во-вторых, очень обижены на Советскую власть и в любой подходящий момент всадят ей в спину кинжал; они всем своим нутром по ту сторону советских рубежей. Я своим верующим, сказал Моссиенко, недавно читал в церкви проповедь и обратил их внимание на картину, изображающую Тайную Вечерю, и особенно на то, как один из 12 апостолов

Иуда искаротский поднялся и пошел продавать за 30 сребреников Иисуса Христа - вот так, сказал Моссиенко, и западники служат за деньги, бессовестно набивают себе карманы и возят епархиальному окружению систематически подарки. Эти священники в Крыму получают хорошие приходы, и в епархии они на особом счету. Выслушав все сказанное Моссиенко, мной ему было сказано, что это дело не мое и я в ваши внутренние дела не вмешиваюсь, это дело епархии и пусть она наводит порядок.

Лука сейчас же при мне предложил секретарю вызвать священника Моссиенко в епархию. Чем вызван такой разговор с Лукой о беседе со священником Моссиенко? Это вызвано тем, что Моссиенко очень неблаговидно ведет себя в Ялте и ему там не место. В дальнейшем принять меры к тому, чтобы в эту церковь священника не допустить, так как эту маленькую неприглядную церковь, расположенную недалеко от дома-музея А.П. Чехова, куда в летнее время беспрерывно приезжают экскурсии со всех стран мира, показывать невыгодно. Эту точку зрения разделяют Ялтинский Горсовет и работники Ялтинского отделения КГБ.

3. Сообщил Луке о том, что священник кладбищенской церкви г. Феодосии Серафим Пекло, с целью компрометации меня, давал взятку, о чем признался на допросе в милиции, я просил Луку принять к Пекло меры. Лука заявил: «Я переведу его из Феодосии в другой приход, если Вы не будете возражать». На это я ответил, что это не наказание. Его, на мой взгляд, нужно уволить в заштат с правом перехода в другую епархию. Лука в принципе согласился, однако сказал, что «Пекло нечем заменить. У нас в епархии, заявил Лука, не хватает десять священников, и меня это очень беспокоит, я ночи не сплю, когда в такие дни нет в некоторых церквах богослужения».

Мной Луке было отвечено, что помочь ему в этом вопросе, при всем моем желании, не могу. На это Лука сказал: «Вы можете помочь, если будете давать регистрации священникам не по выбору, а всем, которые приезжают к нам или просят в Крымскую епархию». Я напомнил Луке, что вопросом прописки священников ведает милиция, и если она не прописывает назначенных Вами священников, вероятно, у нее к этому есть основания, и претензии прошу предъявлять не ко мне, а к ней. Однако как бы между прочим, напомнил Луке, что Крымская область пограничная, а кроме этого, Всесоюзная здравница, и даже не только Всесоюзная.

4. Мною было сообщено Луке, что священник Сакской церкви Попов нарушает типовой договор, заключенный с райисполкомом на пользование церковью (создал в помещении храма склад угля, дров, строительного материала), а когда верующие стали возмущаться его поведением, он в церкви этих людей называл смутьянами, бандитами и безбожниками. Этот священник занялся клеветой не только на верующих своего прихода, которых Вы в свое время отлучали от церкви, а потом отменили свое решение, но и меня, как уполномоченного. Собирает обманным путем от верующих подписи якобы о том, что уполномоченный закрывает церковь, а в самом деле заголовок подписного листа свидетельствует о том, что он, Попов, хороший священник, и верующие просят его оставить в их приходе.

Попов распространяет слухи, что уполномоченный приехал в Саки пьяный, собрал в церковной ограде безбожников и натравливал их на священника и поджигал их к закрытию церкви. Причем этот случай с Поповым, как провокатором, не первый. Он год тому назад писал в епархию, а епархия в Москву, что от него, Попова, уполномоченный требовал отречения от священного сана. При разборе

этого дела Попов от своего письма в епархию отказался и дал объяснение в Москву, что он с уполномоченным никогда по этому вопросу не беседовал и никакого письма в епархию не писал. Значит, сказал я Луке, этот священник совершенно не только потерял облик священника, я уже не говорю лояльного священника, но и облик человека.

Лука снова ставит передо мной вопрос – где же ему взять в Саки священника, когда в резерве у него их нет. На это я еще раз Луке заметил, что я кадрами священников не ведаю – это лично его дело. Лука обещал подумать и позже дать мне ответ.

5. На мой вопрос, ознакомлен ли он с протоколом церковной двадцатки Джанкойской церкви от 27 февраля 1960 г. о прекращении в этой церкви богослужения, Лука ответил: «Мне ничего не известно» и просил меня с ним ознакомить. Мной была зачитана Луке следующая выдержка из постановления церковной двадцатки:

«Заслушав через старосту заявление уполномоченного по делам РПЦ тов. Гуськова А.С. о том, что он храм не закрывал и богослужения в нем не приостанавливал, потому что приход большой, здоровый, а поэтому лично архиепископом Лукою приостановление служения неожиданно, незаконно... Архиепископ Лука ... подвергся окружению, руководству и управлению им:

1) быв. священника, снявшего публично сан, ревизора, и.д. секретаря и бухгалтера Березкина Александра, две дочери которого во время оккупации вышли замуж за немецких офицеров и с ними живут за границей.

2) Личный архиерейский секретарь Евгения Павловна, гитлеровская переводчица во время оккупации гор. Севастополя.

3) Секретарь и благочинный Рыхлицкий, о. Михаил, у которого ныне половина семьи прожива-

ет за границей, а сын его отбывает в Красноярске заключение. Полуфашистское засилие епархиального управления руководит повседневно, ежечасно обманывая его».

(Копия протокола прилагается).

Лука дважды меня переспросил: «Полуфашистское засилие?», и я дважды ему его прочитал. Лука не менее 3-4-х минут молчал, и на мой вопрос, как же он на все это смотрит, ничего не ответил, только и мог сказать, что драка в церковной общине, группировки там, проведение глубокой ревизии и вмешательство прокуратуры – дело рук священника Черкашинова и нового состава церковного совета и церковной двадцатки, которую он, Лука, не признает. Все это в Джанкойской церкви произошло потому, что Вы, – сказал Лука, – сняли ни за что лучшего в епархии священника Марковского, который мешал Вам закрыть церковь в 1958 году в с. Садовом. У Вас ярко выраженная черта злопамятства, – сказал Лука. – Из-за Вас ушел в заштат священник Алупкинской церкви Соболев и священник Чистеньской церкви Гречаный. Из секретарей епархиального управления ушел лучший и преданнейший мне священник Виталий Карвовский, отказался работать секретарем епархии священник Борис Либацкий, сейчас не хочет работать секретарем опытнейший священник Михаил Рыхлицкий.

Я, не перебивая Луки, выслушал все его критические замечания в мой адрес и ответил, что он, как архиепископ, необъективен, что и доказал ему.

Священник Марковский из Джанкойской церкви, – сказал я, – мной снят с регистрации за то, что он с целью наживы вмонтировал в напрестольный крест кусочек дерева, приобретенного им якобы из Иерусалима, который он выдавал верующим за кусочек от Креста Господня. Ведь Вам, как ученому, более, чем кому-либо, известно, – сказал я, – что

это есть не что иное, как шарлатанство и обман верующих, а поэтому не случайно Вы распорядились изъять из Джанкойской церкви напрестольный крест с этим кусочком дерева от так называемого Животворящего Креста Господня и закрыли его в Вашем кафедральном соборе в недоступном месте для верующих. Значит, Марковский снят не за то, что он мешал мне закрытию в с. Садовом церкви, которую, кстати, я не закрывал и не собирался закрывать. Закрыли Вы ее сами, и Вы сами вывезли из нее церковное имущество и передали его в Белогорскую церковь. Причем Вы закрытие этой церкви мотивировали тем, что там длительное время не было священника, церковная двадцатка распалась, и Вы перестали давать дотацию из епархиального управления даже на содержание сторожа, и эта церковная община распалась, и моей вины в этом я не усматриваю. Не вижу своей вины по закрытию этой и ряда других церквей, которые Вы закрыли сами и передавали помещения органам Советской власти на местах.

Священник Алушкинского молитвенного дома Соболев в заштат ушел по Вашему указу, а не по моему, на что я, как Вы знаете, не имею права.

Вы даете положительную характеристику Соболеву — это Ваше дело судить о нем как о священнике и человеке. Однако я о нем Вам сообщал, но, видимо, Ваш секретарь от Вас это скрыл, а поэтому, пользуясь сегодняшней встречей с Вами, я его частично, оговариваюсь, частично, охарактеризую, сказал я. Соболев был осужден по ст. 58-10 ч.

11-я, в дальнейшем амнистирован, однако, каким он был до ареста, таким остался и после него. Чтобы не быть голословным, я прочитал Луке телеграмму Соболева председателю облисполкома, которая искажала истинное положение дел в Алушке.

В этой телеграмме писалось: «Дополнение жалобе Алушкинской церкви поданной на имя секретаря

ЦК партии Украины Подгорного 25 августа сего года распоряжением Алупкинского горисполкома начальник Алупкинской стройремконторы Грыза учинил дневной грабеж (здесь и далее выделено в документе. – Сост.) увез с территории церкви строительные материалы, заготовленные для ремонта церкви 20 тыс. рублей, чем усугубил грубое нарушение Советской Конституции и других постановлений правительства о правах церкви».

Тогда как никакого дневного грабежа церкви не было, заявил я и прочитал ему акт от 26 августа 1959 г., который гласит: [...]

Рассказал ему о беседе с Соболевым 26 сентября 1959 года, где он мне сказал:

«Горсовет послал людей, которых охраняли жандармы и полицейские и забрали лесоматериал и вообще строительные материалы, принадлежащие церковной общине». На мое замечание, что у нас нет жандармов и полицейских уже 42 года и пора бы знать Соболеву об этом, он на это ответил: «А какая разница между американскими и советскими жандармами? Я разницы не вижу».

После всего сообщенного мной Луке о поведении Соболева я просил его высказать по затронутым мной вопросам его точку зрения. Лука промолчал и ничего не ответил, да ему и нечего было отвечать.

О закрытии церкви в с. Чистенькая Луке ответчено так же, как я отвечал ему о закрытии церкви в с. Садовое – они аналогичны.

О священнике Гречаном, находящемся в настоящее время за штатом, сообщил, что он дважды женат и верующие его знают не как священника, а как работника котельного цеха стекольного завода, ставшего священником в дни немецко-фашистской оккупации. А худая слава идет далеко, и ни одна церковная община в Крыму не желает его принимать на службу, так же, как и бывшего священника Феодосийской церкви Руденко, укравшего из церковной

кассы 13 тыс. руб. В их поведении я своей вины не вижу, и неправильно Вы ее мне приписываете. Создавать же им искусственный авторитет среди верующих в мои функции не входит. Больше того, не я определил их в штат, а Вы, и я не думаю, что Вы это сделали без основания, однако, это меня не касается и это дело лично Ваше, а не уполномоченного. Лука и на эти мои замечания ответить ничего не мог, так как все мной сказанное ему отвечает действительному положению.

В отношении смены у Вас в епархии секретарей, сказал я, а их уже сменилось за последний год четыре и меняется сейчас пятый, вины моей в этом, как Вы пытаетесь обвинить меня, нет и не может быть, хотя бы только по одному тому, что секретарям епархиального управления уполномоченный справок о регистрации не выдает, а поэтому мне и дела до Ваших секретарей нет. Значит, Вы просто подбирали секретарей неудачно и не учитывали их деловых качеств.

Ни один из Ваших как бывших секретарей, так и настоящего Михаила Рыхлицкого, который присутствует при нашей беседе, не могут сказать, что их выжил уполномоченный или потребовал, чтобы они ушли из секретарей. Я прошу священника Рыхлицкого, – он же секретарь епархии, – сказать, почему он не желает быть секретарем епархии? Рыхлицкий, присутствовавший при этой беседе, поднялся и заявил Луке, что он уходит по состоянию здоровья, на что он имеет справку врача. На мой вопрос, принуждал ли я его к уходу из секретарей, Рыхлицкий ответил Луке, что этого не было. Я больше по этому вопросу с Лукой не стал разговаривать, а только заметил ему, что его кто-то неправильно информирует, а он, не разобравшись, предвзято относится к уполномоченному. [...]

Сообщено мной было Луке и о нарушении типового договора, заключенного Алуштинской церковной

общиной с Алуштинским райисполкомом на использование церкви исключительно для молитвенных целей.

При посещении мной Алуштинской церковной общины, в присутствии секретаря райисполкома тов. Резниченко, церковного старосты и священника Клаас, было обнаружено, сказал я Луке, на втором этаже храма, где ранее находилось две комнаты для крещения, теперь оборудованы под спальню приехавшей к Клаасу так называемой приемной дочери, которая разместилась не у нареченной матери – жены Клааса на квартире, а непосредственно в церкви. В этих двух комнатах царит хаос, на столе валяется большое количество окурков, грязно, пол заплесан, на столе и под столом двенадцать пустых бутылок из-под вина разных марок и одна бутылка из-под водки, короче говоря, резюмировал я, в этой церкви делается то же, что делалось в Ильинской церкви г. Евпатории. Лука это мое сообщение очень воспринял болезненно и с раздражением, повысив тон, сказал: «У меня нет пьяниц священников, нет прелюбодеев, все они честно служат Богу; у меня нет священников, делающих аморальные поступки. Известно ли Вам, – сказал Лука, – что на каждую литургию идет пол-литра вина?» Я ответил: известно, однако я не знаю случаев, чтобы требовалась на эту цель водка.

Нервозность Луки не оправдывала поступка священника, а наоборот, и я прямо задал Луке вопрос, одобряет ли он действия священника Клаас, организовавшего в церкви ночлежку, распивочную и курительную комнату? Лука, успокоившись, ответил: «Клаас сделал неправильно», и тут же дал указание секретарю Рыхлицкому вызвать священника в епархию.

Мной перед Лукой был поставлен и такой вопрос, что он нарушает указание Патриархии от 26 октября 1959 г. о разъездных священниках и до сих пор направляет заштатных священников на вре-

менную службу в те приходы, где нет настоятелей, и просил его больше такого рода нарушений не делать. На это мне Лука сказал, что он будет на меня жаловаться в Совет по делам церкви. На это я Луке ответил, что это его право, однако когда Вы будете писать об этом в Совет, то Совету сообщите, что направляемые Вами на время (один, два дня) священники скрыли от РайФО, ГорФО и ОблФО свои доходы и не платили подоходного налога, тем самым обманули государство, что делать никому не положено.

В заключение я спросил Луку, почему не освобождается им Ильинская церковь в г. Евпатории, которая в соответствии с постановлением Облисполкома от 8 февраля 1960 года, как аварийная, подлежит разбору. Лука ответил так: «Помимо моего указания церковный староста Ильинской церкви Бублик ездил в Москву с жалобой на решение Облисполкома, и ему в Совете по делам церкви сказали, что из Москвы недельки через две выедет комиссия и только тогда вопрос будет решен окончательно — поэтому и не вывозится церковное имущество. Я, — заявил Лука, — поступил неправильно, как сказали Бублику в Патриархии, когда дал указание о прекращении в этой церкви богослужения. Надо было службу продолжать до комиссии из Москвы». На это я Луке ответил, что жаловаться он может во все инстанции, но с решением Крымского облисполкома не считаться нельзя, оно ведь небезосновательно. Лука в заключение сказал, что он пошлет в Совет телеграмму и, если Совет распорядится освободить церковь, он немедленно это сделает. На этом беседа с Лукой была закончена.

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области А. Гуськов

**СПРАВКА УПОЛНОМОЧЕННОГО
О БЕСЕДЕ С АРХИЕПИСКОПОМ ЛУКОЙ**

27 мая 1960 г.

Выполняя постановления ЦК КПСС и ЦК КП Украины «О ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах»²², мной были проведены с архиепископом Лукой три беседы. В беседах я широко использовал местные факты нарушений советского законодательства по культам по Крымской епархии как правящим епископом, так и священнослужителями.

Более активно и наступательно мной стала проводиться работа по этим же вопросам с секретарем епархии, благочинными, священниками, с церковными исполнительными органами и активом верующих, с которыми мне приходится, по роду моей службы, встречаться.

Мое настойчивое требование и неуклонное выполнение советского законодательства, начиная с Луки и кончая исполнительными органами церковных общин, а также предупреждение некоторых церковнослужителей, церковных советов и ревизионных комиссий обозлило не в меру властного, самолюбивого, деспотичного старика, иногда теряющего здравый рассудок, Луку, возомнившего себя, пользуясь прошлыми заслугами доктора медицинских наук, лауреата Сталинской премии, удельным князьком Крымской епархии. Кроме личных отрицательных качеств Луки, как яркого монархиста, к ухудшению за последнее время взаимоотношений со мной послужило и то, что его тенденциозно информировали некоторые священники, верующие и, главным образом, секретарь епархии Рыхлицкий, отрицательное лицо которого трижды показывалось в статьях газеты «Крымская правда» и «Курортной газете» г. Евпатории. Немаловажное значение к ухудшению взаимоотношений с Лукой послужило и то, что за

пять месяцев 1960 года в Крымской области сняты с регистрации 3 церковные общины, с тремя церковными общинами расторгнуты договоры и предложено им подыскать соответствующие помещения для молитвенных целей. Закрыта, как аварийная, Евпаторийская Ильинская церковь (копии решений облисполкома прилагаются) . Из-за постоянных склок, систематических драк среди верующих, прямого воровства, растрат и отсутствия священника, снятого Лукой, не функционирует Джанкойская церковь, и не работает также из-за отсутствия священнослужителя церковь в поселке Ленинском.

За нарушение советского законодательства сняты мной в мае месяце 1960 года священники Кокарев из с. Мазанка и Попов из г. Сак. Предупреждены за нарушение советского законодательства священники Фирковский из г. Белогорска, Паршинцев из г. Бахчисарая, секретарь епархиального управления, он же настоятель Евпаторийского собора, Рыхлицкий и бывший секретарь епархиального управления, ныне настоятель Благовещенской церкви г. Симферополя Карвовский. Все это вместе взятое вызвало бурную реакцию Луки, рассматривающего эти вполне законные действия как гонение на религию со стороны уполномоченного и местных органов власти. И как бы венцом всего явилось разоблачение уполномоченным незаконного приобретения для епархии двух легковых автомашин на подставных лиц, на которых в госавтоинспекции и были зарегистрированы эти автомашины. Одна легковая автомашина «Победа» была куплена за средства епархиального управления на имя внучки Луки Прозоровской Майи Дмитриевны за 25,5 тыс. рублей и зарегистрирована в автоинспекции на ее имя, а впоследствии ей же продана за 10 тыс. рублей. Вторая автомашина «Волга» была куплена также за счет епархии за 38350 руб.

на имя быв. секретаря епархиального управления Карвовского и зарегистрирована в автоинспекции на его имя.

Лука, узнав, что антизаконные действия епархиального управления раскрыты, а тем более, что в этом вопросе замешана и его внучка, буквально рассвирепел и заявил, как мне стало известно: «Уполномоченный Гуськов – злейший враг и ненавистник церкви, и с ним решать церковные вопросы невозможно», и пришел к совершенно неправильному выводу – не только не прислушиваться к законному требованию уполномоченного, но и стал поучать священнослужителей решать все вопросы жизни и деятельности церковной общины только с ним и через него, обходя меня. Например: решения Облисполкома о закрытии Евпаторийской Ильинской церкви, как аварийной, не выполнять, не подчиняться решениям Облисполкома о расторжении договора с церковными общинами с. Ново-Александровка Симферопольского района, с. Пшеничное Первомайского района и пос. Октябрьский Октябрьского района. Не стал последнее время соглашаться ни по одному вопросу, явно игнорируя меня, и потребовал также, чтобы не соглашались с моими рекомендациями и указаниями церковные общины и священнослужители.

Анализируя все это, я, посоветовавшись с работниками Обкома и КГБ, 25 мая решил встретиться лично с архиепископом Лукой, а не вести переговоры через его представителя – секретаря Рыхлицкого.

При встрече с Лукой, в присутствии бухгалтера-ревизора епархии Березкина я, прежде всего, осведомился о его здоровье, как и где он будет проводить лето?

Лука поблагодарил меня за мое внимание к нему и ответил, что здоровье его удовлетворительное.

Сообщил также, что все лето будет жить в Алуште, выедет в Алушту после Троицы и тут же в очень раздражительном тоне сказал: «Ехать в Алушту мне будет не на чем, уполномоченный Гуськов отбирает автомашину, как мошенническим путем приобретенную мной». Лука дал полную волю своему негодованию, стучал кулаками по столу и буквально выкрикивал, что я нанес ему глубочайшее оскорбление. Он, Лука, не сребролюбец и, как мне сообщили мои люди, вы осмелились сказать, что я сознательно и умышленно купил машину, чтобы продать ее внучке, и заявил мне буквально так: «Да будет Вам известно, что я, получив Сталинскую премию первой степени, 130 тыс. рублей пожертвовал на помощь вдовам и сиротам и этот мой благородный поступок был отмечен в «Журнале Московской Патриархии», а вы меня обвиняете, что я продал за 10 тыс. автомашину своей внучке». На это я заметил Луке, а почему машину продали именно внучке, а не кому-либо другому или церкви, и не за 25 тыс., как Вы за нее уплатили, а всего за 10 тыс.? Лука ответил: «Она пришла в негодность». Я бросил реплику Луке, что технического акта автоинспекции нет, как он смотрит на это? Лука промолчал. Тогда я заявил Луке, что его близкие люди, которые ему сообщили, что якобы я допустил такое выражение: «сознательно и умышленно Лука купил машину для передачи ее его внучке» — ложь и клевета, что может подтвердить сидящий рядом с Вами бухгалтер-ревизор Березкин, когда я с секретарем епархии Рыхлицким говорил о приобретении Вами автомашин. Сказал я буквально так: «Автомашины епархиальным управлением приобретены с обходом советского законодательства и тем более противозаконно оформлена их регистрация в автоинспекции». Я попросил Березкина это мое высказывание подтвердить. Березкин мои слова полностью подтвердил, как я им с Рыхлицким гово-

рил, и просил их, заявил Луке Березкин, передать мое высказывание Луке для принятия мер исправления допущенных незаконных действий епархией.

Лука замолчал, не находя слов для ответа. Видя растерянность Луки, я пришел ему на помощь и заявил, что давайте автомашины оформим в соответствии с советским законодательством и прекратим вокруг этих машин разговоры, и нечего нам из-за них портить взаимоотношения, которые не способствуют нашей плодотворной работе, а наоборот, с каждым днем ее осложняют. Лука охотно схватился за эту высказанную мной мысль и уже в спокойном тоне сказал: «Это самый лучший исход из создавшегося положения, и я охотно теперь буду решать с Вами все вопросы, — сказал Лука, — относящиеся к епархии, которой я руковожу. Я руковожу, а не кто-либо другой», — подчеркнул Лука. Увидев такую разительную перемену ко мне, я, более чем в вежливой форме, попросил разрешения архиепископа Луки поставить перед ним ряд неотложных вопросов, которые мы должны с ним вместе, обоюдно и как можно правильнее, в интересах общего дела, руководствуясь советским законодательством о культах, решить.

Лука, окрыленный моим таким поведением и отношением к нему, ответил: «Я готов с Вами сейчас же обсудить все вопросы, которые Вы решили обсудить или посоветоваться со мной, как с архиепископом» .

Первый вопрос, поставленный мной перед Лукой, был:

О нарушении советского законодательства священниками Сакской церкви Поповым и Мазанской церкви Кокоревым.

Мной было архиепископу Луке сообщено, что священник Попов, ранее судимый за антисоветскую деятельность, неоднократно с церковного амвона,

с целью восстановления верующих против местных органов власти, заявлял, что райисполком и уполномоченный Совета решили закрыть церковь и передать ее под клуб, когда этого никогда не было, нет и не будет, а наоборот, в этот приход нужно послать священника, который сумел бы со знанием дела противопоставить усилившейся за последнее время деятельности сектантских проповедников, вовлекающих в свои секты верующих православных христиан.

Попов верующих, осуждающих его поступки, самовольно исключает из двадцатки, церковного совета и ревкомиссии, а Вы, сказал я, доверяя ему, лишаете их навечно права выборов в церковные органы и Святого Причастия, что я считаю прямым нарушением указания Патриархии, когда отдельные епископы и священники узурпируют права двадцатки.

Попов, когда ему мало дают за требы, швыряет верующим деньги обратно и рекомендует их отдать РайФО, которое его, как он выражается, грабит. Это я рассматриваю как клевету на финансовые органы и сообщил Луке, что Попов не заплатил за 1-й квартал недоимки по подоходному налогу 7815 руб.

В этой церкви был случай, когда верующие, обозлившись на Попова, закрыли церковь на свои замки, а Попов сломал их, не поставив ни Вас, ни меня в известность об этом из ряда вон безобразнейшем факте, и продолжал службу. Верующие, видя такое поведение священника, отходят от церкви и идут в секты, что крайне нежелательно.

Сообщил я также Луке и о том, что Попов в 1959 г. написал Вам на меня заявление, а вы направили его в Совет, о том, что уполномоченный якобы агитировал его отказаться от священного сана и выступить в печати.

При проверке этого факта представителем Совета тов. Пашкиным, как Вам известно, Попов дал справку тов. Пашкину о том, что он никогда по этому вопросу с уполномоченным не беседовал и никакого заявления в епархию не писал. При проверке этого документа у Вас оказалось, что Попов действительно писал в епархию заявление на уполномоченного, что он якобы его агитировал отказаться от сана и выступить в печати. Вот лицо этого двурушника-provokatora, заявил я Луке.

Сфабриковал этот provokator Вам клеветническое заявление на уполномоченного и в этом году, сообщив, что уполномоченный приехал в Саки пьяным и допускал грубость к членам церковного совета и собирается посадить их в тюрьму.

Попов, почувствовав свою безнаказанность на протяжении двух лет, распоясался до того, что подмял под себя безвольный церковный совет, ревкомиссию и членов двадцатки и начал церковной общиной и ее средствами распоряжаться, как своей вотчиной.

В заключение беседы по поведению Попова я заявил Луке, что я вынужден к Попову принять крайние меры, снять его с регистрации. Лука со мной согласился, и тут же был решен вопрос перевести из Белогорской церкви провинившегося там священника Фирковского в Саки, а в Белогорск перевести, после освобождения Евпаторийской аварийной Ильинской церкви и сдачи ключей горсовету, священника Севбо.

За запущенность в церковном учете, за использование служебного положения, за хранение церковных сумм не в сберкассе, а в своем кармане, за игнорирование указания уполномоченного по заключению договора с техническими служащими (сторож, уборщица), их эксплуатацию, незаконные снятия с работы, а также узурпацию прав церков-

ной двадцатки священника Мазанской церкви Кокорева, сообщил я Луке, снимаю с регистрации. Лука согласился и просил меня назначить в Мазанскую церковь священника Соколова из заштата. Я на это дал согласие. Объявлен Лукой, по моему совету, выговор за мелкие нарушения советского законодательства священнику Бахчисарайской церкви Паршинцеву. Я с Лукой согласился и предупредил его, чтоб это со стороны священника Паршинцева было последний раз, и вообще последний раз, когда я обращаюсь по этим вопросам к Вам. Прошу, принимайте меры к нарушителям советского законодательства сами.

Второй вопрос был мной поднят перед Лукой об освобождении, в соответствии с решением Облисполкома, от церковного имущества молитвенного дома и подыскании для молитвенных целей соответствующих помещений в с. Ново-Александровка Симферопольского района, в пос. Октябрьском Октябрьского района и в с. Пшеничном Первомайского района, и, как бы между прочим, напомнил Луке о его неудачном письме по этому вопросу настоятелю Н.-Александровской церкви (копию прилагаю).

Архиепископ Лука долго молчал и, наконец, дал согласие на освобождение молитвенных домов от церковного имущества и передачу ключей сельским советам в селах Ново-Александровка и в Пшеничном. Крайний срок освобождения этих молитвенных домов с передачей ключей от них сельским советам архиепископом Лукой установлен 8 июня 1960 года. На что я так же, как и Лука, помолчав, дал согласие и просил дать указ. Лука приказал Березкину подготовить такие указы и дать ему на подпись.

В отношении освобождения молитвенного дома в с. Октябрьском Лука выполнять решение Облисполкома отказался и заявил так: «Храм Христов – не собака, которую можно гонять с места на место.

Этот молитвенный дом уже один раз перемещался местными властями из одного помещения в другое». Повысив тон, Лука сказал: «Надо понять всем, в том числе и Вам, что к храму Божьему надо относиться с величайшим благоговением, а не так, как относятся некоторые люди нашей страны и даже руководители». Я полемизировать с Лукой не стал, да и надобности в этом не было, а только спросил его, как же теперь нам поступить все же с освобождением церковной общиной, в соответствии с решением Облисполкома, этого молитвенного дома? Лука ответил так: «Как хотите, так и делайте. Я поддерживать ходатайство верующих, раз они сами отказались перезаключить договор с райисполкомом, не буду». Это вполне меня устраивает, и я, как бы между прочим, сказал Луке, что этот вопрос пусть решают вместе с райисполкомом сами верующие, – церковная двадцатка. Лука промолчал.

В конце беседы Лука возвратился ко мне с вопросом, когда я дам материалы на переоформление автоинспекцией легковой автомашины «Волга», и не сниму ли я с регистрации бывшего секретаря епархии, лучшего из лучших его священников Карвовского, который по своему незнанию епархиальную машину зарегистрировал в автоинспекции на свое имя? Я ответил Луке, что постольку, поскольку этот вопрос мы с ним решили положительно, то мной его просьба будет учтена. Я попрошу автоинспекцию машину «Волга» перерегистрировать, сделав ее владельцем не Карвовского, а епархиальное управление. В отношении поступка Карвовского, его наказания, я этот вопрос сейчас не поднимаю.

Прощаясь с Лукой, он пригласил заезжать к нему после Троицы в Алушту, где он будет отдыхать. Я поблагодарил Луку и сказал ему, что, когда

буду бывать в тех краях, непременно навещу его.
В заключение пожелал ему здоровья и хорошо отдохнуть .

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области А. Гуськов

1961

ИЗ ОТЧЕТНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ДОКЛАДА

УПОЛНОМОЧЕННОГО ЗА 1960 год

1 февраля 1961 г.

[...] Встречи с архиепископом Лукой

В течение 1960 года с архиепископом Лукой встречался 5 раз. Содержание бесед с ним мной раскрыты в справках, направленных Вам.

В настоящее время архиепископ Лука – совершенно немощный старик и, как мне известно, больше спит, чем сидит, я уже не говорю, что он управляет епархией. Епархией управляют его приближенные, немка Лейкфельд, секретарь епархии Рыхлицкий, священник церкви города Симферополя Карвовский и бухгалтер-ревизор Березкин. Однако, все они между собой из-за власти и первенства грызутся, как хищные волки, что нам и выгодно. Сейчас значительно стало легче решать с ними вопросы, подбадривая и подхваливая их, как авторитетнейших людей – помощников Луки. В беседе с ними я им говорю, что они и только они могут воздействовать и уговорить Луку по тому или иному вопросу, который необходимо решать в интересах епархии.

Это им льстит, и они, если можно так выразиться, соревнуются между собой кто быстрее и лучше решит задачу, поставленную перед ними, чтобы в лице уполномоченного тоже быть хорошими.

Лука настолько стар, что не может даже посещать службы в Симферопольском кафедральном соборе, не говоря уже о выездах на периферию. Если раньше Лука писал проповеди, то теперь он и этого не делает. Он почти не принимает посетителей, да к нему их его приближенные стараются и не допускать . [. . .]

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области А. Гуськов

**ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА УПОЛНОМОЧЕННОГО
О КОНЧИНЕ И ПОХОРОНАХ АРХИЕПИСКОПА ЛУКИ**

15 июня 1961 г.

11 июня в 7 часов утра умер Крымский архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович) , доктор медицинских наук, лауреат Сталинской премии.

На похороны Луки и временно исполнять обязанности Крымского епископа Патриарх Алексей командировал епископа Михаила (Чуба) из Тамбовской епархии. Михаил в Симферополь прибыл 13 июня. В этот же день по телефону из Киева мне сообщили, чтобы я не разрешал Михаилу совершать службу. Я позвонил в Совет и получил Ваше указание допустить Михаила к совершению обряда похорон, что мной и было сделано. Сообщено Михаилу, чтобы он после похорон выехал к месту службы в Тамбовскую епархию.

Похороны проводились 14 июня. Гроб с телом Луки был поставлен в закрытый катафалк-автомашин-

ну. Епископ и дети Луки ехали в легковых автомашинах, священники и хористы – в больших автобусах, также были размещены в большом автобусе и венки. На шести автобусах верующих отвезли на кладбище к месту похорон, оторвав их от похоронной процессии. Впереди катафалка и по его бокам, ухватившись за него руками, с места отправления встало человек 50 мужчин и женщин и так следовали до кладбища. Гроб с телом сопровождало человек 200—250. По пути следования на тротуарах останавливались люди. Особенно много ожидало людей на кладбище, причем процентов 90 из них зевак. В беседе с ними выяснилось, что они хотели раз в жизни увидеть, как хоронят епископа, т.к. такого зрелища они больше никогда не увидят.

Маршрут следования был избран по окраинам города. Подъезжая к кладбищу, верующие вынесли из автобуса венки и стали петь: «Святой Боже, Святой Крепкий...» Никакие уговоры не помогли, пение продолжалось и по кладбищу.

После захоронения все крымские священники, которых было до 35 человек (из других областей не было ни одного священника), были посажены в большой автобус и доставлены в епархиальное управление.

Никаких инцидентов во время похорон не было. Порядок поддерживался по заранее разработанному плану органами милиции, хотя и не было ни одного человека в милицейской форме.

Уполномоченный Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совете Министров СССР
по Крымской области А. Гуськов²³

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Топловский Свято-Параскевиевский женский монастырь был учрежден в 1864 году, в 1928-м — закрыт, в 1992-м — восстановлен.

2. Протокол собрания благочинных Крымской епархии, состоявшегося в Симферополе 24 октября 1946 года, см.: ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 65. Л. 166.

3. Сыновья архиепископа Луки стали известными учеными: Михаил — анатом, доктор медицинских наук, профессор; Валентин — офтальмолог, доктор медицинских наук, профессор; Алексей — доктор биологических наук, один из основателей Института эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова.

4. Как отмечается в литературе, богословский труд святителя Луки «Дух, душа и тело» впервые был издан в России лишь в 1992 году и до конца XX века выдержал более десяти изданий (см.: *Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)*. Наука и религия. Дух, душа и тело. — [Б. м.]: «Троицкое Слово», 2001.-С. 6, 28).

5. Молотов (псевдоним; настоящая фамилия Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890-1986), государственный и политический деятель СССР, в 1941-1957 гг. — 1-й заместитель председателя СНК (Совета Министров) СССР, одновременно в 1939-1949 гг. — нарком (министр) иностранных дел СССР.

6. Двумя листами выше уполномоченный писал: «10 июня с/г я выезжал на место в село Почтовое для проверки заявления и состояния помещения, выезжал и архиепископ. Но ввиду того, что под одной крышей с этим помещением имеются жилые квартиры, в которых живут посторонние лица, Лука своего согласия пока на открытие в нем молитвенного дома не дал.

На основании чего мною ходатайство верующих об открытии данного молитвенного дома на рассмотрение еще не ставилось» (ГААРК. Ф.Р-2647. Оп.1. Д. 6. Л. 47.).

7. Ниже уполномоченный сообщал: «В результате проверки заявления на месте было установлено, что никакого постановления исполкома не выносилось, и поручалось рабочему слесарю проверить, как можно провести воду от водопровода, имеющегося в церкви, к жилому дому, находящемуся в ограде церкви. Церковному совету было рекомендовано не возражать о выносе из церкви водопроводного крана к жилому дому, находящемуся от церкви в 7-10 метрах, что иметь водопровод в самой церкви нет надобности, это было сказано и Лукой, который был удивлен тем, что внутри церкви имеется водопроводный кран» (ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1.Д. 6. Л. 64).

8. Речь идет об Алексии I (Симанском Сергее Владимировиче) (1877-1970), Патриархе Московском и всея Руси с 1945 г.

9. Иосифляне — последователи митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых), расстрелянного в 1937 году, стоявшего в оппозиции к Заместителю патриаршего Местоблюстителя Сергию (Страгородскому).

10. Обширное богословское, религиозно-философское, апологетическое сочинение святителя Луки «Наука и религия» впервые было издано отдельной книгой в 2001 г.

11. См. примечание 4.

12. Хиротония состоялась 31 мая 1923 г. Подробно об этом см.: *Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий)*. «Я полюбил страдание...»: Автобиография. — М., 2004. — С. 50-54.

13. По свидетельству современников, в доме архиепископа Луки постоянно проживали родственники.

14. В фонде Р-2647 ГААРК отложились присланные председателем Совета по делам РПЦ при СМ СССР Г.Г. Карповым уполномоченному Совету по Крымской области Я.И. Жданову машинописные копии письма Патриарха Московского и всея Руси Алексия от 26 января 1949 года на имя архиепископа Луки в ответ на его письмо к Патриарху от 18 января 1949 года, а также краткого ответа Луки на письмо Патриарха. Ниже публикуем эти чрезвычайно важные документы полностью.

«Ваше Преосвященство, возлюбленный Владыко!

Хотя у меня совсем нет досуга для частной переписки и, в особенности, полемики, однако я беру на себя этот труд, чтобы высказать Вам свои мысли по поводу Вашего письма от 18.1, переданного мне на днях через о. Протопресвитера.

Вы пишете, что тяжело были поражены постановлением нашим «о запрещении даже проповедей, разъясняющих детям Закон Божий»... и что *лучшие* (здесь и далее выделено в документе. — *Сост.*) Ваши священники скорбно спрашивали Вас по этому поводу: «Зачем же мы тогда крестим детей?»

Между тем, такого постановления о запрещении проповедей «разъясняющих» и т. д. не было. Было только предписано, чтобы под видом проповедей не было систематических уроков, предполагающих специальный созыв детей как на школьные уроки. И далее, в другом постановлении, принятом по случаю предложения одного архиерея ввести специальные уроки Закона Божия для детей, было разъяснено, что это недопустимо, т. к. это является нарушением закона об отделении школы от Церкви.

Что касается проповедей в храме, то, наоборот, было сказано, что это — законное дело и *долг* Пастыря разъяснять истины веры Христовой пасомым.

Неверная точка отправления делает неверным весь ход рассуждений на ту или иную тему, в данном случае — об «абсолютном», как Вы пишете, *запрещении обучения детей и подростков основам христианской религии.*

Основам христианской религии, как Вы видите из постановний Свящ. Синода, никто не запрещает обучать народ, не исключая детей и подростков. Но устраивать классы Закона Божия — мы не имеем права по нашим законам. Так что вопрос наших священников о целесообразности крещения младенцев при данных условиях — является по меньшей мере бессмысленным и свидетельствующим об их непонимании значения Таинства Крещения.

Вы как бы упрекаете меня в том, что я не воздвигаю брани с Правительством нашим, издавшим декрет об отделении

Церкви от Государства и школы от Церкви, — т. к. возбуждение вопроса о разрешении воскресных школ для детей или других каких-либо учреждений для преподавания Закона Божия равняется безнадежному стремлению вызвать существенное изменение Основного Государственного закона. Как, думаете Вы, отнеслась бы к этому акту гражданская Власть? Неужели Вам непонятно, что такое выступление Главы Церкви было бы преступлением, прежде всего, против самой Церкви?

Мы имеем, по милости Божией, большие достижения в церковном отношении: нам возвращена Лавра; мощи святителя Алексия; нам дано разрешение на открытие Духовных Академий и Семинарий; при денежной реформе полностью сохранены для нас церковные средства, и т. д. и т. д. Как сами Вы писали в своей статье в январе 1948 года (имеется в виду статья архиепископа Луки «К миру призвал нас Господь», опубликованная в «Журнале Московской Патриархии», 1948, № 1. — *Сост.*) — «У нас нет никаких поводов ко вражде против Правительства, ибо оно предоставило *полную свободу* Церкви и не вмешивается в ее внутренние дела»...

Что же из этого вытекает? Не то ли, что на почве этой свободы мы можем действовать и обучать и воспитывать наших пасомых? Но *не выходить за пределы наших прав*, и, главное, не пытаться, под видом строго церковного дела, обходить или нарушать государственный закон, обязательный для нас, как и для всех граждан.

И по существу, — воспитание и обучение верующих вкладывать в рамки «уроков Закона Божия» — едва ли благонадежно. Мы знаем по опыту, к чему сводились уроки Закона Божия в наших средних учебных заведениях при наличии тогдашних опытных законоучителей: выходили из гимназий, корпусов, институтов и т. п. учебных заведений не только без надлежащего знания и понимания истин веры, церковной истории и т. д., но, в лучшем случае, с какими-то жалкими обрывками знания по богослужению, по Ветхому и Новому Заветам, по Катехизису — сведениям, больше

похожими на какое-то туманное представление о предмете, чем на существенное знание. И это тогда, когда Закон Божий являлся главным предметом, по которому неудобно было иметь отметку ниже 5. Что же сказать о теперешних возможностях, когда у нас, особенно в провинции, большая часть священников сами являются полуграмотными и даже не только в богословских знаниях?

Вся сила нашей энергии должна быть направлена на надлежащую постановку богослужения, на разъяснение св. Евангелия и богослужебного чина, на создание должного благоговейного настроения верующих. А архиереи, кроме того, должны зорко блюсти за чистотою сословия священно- и церковнослужителей, т. к. эта сторона у нас находится в бедственном положении. Стыдно перед «внешними» за нравственное состояние большинства нашего духовенства. Стыдно перед Властью, давшей Церкви такие обширные права.

Так что и с этой стороны говорить при существующих условиях и при таком духовном уровне наших пастырей о каком-либо систематическом преподавании Закона Божия — совсем *не* приходится.

Допустим, однако, невозможное, именно, что была бы разрешена организация воскресных школ или каких-либо специальных классов для преподавания Закона Божия. Представляете ли Вы себе, какая это была бы богатая почва для обвинения «законоучителей» в контрреволюционных уклонах, в антисоветских выступлениях и т. д. И сколько было бы новых жертв таких сознательных или даже бессознательных выступлений! Так что хорошо, что священнослужители избавлены от этой опасности.

Не новость, что на людей, поставленных во главе той или иной деятельности, от лиц по б. ч. безответственных, падают обвинения в слабости или потворстве, или угодничестве, или что вообще осуждается их работа. В свое время обвиняли даже Митрополита Филарета: и в неправославии, и угодничестве перед Властью, и требовали от него, чтобы он, в силу своего высокого личного авторитета, объявил

борьбу против тогдашнего церковного строя, причем ему тоже угрожали гневом Божиим и тяжким ответом пред Богом за пассивность. Он принимал эти обвинения кротко, понимая, что, требуя от него чуть ли не исповедничества, эти обвинители действовали, не «ведая, что творят»...

Так же, как и Митрополит Филарет по одному случаю подобного обвинения, и я могу Вам сказать его словами: «По предосторожности, чтобы не судить ближнего, не могли ли Вы предложить себе вопрос: подлинно ли человек, который опускает уже одну ногу в гроб (ему в то время было около 74 лет, т. е. то же, приблизительно, что и мне теперь), и которому время бояться суда Божия, а не человеческого, действует по житейскому страху, а не по какому-нибудь рассуждению, хотя и не рассудительному?»

До zde — о преподавании Закона Божия детям.

Вы пишете о сновидении, бывшем старцу Архимандриту Тихону. Если поначалу я ощутил в душе своей беспокойство и смущение, то, благодарение Богу, по размышлении, я уразумел, что в данном случае состояние старца было «смешенное» — святые и праведные люди обычно не дерзают предвосхищать суда Божия и так определенно изрекать свой собственный суд от лица Господня.

Если и подлинно имел такое сонное видение старец Тихон, то не явилось ли оно следствием бесед с Вами, заронивших в его душу беспокойство и уныние из-за представляемого Вами безнадёжного положения церковных дел и греховного бездействия Патриарха? И случилось то, что определяет по аналогичному случаю Митрополит Филарет в письме к Наместнику Лавры Архимандриту Антонию так: «Тем, которых кротость и благочестие Онуфрия расположили в его пользу, надобно удержаться от решительного заключения о его сновидениях. Сновидения различны. Они могут происходить от различных состояний тела, особенно нерв, от сердца, мыслей, воображения, каковы сии наяву... Дабы определить достоинство сновидений потребно многое испытание»...

И еще: «Духовный мир не легко входит в обычный круг наших земных понятий»...

Однако, — пусть помолится и помянет мое грешное имя у могилы праведного архиепископа Гурия о. Архимандрит.

Архиепископ Гурий был настоятелем посольской церкви в Риме, и в 1866 году, 5 июня, был хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанского; 28.XI.1867 года он был назначен Симферопольским и скончался 17.III.1882 г. в сане архиепископа. Фамилия его была Карпов. Архиерейство его да помянет Господь Бог во Царствии Своем.

Вы недовольны статьями А. Гермогена. Если Вы их внимательно прочитаете, то увидите, что он не *Церковь* Католическую осуждает, а направление деятельности Ватикана, что издревле служило предметом осуждения со стороны православных и что главным образом отвращало от Рима наших предков, решительно отвергавших какое-либо общение с «папешниками». Что касается католического духовенства вообще, то вспомните, что Вы писали сами в Вашей статье «К миру призвал Господь»: «Вся масса католического духовенства стала на сторону поджигателей войны и явно сочувствует фашизму». Развейте эту мысль дальше, и Вы окажетесь впереди А. Гермогена в деле осуждения работы Ватикана. Кстати, по поводу Вашей первой статьи в 1946 году «Возмездие совершилось» (опубликована в «Журнале Московской Патриархии», 1946, № 1. — *Сост.*) было много протестов от разных лиц; мне писали и говорили то, что Вы теперь сами мне говорите относительно статей А. Гермогена: «Как Вы могли допустить печатание статьи А. Луки, так несоответствующей духу Христианской любви, которая должна быть особенно свойственной Епископу Православной Церкви?!»...

Помните, Вы и там затронули Папу Пия XII... А по поводу Вашей последней статьи (имеется в виду статья «К миру призвал нас Господь», опубликованная в «Журнале Московской Патриархии», 1948, № 1. — *Сост.*) была громкая статья в заграничной прессе (имеется в виду статья Н. Крюкова-Ангорского «Но избави нас от лукавого», опубликованная в парижской газете «Русская мысль» 2 июля 1948 г.; машинописную копию статьи см.: ГААРК. Ф. Р-2647. Оп.

1. Д. 12. Л. 1-2. – Сост.), где Вас обвиняли в «коммунистическом вранье» и во многих других тяжких грехах... Видите, как трудно угодить всем и каждому!

Простите и меня, если моими строками я смутил дух Ваш. Но я, как и Вы, только из любви к Вам и к правде нарушил, быть может, Ваш душевный покой.

Прошу молитв Ваших. С братской любовью

П. Алексей. 1949 янв. 26.

Если бы Вы нашли возможным навестить нас, мы бы с Вами подробно поговорили о затронутом Вами и о других церковных вопросах».

(ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 12. Л. 5-9.)

«Ваше Святейшество, дорогой Владыко!

Я очень смущен тем, что своим письмом нарушил Ваш душевный покой и, видимо, причинил некоторое огорчение. Не стану утруждать Вас своим настоящим письмом, но только скажу, что явление во сне Святителя Гурия старцу Тихону имело место месяцев за 8 до постановления Св. Синода о преподавании детям Закона Божия. В разговорах с о. Тихоном я никогда не позволял себе критиковать Вашу деятельность, великую и многотрудную.

Я буду очень рад лично беседовать с Вами по вопросам, затронутым в моем письме, и по другим церковным вопросам, к чему Вы милостиво предоставляете мне возможность, ибо многое тяжело наболело. Но в феврале (лютом — по-украински) боюсь ехать из-за метелей и заносов. Постараюсь приехать Великим постом.

Сердечно любящий и глубоко почитающий Вас,
просящий молитв Ваших А. Лука».

(ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 12. Л. 10).

15. Слова из отчета архиепископа Луки за 1948 год, опущенные уполномоченным, восстановлены по отчету, хранящемся в фонде Р-2647 ГААРК (см. примечание 14); слова эти заключены в квадратные скобки.

16. Автобиографию Петра Горбанева см.: ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 84. Л. 70-73.

17. Далее уполномоченный подробно комментирует факты, приведенные в рапорте архиепископа Луки.

18. В отчетно-информационном докладе уполномоченного за 4-й квартал 1950 года сообщалось, что 27 декабря 1950 года состоялся его телефонный разговор с архиепископом Лукой, который сообщил о своем письме Патриарху, в котором якобы спрашивал, имеет ли уполномоченный право отказывать в регистрации приглашаемым архиепископом в Крымскую епархию священникам (конкретно речь шла о священнике из Дрогобычской области Леониде Юркевиче).

19. Дулуман Евграф — скандально известный священнослужитель, ставший на позиции агрессивного безбожия, ездил по стране с атеистическими лекциями.

20. Этой справки в деле нет.

21. Это опровержение см.: ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 121. Л. 39-42.

22. Постановление ЦК КПСС «О ликвидации нарушений духовенством законодательства о культах» было принято 13 января 1960 г.

23. Характерно, что в отчетно-информационном докладе за 1961 год (ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 4. Д. 16. Л. 75-95) уполномоченный Гуськов ни словом не обмолвился о кончине и похоронах архиепископа Луки. Подробно о последних днях земной жизни, кончине и похоронах святителя Луки см.: *Глуценков В. А. Святитель Лука — взгляд в будущее. Панагия и белая мантия. — Спасо-Преображенский Мгарский монастырь, 2002. — С. 121-124.*





13 ноября 1991 г. моя девятнадцатилетняя дочь Алла заболела болезнью Боткина — желтухой. Состояние было тяжелое. Я беженка из Баку, с мужем состою в разводе. Пошла я на могилу архиепископа Луки возле Всехсвятской церкви и молитвенно просила его помощи. Днем позже наступило облегчение, и болезнь прошла через некоторое время совсем.

Несколькими днями позже муж неожиданно прислал деньги, фрукты, мед (сам он проживает в Ставропольском крае). Помощь и заступление, неожиданные для неверующего человека, у меня вызвали глубокое чувство благодарности Господу нашему Иисусу Христу, помогающему по молитвам угодника Своего архиепископа Луки и после его смерти.

*Записано 22 декабря 1994 г. секретарем епархии
о. Василием Дмитриевым со слов Жанны Рубеновны
Похильченко (во святом крещении Евгении), г. Симферополь*



В конце мая 1996 г. родственница моего мужа тяжело заболела. Все началось как острая простуда с высокой температурой, которую в течение нескольких недель не могли сбить. Когда измученную горячкой женщину положили в больницу в Балаклаве, констатировали страшный диагноз: рак легких!

Дальнейшие обследования в разных больницах Севастополя не только подтвердили его, но и квалифицировали как наиболее скоротечную и тяжелую его форму. Врачи посчитали даже бессмысленным делать больной операцию, но, по настоянию родственников, дали-таки ей направление в республиканскую онкологическую больницу в Марьино, куда ее и поместили в конце июля.

Надо сказать, что женщина эта выросла в атеистической среде, в советское время работала учительницей в школе и была далека от религии, но в детстве ее крестили. Я не знала, как с ней заговорить о Боге, но все время подавала записки на Литургию о ее здравии и читала акафист святителю Луке, прося ее исцеления. Когда в очередной раз я пришла, чтобы заказать литургию, служительница Свято-Троицкого собора сказала мне:

— Что вы так заочно о ней молитесь? Надо, чтобы она сама пришла, исповедалась, причастилась,

Поскольку Галина в это время была уже в Симферополе, я пошла ее навестить в больнице, принесла молитвослов, книгу «Дух, душа и тело», рассказала о святителе Луке, — что его мощи открыты для поклонения и о том, что мне сказала служительница в симферопольском соборе. И хотя Галина чувствовала себя очень слабо, решилась на следующий день пойти в собор приложиться к мощам святителя Луки.

3 августа она была в соборе, приложилась к мощам, побеседовала с отцом Петром, и он посоветовал ей причаститься на следующий день на ранней литургии. 4 августа она впервые причастилась Св. Таин.

А на 5 августа было назначено генеральное обследование для уточнения даты и деталей предстоящей операции; так вот, это обследование неожиданно и, к великой радости больной и ее близких, вдруг зачеркнуло результаты всех предыдущих обследований — диагноз не подтвердился! После причастия рака легких у Галины не обнаружили!

Ее, конечно, продержали некоторое время в больнице и прооперировали по поводу щитовидной железы. Потом в больницах Севастополя она неоднократно проходила обследования: врачи только руками разводили — никаких следов рака.

Сейчас Галина Григорьевна Калько работает в редакции газеты «Слава Севастополя» и благодарит Бога за свое чудесное исцеление.

Елена Журавская, г. Симферополь



1 января 1997 г., проснувшись, я обнаружил на левом виске шишку размером с пятнадцатикопеечную монету. Болезненным ощущением она напоминала о себе. Хирург назначил мне операцию, но перед ней я испросил благодатной помощи у святителя Луки, прикоснувшись виском к стеклу раки. И великий целитель послал избавление. Это был урок моему маловерию.

Иерей Александр



В конце мая — начале июня 1998 г. к мощам святителя Луки подошла женщина и пожаловалась на сильную боль в сердце. Боль была такой сильной, что казалось, вот-вот наступит смерть. О. Леонид сказал:

— Обратись к святителю Луке: «Святителю отче наш Луко, помолись за меня ко Господу, чтобы Господь простил мои грехи».

Она поцеловала ножки святителю и вдруг почувствовала толчок в сердце, даже вздрогнула. Сердце перестало болеть.

Протоиерей Леонид Дунаев



Я, Ревякина Надежда Семеновна, родилась в Симферополе, недавно переехала в Гвардейское.

11 октября 1998 г. я спускалась с крутой горки. Наступив на небольшой покатый камень, нога съехала и завернулась ступней внутрь. Я услышала треск, и меня пронзила острая боль в нижней части голени. Кость стала выпирать наружу, разрывая кожу. Я присела и зажала это место рукой.

За полчаса до этого, уходя от родственников, я сказала: «Я устала жить». И тут же подумала: «Что я говорю! Ведь это грех!» Но получилось без должного покаяния.

Скорая помощь отвезла меня в Луговскую больницу. Снимок показал открытый перелом, двойной и винтообразный. Такой перелом без операции не обходится, и ее назначили, не спрашивая моего согласия. Я тут же отказалась, сказав: «Что Бог даст, то пусть и будет». Мне ответили, что может быть остеомиелит. Это почти неизлечимая болезнь кости.

По моей просьбе, вызвали моих близких верующих друзей. Они принесли мне акафисты святителю Луке, Спасителю, Матери Божией, Ангелу Хранителю. Я сразу же стала читать каждый день акафисты. Мне принесли немного земли с могилы святителя, я посыпала ею ногу и мазала освященным маслом.

А врачи все готовили меня к операции. Из собора пришел о. Иоанн причастить меня. Перед этим я предложила расписку об отказе от операции. Врач немного рассердился и сказал:

— Вот сделаем завтра еще снимок для большей убедительности.

Накануне вечером я почувствовала какие-то осторожные действия сбоку на голени, а потом выше, где вышла кость. Это повторилось и днем. Я даже не выдержала и сказала соседям по палате, что у меня такое ощущение, будто кто-то с ногой что-то делает. На меня с удивлением посмотрели, и я умолкла.

Ночью я впервые крепко уснула. До этого все ночи были мучительными. «Устала жить? Полежи, отдохни», — эта мысль не уходила у меня из головы. Я проснулась оттого, что резко самопроизвольно дернулась нога — больно, но терпимо. Я немного испугалась и стала ждать, думала, еще повторится, но незаметно уснула. Утром это повторилось слабее и совсем слабенько днем.

На следующий день вкатили в палату рентгеновский аппарат, сделали снимок. Через день во время обхода доктор, глядя себе под ноги, смущенно сказал:

— Снимок показал, что операцию вам можно не делать.

Меня охватила такая радость, что помощь Божия, на которую я так надеялась, свершилась через целителя милостивого, архиепископа Луку, исповедника Крымского. Вместо двух месяцев, предписанных врачами, я находилась с гипсом всего месяц. Все это совершившееся могу засвидетельствовать на Евангелии.

Ревякина Надежда Семеновна, пос. Гвардейское



Мой муж, Сидякин Павел Семенович, подполковник в отставке, получил тяжелую черепно-мозговую травму в автомобильной катастрофе. В госпитале врачи сказали, что шансов остаться в живых у него нет. Но мы, друзья и я, молились о нем день и ночь, и Господь не оставил нас. Через неделю ему сделали операцию — трепанацию черепа, сшили разломанную пополам коленную чашечку, наложили гипс. Все это время мы молились непрестанно.

Через два месяца его выписали домой с тяжелыми последствиями травмы. Кроме всего описанного, у него было два перелома верхней челюсти, два перелома нижней челюсти, перелом костей носа и скуловых костей. Рот у него не закрывался, пищу он мог только глотать, нужна была еще одна нейрохирургическая стоматологическая операция. Мы повезли мужа в Севастопольский госпиталь. По дороге мы заехали в Симферополь, в соборный храм к мощам святителя Луки. Муж со слезами и верой приложился к святым мощам, моля об исцелении. Нога его после операции не сгибалась в колене, поездка была для него мучительной. И — о чудо Божие! —возвращаясь назад к машине, он с радостью воскликнул: «Нога не болит — святой помог!»

Мы, возблагодарив Господа и Его святого угодника, двинулись в дальнейший путь. По приезде в Севастополь

стоматолог-хирург тщательно стал осматривать мужа, сказал: нужна операция для восстановления жевательной функции. Муж очень волновался — столько перенес страданий, и снова под нож. И святитель Лука, наш врач



и помощник, совершил чудо — челюсти у мужа сами по себе сомкнулись, и врач с удивлением констатировал, что операция не нужна. Так наш ближайший помощник и врач — Крымский святитель Лука (Войно-Ясенецкий) исцелил моего мужа. Слава и благодарение!

Также не могу умолчать и еще об одном факте помощи от целителя Пантелеймона. После операции на черепе мой несчастный муж после долгих дней бессознательного состояния пришел в себя с полной потерей памяти. Врачи бессильно разводили руками. Меня охватило отчаяние. Но Господь и здесь явил нам скорую помощь. Это было в 1996 году. В Москву из Афона привезли Честную Мироточивую Главу целителя Пантелеймона, и подруга привезла нам драгоценное миро, которым помазывали в Москве всех желающих. Мы тут же помазали миром голову моего бедного мужа — палата наполнилась благоухани-

ем. И целитель Пантелеймон вернул моему мужу память и разум. Слава Тебе, Господи!

Прошло три года, муж мой работает, укрепляет свое здоровье гимнастикой, плаванием, тренировками, и мы не перестаем благодарить Господа нашего Иисуса Христа и Его святых угодников за исцеление, возвращение к жизни и бесконечные милости к нам, грешным.

Сидякина Л.И.



Я хочу с благодарностью засвидетельствовать об исцелении моей больной дочери Ирины святителем Лукой (Войно-Ясенецким). У меня больная дочь: с двух лет заболела эпилепсией, сейчас ей уже 25 лет, приступы очень частые и сильные. А тут еще привязалась беда — внутренний нарыв на копчике. Пошли мы к хирургу, он назначил операцию на 20 марта 1996 г. и объяснил мне, что это такая болячка, что придется чистить каждые 3-4 месяца. Но, по промыслу Божию, 20 марта мы поехали в Симферополь на перенесение мощей святителя Луки в Свято-Троицкий кафедральный собор. Всю дорогу шли рядом с мощами святителя. Во время шествия мы молили святителя Луку, чтобы он сам прооперировал нарыв на копчике. Приехав домой в Феодосию, поздно вечером мы обнаружили, что нарыв вскрыт. Совершенно без боли, осталось только все прочистить. Ходили потом к хирургу, он был удивлен, что ничего не обнаружил на месте нарыва, даже следа не осталось.

С тех пор прошло уже три года. Я благодарю святителя Луку за его помощь моей больной дочери Ирине.

В церковь я хожу всего четыре года. Я поняла, что только Православная Церковь — наше спасение, появилась надежда, что Господь наш Иисус Христос по молитвам святых исцелит и мою болящую Ирину.

*Галина Криворучко, прихожанка храма
Введения во храм Пресвятой Богородицы, г. Феодосия*



У меня болели пальцы на руках. Они стали синие с бордовыми пятнами, очень опухли, покрылись волдырями, очень чесались, болели, я не могла их согнуть и сдвинуть вместе, ничего не могла делать — ни постирать, ни убрать, а ведь у меня семья, дети. И так продолжалось довольно долго. Когда я пошла к врачу, он не мог определить диагноз и, следовательно, не мог назначить лечение.

Но вот когда я с группой верующих приехала в Симферополь в дни обретения мощей святителя Луки, то произошло чудесное исцеление. Я настолько была поглощена происходящим — мы были на службе, припадали к святым мощам, шли крестным ходом, были на панихиде на площади, — все это так захватило меня, что не сразу обратила внимание на себя, а когда приехала домой, то увидела, что совсем здорова, и по сей день пальцы меня больше не беспокоят.

Я очень благодарна Господу Богу нашему, что дал нам такого защитника и целителя.

Слава Господу и благодарение за все.

Татьяна, г. Бердянск Запорожской обл.



Я, Колесов Александр Константинович, житель г. Харовска Вологодской области, алтарник Воскресенского храма г. Харовска, 1915 г. рождения, свидетельствую о благодатной и чудесной помощи, которую мне оказал святитель Лука еще до своего общецерковного прославления.

Четыре года тому назад у меня заболел живот. Я обратился в поликлинику к терапевту, она осмотрела меня и направила к хирургу. Тот приказал немедленно сдать

анализы и после результата готовиться к операции. Меня отвели в палату, и там я с невыносимыми болями промучился всю ночь. Утром хирург подтвердил необходимость срочной операции. Боль в животе не уменьшалась, а нарастала. В 11 часов дня ко мне пришел игумен Арсений, у которого я прислуживаю алтарником, и принес книгу — автобиографию святителя «Я полюбил страдание». На обложке этой книги изображен лик владыки Луки. Я беру в руки эту книгу и прошу его о помощи и исцелении. Боль все не утихает. Я кладу на живот книгу, накрываюсь простыней, читаю молитвы и молюсь святителю.

Долго я читал молитвы и незаметно уснул. Это было около одиннадцати часов вечера. В первом часу ночи просыпаюсь — книга лежит на животе. Беру в руки книгу, целую лик святителя. Трогаю живот — не болит. Давлю, изучаю со всех сторон — не больно. Встаю на ноги, опять давлю, щупаю живот — не больно. На душе радостно — благодарю святителя Луку за то, что он избавил меня от нестерпимой боли.

В семь часов утра пришел хирург Павел Викторович, стал прощупывать мой живот — не болит. Он сказал, что это временно, а операцию нужно проводить, как показывают анализы. Я ответил, что у меня ничего не болит, и операцию делать не нужно. Хирург сказал:

— Ну ладно, подождем, но вскоре ты сам запросишься на операцию.

После этого я еще семь дней находился под наблюдением врачей. Дважды анализы были плохие, а третий раз показали, что все в порядке. После этого меня еще раз осмотрел врач и засвидетельствовал, что никакой болезни у меня нет. И вот, слава Богу, с того времени уже четыре года, как я не чувствую никакой боли. Свидетельствую о чудесном исцелении и благодатной помощи святителя Луки. Теперь я приехал в Симферополь, чтобы у мощей святителя поблагодарить его за исцеление.

19 марта 1999г.

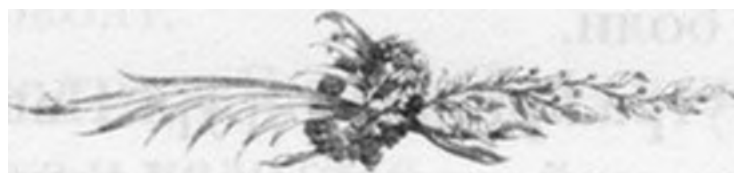


Это произошло со мной летом 1999 г. Мне предложили операцию печени, так как было выявлено новообразование. В день памяти святителя Луки, накануне на вечерней службе я приложилась к святым его мощам и уже была уверена, что все обойдется без операции.

Действительно, вместо операции мне предложили наблюдаться в течение трех месяцев. Все это время я приходила и прикладывалась к мощам святителя Луки с молитвой и просьбой об исцелении.

По истечении трех месяцев я прошла повторное обследование, и было выявлено, что оперативное лечение не нужно, предложили по-прежнему только наблюдаться. Состояние здоровья у меня, слава Богу, улучшилось, я думаю, по молитвам святителя Луки.

Татьяна Матвеева, с. Перевальное



Рассказывает матушка Анна, которая несет послушание в Свято-Троицком храме г. Симферополя у мощей святителя Луки:

— Десять лет я болела неизлечимой болезнью — нейродермитом. Кто болеет — знает, что это такое. Такой был зуд, что я расчесывала тело до костей, все было в ранках. Периодически лечилась в больницах, но только на время приходило облегчение. А когда я была еще в Топловском монастыре, я обратилась к игумении (тогда была еще матушка Алевтина) с вопросом: что мне делать с моею болезнью, и она мне ответила: «Медицина тебе не поможет. У тебя болезнь духовная. Молись, и Господь тебя вылечит».

И вот я уже почти два года стою на послушании у мощей святителя Луки. Я молилась и просила святите-

ля, чтобы он помог мне, молился о том, чтобы Господь простил мне мои грехи и исцелил, чтобы я могла хотя бы на коленочки стать. И по молитвам святителя Луки Господь исцелил меня полностью. Сейчас все чисто.



Моя сестра Тамара уже долгое время болеет тромбофлебитом. Ей предлагали операцию, но Господь отвел от этого. А у меня дома была земелька с могилы святителя Луки (взята, когда он еще не был канонизирован). Я посоветовала ей растворить эту землю в воде и делать примочки. И вот она так и сделала, ей помогло — ранки затягивались.

А у невестки Любы (кстати, неверующей) был ожог руки. Что она только ни делала, какие только мази ни прикладывала — не помогало, а сделала примочку — и на следующий день все затянулось.

Составила со слов излечившихся р. Б. Галина, 1999 г.



У моего девятилетнего ребенка воспалился лимфоузел. Диагноз: подчелюстной лимфаденит. Размер воспаленного лимфоузла был примерно с половину мизинца взрослого человека. У нас дома хранится щепочка от гроба святителя Луки. После молитвы мы приложили ее на воспаленное место, продолжая молить святителя Луку об исцелении. Дочка начала ощущать идущее от щепочки тепло, которое усиливалось, лицо у нее сильно покраснело, ей стало очень жарко. Когда мы убрали щепочку, обнаружили, что воспаленный лимфоузел стал очень маленьким, с горошину.

Через несколько минут опухоль стала увеличиваться, но первоначальных размеров не достигла. Мы вновь

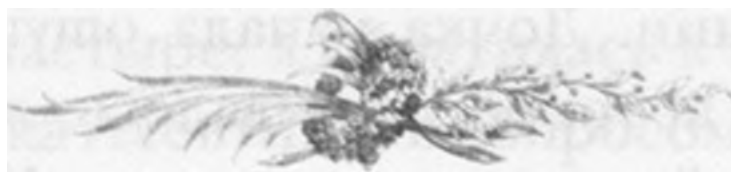
приложили щепочку, продолжая молить святителя Луку, и опять все повторилось, снова пошло усиливающееся тепло, ребенок стал красным. Узел опять уменьшился, а потом возрастал, но ненамного.



На следующий день мы вновь с молитвой прикладывали щепочку, и лимфоузел больше не увеличивался.

В последующее время мы не раз прибегали к помощи святителя Луки, прикладывая щепочку к больным местам, и всегда от нее исходило тепло и возникало чувство жара.

Цыкалюк Т.Ф., г. Ялта



Иерей Иоанн Шимон, клирик Свято-Троицкого собора, свидетельствует:

— Ребенок двух лет очень тяжело заболел и находился в реанимации с диагнозом — отравление. Мать пришла

в собор и усердно молилась у мощей святителя Луки. Глядя на его икону, расположенную над ракой, она увидела, что образ святого менялся прямо на глазах. Он был то в мантии, то в рясе. Затем она увидела святителя Луку с чашей в руках. Мать немедленно пригласила меня к ребенку в больницу. Я причастил его Святых Христовых Таин. Вскоре он выздоровел.

Декабрь 1999 г.



Схиархимандрит Зосима, духовник Донецкой епархии, свидетельствовал о том, что его четыре раза спасал от смерти святитель Лука. Ему уже читали канон на исход души, но когда привезли ему частицу мощей, приложившись к ней, наутро он совершенно исцелился и отправился в храм на богослужение.



В январе 1997 г. мне пришлось обследоваться и получить лечение в Крымском республиканско-диагностическом центре. Результаты обследования не радовали — необходимо было сделать три операции. Все эти операции, я считаю, были обоснованы. Вкупе эти болезни не давали мне нормально жить и работать. Из-за искривления носовой перегородки я получала недостаточно воздуха и постоянно задыхалась, особенно лежа. Болели голова, глаза. Сон для меня был мучением... Помимо этого, необходимо было удалить гланды и кисту.

Так вот, лежу я в больнице, в мрачных раздумьях по поводу навалившейся на меня беды, а к моей соседке по палате приходит ее давняя подруга — Лидия Дмитриевна Горякина. Познакомились. Она спросила, крещеная ли я. — «Да». — «А носишь ли крестик?» — «Нет». — «А поче-

му?»... Сообразив в чем дело, Лидия Дмитриевна испросила моего согласия на приобретение крестиков мне и моей семье и рассказала о Божией помощи в скорбях и печалях, о заступничестве Богородицы, а больше всего — о молитвеннике земли Крымской, архиепископе Луке. А еще, размечталась она, как было бы хорошо, если бы в моем селе была своя церковь.

Надо сказать, что вся свалившаяся на меня в короткий срок информация плохо переваривалась в моей голове, но семя было уже брошено, и ростки должны были прорасти. Эта женщина в свободное от процедур время успела дважды сводить меня к мощам святителя Луки. Я просила своими словами: «Отче Луко, боюсь операции, если можно, избави от нее». И все же я, грешная, слабо верила в такую серьезную помощь.

Шло время. Я усиленно готовилась к двум операциям, когда по местному телевидению диктор объявила, что к нам в с. Фрунзе, по просьбе христиан и благочинного Сакского округа о. Валерия, владыка Лазарь прислал о. Аполлинария обустроить церковные и приходские дела. Я стала активно ходить в нашу церковь, обосновавшуюся в старом, ветхом здании.

Перед операциями я исповедалась, причастилась и пособоровалась. Эти две операции прошли успешно, а вот по поводу третьей — оторопь брала меня, справлюсь ли, выдержу ли я? Непрерывный ропот вырывался из моих уст. Врач советовала мне не отчаиваться и готовила к операции. На обратном пути от доктора я зашла в собор к другому доктору — небесному — Луке и опять попросила его защиты и помощи.

Спустя два месяца я приехала на проверку к врачу. Она сказала, что киста уменьшилась, но без операции все равно не обойтись. Через такой же период я приехала на повторный осмотр — и кисты не оказалось! Врач сказала, что в ее многолетней практике такого не бывало. Конечно же, она не знала, как произошло исцеление, кто мне невидимо помог. Знали Господь Бог, святитель Лука, я и Лидия Дмитриевна.

В подтверждение могу сказать, что все документы о проверках в Центре и на кафедре гинекологии у меня имеются. Ничего не выдуманно. С тех пор я являюсь прихожанкой нашей церкви Рождества Богородицы, помощницей нашего батюшки о. Василия Цешковского. Уже несколько месяцев я читаю на службе часы. Сын мой Саша служит пономарем.

Святой отче Луко, моли Бога о нас!

Наталья Сыч, с. Фрунзе Сакского района



Я получила исцеление от длительной гипертонической болезни, которой страдала более 12 лет. 20 марта 1996 г., на перенесение мощей святителя Луки, я приехала из Мисхора в Симферополь. Ночью, перед отъездом, очень плохо чувствовала себя. Но во время торжества я воспринимала его как что-то непостижимое моему уму, оно переполняло меня, я не чувствовала никакой боли и усталости, я просто жила!

Проснувшись утром, я поняла, что у меня ничего не болит. Боли не было около месяца, и вдруг ночью я (как и раньше) проснулась от ужасной головной боли. Хотела принять таблетки, но что-то подсказывало мне, что этого не нужно делать. Я вспомнила, что у меня есть земля с могилы святителя Луки. Я приложила эту землю ко лбу, и боль сразу же стала уходить. Утром я встала здоровой. Через месяц все повторилось: я опять проснулась от страшной головной боли, но уже не раздумывая, приложила землю, и вся боль прошла. Больше приступов не было. Я боялась признаться, что получила исцеление.

Через год я заказала у мощей святителя Луки благодарственный молебен Иисусу Христу, Божией Матери и святителю Луке. Я уже начала признаваться в исцелении, т.к. лечащий врач меня не узнала, так я изменилась внешне в лучшую сторону.

Но вот 2 декабря 1997 г. у меня опять был сильный гипертонический криз. Врач сказала, что неминуем инсульт и инфаркт. Выйдя из кабинета, я не пошла ни в стационар, ни на процедуры, а потихоньку отправилась домой и стала молиться Богу и святителю Луке.

Я просила Бога отсрочить мою смерть, не потому, что боялась умирать, я просила ради невестки, которая должна была вот-вот родить третьего ребенка. Я говорила, что ей будет очень трудно перенести мои похороны, ведь только недавно мы похоронили моего мужа. Бог услышал мою просьбу. Я никого не звала на помощь, хотя чувствовала себя очень плохо, а приложила землю с могилы святителя и молилась, так и уснула.

Утром проснулась, встала, помолилась и потихоньку пошла на работу в Алупку в храм Святого Архангела Михаила, где работаю рабочей по двору и в церковном киоске. Отец Валерий, которому я рассказала обо всем, как врач посочувствовал и сказал, что рисковать не надо было, но я ответила, что полностью положились на волю Божию. В феврале я поехала в Симферополь и заказала святителю Луке благодарственный молебен за второе мое спасение.

Не знаю, чем я, грешная, заслужила у Бога столько милости, что теперь могу работать, читать и писать, ведь раньше я не могла даже написать письма, сразу поднималось давление.

Прилагаю вам медицинскую карту, как свидетельство о болезни, и направления на лечение, они мне не нужны. Я знаю, что святителю Луке эта вся писанина моя не нужна, но это нужно нам, грешным, на земле, чтобы мы всегда знали и помнили, что дивен Бог в святых Своих.

Аминь.

Анна Арсентьевна Янова, пос. Мисхор



В день перенесения мощей свт. Луки у меня сильно болела нога. Она очень мерзла, и под кожей катался шарик. Я взяла земли с могилы архиепископа Луки (его мощи уже были перенесены в кафедральный собор) и принесла ее домой. Когда к вечеру боль в ноге усилилась, я приложила землю к больному месту, предварительно прочитав три раза «Отче наш», три раза «Богородице, Дево, радуйся» и обратилась с молитвой к святителю Луке. К утру почувствовала облегчение. На вторую и третью ночь тоже приложила землю и совершенно исцелилась: исчез шарик, боль прошла и нога стала здоровой.

*По свидетельству Марфы Гордеевны Землянко
записал протодиакон Василий Марущак, май 1996 г.*



В Свято-Троицкий собор каждый день идут наши прихожане. Идут со своими скорбями, болезнями, бедами и радостями. Слава Богу! Идут православные христиане к Богу. Я являюсь свидетелем многих благодарений Господу нашему Иисусу Христу, Божией Матери и святителю Луке. Многие христиане просят святителя Луку об исцелении от различных недугов, и не только телесных, и по вере своей получают, и заказывают с радостью благодарственные молебны. Сегодня и я, грешная раба Божия, инокиня Галина, благодарю Господа нашего Иисуса Христа, Божию Мать, святителя Луку; всех святых, в земле нашей просиявших, и Ангела-хранителя моего.

20 мая 1998 г. при обследовании в диагностическом центре у меня в нисходящей кишке был обнаружен полип, взяли анализ на биопсию и направили на исследование. Посылаю вам результаты обследования. Я очень просила святителя Луку, как хирурга, удалить мне этот полип, пила маслице из его лампы, молилась. 15 июня я легла в областную больницу им. Семашко для удаления полипа. Процедура ввода аппарата в кишечник очень

болезненная, и я по своей немощи боль эту терпеть не могла, кричала. Дважды или трижды врач тщательно исследовал мой кишечник, но полипа не нашел. Все были в удивлении. Я же ответила, что его удалил мне сам святитель Лука, и просила поскорее вывести аппарат. Конечно же, я сразу поблагодарила Господа Иисуса Христа, Божию Мать и святителя Луку.

Никогда не отчаивайтесь, потому что без воли Божией с нашей головы не упадет даже один волос, и если приходят к нам скорби и болезни — это великая милость Божия и Его к нам, грешным, любовь. Слава Тебе, Боже всещедрый, слава Тебе!

Инокня Галина



Я родилась в 1982 г. под Петропавловском-Камчатским, а бабушка и дедушка мои живут в Крыму, в Феодосии. Каждое лето мы всей семьей проводили отпуск на берегу Черного моря. Для этого нужно было около восьми часов лететь самолетом до Симферополя, а затем еще ехать 2,5 часа автобусом до Феодосии. Этого путешествия я просто боялась: меня укачивало не только в самолете, автобусе, на корабле, но даже в городском транспорте и легковых автомобилях...

На Камчатке я закончила первый класс, и мы переехали в Крым, т. к. папа — военный. Но количество поездок не уменьшилось: наш класс часто возили на экскурсии, а каждое лето по-прежнему путешествовали всей семьей, но уже по святым местам России.

Каждая поездка была для меня мукой, разнообразные советы мне не помогали. Уже в аэропорту или на автостанции от одного запаха бензина и гари у меня начинала кружиться и болеть голова. Было очень неудобно, когда из-за меня приходилось останавливать автобус, или сидеть мне с приготовленным на коленях пакетиком, в

то время как другие с большим интересом слушали экскурсовода или восхищались великолепными пейзажами через окно автобуса. И я с ужасом думала: «Неужели мне это на всю жизнь?!»



Но вот в прошлом году в Ялте встречали Вселенского Патриарха Варфоломея. Множество людей съехалось на его встречу. Мы тоже записались в эту двухдневную поездку. В автобусе меня, как всегда, сильно укачало. В Симферополь приехали уже затемно. Автобус остановился недалеко от кафедрального собора. Меня очень измотала дорога, я вышла согнувшись, страшно болели живот и голова, продолжало сильно мутить, из глаз сами собой текли слезы, меня знобило. Не помню, как добралась до храма, где уже кончалось всенощное бдение. Я купила свечу и направилась к раке. Думаю, что не случайно до поездки я почитала автобиографию архиепископа Луки «Я полюбил страдание...» и присутствовала при открытии и прославлении его святых мощей. Поставив свечу, я опустилась на колени. Маленький хор тихо вел

великое славословие, и из меня полилась молитва вместе с усилившимися слезами: «Святителю отче Луко, ты столько исцелил от неизлечимых болезней, еще при своей земной жизни всегда оставаясь врачом телесным и духовным, ты видишь, как мне плохо, как я мучаюсь в дороге, исцели же, пожалуйста, и меня от этого недуга, который изматывает все силы». И еще о многом я сокровенно просила в тот вечер святителя Луку, твердо веря, что он услышит и исполнит мою молитву.

Встав с колен, я почувствовала заметное облегчение. Батюшка открыл нам раку, я в числе других приложилась к мощам святителя Луки, подошла к елеопомазанию, после чего мне стало так хорошо и легко, что я решила подойти вторично. Снова приложившись к мощам, я подошла к батюшке. Стоя в стороне и растирая елей по лицу, я почувствовала огромную радость, охватившую меня, наверное, впервые в жизни. И я подумала: «Где два раза есть, там и третий». От раки подхожу к священнику, он удивился, но когда я сказала, что мне очень нужно, елеопомазал.

Из храма я вышла сияющая, окрыленная. Ничего не болело. От прежнего состояния не осталось и следа. Я с удивлением заметила, что возле автобуса не пахло гарью и бензином. Во время пути в Ялту меня не укачивало, настроение было отличное. Наутро я встала с ясными и чистыми мыслями, не болела голова. У собора св. Александра Невского, куда мы пришли, была такая сильная загазованность, что я уже и не надеялась на хорошее самочувствие, но даже через два часа мне не стало ни капельки хуже, а затем я совсем забыла про свою болезнь.

После встречи Вселенского Патриарха мы выехали домой. По дороге я не узнавала себя: меня не мутило, я, как и все, с интересом смотрела в окно, мне было радостно, и только про себя я постоянно повторяла слова благодарения нашему новопрославленному Крымскому чудотворцу. Свидетелями чуда были все пассажиры авто-

буса, все видели, какой я была в первый день, и насколько неузнаваемая на второй...

Через месяц мы поехали в Космодамиановский монастырь. Кто там был, знает эту узенькую дорожку, вьющуюся серпантином. Но какие бы ни были крутые повороты, как ни трясло автобус, мне становилось все радостнее от мысли об исцелении. Обратный наш путь лежал через Симферополь. Мы снова зашли в кафедральный собор. Я купила свеч на сумму, уже заранее обещанную в благодарность святителю Луке, и в тот вечер у меня текли уже слезы счастья и благодарности, а не горя и скорби. Меня наполняло чувство неземного восторга, и я прикладывалась к цельбоносным мощам много раз с особым трепетом...

После службы я рассказала о случившемся со мной батюшке, и он посоветовал мне описать это чудо, что я и исполнила.

Святителю отче Луко, моли Бога о нас!

Аня У., ученица 11 кл., г. Феодосия



В епархиальное управление обратился Александр Фролович Матвеев, который поделился своими воспоминаниями о святителе-хирурге, много лет назад оказавшем ему неоценимую помощь.

Во время Великой Отечественной войны при бомбежке его ранило и сильно контузило. Мельчайшие осколки через мягкие ткани проникли в прямую кишку, повредили ее, вызвав загноение и воспаление. Результат — инвалидность. Жизнь превратилась в мучение. Долго, лет восемь, болел Александр Фролович после ранения, обошел всех местных медицинских светил. Ему предлагали операцию, но никто не давал гарантий выздоровления. Жена Александра Фроловича, не в силах смотреть на его муки, стала уговаривать пойти на прием к архи-

епископу Луке. Да неудобно... В конце концов набрался мужества и пошел.

Поразительно, что святитель не стал осматривать больного. Он внимательно посмотрел рентгеновские снимки, попросил принести другие, в ином ракурсе. Через несколько дней снимки были готовы, и Александр Фролович вновь пришел на прием к святителю. «Молодой человек, — сказал архиепископ Лука, — вам нужна операция, серьезная, но ее вам в Крыму никто не сделает. Вам нужно ехать в Москву». Святитель благословил больного на операцию и дал адрес московского профессора А.Н. Рыжих. Операция, сделанная по благословению святителя, прошла успешно. Александра Фроловича сняли с инвалидности, он стал жить полноценной жизнью. Остается добавить, что сейчас Александру Фроловичу Матвееву 84 года.



Времена, в которые судил нам Бог жить, называют трудными и сложными. Иные верующие люди говорят больше того — живем мы во времена безблагодатные. Но хотелось бы поведать вам о чуде, чтобы узнали о нем верующие и сомневающиеся и свидетельствовали: с нами Бог! Он все тот же и ныне, и во веки.

Начало этой истории не назовешь радостным. Через полгода после освящения нашего домового храма свв. мучеников Космы и Дамиана, что в областной больнице им. Мечникова города Днепропетровска, скорая помощь доставила в приемный покой пострадавших в автокатастрофе священника Владимира Цешковского и его матушку. Травмы были не из легких, и врачи сделали не одну операцию, чтобы поставить на ноги священника и матушку.

Многие приезжали проведать и ободрить больных, многие молились об их выздоровлении. Молился об этом и наш приход. А из Крымской епархии приехал к отцу Владимиру его брат (тоже священник) и привез

болящим крест-мощевик с частицей мощей недавно канонизированного святого — святителя и хирурга Луки (Войно-Ясенецкого).

Стараниями врачей и молитвенным предстательством святителя Луки о. Владимир начал выздоравливать. Уже на первой неделе Великого поста он каждый день приходил в храм — пока на костылях, но уже без посторонней помощи. На Великом Каноне св. Андрея Критского о. Владимир, не жалея себя, стоял на коленях, как все прихожане, и молился.

Через непродолжительное время о. Владимир и его матушка выздоровевшими покинули больницу. А в благодарность об исцелении и на молитвенную память оставили в больничной церкви крест-мощевик, который во время болезни находился в их палате.

Храм наш еще очень молод, но Господь с первого же дня изобильно изливал Свою благодать на прихожан. В храм прибывали великие святыни. Владыкой Иринеем был подарен Запрестольный Крест с частицей св. Древа Креста Господня и частицей мощей святого великомученика и Победоносца Георгия. В престол храма вложены были частицы мощей новомученицы Великой княгини Елизаветы и священномученика Владимира, митрополита Киевского. Прибывали частицы мощей киево-печерских святых, писались новые иконы. Храм наполнялся святынями, среди которых достойное место занял крест с мощами святителя Луки.

Корпус, в котором находится наша церковь, — хирургический. Каждый день приходят в храм больные, их родственники со своими недугами и скорбями, обращаясь к Богу и святым Его. С молитвой к мощам святителя Луки все чаще и чаще приходили молиться о благополучном исходе операций не только больные, но и врачи, свидетельствуя после, что Господь услышал их молитвы. Имея множество свидетельств о скорой Божией помощи по предстательству святого хирурга, настоятель храма о. Георгий заказал написать икону святителя Луки. Когда

икона прибыла в храм, в нее были вложены частицы мощей и ризы святителя-хирурга.

Прошло время. Люди, работающие в храме, прихожане и многие больные стали ощущать довольно сильное благоухание. Как правило, оно возникало в будние дни при небольшом стечении молящихся в храме людей или во время проповеди в воскресные и праздничные дни. Напоминая запах мира, благоухание волнами перемещалось по храму, поэтому определить его источник было невозможно. Многие успели привыкнуть к этому чуду.

Летом прошлого года, 17 июля, случилось происшествие, которое подтвердило предположения о чудотворности предыдущих событий. На восьмом этаже хирургического корпуса в лорсоматическом отделении находилась на лечении прихожанка Троицкого собора студентка мединститута Людмила К. В этот день ее навещали соседи, верующие прихожане Преображенского собора Павел и Анна.

Поднимаясь по центральной лестнице, они почувствовали сильный запах церковного мира или ладана. Запах распространялся из-за закрытых дверей церкви. Затем они услышали молебное пение, священнические возгласы и громкое стройное пение голосов. Павел рассказывал:

«Я подошел к дверям и подергал ручку. Дверь была заперта, через матовое узорчатое стекло не пробивался свет, в храме было темно. Я решил, что о. Георгий служит молебен, и захотел на нем побыть, помолиться. А так как дверь была закрыта и не было освещения, подумал, что служат заказной (т. е. частный) молебен о здравии кого-либо из болящих в присутствии только заказавших молебен людей. Решил никого не тревожить и продолжил подъем по лестнице. Запах плыл вверх, вплоть до нужного мне восьмого этажа».

Стоит заметить, что это была среда — будний день. В среду вечером в нашем храме всегда тихо. Богослужений

нет, спевки у хора в другие дни. На наше свидетельство об этом и намек на то, что, может быть, Павел слышал магнитофонную запись церковных песнопений, он категорично заметил, что запись от живого пения отличить может и что слышал священнические возгласы на молебне и настоящее церковное пение хора, и не сомневался, что в храме служится молебен.

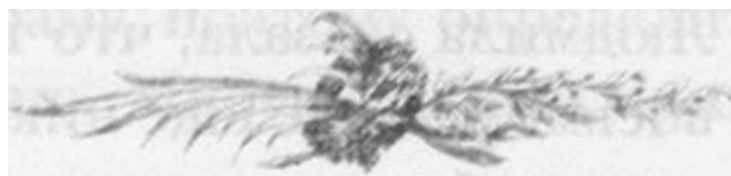
Придя к заболевшей соседке, Павел рассказал о молебне. На это Людмила сказала, что такого сильного запаха ладана на восьмом этаже еще никогда не было. И вместе они удивленно наблюдали, как лежащие в отделении больные открывали в коридоре окна с ворчанием: «Они что там, в церкви, костер из ладана устроили, дышать нечем! Это что надо сделать, чтобы с третьего этажа до восьмого такой сильный запах дошел?»

Павел, Анна и Людмила спустились на третий этаж к церкви. Там было все так же темно. Дверь была закрыта. Запах постепенно рассеялся.

Рано утром Людмила пришла в храм с вопросами о вчерашних событиях. Сторож удивился и сказал, что вечером в храме ничего не происходило. Но когда пошел посмотреть на иконы, увидел, что на стекле иконы святителя Луки была капля мира. После многие верующие приходили в храм приложиться к иконе с мощами. Все больше говорили о благодатной помощи и облегчении страданий больных, помолившихся у этой иконы. Не раз еще икона с мощами являла себя людям. Перед прибытием в наш храм чудотворной иконы Пресвятой Богородицы «Призри на смирение», накануне, в храме благоухала не только икона святителя Луки, но даже сухие полевые цветы, стоящие рядом с ней. Так радовался предстоящей встрече с Матерью Божией небесный покровитель хирургического искусства святитель Лука. А когда, пробыв на территории больницы и в нашем храме пять часов, икона «Призри на смирение» продолжила свое шествие по городским храмам и уставшие, но духовно ликующие священнослужители вернулись в церковь,

священник о. Василий Н. обратился к нам с радостной улыбкой: «Что это у вас в храме так Симферополем пахнет?» И хотя икона в этот момент была в алтаре, он поинтересовался: «Неужели у вас есть частица мощей святителя Луки?» — и рассказал нам о своем посещении Свято-Троицкого собора в Симферополе.

Елена Романова, г. Днепрпетровск



В начале Петровского поста 1998 года я была на богослужении в Свято-Никольском храме Бахчисарая. Как обычно, разговорилась с кассиром Надеждой о делах, о жизни, о прочитанной духовной литературе, она мне поведала о своих личных горестях, мол, болеет, и врач настаивает на операции, Растет опухоль. Страшно, и где взять деньги?! Вот и тянет она, не знает, что делать. Батюшка благословил сделать УЗИ, и деньги выделил, только предупредил не ходить одной. «Почему?» — полюбопытствовала я. — «Бойтся, что я в обморок упаду, если что серьезное обнаружится». «Добрый батюшка, — подумала я, — как переживает за каждого!» Хотелось мне ободрить Надежду, и я стала ей советовать то, что каждому болящему всегда твержу. Для верующих не ново. Говорила, что болеем мы за свои грехи, что поздно пришли к вере, успели таких грехов понаделать, что болезни нам Господь дает для спасения души и для вразумления ближних. Но кого Бог наказывает, того и любит. Что «пре-терпевший до конца спасется»... Главное, у нас есть оружие против всех болезней и козней бесовских — святое причастие, пост, покаянная молитва. Надо почитать среду и пятницу, стараться жить по заповедям Божиим, соблюдать все постановления Православной Церкви. И тогда, возможно, Господь и сотворит чудо, как сказано в Писании: «По вере вашей да будет вам». «Да, — соглашается Надежда, — я давно не причащалась, все некогда

подготовиться, да пост не всегда строго держала. Надо серьезно заняться».

Случилось так, что почти весь пост мы не виделись с болящей. Но вот, приехав на богослужение, я видела, как



Надежда подходит к Чаше. Причастилась, слава Богу! Хотелось поздравить, но поговорить не удалось. А где-то уже в конце июля встретила ее в Бахчисарае, с понурым видом идущую на обследование. Теперь-то УЗИ покажет — «быть или не быть». Я напомнила, что одной батюшка не благословил идти. На что она улыбнулась: «Так уж получилось!» Утешила ее как могла. С Богом! Ангела Хранителя! «Молитесь за меня,» — просила Надежда. Так разошлись. Приехав в воскресенье на богослужение, я не узнала болящую, такой сияющий у нее был вид. Радость вспыхнула и во мне. «Все обошлось», — мелькнула мысль. «Иди скорей, что расскажу, — смеясь, приглашала Надежда. — УЗИ ничего не показало. Опухоли нет. Врач не поверила, а при ручном обследовании тоже ничего не обнаружила!» Я взволнованно слушала ее рассказ. «Ты

знаешь, я пост держала и причастилась, к тому же была у мощей святого Луки в кафедральном соборе. Служил митрополит Владимир, народу было много. Батюшка благословил ехать на празднование и по делам в Симферополь. Никого не было со мной, поэтому позволила я себе плакать сколько хотела. Прикладываясь к мощам, просила святого Луку помочь в исцелении болезни, говорила, что боюсь операции, умоляла его сделать мне ее. Он профессор медицины, святой! Говорила, что только ему доверяю свою жизнь. Монашка, служившая у мощей, предложила рукавичку, освященную на раке. Надо, мол, молиться и прикладывать к больному месту. Так я и сделала на ночь. И какой-то процесс внутри был». Надежда ощущала и боль, и движение внутри себя. А утром было легко, и в том месте, где была опухоль, тяжести не находила. Вот и произвел операцию профессор медицины, сам владыка Лука, как и просила. Для верующего ничего невозможного нет. Дивен Бог во святых Своих!

Надежда Фильцина, с. Голубинка, Бахчисарайский р-он



Моей дочери была необходима операция. Я молилась Богу со слезами, чтобы Он послал нам в помощь святителя Луку и святого вмч. Пантелеймона. Перед операцией дочь отказалась снять с себя нательный крестик. Дожидаясь ее окончания, я сидела на скамеечке возле больницы. Вдруг стены как бы раздвинулись, и я увидела операционный зал. Возле стола стояли святитель Лука и великомученик Пантелеймон. Они подавали хирургу необходимые инструменты, великомученик Пантелеймон держал в руке свечу. И тут я услышала голос: «Этот тот Лука, о котором ты просила у Бога, делает твоему ребенку операцию».

Впоследствии, хирург Екатерина Георгиевна, сама человек глубоко верующий, рассказывала о необычайно-

сти той операции. Как только она хотела сказать ассистенту, чтобы та подала ей нужный инструмент, как он уже оказывался в ее руках.

*Параскева Михайловна Савенко,
г. Павлоград Днепропетровской обл.*



Я, Радченко Валентина Михайловна, проживающая в г. Тбилиси, ул. Нуцубидзе, 211, корп. 3, кв. 21, хочу рассказать следующее.

Моя мама, Радченко Галина Павловна (1922-1998), проживала в г. Симферополе, по ул. Пролетарской, 8.

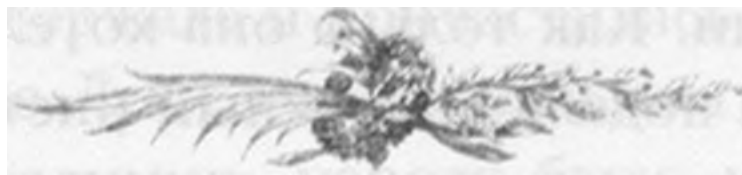
Она серьезно заболела. Диагноз: затемнения лобовой части головы. Консилиум мединститута рекомендовал сделать опасную операцию — трепанацию черепа.

Мы жили рядом с храмом, мама была верующим человеком, посещая храм, плакала, там и обратила на нее внимание женщина, которая, очевидно, была монахиней. Спросила ее, почему плачет, и ей мама рассказала про свою беду. Женщина посоветовала маме обратиться к Владыке Луке.

Владыка Лука сказал (посмотрев все снимки), что операцию делать не нужно. Когда мама спросила, сколько надо заплатить, он ей ответил: «Поставьте свечу в церкви».

Я благодарю Бога за то, что он ходатайством святителя Луки сохранил жизнь моей маме, которая дожила до преклонного возраста — 76 лет. Она была грамотным, но очень стеснительным человеком, и потому сама не решалась рассказать через газету, но часто просила сделать это свою соседку и меня, свою дочь.

Этим рассказом я выполняю ее волю.



В 1999 г., перед праздником Святой Троицы, мой муж Александр производил ремонт машины. Во время ремонта от одной детали откололся кусочек металла и попал ему в правый глаз. После посещения врача-окулиста муж расстроенный вернулся домой, держа в руках направление на операцию в глазное отделение больницы им. Мечникова в Днепропетровске. Настоятель Спасо-Преображенского собора протоиерей Анатолий Марущак посоветовал нам отслужить молебен о здравии и помолиться о хирурге, который будет оперировать. Молебен совершался перед иконой святого великомученика и целителя Пантелеймона. Теплилась лампада, зажженная от лампады с Гроба Господня (отец Николай объяснил, что огонь привезли как раз накануне из Иерусалима). В молитве батюшка просил о помощи в предстоящей операции святителя Луку, архиепископа Крымского, целителя Пантелеймона и других святых.

После молебна отец Николай помазал оба глаза мужу елеем от лампадки святителя Луки, сказав, что это масло только сегодня привезли из Симферополя. Придя домой, я стала собирать вещи, муж сидел на диване в соседней комнате. Вдруг я услышала тихий стон и подошла к мужу. Меня удивило неестественное положение его тела. Конечности были как бы жестко зафиксированы. Мелькнула мысль — как на операции.

Мы приехали в Днепропетровск в больницу, в глазном отделении прошли необходимую подготовку. Осмотр перед операцией производил профессор Н.Ф. Зленко.

Мне он сказал: «То, что мы видим на снимках с анестезиологом, опровергает все законы математики и физики. Мы сделали несколько снимков из разных положений. Металла нет. Нет и второго отверстия, через которое бы металл вышел. И еще — почти сутки была рана в глазу, а глаз не вытек. Ответ один — чудо! Других

слов и объяснений мы не находим. Вы не врач (это он мне), и поэтому вы не можете себе представить значение происшедшего». После операции профессор обратился ко мне с такими словами: «Вы не думайте, что я сам делал операцию, мне силы небесные помогали. Я чувствовал физически, как моими руками управляют, в голову мне вкладывались мысли по лучшему управлению операцией. По своему опыту я до такого не мог додуматься. Я получил огромное удовольствие от операции. А вы до конца жизни благодарите Бога с воздетыми к Нему руками за оказанную вам милость».



19 сентября 1999 г., в праздник Воспоминания чуда Архистратига Михаила, моему внуку Мише исполнилось два года. Во второй половине этого дня Миша, играя с детьми во дворе, нашел гриб — бледную поганку и съел кусочек. Мы не пошли с ним сразу же к врачу, подумали, что так обойдется, да и денег на лечение не было. И лишь когда положение ребенка осложнилось настолько, что начались предсмертные судороги, обратились в больницу. Яд попал в кровь, были повреждены все органы: мозг, печень, сердце... Мальчика под капельницей отправили из Джанкойской больницы в республиканскую клинику, где врачи сказали, что надеяться нам можно разве только на Бога.

Мишу положили в реанимацию, а его мать, моя дочь Оксана, поспешила в Свято-Троицкий собор к святым мощам владыки Луки, просить у него молитвенной помощи в исцелении ребенка.

Приехав в Симферополь на вторые сутки, я нашла дочь в храме возле мощей. Я тоже стала просить у святителя помощи и неутешно плакала. Оксана же, которая, уезжая из дому с тяжело больной сынишкой, была просто убита горем, сейчас очень спокойно мне сказала: «Мама,

не расстраивайся, все будет хорошо. Я дважды прочитала акафист святителю Луке, и мне было видение».

Мы вышли во двор, и она мне рассказала, что когда молилась, на иконе святителя, написанной на стене над ракой, цвет одеяния владыки менялся с цветного на черный, монашеский. Дочь стала медленно задавать вопросы, и на каждый владыка отвечал видением. Он отделялся от стены как живой. В руках его появлялся то Богомладенец, то золотистая чаша. Дочь спросила: «Мишу надо причастить?» Ответом была чаша в руках святителя.

Мы договорились с батюшкой в соборе и перед причастием ребенка еще сутки молились. Я простояла то на ногах, то на коленях вечернюю, а на следующий день раннюю и позднюю литургии, молебен св. Серафиму Саровскому. Дочь была то рядом со мной в храме, то ездила в больницу.

С помощью Божией 23 сентября отец Иоанн (фамилии его я не знаю) причастил ребенка. Вечером Мише стало хуже, врачи прежде говорили, что идет распад печени, а теперь сказали, что она сжалась в комок и начался полный распад, и чтобы мы готовились к смерти ребенка. Дочь мучили сомнения, но и надежда теплилась, что врачи ошибаются. Она снова пришла к мощам святителя, стояла и молилась в слезах. И опять трижды ей было то же видение: риза владыки меняла цвет на черный. Дочь молчала и ждала.

На этот раз Господь открыл ей Свой промысел через людей. Пожилая монахиня, знавшая о состоянии нашего мальчика, спросила: «Ну как ребенок? Причастили?» Оксана ответила, что причастили, но врачи говорят, что он умрет. — «Как же так, матушка, ведь были же мне видения от святителя Луки?» Тогда монахиня сказала: «Если были видения, не верь врачам, а верь святителю, он лучше их все знает».

Дома мы стали думать, почему во второй раз владыка предстал в черном трижды. И мне пришло вразумление.

«На Воздвижение, — говорю, — будет третий день от этого видения. Может быть, к Воздвижению Мишенька придет в себя». И наши надежды оправдались. 27 сентября, в праздник Воздвижения Креста Господня, мы помолились в Свято-Троицкой церкви, и дочь с зятем, приложившись к мощам святителя, отправились в больницу. К концу богослужения вернулись радостные, 26-го вечером Миша был уже в сознании, а 27-го чувствовал себя хорошо и общался с медперсоналом. На следующий день его перевели из реанимации, где он пролежал ровно неделю, в обычное отделение и положили вместе с мамой. Врачи удивлялись анализам, говоря, что это нереально: билирубин был 31, и резко стал 8. «Это плохо?» — спросила дочь. — «Хорошо. Но нереально».

Такое великое чудо сотворил Господь в нашей семье! Мой внук из мертвых воскрес.

Весной нужно было повторить курс лечения. Но семья у дочери большая, четверо детей, средств ехать на лечение не было. А молились мы постоянно. И слава Богу, Царице Небесной, святителю Луке, Архистратигу Михаилу, святому великомученику и целителю Пантелеимону — по сей день Миша чувствует себя хорошо. Мы грешные и недостойные, конечно, но Господь милостив. Слава Богу во святых Своих!

За суетой не было времени описать этот случай. Прошу прощения. Благодарю отца Иоанна и всех батюшек и прихожан, кто помогал нам и молитвой, и делом. И у нас в Чонгаре, в храме пророка Илии, теперь есть икона святителя Луки. Год назад ее принесли в храм как раз в день памяти святого апостола и евангелиста Луки, чье имя принял в постриге симферопольский святитель. И когда служили молебен святителю Луке, икона благоухала. Слава Богу за все!

*Людмила Анатольевна Кускова,
с. Атамань Генического района*



В декабре 1999 г. сестры Свято-Троицкой женской обители города Курска обратились к архиепископу Симферопольскому и Крымскому Лазарю с просьбой передать монастырю частицу мощей святителя Луки (Войно-Ясенецкого), который, еще живя в миру, работал в уездных больницах Курской губернии, успешно лечил крестьян.

И вот от иконы святителя Луки с мощевиком, находящейся теперь в Свято-Троицком монастыре, исцелился новорожденный младенец с опухолью мозга. Ему грозила сложная, рискованная операция. Отец ребенка вместе с женой и сынишкой приехал на молебен в монастырь, и святитель Лука пришел им на помощь. На следующее утро в больнице, куда отвезли малыша, врачи с удивлением обнаружили, что необходимость в операции, на которой они настаивали несколько дней назад, теперь вдруг отпала, и ребенок почти здоров.

Евгений Муравлев, г. Курск



Меня зовут Георгий Ангелакис, жену мою зовут Фотини. У нас двое детей — Венетия, пяти с половиной лет, и Манолис, двух с половиной лет. Живем мы на Крите, в районе г. Гераклеон в селе Арколохори. Случай, который я сейчас описываю, произошел с Манолисом.

В начале мая 2000 г., погладив сына по голове, я ощутил ладонью у него под правым ухом какую-то шишку размером с орех. День ото дня она становилась все больше, и мы решили обратиться к нашему педиатру, которая, в свою очередь, направила нас в Пепагни, в отделение анализа крови.

Мы провели в больнице 16 дней, делая постоянные

анализы разного рода, поскольку врачи клиники никогда прежде не сталкивались с подобным случаем и не могли даже определить, какого рода опухоль — доброкачественная или злокачественная. Впрочем, поведение некоторых врачей и их обмолвки дали нам понять, что опухоль эта все-таки злокачественная, и нас с женой охватило такое чувство безнадежности и паники, что это, наверное, будет стоить нам многих лет жизни. Все же мы ни на мгновение не переставали молиться Всевышнему. К тому стоит добавить, что ребенок наш, несмотря на его малый возраст, очень любит церковь и иконы. К большому нашему счастью, мы познакомились с о. Хризостомом, который, узнав о нашей беде, соизволил нас навестить. Он прибыл как раз в день, когда ребенку должны были делать биопсию, и привез с собой из



Фив мощи свт. Луки. К тому дню горло у мальчика было уже полностью закрыто опухолью. Кормили мы его крошечными порциями молока, а дышать он мог только с помощью дыхательного аппарата. В то время, когда мы молились за ребенка, отец Хризостом перекрестил больное место на его горле ракой с мощами свт. Луки и затем уверил нас, что мальчику уже на следующий день станет лучше, независимо от того, сделают ему биопсию или нет. Нас предупредил все же, чтобы мы молились во имя Луки и доверились его любви.

Так мы и делали, и ребенок провел следующую ночь в клинике уже в лучшем состоянии, без одышки и без каких-либо других осложнений. Вскоре он попросил поесть. На следующий день ему стало еще лучше, и гор-

ло почти совсем открылось. Врачи, наблюдавшие столь резкое и стремительное улучшение состояния ребенка, не верили собственным глазам и не могли объяснить увиденное. Мы же знали, что это святитель Лука сотворил чудо.

Поскольку биопсия была уже назначена на день этого невероятного улучшения, врачи решили ее сделать (все другие виды анализов явно указывали на наличие опухоли). Через несколько дней были готовы результаты биопсии, и они, к счастью, были благоприятными. Мы выпи-сались из клиники, вернулись на Крит, и все это время у ребенка не было никаких проблем со здоровьем.

Один из врачей, узнав об этом чуде, сотворенном свт. Лукой, сказал: «Нам бы следовало порвать свои дипломы!»

О чуде мы поведали многим и будем рассказывать о нем всегда с чувством благодарности к великодушию, которое свт. Лука проявил к нам и нашему ребенку. Всем сердцем благодарим его, и да будет благословенно его имя.

*Георгий и Фотини Ангедакис,
г. Аркодохори, 13 августа 2000 г.
(Перевод с греч. М. Колесникова)*



7 ноября 2000 г. я ездил в Симферополь, чтобы помолиться у раки святителя Луки, в Свято-Троицком кафедральном соборе заказал молебен о здравии, помолился перед ракой и в тот же вечер уехал в Одессу. Еще утром в поезде я заметил, что получил облегчение от хронической грибковой инфекции горла — болезни, которой я страдал около четырех лет. На следующее утро я убедился в том, что болезнь полностью прошла. Еще через несколько дней я понял, что также получил облегчение от долго беспокоившей меня болезни кишечника (дис-

бактериоз). Исцеления совершенно явственно произошли по молитвам святителя Луки.

*Сергий Степанов, воспитанник 3-А класса
Одесской духовной семинарии*



Не могу умолчать о чудесной помощи великого крымского угодника Божия — святителя Луки, неоднократно явленной нам с дочерью Анной.

Живем мы в городе Череповце Вологодской области, а в Евпатории лечимся с 1990 г.

Перед поездкой в Крым в этом году (а я знала, что лечение будет длительным — три месяца, так как предстояла операция на мышцах ног) заказывала молебны о здравии Божией Матери и Царственным Мученикам, особенно мною любимым.

Стоя на молебне, услышала, что священник молится и святителю Луке — кто-то заказывал ему молебен; святителя Луку у нас очень почитают. Я подумала: что же я не заказываю молебны святителю — нам ведь предстоит операция, а он великолепный хирург. Мы с дочерью стали заказывать молебны и читать акафисты святителю Луке. И он не замедлил явить свою чудодейственную помощь.

У моей дочери Анны детский церебральный паралич, она ходит тяжело, с трудом. В нашем городе два года назад ее загипнотизировали врачи, и у девочки сильно заболели колени. Сделали снимки: остеопороз (т. е. разрушение костной ткани) коленных суставов. Через год снимок повторили, улучшения нет — ярко выраженный остеопороз. Врачи ничего утешительного сказать не могли: возможно, с возрастом кости окрепнут и болезнь пройдет, но нужны годы.

Здесь, в санатории, дочери сделали снимки тазобедренных суставов. Рентгенолог написала заключение: подвывихи тазобедренных суставов. Мы были в шоке:

если так, то Анну ожидала не планируемая мышечная, а сложная костная операция и длительное пребывание в гипсе. Снимок сделали в пятницу, 6 апреля, на понедельник назначили повторный, а 8 апреля — это было Вербное воскресенье — мы отправились в Троицкий собор г. Симферополя к мощам святителя Луки, понимая, что в создавшейся ситуации помочь может только он. Мы горячо молились благому и милостивому врачу святителю Луке, чтобы снимки были хорошими. Заказали ему молебен, взяли масла из лампадки у его мощей. В понедельник сделали повторные снимки, и они показали, что подвывиха тазобедренных суставов нет. Более того, врачи, посмотрев внимательно снимки коленей, пришли к заключению, что у дочери нет и остеопороза в коленных суставах.

Неверующий человек может отнестись к случившемуся скептически, сказать, что все это — случайность, но мы твердо знаем, что никакие это не совпадения и врачебные неточности, а помощь и заступничество святого угодника Божия Луки.

Святителю отче Луко, великий и преславный угодниче Божий, и впредь помогай нам!

*Анна и Лариса Федченко,
г. Череповец Вологодской области*



Недавно я побывала в гостях у своей близкой подруги Лидии Дмитриевны Г., с которой не виделась почти полгода, и она поведала мне удивительную историю.

В августе Лидия Дмитриевна с воспалением легких попала на лечение в республиканский центр. По обыкновению, после завтрака больные отдыхали в холле. Одна видная темноволосая женщина восточного типа стала жаловаться на тяжелую болезнь сердца.

— А тут еще обнаружили кисты на печени и предла-

гают оперироваться. Где только я не лечилась, ничто не помогает. Меня так замучили болезни, что я согласилась на операцию и в то же время очень боюсь, — сетовала Ксения (назовем ее так). «А глаза, удивительные глаза как бы молили меня о помощи», — вспоминает Лидия Дмитриевна. И она стала рассказывать о Православной вере, о святынях крымской земли.

— Наверное, вы слышали о святителе Луке, знаменитом хирурге Войно-Ясенецком? — спросила Лидия Дмитриевна.

— Нет, не слышала, — ответила Ксения. — Я бывала у многих врачей и целителей, но, увы, мне уже никто не в силах помочь.

Лидия Дмитриевна стала пересказывать вкратце жизнь святителя Луки, рассказала мою историю, что я (автор этих строк) по вере получила благодатную помощь и исцеление от мощей святителя Луки, а в конце добавила, что если Ксения также поверит и обратится к святителю Луке за помощью, то непременно ее получит.

— Я верю, — сказала измученная женщина, — и столько было в ее глазах неподдельной чистоты и искренности, что Лидию Дмитриевну даже оторопь взяла. Она очень вежливо поинтересовалась:

— Вы христианка?

— Я мусульманка.

— Хотите, я принесу из дому книгу о святителе Луке? — спросила Лидия Дмитриевна.

— Хочу, очень хочу, — живо откликнулась Ксения.

— Не хочу, — ответила другая больная, 80-летняя старушка Вера Ивановна, с крестиком (!) на груди.

И Лидия Дмитриевна, инвалид II группы, неслась домой за спасительной книгой, которая должна непременно помочь больной иноверке. Принесла, бережно передала ее Ксении, и та пропала из больницы вместе с книгой дня на три. Лидия Дмитриевна в глубине души скорбела, что так опрометчиво дала бесценную книгу

женщине, которую едва знает. Та не оставила ни телефона, ни адреса.

Прошло три дня, и в палату к Лидии Дмитриевне постучала Ксения. Она пригласила Лидию Дмитриевну пройти в ее палату. На кровати были разложены православные книги и святыни: vareжка, освященная на мощах святителя Луки, крестик... В руках Ксения держала книгу о святителе Луке, которую ей дала Лидия Дмитриевна, и, не выпуская ее, начала свой бесхитростный рассказ:

— Книгу вашу я прочитала в мгновение ока. Очень понравилась. Я все там поняла. Захотелось узнать побольше о святителе, о христианстве. Я вновь стала перелистывать страницы, всматриваясь в снимки. На фотографии святителя меня поразило его проникновенный взгляд. И вдруг я как бы услышала голос святителя Луки: «Иди и покрестись!» Я подумала, что мне это показалось. Вдруг опять тот же приказ: «Иди и покрестись!» И в третий раз было точно так же.

Сомнений не оставалось. Еле дождавшись утра, Ксения пришла в собор на акафист. Дрожащей поступью переступила порог православного храма и... очутилась в раю. Не было предела ее восторгу!

— Какая красота в вашем храме! Я ходила по нему запросто, меня никто не трогал и не гнал. А мужчины и женщины находились там вместе! Я этого не знала... В центре храма я увидела прекрасную картину (слова «икона» Ксения еще не запомнила) с Женщиной. Я упала перед этой картиной на колени и горько заплакала, не замечая никого вокруг. Зато заметили меня, безутешно рыдающую, женщины, прислуживающие в храме, заинтересовались, что со мной. Я им рассказала о вас, Лидия Дмитриевна, о книге, о повелении святителя Луки, о том, что я мусульманка и что очень хочу покреститься. Служащие сказали вашему священнику, и он совершил обряд крещения, дав мне новое христианское имя...

— Теперь ты моя сестра, — сказала Лидия Дмитриевна.

— Сестра? Почему, как? — недоумевала Ксения.

— Потому что покрестилась, став моей сестрой во Христе.

Ксения обрадовалась такому открытию, тем более, что она была одна у родителей, да и те уже умерли. Лидия Дмитриевна попросила Ксению вернуть ей книгу, благо своих у нее уже много. Но Ксения, вздохнув, сказала:

— У меня сегодня день рождения!

Лидия Дмитриевна мгновенно все поняла:

— Поздравляю тебя с днем рождения и дарю эту книгу. Пусть она будет самым твоим дорогим подарком!

Подытоживая свой рассказ, Лидия Дмитриевна как бы оправдывалась передо мной:

— Удивительное дело, Наташа, я ведь не заставляла Ксению креститься, даже и не намекала, я просто рассказывала о нашем святителе Луке, которого очень люблю и верю ему. Мне просто хотелось, чтобы и эта женщина поверила. Никакой своей заслуги в случившемся не вижу, так как сама великая грешница. Все Господь управил. Не случайно сблизил Он христианку и мусульманку. Свет Христов просвещает всех!

Слава Богу за то, что Он раскрыл талант красноречия в этой женщине, и что она не зарыла его в землю, не спрятала от людей, а с радостью и верой делится с каждым пожелавшим увидеть и познать Истину.

Наталья Сыч, с. Фрунзе



26 декабря 2001 г. я почувствовал недомогание. К вечеру были уже все признаки гриппа. Мне было так плохо, что не было сил исполнить вечернее правило. Я только с молитвой смазал грудь и горло святым маслом от лампадки с могилы нашего нижегородского праведника, батюшки Григория Долбунова, и заснул.

И мне снится сон. Вхожу я в большую комнату, там много икон и фотографий праведников и святых XX века.

Я молюсь и делаю поклон перед каждой. Когда я почтил все святыни и обернулся, то увидел в комнате пожилого солидного человека в белой одежде, стоящего боком ко мне за аналоем и читающего книгу. Я узнал его: это был святитель Лука. Я помолился ему и поклонился. Он повернулся ко мне и низким красивым голосом сказал: «Почему вы раньше не обращались ко мне? Я не знал о вас, а теперь я буду молиться о вас. Будете исповедоваться? Готовьтесь». И протянул мне книгу. В ней оказались таблицы, графики, диаграммы. Я почему-то подумал: «Ведь Владыка — ученый, вот и читает научную книгу».

Проснулся я в 5 утра полный сил, энергии. Я был ошеломлен, весь день не мог в себя прийти от удивления. На душе мир и радость, словно я вновь родился. Во всех прочитанных мной толкованиях на Евангелие сказано, что исцеления тела не бывает без исцеления души. Поэтому святитель Лука и потребовал, чтобы я готовился к исповеди.

Слова святителя: «Почему вы раньше ко мне не обращались?»... В 2000 году Господь сподобил меня побывать в Петербурге с группой паломников. Там я купил акафист святителю Луке. Купил, что называется, про запас, потому что в Нижнем Новгороде ни акафистов святителю, ни иконочек его я не видел.

Чудо исцеления моего произошло в ночь с 26 на 27 декабря. Вечером 27 декабря я открыл церковный календарь и с удивлением узнал, что завтрашний день, 28 декабря, — праздник, Собор Крымских святых.

Роман Шапошников, г. Нижний Новгород



На протяжении нескольких месяцев у меня очень болела рука, плечевой сустав, мышцы и кости. Мы живем вдвоем с мужем в своем доме, без коммунальных удобств. Муж — инвалид войны с черепным ранением, поэтому

вся домашняя работа лежит на мне. Больная рука изматывала меня, особенно ночью, но я безропотно переносила все испытания. Да вот еще одна напасть: во время зимнего снегопада, поскользнувшись, упала, ушибла мышцы и кость больной руки, болезнь сильно обострилась, жизнь стала еще тяжелее.

А в начале апреля, вернувшись из однодневной поездки в Симферополь, пришла внучка и совершенно неожиданно для меня подарила мне иконочку с частицей гроба святителя Луки. До этого я читала о нем в «Тавриде Православной», читала его книгу «Дух, душа, тело» и другие, прониклась к нему любовью и поклонением за его церковное и врачебное служение. Зная, что его мощи хранятся здесь, в Крыму, в Симферополе, собиралась поехать помолиться, да все было недосуг.



В порыве радости от встречи с иконкой, которая мне представилась явно живой, такой родной, такой нужной, я обратилась к святителю Луке с теплой, искренней, сердечной молитвой. От всей души искренне радовалась, благодарила за то, что он будет теперь пребывать в моем доме и с его благодатью мне будет легче. Прочитала тропарь (на иконке), своими словами пожаловалась и попросила его исцелить мою болезнь, прижимая иконку к себе. Потом поставила иконочку в удобное место и ушла по своим делам, продолжать свою обычную домашнюю жизнь. Через несколько часов упрямилась, расслабилась и совсем неожиданно почувствовала, что моя рука исцелилась и совершенно не болит.

Сразу я боялась об этом сказать своим близким (до такой степени была потрясена). Но вот прошло около

месяца, я в полном здравии, безболезненно все делаю именно этой рукой. Постоянно, сердечно, искренне, СО слезами молюсь святителю Луке и благодарю его. Считаю грехом не сообщить о моем исцелении.

*Р. Б. Александра, прихожанка храма
св. вмч. Екатерины, г. Феодосия*



Хочу рассказать вам о чуде, сотворенном Господом по молитвам святителя Луки. Моя дочка, которой 2 годика, заболела. Врач поставил диагноз: бронхит и назначил лечение. Хотя не было кашля, у ребенка дней пять держалась высокая температура. И вот когда дела уже вроде пошли на поправку — спала температура — появился кашель, причем очень сильный, приступообразный.

В обед я уложила дочку спать, но спать она не могла: кашель ее будил. И вечером все повторилось. Девочка, не успев заснуть, просыпалась от сильного приступа кашля и начинала плакать. Я положила ей на грудь мешочек с нагретой солью, но дочка его сбрасывала.

Тогда я помазала ей лоб и грудь маслом от Гроба Господня и почти машинально, не веря особенно, что поможет, положила на грудь ребенку, под маечку, рукавичку святителя Луки и трижды прочитала тропарь ему. Показала дочку на руках, поначалу не обратив внимания, что кашлять она стала редко. Потом мы обе уснули, и только утром я поняла, что ребенок всю ночь проспал, ни разу не кашлянув, хотя предыдущий день и вечер предвещали беспокойную ночь.

Кашля больше не было. Я вижу в этом явное чудо святителя Луки, которое он явил мне, маловерной. Я тогда же обещала святителю написать вам об этом чуде, и вот пишу, хотя, каюсь, долго откладывала.

Р. Б. Светлана, г. Севастополь



Я — католический священник, мне 81 год. Вследствие несчастного случая я получил серьезный перелом верблюдьей впадины сустава левой голени. Спустя несколько дней одна моя знакомая прислала мне книгу «Автобиография Преосвященного Луки, архиепископа Симферопольского». Я много молился этому святому архиепископу-хирургу и быстро поправился. Я очень благодарен святителю Луке и обращаюсь к нему ежедневно.

Аббат Жорж Бернэ, г. Монтеस्कью, Франция



После перенесенного ишемического инсульта компьютерная томография показала 21 января 2003 года, что у меня формируется киста.

Я стала усердно молиться святителю Луке. Ровно через два месяца была проведена повторная компьютерная томография, после которой врач поинтересовалась, была ли у меня операция по удалению кисты. Я ответила, что нет. Вызван же этот вопрос был тем, что в операции совершенно отпала необходимость: врач сделала заключение об отсутствии кисты на момент проведения повторной томографии (21 марта).

Я всей душой благодарна святителю Луке за явную помощь и молитвенно обращаюсь к нему ежедневно.

Валентина Андреевна Ящук, пгт. Красногвардейское



Поздним вечером в Симферопольском Свято-Троицком женском монастыре раздался телефонный звонок. Звонили из Москвы с просьбой помолиться у раки с

мощами святителя Луки о здравии младенца Марии, которой на следующий день предстояла тяжелая операция на сердце. В монастыре сердечно откликнулись на просьбу. В 7 часов утра иерей Свято-Троицкого монастыря о. Петр Чайковский, читая акафист святителю у раки с его святыми мощами, молился о здравии и спасении маленькой Марии. «Господи, помилуй... Спаси и сохрани. Святителю отче наш Луко, моли Бога о ней...» Молились вместе с ним и мы, прихожане храма, объединенные общим призыванием Господа, Пресвятой Богородицы и святых Его.

Молитва не знает границ. Операция прошла благополучно. В настоящее время девочку уже выписали из больницы, а ее родственники приехали в Симферополь поклониться святым мощам святителя и исповедника Луки с благодарением за ниспосланную помощь.

*Р. Б. Тамара, прихожанка храма
Свято-Троицкого монастыря*



Во время пребывания осенью 2003 г. в Греции вместе с делегацией крымских православных врачей митрополит Симферопольский и Крымский Лазарь встретился с греческим мальчиком, который рассказал ему удивительную историю. Отрок был болен. Ему предстояла серьезная хирургическая операция. В православной Элладской Церкви очень почитают нашего святителя Луку. Во многих храмах есть его иконы. Мальчик, о котором идет речь, перед операцией пошел помолиться в церковь. Он обращался к святителю Луке за помощью. И она не замедлила. Во время молитвы к ребенку подошел человек в черной монашеской одежде и назвал диагноз его болезни. Мальчик с удивлением его подтвердил. Монах благословил отрока и пообещал ему выздоровление. И в самом деле, когда он пришел на операцию,

пришел черед удивляться врачам. Операция больше не была нужна. Услышав рассказ мальчика, владыка Лазарь попросил находившихся вместе с ним крымских врачей осмотреть ребенка. Вывод был таков: патология у мальчика прежде была, но теперь он здоров.

Записала Наталья Сагань



Трифонова Ольга, проживающая в г. Ялте по ул. Боткинской, д. 8, кв. 11, свидетельствует о том, что исцелилась по молитвам святителя Луки от заболевания «рожи», когда 11 июня, в день памяти святителя, ездила в Симферополь и прикладывалась к его мощам.



Два месяца назад со мною произошел следующий случай. Ко мне обратилась моя дочь и рассказала, что ее сослуживец попал в аварию и ему сильно повредило ногу (ступню). В течение месяца его лечили в симферопольской травматологии, делали пересадку кожи. Нога не заживала — отторгалась кожа, гноилась рана. Дочь попросила меня помолиться за этого человека, которого зовут Виктор. Это было как раз после того, как протодиакон Василий Марущак на проповеди рассказал о святителе Луке. Так как состояние Виктора ухудшалось, я сходил в храм, чтобы помолиться об его здоровье и попросить помощи у святителя Луки.

Буквально на следующий день наступило улучшение. В течение недели нога зажила, больной был выписан из больницы, а я от всего сердца поблагодарил святителя Луку.

Василий Николаенко

Чудеса святителя Луки в Греции*

Архимандриту о. Нектарию Андонопулосу,
игумену монастыря Сагмата

Ваше Высокопреподобие, дорогой отец Нектарий!

Благословен и дивен Бог во святых Своих, освящающий угодивших Ему из рода в род, а через них и всех нас, обуреваемых житейскими печальми, суетой и тяготами, возводящий ко спасению, воздвигающий сонм святых в последние времена и сокрушивший ими красного дракона, показавший нам пример жизни и путь спасения. Среди сонма этих святых Господь благоволил возвести и святителя Луку, архиепископа Симферопольского и Крымского, и сподобил его небывалого чудотворения.

Дорогой батюшка, то, что я собираюсь поведать вам, я хранил в тайне на протяжении четырех месяцев, и поверьте мне, я бы не осмелился это обнародовать, если бы благословение моего духовника и искренний совет моих друзей не подтолкнули меня на этот шаг. Я был вынужден рассказать им о чудных вещах, происшедших со мной в течение двух дней, на протяжении которых честные мощи святителя Луки находились в храме Успения Пресвятой Богородицы, членом приходского совета которого я являюсь.

Впервые я узнал о святителе Луке в 1974 году, будучи студентом Афинского университета, из книги Н. Струве «Христианство в Советском Союзе», переведенной ныне Блаженнейшим Архиепископом Афинским Христодулом. Когда было объявлено о прибытии на наш остров святых мощей, я, сомневаясь в святости этого русского подвижника, по внушению сатаны стал говорить: «Вот на нас свалились новые святые... Скоро к нам привезут и мощи царя...»

* Эти письма адресованы архимандриту Нектарию Андонопулосу, настоятелю монастыря Сагмата в Фивах (Греция), написавшему книгу о свт. Луке. За короткое время вышло в свет несколько ее изданий.

На протяжении всей своей жизни я старался и стараюсь, не всегда конечно, чего греха таить, успешно, сохранить свою веру и жить согласно ей. Я всегда верил в чудеса. Даже тот факт, что Господь еще терпит и дарит мне и моей семье здоровье, ожидая от меня раскаяния, является для меня величайшим и продолжительнейшим чудом...

А сейчас я попытаюсь перенести на бумагу с сердечной простотой и искренностью, которая может показаться наивной и детской, не соответствующей моему возрасту и образованию, поразительные вещи, происшедшие со мной в те дни. Призываю на помощь ваше понимание и прошу простить меня за возможные речевые и другие ошибки, ибо я пишу, руководствуясь душой, а не разумом... Несмотря на вышеупомянутые сомнения, движимый внутренней силой, сам лично побеспокоился и подготовил место, где должны были находиться мощи святителя. Я встретил их, поклонился и тут же в храме на объявлении написал кондак, который был пропет на молебне.

Я не хотел уходить из храма... Даже сейчас я ощущаю сладостную и непередаваемую нежность, теплоту, которые наполнили меня. В четверг, 28 ноября 2002 г., я оставался со святителем Лукой до тех пор, пока он не покинул наш храм. Прощаясь с мощами, я непроизвольно сделал движение, которое, как я считаю, присуще женщинам: я коснулся мощевика носом. Необходимо сказать, что с февраля 2002 года на кончике моего носа образовалась ранка, которая долгое время не заживала и вскоре превратилась в небольшую опухоль размером с зернышко чечевицы. Мой друг, анестезиолог, обеспокоенный состоянием моего носа, посоветовал мне обратиться в местную больницу. Ответственный дерматолог сделал заключение, что необходимо хирургическое вмешательство, после которого может понадобиться и пластическая операция. Доктор подчеркнул, что никаким другим образом избавиться от этой настораживающей и

неэстетичной опухоли невозможно...

Прикладываясь к святым мощам, я ничего не просил и ничего не ожидал. Однако опухоль после этого начала постепенно уменьшаться. Я наблюдал за этим, но не осмеливался не то чтобы поверить в происходящее, но даже размышлять на эту тему. Через 15 дней я отправился в больницу, чтобы встретиться со своим другом анестезиологом. Каждый раз, когда мы виделись, он осматривал мою опухоль.

Осмотрев мой нос в этот раз, он стал ругать меня за то, что я отправился в Афины и сделал операцию, не предупредив его. Он бы мог послать меня к хорошему пластическому хирургу, и тогда на носу не осталось бы следов. На что я ему ответил: «Святитель был простым хирургом. Он не занимался пластическими операциями...» — и в этот момент содрогнулся от чувства умиления, которое испытывал к святителю.

Потом с сомнениями в душе я рассказал о случившемся отцу Эммануилу (Сириго), служащему в храме Преображения Господня, который мне и посоветовал связаться с Вами. «Святитель станет твоим покровителем, — сказал мне он. — Ты будешь его почитать».

Я преисполнился страха, когда осознал, что со мной произошло. Всевышний благоволил рассеять во мне сомнения по поводу святости святителя Луки Крымского, не только не наказав меня, но и щедро облагодетельствовав. Я с замиранием сердца подумал о том, что это письмо я мог бы писать вам сейчас, будучи сурово наказан за свое сомнение, внушенное мне лукавым. Кто? Я?! Вздумал стать судьей других? Я, достойный всяческого осуждения! Я достиг такой степени эгоизма, высокомерия, святотатства, что раздавал, основываясь на собственном частном мнении, свидетельства о святости и ставил под сомнения решения Церкви. Слава, Господи, Твоему несказанному долготерпению! Слава Тебе, Боже!

Дорогой отец игумен, я знаю, что «никакой глагол достоин воспеть дивная дела Его», но я нахожусь в расте-

рянности и поэтому призываю ваши богоугодные молитвы: смогу ли я оказаться достойным этого благодеяния? Смогу ли ответить «да» на этот призыв ко спасению? Или же повседневная суета омрачит мой разум и душу и я буду продолжать совершать те же ошибки, те же грехи и страдать теми же страстями?

У вас в монастыре находится неоценимое сокровище — мощи святителя Луки. Молите его, чтобы он стал ходатаем перед Господом за меня. Он обладает опытом повседневной жизни и стяжал дерзновение пред Господом. Самостоятельно я не могу. Я нуждаюсь в ваших молитвах и заступничестве святителя, дабы соделаться достойным его превосходящей всякое воображение любви.

Прилагаю в письме небольшое благодарственное посвящение святителю, согласно нашим православным традициям, с обещанием и надеждой посвятить ему, а значит и Господу Богу, ветхого, плохого себя, как это странно ни звучит. Господь Бог и избранный его святитель Лука столько преподнесли и преподносят для нашего спасения, а мы не можем справиться даже со своими страстями, неверием и эгоизмом!

Прошу вас, если это вас не затруднит, сообщите мне, пожалуйста, день празднования святителя и пришлите нам службу, если существует, и какую-либо из его икон, пусть даже бумажную, дабы мы могли чтить его память и на нашем приходе. С глубочайшим почтением

*Александрос Маркуизос, филолог
г. Эрмуполи, о. Сирос. 30 марта 2003 г.*



Настоящим письмом хотелось бы выразить хоть толику благодарности святителю Луке за то дивное чудо, которое он совершил надо мной грешным.

Меня зовут Иоаннис Пападакис. Я проживаю в городе Ираклио на острове Крит.

В субботу, 17 августа, я с семьей ездил поклониться мощам святых Евтихия и Касьяны. По возвращении я ощутил сильную головную боль. К вечеру у меня страшно разболелось левое ухо, а к утру из него пошел гной с кровью. Меня терзали страшные боли.

Я работаю певчим в храме святого Мирона. Как вы понимаете, в воскресенье утром мне необходимо было идти в церковь. Однако дотянуть до конца литургии я уже не смог и прямо с клироса отправился в больницу. Диагноз врачей был: «разрыв барабанной перепонки». Я через день ходил к доктору, потому что гной тек, не переставая. На шестой день во время осмотра профессор г-н Пападакис сказал, что в ухе есть какое-то образование, но необходимо наблюдаться дальше.

29 августа я посетил отца Хрисостома, у которого есть частичка мощей святителя Луки. В течение всего нашего разговора мощи святителя сказочно благоухали. Их насыщенный аромат кружил мне голову. Поскольку все предыдущие дни у меня была тенденция к потере сознания, я шутливо попросил батюшку: «Скажите им, чтобы они прекратили благоухать, иначе я упаду в обморок». «Отчего же? Что с тобой происходит?» — недоуменно спросил отец Хрисостом. Едва я закончил рассказ о нестерпимых мучениях с ухом, как батюшка тут же стал призывать на помощь святителя Луку и перекрестил меня его мощами.

В понедельник я снова отправился в больницу. Увидев меня, врач обеспокоено пригласил меня сесть в кресло. Посмотрев больное ухо, он сказал: «Прекрасно, а теперь давайте посмотрим больное ухо». С недоумением в глазах я сказал ему, что это и есть больное ухо, на что он, полный растерянности, воскликнул: «Нет, не может быть, это здоровое!»

Посмотрел второе ухо и не поверил своим глазам: «Не может быть. Оба уха здоровы».

Все это благодаря чудному вмешательству великого целителя и пастыря святителя Луки Крымского. Благо-

дарю тебя, честный отче, всеми силами своей грешной души. «Дивен Бог во святых Своих...»

Святителю Луко, целителю душ наших и тел, моли всещедрого Бога о моей семье, о всем мире и обо мне, грешном. Слава Господу за все!



Честный отче! По профессии я — врач-терапевт. Работаю в больнице города Ксанфи. Пишу Вам, движимый любовью к святителю Луке и желанием поделиться с Вами поразительным чудом, свидетелем которого я стал.

В начале июня предыдущего года я нес в больнице дежурство. Привезли мать с сыном, мусульман по вероисповеданию, случайно отравившихся смертоносным ядом против насекомых. В течение 12 часов я всеми силами боролся за их жизни, однако их состояние, а особенно состояние матери, неизменно ухудшалось.

Примерно в пять часов утра следующего дня женщина впала в кому, и наступление смерти было для нее вопросом нескольких минут. Тогда я взмолился про себя: «Святителю Луко, целителю душ и телес! Сделай так, чтобы эти люди спаслись, пусть они и мусульмане и не познали нашей веры». Я был очень расстроен, что у меня не было с собой той частицы мощей святителя, что вы доверили нам с супругой во время нашего посещения вашей обители в мае 2001 года. Едва я закончил слова молитвы, как над телами страждущих словно прошла чья-то невидимая рука. Конечно же, не чья иная как чудотворца Луки, показавшего нам, что у любви Божьей нет пасынков, но лишь одни дети. Состояние матери явно улучшилось, и мы смогли отправить ее с кислородной подушкой в реанимацию в город Салоники, откуда спустя 20 дней она выписалась. Молодой человек пришел в себя через несколько часов и спустя два дня так же выпи-
сился совершенно здоровым.

Родственникам этих людей я сказал, что своим спасением они обязаны не мне, однако на множество их вопросов так и не смог дать вразумительного ответа. Я подумал написать им письмо, но это для меня затруднительно, так как отношения православных с мусульманами в нашей стране весьма неоднозначны. Будьте добры, посоветуйте мне, как правильно поступить в этой ситуации.

С тех пор мое благоговение к чудотворцу Луке, зародившееся еще при ознакомлении с его житием, весьма укрепилось. Святитель Лука стал для меня достойным подражания примером в жизни. Поминайте, пожалуйста, нас грешных и недостойных.

*Прошу вашего благословения,
Василис Пападопулос, врач г. Ксанфи, 14 апреля 2002 г.*



Игумену Нектарию
Святая обитель Сагмата

Наш восьмилетний сын, Левтерис Кацанис, в августе 2002 года неожиданно начал хромать. Консультации у многих видных врачей, детских специалистов-ортопедов, выявили у него остеохондроз в левом бедре и деформацию головки бедра. Все три врача рекомендовали немедленное хирургическое вмешательство, остеотомию с использованием титанового стержня, после чего необходимо было наложить гипс на обе ноги. Затем доктора прописывали ребенку как минимум шестинедельную неподвижность. Врач настаивал на стационарном лечении нашего мальчика.

Мы были шокированы услышанным. Посоветовавшись друг с другом, мы решили забрать ребенка под свою ответственность домой, где запретили ему двигаться. На следующий день наши братья привезли нам из святой обители Сагмата, что близ Фив, икону и жизнеописание

святого Луки, о котором до того момента мы никогда ничего не слышали, а также маленькую частичку земли с его могилы. Услышав о чудесах святителя, мы возложили на него все свои надежды. Так, отец выразил инициативу и взял на себя ответственность привезти ребенка в монастырь буквально на своих руках, несмотря на рекомендации врачей, которые запретили любое движение, — дабы дитя смогло поклониться честным мощам. Как благословение вы дали ему маленькую крупицу от сердца святителя, что он посчитал особой честью и выразил желание остаться в монастыре на целый вечер. С тех пор мы ежедневно читали акафист святителю Луке и не переставали читать «молитву за страждущего».

По истечении пяти дней мы отправились в больницу с целью сделать последние анализы перед операцией, где с нескрываемым удивлением услышали, что необходимость в операции отпала, поскольку произошло неожиданное улучшение. Нам посоветовали на всякий случай избегать лишних движений и передвигаться при помощи костылей в течение месяца, после чего сделать повторный осмотр. Необходимо сообщить, что по дороге домой мальчик спросил у нас: «Кто был тот дедушка с белой бородой, посетивший нас вчера днем в три часа?» Видя наше недоумение, сын еще с большей настойчивостью стал спрашивать мужа: «Папа, ты что, его не видел?»

Он рассказал нам, что к его кровати подошел дедушка. Сначала он подошел со стороны ног, а затем приблизился к нему почти вплотную и пытался его успокоить. Мальчик почувствовал прохладу и ощутил дуновение ветра. Тогда дедушка дунул на его ногу и благословил кусочком своего сердца — благословение из монастыря Сагмата, постоянно пребывающее на его тумбочке. Он ушел, словно дуновение ветра, и ребенок снова ощутил прохладу.

Со слезами на глазах мы прославили Всевышнего и поблагодарили святителя Луку за его чудесное вмешательство. Мы надеемся, что святитель будет оберегать нашего ребенка на протяжении всей его жизни.

Горячо благодарим отцов вашей святой обители,
которые помогли нам своими молитвами.

Харула Сахпелиду-Кацари



Дорогой отец Нектарий, благословите!

С благодарностью пред Господом вспоминаем ваш незабываемый приезд в нашу обитель. Просто и скромно, как это обычно о Господе, вы соделали нас участниками Его несказанных таинств, преподнося нам величайшее из чудес Христовых — живое присутствие Его святого! А тем более, что этот угодник Божий был святителем и исповедником, аскетом и учителем, бессребреником и врачом. Святитель Лука, архиепископ Симферопольский и Крымский!

О присутствии в нашей жизни этого Христова святителя вы попросили рассказать в форме небольших историй. Трудно передать великие и глубокие изменения наших душ, тонкие трепетания сердца человека, неопишимо благодарного за исцеление, за живое присутствие благодати Божией, явленной в лице святого угодника.

1) Н.Ф. 14-летнего возраста юноша. Он страдал раком лимфатических узлов, прошел химиотерапевтическое лечение со всеми его классическими последствиями и находился в стадии долечивания. Появившаяся новая опухоль свидетельствовала о том, что болезнь вспыхнула с новой силой. Лечащие врачи в пятницу созвали консилиум и решили о срочном возобновлении химиотерапии с понедельника. Безысходность своих страданий родители обратили в молитву, прося сестер нашей обители молить Бога о выздоровлении их единственного сына. Сестры, особенно почитавшие святителя Луку — целителя, молили его о заступничестве пред Господом и послали страдавшим родителям небольшое благословение — икону святителя и немного земли с его могилы.

В понедельник утром были сделаны повторные анализы, которые неожиданно оказались диаметрально противоположными. Не проявилось ни одного признака болезни, опухоль исчезла, и лечащие врачи, не скрывая своего изумления, засвидетельствовали новые данные и были вынуждены изменить заключение о болезни и выписать Н.Ф. совершенно здоровым из больницы.

Святитель Лука, чье присутствие в нашей жизни живо и неоспоримо, с отцовской любовью и сочувствием взял на себя заботу об исцелении страждущего отрока.

2) Семидесятилетний П.П. находился на стационарном лечении в больнице. По неосторожности врачей ему была занесена инфекция. Развитие новой болезни было стремительным, и очень быстро возникла опасность потерять единственную почку. Состояние больного оценивалось как «очень тяжелое». Горячая молитва святителю Луке и благодать святого целителя стали преградой для естественного развития событий, и П.П., благодаря милости Божией и молитвам святителя Луки, на сегодняшний день совершенно здоров.

В завершение еще раз хотим выразить вам, уважаемый отец игумен, свою благодарность за то, что вы открыли нам святого Божьего, святителя Луку, и подарили нам его благодатное живое присутствие.

*С глубоким уважением
инокиня Теология и сестры во Христе*



Уважаемый отец Нектарий!

Две недели назад мой сын, находящийся на учебе в Токио, заболел кишечной непроходимостью. С сильными болями в животе он пошел в больницу, где ему сказали, что если недуг не пройдет сам по себе, то потребуются операция. Он был там совершенно один, и только одна женщина-врач, православная по вероисповеданию,

подошла поговорить с докторами, ибо окружающая среда там совсем иная, чем у нас в Греции. Мы, его родные, не могли ничем ему помочь, кроме как молиться за него. Как Вы знаете, я почитаю святителя Луку с тех пор как впервые, еще студентом, услышал о нем. Это было в пятидесятых годах; тогда он был еще жив. Узнав из вашей книги, что его канонизировали, я отправился в Симферополь поклониться его мощам.

Я заказал первую в Греции икону святителя Луки, которая находится всегда рядом с иконой моего покровителя — святого апостола и евангелиста Луки. Моя молитва за сына была направлена святому коллеге, хирургу и специалисту в области опухолей. Я настойчиво, на протяжении 3-4 дней, молил его помочь моему сыну. Опухоль исчезла. Сын мой сейчас находится в полном здравии, и мы были в монастыре Сагмата и поблагодарили нашего небесного покровителя.

Слава Богу и Его святому врачевателю Луке, архиепископу Симферопольскому и Крымскому, который не оставил нас и в таком далеком Токио.

*С уважением и любовью Г.Е. Пиперакис,
микробиолог, профессор Афинского Университета
г. Афины, 23 октября 2000 г.*



Зовут меня Мария Франгидаки. Я проживаю в городе Ираклио на острове Крит. Как многие верующие христиане, я хочу рассказать вам о чуде, совершенном святителем Лукой моему мужу.

Моему мужу 38 лет. На протяжении последних шести лет он страдает от абсцесса, в результате которого у него образовался свищ. Его оперировали шесть раз, но безрезультатно. Состояние мужа ничуть не улучшилось. На седьмой раз его прооперировал в клинике при Ираклийском университете один известный благочестивый хирург. После многочисленных посещений я сделала

вывод, что это человек Божий. Он поделился с нами опасениями, что, вероятно, придется снова делать операцию. Но поскольку в течение последнего месяца их уже было сделано две при полном наркозе, то необходимо было немного выждать. Мы запаниковали, опасаясь за состояние мужа.

Однажды я отправилась в расположенную недалеко от нас деревню Пиргос. Там я поделилась своим горем с одной женщиной и сказала ей, что начала терять надежду. Тогда та рассказала мне о святителе Луке Крымском. Ее речь пылала любовью и верой. Подарив мне книгу с жизнеописанием и подвигами святителя, она от всей души посоветовала призвать на помощь угодника Божия, чтобы он своей святой рукой помог моему мужу.

С великой верой и умилением я прочитала подаренную книгу. Когда я читала о его чудотворениях, о том, как поклонившиеся его могиле люди выздоравливали, я подумала, как жаль, что я не могу совершить такое же паломничество. От всей души я обратилась к святителю, чтобы он своей чудодейственной десницей исцелил моего мужа.

И вот его благодать услышала мою молитву. На следующий день, посетив врача, как это полагалось делать каждый месяц, мы с великой радостью услышали невероятную новость, что операций больше не будет.

Тогда я рассказала доктору, что весь предыдущий вечер я молилась святителю Луке, и предложила ему в знак благодарности книгу о святом угоднике. Каково же было мое удивление, когда доктор сказал, что прекрасно знает этого святого и читал эту книгу. Тогда я поняла, что исцеление мужа было не случайностью, а настоящим чудом, что святой слышит каждую, сотворенную с горячей верой молитву, как услышал и мою. Преклоняюсь перед его благодатью.

P.S. Недавно я узнала, что частичка его сердца и мощей находятся у викария Гортинии и Аркадии архимандрита Хрисостома в Мирах Ираклийских. Мы обязательно отправимся в паломничество и поклонимся им.

22 ноября 2000 г.



Книга архимандрита Нектария Антонопулоса «Архиепископ Лука» попала мне в руки в мае 2002 года — подарок сестры (я по профессии врач-гинеколог). Невероятно, как поменялась моя жизнь после прочтения этой книги.

С декабря 1999 года у меня появилась серьезная проблема с глазами, сначала с левым (отслоение сетчатки), а затем и с правым. Операция лазером мне не только не помогла, но зрение даже ухудшилось. Врач, у которой я наблюдалась, была сильно озадачена, потому что мой случай был из тяжелых. Она сомневалась в выздоровлении и прогнозировала слепоту. Доктор назвала дату следующего посещения с целью назначения новой операции. Но к тому времени она заболела.

Наступил август, и я решила прочитать подаренную книгу о святителе Луке. Помню, что была ночь, когда я приступила к чтению, и поскольку книга очень хорошо написана, я быстро продвигалась. Дойдя до сорок пятой страницы, я заметила, что стала видеть с совершенной четкостью (на этой странице описывался случай исцеления одного слепого самим святым посредством хирургического вмешательства). В тот момент я видела также хорошо, как и до заболевания. В течение часа я прочитала 96 страниц, чтение было в удовольствие. На следующий вечер, когда я продолжила читать книгу, произошло то же самое. Поняв, что что-то происходит, я поспешила закончить книгу и решила, что этот святой исцелит и меня.

У меня было непреодолимое желание поклониться мощам святого. Но как это сделать? Россия находится так далеко. Ответ на вопрос я нашла на последних страницах книги, где упоминалось, что частичка мощей святителя находится в монастыре Сагмата около Фив. Таким образом, через два дня я уже была в монастыре

и сподобилась поклониться честным мощам много претерпевшего мученика и исповедника. Уникальное мгновение, незабываемое волнение. Облегчение и радость наполнили мою душу.

Прошло несколько месяцев. Я встретила с моим лечащим врачом. После осмотра ни она, ни я не могли поверить своим глазам. Зрение полностью восстановилось, следа не осталось не только от болезни, но и от операции. Благодарю святителя и молю Бога сподобиться поклониться раке с его честными мощами в Крыму.



У меня наблюдалась госпожа Е. К., у которой должна была родиться двойня. На 34 неделе беременности (8-й месяц) женщина внезапно позвонила мне и с сильным волнением сообщила, что ее живот стал как камень. Обследовав ее на дому, я поняла, что наступают роды. Я сразу же ввела ей Dexamethasone (препарат известный еще как Celestone), чтобы подготовить легкие младенцев для преждевременных родов. Необходимо заметить, что это лекарство начинает действовать лишь спустя 24 часа. Я посчитала, что оно необходимо, поскольку лишь один Господь знает, когда наступят роды.

При мне была маленькая частичка сердца святителя. Я перекрестила ею живот беременной женщины и поместила частичку в пустую коробочку из-под только что данного больной лекарства. Было 16.20, когда все это произошло, и я отправилась в свой частный кабинет.

Не пробило и пяти часов, как перепуганная женщина снова позвонила мне и сообщила, что у нее началось кровотечение. Выслушав больную, я велела ей немедленно ехать в роддом. У нее произошло отслоение плаценты — одно из трех самых тяжелых осложнений при беременности, при котором возникает угроза для жизни и детей, и матери.

Операционная была срочно подготовлена для кесарева сечения. Однако поскольку эта операция была внеплановой, у нас совершенно не было крови для переливания. Не было также и времени ждать, потому что кровотечение усилилось, и женщину стали терзать страшные боли. Помимо этого возникла еще одна проблема: роженица поела три часа назад, и ей было опасно применять общий наркоз, а для эпидуральной анестезии не была готова техника, поскольку для подготовки анестезиологу требовалось около 40 минут.

От происходившего я впала в уныние и стала просить про себя святителя Луку прийти мне на помощь и укрепить меня в предстоящей операции. Молитва взбодрила меня, и я ощутила в себе небывалую силу. Смелой рукой я сделала надрез на животе. В матке было обнаружено много крови. В 18.03 родился первый ребенок, который наглотался столько крови, что его животик вздулся. В 18.04 родился второй ребенок. Оба новорожденных сразу же заплакали. Кровотечение роженицы стало контролируемо.

Операция завершилась успешно. Состояние женщины оставалось стабильным на протяжении всей операции, и она довольно легко вышла из наркоза. Все прошло замечательно благодаря вмешательству святителя.

Я еще раз хочу поблагодарить угодника Божия за то, что он не только спас жизнь женщины и двоих ее детей, но и укрепил меня, став мне незаменимым в тот момент помощником и соратником в хирургической палате — месте столь тонком и опасном.

В тот же вечер около полуночи новорожденных перевели из кислородной камеры, и они стали дышать сами, без какой-либо технической поддержки. Когда педиатры узнали о том, за сколько времени до родов был введен Dexamethasone, они не могли поверить в успешность результата. А, ведь, действительно, вместо необходимых для действия препарата 24 часов прошло всего лишь каких-то полтора часа! Святитель Лука и здесь совершил чудо.

В последующие дни новорожденные вскармливались как положено, ничем внешне не отличаясь от доношенных детей. Общий анализ крови был в норме, и все трое вскоре были выписаны из роддома без каких-либо осложнений.

Святителю Луко Крымский, моли Бога о нас! От всего сердца благодарю тебя.

*Бетти Перистеропулу, хирург-гинеколог,
г. Афины. Сентябрь 2002 г.*

Перевод с греческого иерея Д. Гоцкалюка

Постскриптум

Наша книга уже была сверстана, когда Издательство получило еще несколько материалов о жизни дорогого Святителя. Прежде всего — это его собственное Слово, сказанное в день восьмидесятилетия, из которого ясно видны цельность, решимость и глубочайшее духовное мужество этого великого человека.

Удивительным фактом была и публикация «Литературной газеты» от 13 апреля 2005 г., в которой корреспондент из Омска Н. Яковлева в заметке «Красноармеец из окопа» рассказала о судьбе ветерана М. В. Бубликова. Светское издание, печатающее рассказ об очередном исцелении, полученном воином от Господа через руки хирурга Войно-Ясенецкого, свидетельствует о поистине всенародной известности Святителя Луки.

Эти два небольших, но очень ценных материала, вместе с фотографиями, тоже поступившими к нам позднее, мы помещаем в Постскриптуме от Издательства, чтобы донести их до нашего читателя.

Слово в день восьмидесятилетия

Да не покажется вам самохвальством то, я хочу вам сказать, ибо истинно говорю, что не ищу славы своей, а славы Пославшего мя.

В книге Товита читаем важные слова: «Тайну цареву хранить прилично, а о делах Божиих объявлять похвально».

Именно о великих делах Божиих, явленных в жизни моей, хочу я вам говорить. Знаю, что много, много людей недоумевают о том, как мог я, достигнув славы ученого и весьма крупного хирурга, оставить хирургию и науку и стать проповедником Евангелия Христова.

Думающие так глубоко ошибаются, считая, что невозможно совместить науку и религию. Это совершенно неверно, ибо знаем мы из истории науки, что даже гениальные ученые, подобные Галилею, Ньютону, Копернику, Пастеру, нашему великому физиологу Павлову — были людьми глубоко религиозными.

Знаю я, что и среди нынешних профессоров есть очень много верующих людей, просящих у меня благословения.

Не разубедим мы тех, которые осуждают меня за то, что я стал священником и епископом. Оставим их.

Но должен я вам сказать, что и сам я считаю уязвимым и непостижимым то, что сотворил со мною Господь Бог, ибо, оглядываясь на свою прошлую жизнь, ясно вижу, как неведомо для меня Господь уже с юных лет моих вел меня к священству, о котором я сам никогда не помышлял, ибо страстно любил хирургию и всей душой был предан ей. Она глубоко удовлетворяла мое всегдашнее стремление служить бедным и страдающим людям.

С удивлением вспоминаю о том, что случилось 60 лет тому назад, когда я окончил гимназию и на выпускном акте получил от директора гимназии аттестат зрелости, вложенный в Новый Завет. Я читал его и прежде, а теперь снова прочитал с начала до конца. Я отмечал все то, что производило на меня сильное впечатление. Но ничто не поразило меня так, как слова Господа Иисуса Христа, сказанные Его Апостолам при виде созревшей нивы:

«Жатвы много, а делателей мало. Итак молитесь Господина жатвы, чтобы послал делателей на ниву Свою...»

Сердце у меня дрогнуло от этих слов, и я мысленно воскликнул: «Как, как, Господи, неужели у Тебя мало делателей на ниве Твоей!?»

Я на всю жизнь запомнил эти слова.

Прошло много лет. Я получил степень доктора медицины за свою диссертацию «Регионарная анестезия», удостоенную очень крупной премии. Я был земским вра-

чом, целителем недугов крестьян и рабочих и находил в этом глубокое удовлетворение.

Прошло еще несколько лет, и я решил написать очень нужную книгу по гнойной хирургии. Когда я написал предисловие, вдруг был поражен странной, упорно не оставляющей меня мыслью: «Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа». Откуда?! Что такое? Какой епископ?!

Повторяю, я никогда не помышлял ни о священстве, ни о сане епископа.

И тем не менее через несколько лет эта странная, неясная мысль стала действительностью: свою книгу «Очерки гнойной хирургии», ставшую потом весьма знаменитой, я предполагал издать двумя выпусками и, когда закончил первый выпуск, то написал на заглавном листе «Епископ Лука — очерки гнойной хирургии», ибо тогда я уже был епископом.

А стал я им совершенно неожиданно для самого себя, по явному призванию Божию.

В Ташкенте, где в то время я был главным врачом и хирургом городской больницы, происходил епархиальный съезд, в котором и я принял участие, и по одному очень важному вопросу выступил с большой горячей речью.

По окончании съезда епископ Иннокентий взял меня под руку, довел на панель, окружавшую кафедральный собор, и говорил о глубоком впечатлении, которое произвела на него моя горячая речь. Вдруг он остановился, посмотрел мне в глаза и сказал: «Доктор, вам нужно быть священником». Как ни далек я был от этой мысли, этот призыв к священству устами архиерейскими я принял как Божий призыв и, ни минуты не раздумывая, ответил: «Хорошо, Владыка, буду».

В ближайшее воскресенье я был посвящен во диакона, через неделю во священника и стал младшим священником кафедрального собора. Я сразу развил большую проповедническую деятельность и проводил внебогослу-

жебные беседы. А на диспутах с безбожниками побивал их нещадно.

Через 2 года 4 месяца я стал епископом, и уже в этом сане Господь привел меня в дальний город Енисейск. Все священники этого города, сверкавшего множеством церквей, как и все священники областного центра Красноярска, уже были живоцерковниками и обновленцами. Богослужение я должен был поэтому совершать, с тремя сопровождавшими меня священниками, в своей квартире.

И вот однажды, когда я вошел в зал, чтобы начать литургию, я увидел стоявшего у входной двери пожилого монаха. Глядя на меня он точно остолбенел и даже не поклонился мне.

Вот почему это с ним случилось: православные люди г. Красноярска, не хотевшие молиться со своими неверными священниками, избрали этого монаха и послали в г. Минусинск, к югу от Красноярска, к жившему там православному епископу для рукоположения во иеромонаха. Но какая-то неведомая сила повлекла его не на юг, а на север, в Енисейск, где жил я. Он рассказал почему так остолбенел, увидев меня: 10 лет тому назад, когда я еще жил в средней России, он видел сон: ему снилось, что неведомый ему архиерей рукополагал его в сан иеромонаха. Увидев меня, он узнал этого архиерея.

Итак, уже 10 лет тому назад, когда я был только хирургом Преславль-Залесской больницы, я уже числился архиереем у Бога.

Вы видите, таким образом, как неуклонно в течение десятков лет Господь Бог вел меня к архиерейскому служению в трудное для Церкви время.

На мне сбылись слова Апостола Павла в посл. к Римлянам: «Кого Бог предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями. А кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал, а кого оправдал, тех и прославил».

Еще не мало удивительного о Божием руководительстве моей жизнью мог бы я рассказать, но думаю, что и сказанного достаточно, чтобы все вы воскликнули вместе со мною: Богу нашему слава во веки веков! Аминь.

27 апреля 1957 г.



После операции

— Обнажусь немножко, — сказал Михаил Васильевич Бубликов и снял штаны. — Ничего в этом особенного и нет.

Вошедшая в комнату супруга Бубликова, Раиса Петровна, аж руками всплеснула:

— Опять ты, Миша, чудишь! Хотя и в самом деле ничего особенного Михаил Васильевич не показал. Лишь несколько старых шрамов на колене. Михаилу Васильевичу собрали колено из осколков более 60 лет назад, в военном госпитале. 9 сентября 1941 года товарищи вытащили красноармейца из окопа, полузадушенного осыпавшейся землей. То, что почти напрочь раздроблен сустав левой ноги, Михаил поначалу и не почувствовал. Во все глаза глядел на соседа-однopolчанина, которого достали из-под земли совершенно седым.

Санинструктора рядом не оказалось, остановили кровь как могли, попросту напихав ваты в рану, дали солдату кружку вина, забросили в грузовик. И повезли по госпиталям — сначала в Киев, потом в Харьковскую область, потом в Красноярск. Полгода нога болела и гнила. В Красноярском эвакогоспитале строгая доктор Анна Ханановна, только глянув, проговорила: «Будем резать». Сказала, как будто уже отрезала. 20-летнему пареньку показалось, что жизнь кончается — как дальше-то калекой, без ноги, существовать?

А вечером вдруг поднялся переполох. Говорили, будто приехал какой-то «святой» — то ли хирург, то ли поп, но творит чудеса.

Нынче Михаилу Васильевичу исполнилось 82 года. И все шесть десятков лет он с благодарностью вспоминает профессора медицины Войно-Ясенецкого, прошедшего Русско-японскую, Первую мировую войны. Когда большевики начали разрушать храмы, Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий стал священником. Причем врачебной деятельности не прекращал. Даже в ссылке за Северным полярным кругом, куда военно-полевого хирурга сослали за «контрреволюционную деятельность». Заключалась она, собственно, в искренней вере в Бога и в столь же искреннем неуважении к советской власти. Когда началась Великая Отечественная война, Войно-Ясенецкий попросился на фронт, пообещав отбыть ссылку после Победы. Его назначили главным хирургом эвакогоспиталей войсковой части 1515. В одном из них и посчастливилось его встретить рядовому Михаилу Бубликову.

Михаил Васильевич считает, что хирург сохранил ему не просто ногу; а жизнь. Очнувшись после операции, он спросил врача: «Я ходить смогу хоть немножко?» На что суровый доктор неожиданно улыбнулся: «И ходить будете, и плясать до глубокой старости, если маленько себя побережете».





Среди ташкентской паствы





Последние годы Святителя

ПОСТСКРИПТУМ





Редкий отдых

ПОСТСКРИПТУМ





ПОСТСКРИПТУМ





Младший сын святителя Луки, Валентин Валентинович Войно-Ясенецкий, руководитель лаборатории патологоанатомии НИИ глазных болезней и академик В. П. Филатов

На Литургии при освящении новой раки Святителя. Внучка свт. Луки, главный патологоанатом Одесской области Ольга Валентиновна (сидит), ее дочь Татьяна (крайняя справа), ученица В.В. Войно-Ясенецкого, профессор НИИ им. Филатова Н.Ф. Боброва и главврач ГКБ № 7 г. Одессы В.И. Бобров

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИТИЕ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ

5

Предисловие

7

Детские и юношеские годы

9

Университет. Начало деятельности

13

1917 год. Первые испытания

19

«Доктор, вам надо быть священником!»

23

Начало архиерейского служения. Первый арест

30

Тюрьма и ссылка

34

Возвращение из первой ссылки

43

Второй арест и ссылка.

45

Возвращение из второй ссылки. Испышания

50

Третий арест и ссылка

53

Третья ссылка. Война

60

Служение на Красноярской кафедре

62

Служение на Тамбовской кафедре

67

Служение на Крымской кафедре

72

Кончина святителя.

Посмертная помощь страждущим

100

Решение о канонизации святителя Луки.
Обретение его святых мощей
106
Прославление святителя Луки
109
День памяти исповедника Луки
116
Библиография
118

ТРУДЫ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ
121
Рождественские послания
123
Пасхальные послания
128
Противосектантские проповеди
133
Указы
168

СВЯТИТЕЛЬ ГЛАЗАМИ АТЕИСТОВ
201
Доклады уполномоченных
205
Примечания
324

ЧУДЕСА СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ
333

ПОСТСКРИПТУМ
398

Протодиакон Василий Марущак

СВЯТИТЕЛЬ-ХИРУРГ

Житие архиепископа Луки

(Войно-Ясенецкого)

Цензор - архимандрит Лука (Пинаев)

Редактор - Малягин Владимир

Художник - Григорьев Александр

Компьютерный дизайн - Гришина Ольга

Компьютерный набор - Божевольнова Татiana

Корректор - Ремизова Мариамна

Допечатная подготовка - Клыгин Димитрий

Редактор - Рина Замтарадзе

Лицензия ЛР № 030571 от 20 октября 1998 г.

Подписано к печати 27.07.2005

Формат 70x100 ¹/₁₆ Печ. л. 26. Тираж 3000 экз.

Заказ № 257

Издательство «ДАНИЛОВСКИЙ БЛАГОВЕСТНИК»

115191, Москва, Даниловский вал, 20

Віддруковано у ДП «Видавництво та друкарня «Таврида».

Україна, 95044, м. Сімферополь, вул. Ген. Васильєва, 44.

